

ТИРАНИЯ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Роберт К. Масси

ТОМ I

ББК 63.3(2)
М 32 УДК 947

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского *Н. Л. Лужецкой*

Научный консультант *проф. Е. В. Анисимов*

Общая редакция *Н. Ф. Rogovskoy*

Художник *А. А. Шуплецов*

Масси Р. К.

М 32 Петр Великий: В 3 т. Т. I./Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой; Общ. ред. Н. Ф. Роговской; Худож. А. А, Шуплецов.— Смоленск: Русич, 1996.— 464 с.— (Тирания).

ISBN 5-88590-497-9.

Знаменитый американский историк в своем монументальном труде «Петр Великий» снова обращается к исследованию царской династии Романовых.

Основанная на обширном фактическом материале книга показывает личность легендарного русского царя во всей ее сложности, противоречивости и величии. Не ограничиваясь биографией Петра, автор предлагает читателю массу информации о петровском времени, обо всех важнейших событиях и крупнейших государственных деятелях той эпохи.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

М 9470000000

ISBN 5-88590-497-9 (т. 1) ISBN 5-88590-496-0

ББК 63.3(2)

© «Peter The Great» by Robert K. Massie, 1980

§ Перевод. Н. Л. Лужецкая, 1996 Составление, разработка серии. «Русич», 1993

© Оформление. А. А. Шуплецов, 1996

С ЛЮБОВЬЮ К РОССИИ

В Соединенных Штатах Америки, нет, пожалуй, ни одного крупного книжного магазина, в котором бы вы не увидели книгу Роберта Масси «Петр Великий». По крайней мере, мне эта книга попадалась всюду, по всей Америке. Она стояла всегда в первом ряду отдела, посвященного России, рядом с книгами о Сталине, Горбачеве или перестройке. Не будем забывать, что в Америке и в других странах развитого книжного бизнеса книги, которые не читают и не спрашивают покупатели, очень быстро исчезают с магазинных полок, а их регулярные, по мере спроса, допечатки прекращаются. Книге Масси «Петр Великий» выпала счастливая судьба: с момента, когда она стала бестселлером и автор удостоился за нее высшей журналистской награды Америки — Пулитцеровской премии (страстная мечта каждого уважающего себя американского журналиста!), прошло пятнадцать лет, а книга по сей день издается и, значит, она читается в стране, в которой о Петре Великом мало кто слышал. И вот настал знаменательный момент в ее истории — смоленское издательство «Русич» выпускает в свет «Петра Великого» в русском переводе. Она становится доступной огромной массе русских читателей, которые знают о Петре во много раз больше, чем американцы. И" тем не менее, ни мне, ни издательству не стыдно отправить книгу Р. Масси в плавание по бурному книжному

рынку России - дело благое, книга эта хорошая, интересная, добрая.

Ее главные достоинства определяются несомненным талантом автора. Роберт К. Масси родился в городе Лексингтон штата Кентукки в 1929 году. Он изучая историю Америки в Йельском университете США и новую европейскую историю в Оксфордском университете в Англии. Р. Масси — автор многих исторических работ, но особую и громкую известность он получил как автор книги «Николай и Александра», написанной в соавторстве с женой Сьюзен Масси — крупным историком и знатоком России. В этой книге предпринята блестящая попытка реконструировать мир семьи последнего царя династии Романовых, показать масштабы и глубину трагедии, которая постигла царскую чету, чей единственный сын, цесаревич Алексей, оказался болен неизлечимой болезнью - гемофилией. Одна из последних книг Р. Масси называется «Дредноут». Она посвящена истории начала первой мировой войны 1914—1918 годов, острому соперничеству между двумя могущественными империями, Германией и Великобританией, в предвоенный период.

Предлагаемая читателю книга Масси «Петр Великий» написана иначе — это типичная биография, история одной жизни в контексте истории. О Петре Великом написаны горы

литературы — научные монографии, научно-популярные работы, документальные повести и романы. Поэтому читатель вправе спросить: а чем же интересна именно эта книга, зачем нужно было везти из-за моря эту «телушку».

Отвечать на этот справедливый вопрос легко и приятно. Во-первых, книга Р. Масси до краев наполнена информацией о Петре и его времени. Автор отразил все важнейшие события царствования Петра, не пропустил ни одного крупного деяния царя, рассказал о всех крупнейших государственных деятелях той эпохи. Конечно, в центре книги — исполинская, гениальная личность

Петра I, которая показана автором во всей ее сложности, противоречивости и одновременно — величии. Книга Масси для того читателя, который не занимается специально историей, но любит ее, интересуется Петром и его временем. Прочитав и поставив на полку книгу Масси, такой читатель не прогадает — более обстоятельной, пространной и добросовестной научно-популярной работы на эту тему на сегодняшний день не существует.

Во-вторых, это не упакованная в блестящую обложку выдумка на историческую тему под видом «исторического романа». Здесь читатель может быть спокоен — его не будут водить за нос историческими анекдотами, пересказанными на десятках страниц в виде диалогов и монологов. Масси работал над книгой как добросовестный историк: он хорошо изучил англоязычную литературу о Петре, познакомился с важнейшими русскими работами, он привлек обширный круг русских и иностранных документов — дипломатических посланий, мемуаров, законодательных актов, писем и бумаг Петра и его сподвижников. Автор щедро цитирует эти документы, что придает особую достоверность повествованию, позволяет читателю ощутить дуновение ветра истории, ее аромат. Конечно у меня как историка-профессионала, специалиста по истории петровского времени, есть и претензии к автору. Где-то он судит о событиях излишне поверхностно, где-то я не согласен с его трактовкой исторических процессов, объяснением тех или иных явлений. Но это обычные «рабочие» разногласия; придет еще один специалист — и у него появится свое, отличное от нашего, мнение. Главное же в другом — книга Масси основана на доброкачественном, полноценном историческом материале, с которым автор обращался весьма бережно и внимательно.

В-третьих, книга Масси существенно отличается от многих современных отечественных работ о Петре Великом тем, что написана человеком, который хорошо знаком с историей европейских стран. Масси пришел к познанию личности великого царя через постижение истории Европы того времени. Историческая действительность у Масси не распадается — как это нередко бывает в наших отечественных работах — на разделенные высокой стеной мир России и далекий, весьма схематичный мир Европы. У Масси существует единый мир истории того времени, в котором есть место и маленькой Голландии, и блестящей Франции, и великой России. Да и восхищение Масси Петром I не слепо: оно проистекает из знания европейской истории, ее выдающихся деятелей. Автор непредвзято, с открытыми глазами может судить о величии царя-реформатора. Ценность книги Масси и в том, что он видит всю грандиозную картину, которую видим и мы, русские историки, — но немного с другой позиции, в несколько иной плоскости. В его рассказе появляются какие-то новые для нас черточки, детали. В итоге, вся картина событий становится более полной, глубокой, "многоцветной и живой.

В-четвертых, Масси — прекрасный писатель. Он великолепно владеет пером, он умеет на малом пространстве главы создать свой особый мир, сотканный из фактов, ощущений и впечатлений. Этот мир уютен и одновременно увлекателен для читателя. Масси работает и как историк, и как писатель. Как историк он собирает документы, читает книги, делает выписки. Но писателю этого мало — у него возникает потребность побывать в том самом месте, где много лет назад был Петр, пройти по тем же камням, по которым некогда стучали башмаки русского царя. Он должен своими глазами увидеть тот пейзаж, который, возможно, почти три столетия назад, открылся перед взором Петра. Да, время неумолимо меняет лицо земли, искажает старинные абрисы городов, но все же что-то остается, и зоркий взгляд

историка и писателя позволяет подчас многое увидеть сквозь завесу времени, восстановить, домыслить, прочувствовать

и — передать читателю. В исторической литературе мне редко приходилось встречать такие яркие и запоминающие описания городов конца XVI — начала XVIII веков. Москва, Амстердам, Париж, Лондон, Вена, Стамбул встают перед читателем во всей своей красочности и разнообразии. Читатель может вполне довериться Роберту Масси и совершать с ним исторические вылазки по этим городам, знакомиться с государями и другими важными особами, которые так хорошо известны автору и о которых он рассказывает так много интересного и поучительного.

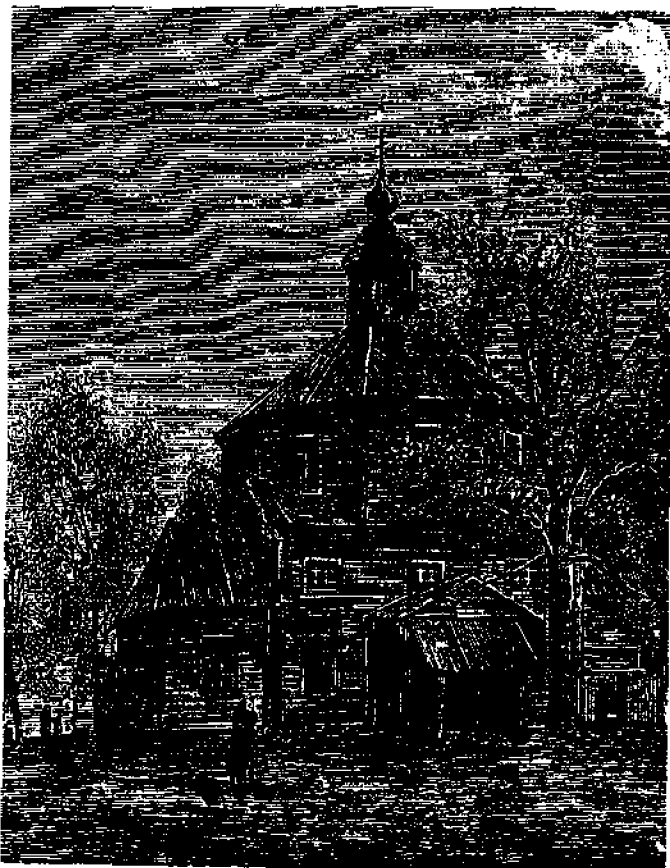
Есть еще один важный и принципиальный момент. Западные историки по-разному относятся к России. Для одних наша история — работа, ремесло; они разбирают, классифицируют события и имена как жуков или бабочек и, не без пренебрежения и скрытого высокомерия, изучают и поучают нас. Для других европейских и американских историков (и таких большинство) история нашей страны, Россия вообще — глубокая любовь, часть сердца, жизни. Я до сих пор не могу понять, как это происходит, как в юношу или девушку из вполне благополучной американской или европейской семьи вселяется «русская болезнь», любовь к России. К одним она приходит через Достоевского, Толстого, великую русскую литературу и русский язык, к другим — через любопытство, пробужденное детским страхом, который, увы, мы внушали всему миру многие десятилетия. К третьим она приходит через драматическую, еще «неоконченную» русскую историю, которая до сих пор обжигает пятки историка, как неостывшая до конца лава. И тогда все эти люди, русисты, как перелетные птицы весной, устремляются в Россию — в страну, в которой так мало комфорта и так много трудностей, но в которой им так хорошо и интересно. Я не знаю, каким путем пришел к России Роберт Масси, но его книга о Петре Великом проникнута добрыми чувствами к нашей стране, к нам самим и нашей истории. Только человек,

который глубоко и искренне любит Россию мог написать такие слова: «Россия — суровая страна с неласковым климатом, но мало кто из побывавших там может забыть ее таинственный зов, и нигде, кроме родины, не находит покоя русская душа». Я рад, что эту книгу полтора десятилетия читает Америка; я надеюсь, что теперь ее будет читать Россия*.

Е. В. АНИСИМОВ
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР

* Подстрочные примечания (*) научного редактора русского перевода снабжены пометкой — *Ред.* В остальных случаях примечания принадлежат автору книги Р. Масси.

Затекстовые примечания в конце каждого тома (см. разд. «Примечания») содержат краткие указания на источники цитат и сгруппированы по главам. В тексте отмечены цифрой-выноской. Полный список литературы приведен в конце третьего тома (см. разд. «Библиография»).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТАРАЯ МОСКОВИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ СТАРАЯ МОСКОВИЯ

Виды Подмосковья ласкают взгляд — реки серебристыми петлями вьются между пологих холмов, среди лугов разбросаны озерца и перелески. Кое-где виднеются деревни с луковками церковных куполов. Тут и там через поля, по тропинкам, заросшим по краям сорной травой, идут люди. На речке оживленно — кто купается, кто уцит с берега рыбу, кто просто греется на солнышке. Мирная, веками неизменная русская картинка.

Вот по этим местам в третьей четверти XVII века и ехал путешественник из Западной Европы, прежде чем попадал на Воробьевы горы, гряды холмов, с которых открывалась панорама российской столицы. Глядя с высоты на Москву, он видел у своих ног «богатейший и прекраснейший в мире город»¹. Над зелеными кронами деревьев сияли золотом бесчисленные купола, а еще выше золотился целый лес крестов. Если в этот миг солнечный луч внезапно касался позолоты, ослепительная вспышка заставляла наблюдателя зажмуриться. Белокаменные церкви, увенчанные сверкающими маковками, были разбросаны по городу, величиной не уступавшему Лондону. В центре, на небольшом холме стояла кремлевская цитадель — гордость Москвы — с тремя величественными соборами, могучей колокольней, пышными дворцами, часовнями и сотнями домов. Окружен-

11

ный высокими белыми стенами Кремль сам по себе был целым городом.

Летом утопавшая в зелени Москва казалась огромным садом. Многие особняки стояли в окружении фруктовых садов и парков, а пустыри, которые умышленно не застраивались, чтобы при пожаре огонь не мог перекинуться от дома к дому, буйно зарастали травой, кустами и деревьями. Выплескиваясь за собственные стены, столица окружала себя многочисленными цветущими пригородами — повсюду зеленели сады и огороды, шумели дубравы. Дальше, широким кольцом охватывая Москву, среди лугов и возделанных полей до самого горизонта простирались владения поместной знати, высились белые стены и золотые купола монастырей.

Миновав земляной вал и кирпичную стену, наш путешественник, наконец, въезжал в Москву

и сразу погружался в суету оживленного торгового центра. На улицах теснился народ: лавочники, мастеровые, празднующие, святые странники и юродивые в лохмотьях смешивались с работным людом, крестьянами, попами-черноризцами, солдатами в ярких кафтанах и желтых сапогах. Телеги и повозки с трудом прокладывали путь сквозь людской поток, но зато если по улице ехал на коне пузатый, бородатый боярин, чью голову венчала богатая меховая шапка, а дородный стан облекала роскошная, подбитая мехом бархатная или парчовая шуба, толпа расступалась сама. На уличных перекрестках музыканты, фигляры, скоморохи, вожаки с медведями и собаками развлекали народ. Возле церквей кишели нищие, промышляя подаянием. Перед кабаками изумленным путешественникам случалось видеть совершенно голых людей, пропивших все до последней нитки; по праздникам пьянчужки как голые, так и одетые, вповалку валялись в грязи.

Пуще всего народ толпился возле торговых рядов на Красной площади. В XVII веке Красная площадь мало

12

напоминала теперешнюю безмолвную брусчатую пустыню с фантастическим нагромождением куполов храма Василия Блаженного с одной стороны и высокой Кремлевской стеной с другой. В те времена здесь кипел шумный рынок под открытым небом, с бревенчатым настилом на земле, с рядами избушек и часовенок, лепившихся к Кремлевской стене — там, где теперь стоит мавзолей Ленина. Бесчисленные лавки и палатки — то деревянные, то под парусиновыми навесами — заполняли все уголки обширной площади. Триста лет назад жизнь на Красной площади шумела и бурлила, как водоворот. Торговцы, стоя на пороге лавок, зазывали прохожих зайти взглянуть на товар. Они предлагали бархат и парчу, шелка с Востока, бронзовые, латунные, медные изделия, скобяной товар, выделанные кожи, глиняную посуду, разнообразные деревянные поделки. Тянулись ряды, где на подносах и в корзинах красовались дыни, яблоки, груши, вишни, сливы, морковь, огурцы, лук, чеснок, толстенная спаржа. Уличные торговцы с угрозами и мольбами пробивались сквозь толпу. Лоточники продавали пирожки. Портные и золотых дел мастера тут же занимались своим ремеслом, ничего вокруг не видя и не слыша. Цирюльники стригли клиентов, и волосы падали прямо на землю и ложились за слоем слой в десятилетиями нараставшую под ногами кошму. На барахолках сбывали ношеную одежду, всякое тряпье, старую мебель и прочий хлам. На склоне холма, спускаясь к Москве-реке, продавали скот, живую рыбу из чанов. Близ нового каменного моста, у самой кромки воды, длинной вереницей расположились прачки. Немец-путешественник, побывавший в Москве в то время, заметил, что некоторые женщины, торгующие на площади всякой всячиной, могут предложить и «другой товар»².

В полдень вся жизнь замирала. Торговля прекращалась и улицы пустели, а народ принимался за обед — главную трапезу дня. Затем все ложились вздремнуть,

13

причем лавочники и уличные торговцы растягивались тут же на площади.

С наступлением сумерек, когда над кремлевскими башнями начинали парить ласточки, город запирался на ночь. Лавки загораживались тяжелыми ставнями, стражники с высоты крепостных стен оглядывали улицы, внизу непрошенных гостей подстерегали цепные псы. Добропорядочные горожане побаивались в эту пору выходить на улицу, где хозяйничали воры и нищие, норовившие под покровом ночи силой отобрать то, что им не удалось добыть попрошайничеством при свете дня. «Эти негодяи, — писал один австрийский путешественник, — встают где-нибудь за углом и запускают в головы прохожих кистенями, в чем достигли такого искусства, что смертельный удар редко минует жертву»³. Несколько убийств за ночь были в Москве делом обычным, и хотя цель этих преступлений почти всегда сводилась к простому грабежу, воры отличались такой свирепостью, что никто не осмеливался откликнуться на призывы о помощи. Запуганные горожане боялись даже выглянуть в дверь или в окно собственного дома и узнать, что творится на улице. По утрам стража привычно сносила подобранные на улицах трупы на пустырь в Центре города, куда приходили родственники пропавших; неопознанные же тела в конце концов сваливали в общую могилу.

В семидесятые годы XVII века Москва была деревянной. Все жилища — от дворцов до

лачуг - сооружались из бревен, но своеобразие архитектуры и великолепие резных, расписных украшений на окнах, крылечках, коньках крыш придавали постройкам удивительную красоту, неведомую бесстрастному камню европейских городов. Даже мостовые были из дерева. Московские улицы мостили бревнами и досками, но летом их покрывал толстый слой пыли, а в весенние оттепели и сентябрьские дожди они утопали в грязи, так что пройти по ним было нелегко. «Из-за осенних дождей улицы сделались непроезжими для повозок и лошадей, — жаловался пра-

14

вославный иерарх, прибывший из Святой Земли. — Мы не могли добраться от дома до рынка, потому что в грязи и глине можно было утонуть с головой. Цены на продукты очень возросли, так как стало невозможно ничего ввезти из окрестных деревень. Все жители, а больше всех мы сами, молили Господа, чтобы он поскорее послал морозы и земля застыла».

Понятно, что для выстроенной из дерева Москвы пожары были сущим бичом. Зимой, когда в каждом доме топились по-черному жаркие печи, и летом, когда от зноя дерево пересыхало, одной-единственной искры было довольно, чтобы вызвать катастрофу. Подхваченное ветром пламя перебрасывалось с одной крыши на другую, обращая в пепел улицу за улицей. В 1571, 1611, 1626 и 1671 годах огонь опустошал целые кварталы в центре города, оставляя за собой огромные черные пожарища. Такие крупные бедствия случались нечасто, но вообще москвичи привыкли видеть, как то тут, то там горит какой-нибудь дом, и пожарные поспешно сносят соседние постройки, чтобы огонь не пошел дальше.

Жители той, деревянной, Москвы всегда держали под рукой запасной лес на случай починки или новой постройки. Штабеля бревен громоздились между домами, а иногда их прятали на задворках или обносили загородками, чтобы уберечь от воров. На складах громадного дровяного рынка на окраине города хранились тысячи заготовок для бревенчатых домов любых размеров. Покупателю оставалось только указать, сколько он желает комнат и какой величины. Едва ли не за ночь все бревна, аккуратно пронумерованные, привозили к нему на двор, ставили сруб, законопачивали щели мхом, крыли крышу дранкой, и хозяин мог располагаться в новом доме. Однако самые толстые бревна берегли для другой цели. Их распиливали на куски длиной в шесть футов*,

* Автор здесь и далее пользуется английской системой мер и весов. 1 фут составляет 30,48 см. В одной миле 1609 км. — *Ред.*

15

выдалбливали углубление, делали крышки, и получались гробы, в которых и хоронили русских людей.

На 125-футовом холме у Москвы-реки высились над городом башни, купола и зубчатые стены Кремля. По-русски слово «кремль» означает «крепость»*, и московский Кремль, действительно, представлял собой мощную цитадель. Две реки и глубокий ров, наполненный водой, омывали его могучие стены. Эти стены, толщиной от 12 до 16 футов, возвышавшиеся над водой на 65 футов, образовывали треугольники периметром в полторы мили; он опоясывал вергщну холма и заключал в себе пространство в 69 акров**. Двадцать массивных сторожевых башен, каждая из которых была задумана как самостоятельная неприступная крепость, высились над стенами. Но неприступным Кремль не был: врагам случалось одолевать его защитников - лучников, копейщиков, а позже стрельцов и пушкарей, — если не приступом, то измором. В том же XVII веке, в его начале, — Кремль пережил двухлетнюю осаду. По иронии судьбы, осаждали его русские, а обороняли поляки, поддерживавшие своего ставленника, Лжедмитрия, который временно занял русский престол. Когда Кремль наконец пал, русские казнили самозванца, сожгли его тело, зарядили пеплом пушку на кремлевском валу и выстрелили им в сторону Польши***.

* Точнее, «кремль» - это «детинец», «крепость внутри города». — *Ред.*

** Акр - английская мера площади, равна 4046,86 кв. м. Иначе говоря, площадь Кремля должна составить 28

га. — *Ред.*

*** Автор ошибается. События начала XVII века вокруг Кремля развивались так: 1 июня 1605 г. в Москве началось восстание против воцарившегося после смерти царя Бориса Годунова его сына Федора, Боярская дума была вынуждена признать самозванца Григория Отрепьева сыном Ивана Грозного Дмитрием и открыть перед ним ворота Кремля. Царствование Лжедмитрия оказалось недолгим - 17 мая 1606 г. он был свергнут и убит.

16

В обычное время в Кремле было два хозяина — один светский, а другой духовный: царь и патриарх. Оба жили в Кремле и правили оттуда каждый своим царством. Вокруг кремлевских площадей теснились правительственные учреждения, суды, казармы, пекарни, прачечные и конюшни. Тут же поблизости располагались дворцы, присутственные места, а также сорок с лишним церквей и часовен Русской православной церкви. В центре Кремля, на самой вершине холма, обрамляя широкую площадь, стояли четыре величественных здания — три собора и взметнувшаяся ввысь колокольня. И в те времена, и теперь именно здесь находится сердце России. Два из этих соборов, как и кремлевские стены и многие башни, построены итальянскими архитекторами.

Самым большим и знаменитым был Успенский собор, где короновались все русские цари и императрицы с пятнадцатого по двадцатый век. Его построил в 1479 году Аристотель Фьорованти из Болоньи, но в облике собора нашли отражение многие основные черты чисто русского церковного зодчества. Прежде чем взяться за строительство, Фьорованти объехал древние русские города — Владимир, Ярославль, Ростов и Новгород — и изучил их прекрасные храмы, а уж тогда воздвиг православную церковь, только гораздо просторнее, чем было принято в России. Большой центральный купол и четыре маленьких опирались на четыре огромных круглых столба, заменивших принятую ранее сложную систему перекрытий. Это придало воздушность своду и вмести-

Обнаженное тело самозванца долго валялось на Красной площади, затем его перетаскивали несколько раз с места на место по Москве, и, наконец, сожгли вместе с повозкой в селе под Коломенским. Слух о выстреле прахом Отрепьева в сторону Польши недостоверен. Осада же Кремля относится к 1611-1612 гг., когда Кремль и Китай-город, занятые поляками, вначале осаждали войска Первого, а потом Второго ополчения. В октябре 1612 г. доведенные осадой до людоедства поляки сдались на милость победителей - Минина и Пожарского, - *Ред.*

17

тельность небу, что для России, не знавшей мощи и красоты готической арки, было в новинку.

Через площадь от Успенского собора стоял собор Михаила Архангела, усыпальница русских царей. Построенный Алевизом Фрязиным из Милана, он куда больше походил на итальянские образцы, чем два других собора. Внутри, в нескольких притворах, группами располагались царские захоронения, в том числе останки Ивана Грозного и двоих его сыновей, и поныне покоящиеся в трех резных каменных гробницах в центре одного из притворов. Надгробия других царей, из меди или камня, располагаются рядами вдоль стен; все они покрыты бархатными покровами с богатой вышивкой и с шитыми жемчугом надписями вдоль* кромки. Здесь покоится и прах царя Алексея и двоих его старших сыновей, царей Федора Алексеевича и Ивана Алексеевича, но это последние захоронения. Третий сын Алексея, Петр Великий, возведет новый собор в новом городе на Балтике, где похоронят и его самого, и всех последующих Романовых*.

И только самый маленький из трех храмов, Благовещенский, с девятью куполами и тремя крылечками, был произведением русских архитекторов. Его строили мастера из Пскова, знаменитого своими каменными церквами с резными украшениями. Благовещенский собор служил домовою церковью царской семьи. Образа для иконостаса в нем писали два величайших иконописца России, византиец Феофан Грек и его русский ученик, Андрей Рублев.

На восточной стороне площади, возвышаясь над тремя соборами, стояли выбеленные известью кирпичные башни звонницы Ивана Великого — башня Боно и

* Кроме Петра II, похороненного в Кремле, и Николая II, последнего русского царя, чье тело уничтожено близ Екатеринбурга на Урале.

18

башня патриарха Филарета, ныне соединенные в одно целое*. Под самым высоким ее куполом, на высоте 270 футов, в ступенчатых нишах висели ряды колоколов. Отлитые из сплава серебра, меди, бронзы и железа, они отличались друг от друга голосами и величиной — самый большой весил 31 тонну. Колокола Кремля исполняли сотни разных звуков: они призывали москвичей к заутрене и к вечерне, напоминали им о постах и праздниках, печально возвещали о кончинах и радостно — о свадьбах, тревожно и резко предупреждали о пожарах, торжественно гудели о победах. Иногда они звонили всю ночь напролет, повергая иностранцев в оцепенение. Но русские любили свои колокола. По праздникам простой люд толпился возле колоколен, чтобы по очереди подергать за веревки. Первыми обычно ударяли кремлевские колокола, затем звон подхватывали все сорок сороков московских церквей. Вскоре волны звуков перекатывались через весь город и «земля содрогалась от их громоподобных колебаний», как писал один потрясенный путешественник.

От строительства соборов итальянские архитекторы перешли к сооружению дворцов. В 1487 году Иван III приказал возвести первый каменный дворец в Кремле, Грановитую палату, названную так потому, что при обтесывании серого облицовочного камня за образец был взят принцип огранки драгоценных камней. Самой яркой особенностью ее архитектуры был тронный зал длиной в 77 футов и такой же ширины. Его свод опирался на единственный-центральный столб, от которого отходили массивные арки. Во время приема иностранных послов или других торжественных событий маленькое,

* Здесь необходимо уточнение: Колокольня «Иван Великий» состоит из колокольни с церковью Иоанна Лествичника и сторожевой башни. Первые три яруса сооружения построил в 1500-1508 гг. итальянский архитектор Бон Фрязин, надстройку сделали при царе Борисе Годунове в 1600 г. — *Ред.*

скрытое занавеской окошко под тгготолком позволяло женщинам -затворницам царского рода незаметно наблюдать за церемонией.

Грановитая палата преимущественно предназначалась для официальных, государственных целей, и поэтому в 1499 году Иван III велел возвести для себя и многочисленных женщин царской семьи — жен, вдов, сестер и дочерей — другой дворец. Этот дворец в пять этажей из камня и кирпича, названный Теремным, своими низенькими сводчатыми комнатами напоминал пчелиные соты. Здание несколько раз серьезно пострадало от пожаров в XVI и в начале XVII века, но оба первых царя из рода Романовых, Михаил и его сын Алексей, не жалели средств на восстановление дворца. При Алексее дверные и оконные наличники, перила и карнизы заменили белокаменными, резными, с растительным орнаментом и фигурками зверей и птиц, которые в то время были ярко раскрашены. Алексей особенно старался обновить пятый этаж, отведенный под его собственные покои. В пяти главных комнатах — передней, тронной, известной как Золотая палата, кабинете, спальне и молельне — стены и полы были обшиты деревом, чтобы влага не скапливалась на камне; на стенах, кроме того, висели расшитые шелковые занавесы, гобелены и тисненные кожи с изображениями сцен из Ветхого и Нового Завета. По сводам и потолкам вились прихотливые узоры, сверкали яркими красками, на фоне щедрой позолоты и серебра, удивительные заморские растения и сказочные птицы. В царских покоях старинная обстановка соседствовала с новомодной. Там стояли старые резные дубовые скамьи, сундуки, массивные полированные столы, но были там и обитые тканями кресла, изысканные — золоченые и слоновой кости — столики, часы, зеркала, портреты в рамах, книжные шкафы, полные богословских трудов и исторических сочинений. Одно из окон царского кабинета было известно как Челобитное. Снаружи к нему был прикреплен небольшой ящик, который спускали вниз, а когда он

20

наполнялся прошениями и жалобами, втаскивали наверх для монаршего прочтения. В царской опочивальне, обитой венецианским бархатом, помещалась изукрашенная тонкой резьбой дубовая кровать с парчовым балдахином на четырех столбах, с шелковыми занавесками; на кровати высилась гора подушек и меховых и пуховых одеял, спасавших от ледяных зимних ветров, которые бились в окна и сквозняками гуляли по дому. Все эти комнаты отапливали, а заодно и украшали огромные печи, выложенные блестящими пестрыми изразцами, — они-то и согревали российских властителей.

Отсутствие света было главным недостатком этих прекрасных покоев. Солнце едва пробивалось сквозь узкие окошки с двойными слюдяными пластинами в свинцовых переплетах. Не только по ночам или в короткие хмурые зимние дни, но и летом Теремной дворец освещался, главным образом, мерцающим пламенем свечей в нишах и вдоль стен. В третьей четверти XVII века царские палаты занимал второй царь династии Романовых, «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, Всея Великия, и Малыя, и Белья Руси самодержец». Далекая и недоступная для подданных, его августейшая персона была окружена ореолом полубожественности. Послы-англичане, приехавшие в 1664 году благодарить царя за постоянную поддержку, которую тот оказывал их королю Карлу II во время его изгнания, были глубоко потрясены видом царя Алексея на троне:

«Царь, ослепительным сиянием подобный солнцу, самым величественным образом восседал на троне со скипетром в руке, увенчанный короной. Его массивный трон был сделан из позолоченного серебра, а спинку украшала причудливая резьба и пирамидки. Приподнятый над полом на семь или восемь ступеней, трон придавал монарху сверхъестественное величие. Его корона,

21

надетая поверх шапки, отороченной черными соболями, была вся усыпана драгоценными камнями, а ее конусообразная верхушка заканчивалась золотым крестом. Скипетр тоже весь сверкал драгоценными камнями, как и все царское облачение сверху донизу, включая бармы»

С детства русских приучали смотреть на своего царя как на существо богоподобное, что нашло отражение в таких пословицах и поговорках, как, например: «Ведает Бог да государь», «Без Бога свет не стоит — без царя земля не правится», «Все во власти Божьей да государевой», «До Бога высоко, до царя далеко».

Другая пословица «Государь — батюшка, а земля — матушка» показывает, что чувство русского человека к царю неразрывно связано с его отношением к земле. «Земля», «почва», «родина» — слова женского рода, причем рождаемый ими образ рисовал не юную, невинную девушку, а зрелую женщину, мать. Все русские — ее дети. В каком-то смысле задолго до идей коммунизма русская земля была общей. Она принадлежала царю, как отцу, но также и народу, его детям. Царь распоряжался ею, мог раздавать крупные наделы своим знатым любимцам, но все же земля оставалась совместной собственностью единой национальной семьи. Когда этой земле грозила опасность, все готовы были умереть за нее.

В этой семейной структуре царь занимал положение отца народа, «батюшки». Его самодержавное правление было патриархальным. Обращаясь к подданным, он называл их своими детьми, и, как отец над детьми, имел неограниченную власть. Русский народ не мог себе представить, чтобы царскую власть что-либо сдерживало, «ибо кто, кроме Бога, может ограничить власть отца?» Когда он велел, они подчинялись по той же причине, по какой детям положено беспрекословно слушаться отцовских приказов. По временам уважение к царю приобретало рабский, византийский характер. Российские дворяне, приветствуя царя или принимая царскую милость, падали перед ним ниц, касаясь лбом земли. Обращаясь

22

к своему царственному господину, Артамон Матвеев, первый министр и близкий друг царя Алексея, писал: «Холоп твой Артемошка Матвеев, с убогим червем сынишкою моим... вержением глав наших лица до лица земли преклоняем». Обращаясь к царю, следовало употребить весь длинный официальный титул, причем, пропустив одно-единственное слово, человек мог быть заподозрен в намеренной непочтительности, едва ли не равносильной измене. Речи же самого царя почитались как святыня: «Каждому, кто выдаст, что говорится в царском дворце, грозит смерть», — писал живший в Москве англичанин⁸.

На самом же деле полубог, носивший такой громкий титул, увенчанный короной с гроздьями алмазов величиной с горошину, похожими на сверкающие кисти винограда⁹, облаченный в царскую мантию, расшитую изумрудами, жемчугом и золотом, был довольно заурядным смертным. Царя Алексея еще при жизни нарекли «тишайшим» — он слыл самым спокойным, мягким и благочестивым из всех царей. Когда в 1645 году шестнадцатилетний Алексей сменил своего отца на престоле, он уже заслужил прозвище «молодой монах». В зрелости он

был выше ростом, чем большинство русских, — около шести футов, хорошо сложен, склонен к полноте. Его округлое лицо обрамляли каштановые волосы, он носил усы и густую бороду. Выражение карих глаз царя менялось от сурового в гневе до нежного в минуты умиления и религиозного смирения. «Его царское величество — приятный человек, он месяца на два старше короля Карла II», — сообщал английский врач царя Алексея, доктор Сэмюэл Коллинз, и добавлял, что его пациент «мог сурово карать, но змее-те с тем очень дорожил любовью своих подданных. Так, на уговоры одного иностранца ввести смертную казнь Для каждого, кто дезертирует из-под его знамен, царь отвечал, что «трудно пойти на это, ибо Господь не всех наделил равным мужеством»¹¹.

23

Алексей, хотя и был царем, вел в Кремле скорее монашескую жизнь. В четыре часа утра царь откидывал одеяло на собольем меху и вставал с постели в рубаше и портах. Одевшись, он немедленно шел в молельню, расположенную рядом со спальней, чтобы посвятить двадцать минут молитве и чтению божественных книг. Приложившись к образам, окропленный святой водой, он выходил и посылал постельничего пожелать царице доброго утра и справиться о ее здоровье. Через несколько минут он сам направлялся в ее покои, чтобы сопровождать царицу в другую часовню, где они вместе отстаивали заутреню и раннюю обедню.

Тем временем бояре, начальники приказов и дьяки собирались в официальной приемной в ожидании выхода царя из личных покоев. Завидев «государевы ясны очи», они принимались бить земные поклоны, кое-кто — раз по тридцать, в благодарность за оказанные милости¹². Некоторое время Алексей выслушивал доклады и прошения; затем, около девяти утра, все отправлялись на двухчасовую службу в церковь. Во время богослужения, впрочем, царь продолжал тихонько беседовать со своими боярами, решая государственные дела и отдавая распоряжения. Алексей не пропускал ни одной службы в церкви. «Если он здоров, то идет туда сам, — сообщал доктор Коллинз, — если болен, служба совершается в его комнате. В дни постов он часто посещает полуночные богослужения, выстаивая по четыре, пять, шесть часов подряд, причем иногда бьет земные поклоны по тысяче раз, а в большие праздники — и до полутора тысяч»¹³.

После заутрени царь с боярами и дьяками занимался государственными делами до обеда, который подавали в полдень. Обедал царь за отдельным столом на возвышении, окруженный боярами, сидевшими за столами пониже, вдоль стен трапезной. Прислуживали ему только особо доверенные бояре, которые пробовали его еду и отхлебывали вино, прежде чем подать царю кубок. Трапезы были гигантские. В праздники за царским столом

24

нередко подавали по семьдесят кушаний. Закуски включали сырые овощи, особенно огурцы, соленую рыбу, ветчину и бесчисленные пирожки, начиненные мясом, яйцами, рыбой, рисом, капустой или зеленью. Потом следовали супы, а за ними жареная говядина, баранина и свинина, приправленные луком, чесноком, шафраном, перцем. Подавали и дичь, и рыбу — лососину, осетрину, стерлядь. На десерт бывали пряники, сыры, варенья, фрукты. Пили русские в основном водку, пиво или напиток полегче — квас, сделанный из перебродившего черного хлеба и для аромата приправленный малиной, вишней или другими ягодами и фруктами.

Но Алексей редко прикасался к аппетитным блюдам, которые перед ним ставили. Чаше он посылал их в дар тому или иному боярину в знак особой милости. Его собственные вкусы были по-монашески просты. Он ел обыкновенный ржаной хлеб и пил легкое вино или пиво, лишь чуть-чуть сдобренное корицей; она, как сообщает доктор Коллинз, считалась царской приправой. Во время церковных постов, продолжает он, царь «обедает всего три раза в неделю, а остальное время он довольствуется куском черного хлеба с солью, соленым грибом или огурчиком и выпивает кубок легкого пива. Великим постом он ест рыбу лишь дважды, и постится семь недель... Словом, ни один монах так рьяно не блюдет часы молитв, как царь — посты. Можно считать, что он постится почти восемь месяцев в

году»¹.

После обеда царь спал три часа, пока не наставало время возвращаться в церковь стоять вечерню, снова вместе с боярами, и снова обсуждать государственные дела во время службы. Ужин и конец дня он проводил с семьей или с ближайшими друзьями — за игрой в кости или шахматы. Особенно любил Алексей в эти часы послушать чтение и рассказы. Ему нравились отрывки из книг по священной истории, жития святых или изложение религиозных доктрин, но также и письма русских послов из-за границы, выдержки из иностранных газет или просто

25

сказки паломников и странников, которых приводили во дворец, чтобы развлечь царя. В теплую погоду Алексей покидал Кремль и отправлялся в свои загородные резиденции под Москвой. В одной из них, Преображенском на реке Яузе, царь предавался своей любимой забаве — соколиной охоте. С годами он, азартный охотник, развел там огромное хозяйство, где было двести сокольников, три тысячи соколов и сто тысяч голубей. Но больше всего времени Алексей отдавал молитвам и работе. Он никогда не сомневался в своем Богом данном праве царствовать, полагая, что он, как и все другие монархи, является избранником Божиим и ответствен только перед Богом*. Место рангом ниже царя занимала знать, делившаяся примерно на десяток разрядов. Знатнейшие имели боярский чин и происходили из старых прославленных родов, владевших наследственными вотчинами. Затем шли менее знатные аристократы и дворяне, получавшие поместья за службу. Существовала и небольшая прослойка торговцев, ремесленников и других горожан, а в основании всей пирамиды находились бесчисленные крепостные и холопы — основная масса российского населения. Условия их жизни и способы хозяйствования были в общем сходны с теми, что бытовали у крепостных крестьян в средневековой Европе. Многие москвиты называли «боярами» представителей вообще всей знати и высшего чиновничества. При этом собственно повседневная исполнительная власть осуществлялась усилиями тридцати или сорока ведомств — приказов. В целом они были неэффективны, разорительны, дублировали функции друг друга, не поддавались кон-

* Когда по решению английского парламента в 1649 г. обезглавили короля Карла I, царь Алексей был так потрясен и оскорблен, что изгнал всех английских купцов из пределов России, каковое решение дало большие преимущества голландским и немецким купцам. Пока король Карл II оставался в изгнании, Алексей посылал ему деньги и передавал самые нежные пожелания «безутешной вдове достоправного мученика, короля Карла I».

26

тролю, отличались продажностью — словом это была бюрократия, которая исторически сложилась сама собой и, в сущности, никому не подчинялась.

Из своих тускло освещенных, пропахших ладаном кремлевских покоев и молелен царь Алексей правил величайшей страной мира. Широкие равнины, бесконечные дремучие леса, бескрайние пустыни и тундры простирались от Польши до Тихого океана. И на всем этом огромном пространстве ровную линию горизонта нарушали лишь невысокие горы и пологие холмы. Единственной природной преградой движению по этим равнинам были реки, которые издревле использовались как водные пути. В окрестностях Москвы берут начало четыре великие реки: Днепр, Дон и могучая Волга текут на юг, к Черному и Каспийскому морям, а Западная Двина — к Балтике.

По этим безбрежным просторам было рассеяно скудное население. Когда родился Петр, в конце царствования Алексея, в России насчитывалось около 8 миллионов жителей, примерно столько же, сколько в соседней Польше, хотя русские и занимали значительно большую территорию. Население России превосходило население Швеции, не превышавшее 2 миллионов, или Англии, где жило немногим больше 5 миллионов человек, но не достигало и половины численности жителей самого густонаселенного и мощного государства тогдашней Европы — Франции Людовика XIV, там насчитывалось 19 миллионов. Незначительная доля населения России жила тогда в старинных русских городах — Нижнем Новгороде, Москве, Новгороде, Пскове, Вологде, Архангельске,

Ярославле, Ростове, Владимире, Суздале, Твери, Туле — и в присоединенных сравнительно недавно Киеве, Смоленске, Казани и Астрахани. Большинство же россиян обитало в деревнях, тяжелым трудом добывая хлеб насущный на пашне, в лесах и на реках.

27

Но при всей необъятности владений Алексея, границы России были ненадежны и постоянно испытывали давление извне. На востоке во времена Ивана Грозного и его преемников Московия завоевала земли Среднего Поволжья и Казанского ханства, расширив пределы Российского государства до Астрахани и Каспийского моря. Русские перевалили за Урал и прибавили к царским владениям безбрежные, большей частью пустынные земли Сибири. Первопроходцы достигли северных берегов Тихого океана, и там, в неприютных и суровых местах, основали несколько поселений. Однако, столкнувшись с агрессивной Манчжурской династией, правившей в Китае, Россия была вынуждена убрать свои передовые заставы с берегов Амура.

С запада и юга Россию окружали недруги, стремившиеся удержать этого гиганта запертым на суше и отрезанным от остального мира. Швеция, тогдашняя владычица Балтики, стояла на страже морского пути в Европу. К западу лежала католическая Польша, старинный враг православной России. Лишь недавно царь Алексей отвоевал у Польши Смоленск, а ведь этот русский город-крепость стоял всего лишь в 150 милях от Москвы. К концу царствования Алексей отнял у поляков главное сокровище — Киев, мать городов русских, колыбель российского христианства. Киев и благодатные края к востоку и западу от Днепра были землями казаков. Эти православные поселенцы происходили от бродяг, разбойников и беглых крестьян, покинувших когда-то Московию из-за невыносимо тяжелой жизни. Здесь они сбивались в стихийные конные отряды, а со временем стали оседать на земле, основывать хутора, деревни и городки по всей северной Украине. Постепенно линия казачьих поселений продвигалась на юг, но все еще отстояла от берегов Черного моря на триста-четыреста миль*.

* Автор дает более чем спорную версию происхождения украинского народа, путая историю образования украинцев —

28

его обогреть, мох, чтобы конопатить стены, и лыко — плести лапти, а кроме того, мех на одежду, воск для свечей, мясо, сладкий мед, дикие ягоды и грибы к столу. Почти круглый год лесные рощи звенели топорами. В ленивые летние дни мужчины, женщины и дети искали под деревьями грибы или, раздвигая высокие травы и цветы, собирали малину и черную и красную смородину*.

30

Русские люди предпочитали селиться не поодиночке, в глубине лесов, а деревнями — где-нибудь на лесной вырубке, на берегу озера или неторопливой реки. Россия была страной таких вот деревушек: затерянные в конце пыльной дороги, среди лугов и выгонов несколько простых бревенчатых изб да церковь с куполом-луковицей, куда народ стекался, чтобы всем вместе помолиться Богу. В избе, как правило, была всего одна комната, а дымохода не было вовсе: дым от огня в печи выбивался наружу через все щели. Поэтому, конечно, все и вся внутри было черно от сажи, что и послужило причиной повсеместного распространения в России общественных бань**. В каждой, даже самой маленькой деревушке, стояла парная баня, где и мужчины и женщины могли отмыться дочиста, а потом выйти наружу, даже зимой, чтобы дать ветру остудить и высушить распаренные голые тела.

Одеваясь, русский крестьянин сначала расчесывал бороду и волосы, а затем облачался в рубаху из грубого полотна, спускавшуюся ниже пояса и перехваченную шнурком. Широкие штаны заправлялись в сапоги, если таковые имелись, а чаще в полотняные онучи, неревя-

* Оставляем эту картинку на суд русского читателя» но отметим, что мужчины, как правило, в «ленивые летние дни» занимались сенокосом и множеством других работ, характерных для короткого русского лета. — *Ред.*

** В русской черной избе было специальное отверстие для выхода дыма — душник. Кроме того, дым распространялся только под потолком и обитатели избы, жившие в ней, не испытывали неудобств. - *Ред.*

31

занные веревочкой. «Волосы их подстрижены до ушей, а головы зимой и летом покрывы меховыми шапками, — писал западный путешественник. — У них до сих пор не принято брить бороды... Их обувь сплетена из лыка. Со дня своего крещения они носят на шее крест, а рядом висит кошелек, хотя обычно они подолгу носят мелкие деньги, если их не очень много, у себя во рту, так как получив их в подарок или заработав, сразу кладут в рот и держат под языком»¹.

Немногие народы в мире живут в таком ладу с природой, как русские. Их родина на севере, где рано настает зима. В сентябре день становится все короче, начинаются холодные осенние дожди. Быстро приходят морозы и в октябре выпадает первый снег. Вскоре все исчезает под белым одеялом: земля, реки, дороги, поля, деревья и дома. Природа обретает не только величие, но и грозную силу. Пейзаж превращается в бескрайнее белое море, в котором холмы чередуются с ложбинами, вздымаясь и опадая, словно волны. В пасмурную погоду трудно, даже напрягая зрение, различить, где кончается земля и начинается небо. Зато как ослепительна игра солнечных лучей в ясные дни, когда небо сияет великолепной лазурью, а снег искрится миллионами алмазов!

После 160 дней зимы всего на несколько недель приходит весна. Сначала трескается и ломается лед на реках и озерах, и вновь слышно журчание ручьев и плеск волн. На суше в оттепель разливается безбрежное море грязи, которое с трудом преодолевают и человек, и зверь. Но с каждым днем отступает почерневший снег и вскоре пробиваются первые ростки зеленой травы. Леса и луга зеленеют и оживают. Появляется зверье, жаворонки и ласточки. В России весну встречают с радостью, невообразимой в странах более мягкого климата. Солнечные лучи касаются травы на лугах, согревают крестьянские спины и лица, дни быстро удлиняются, повсюду земля пробуждается к жизни, и радость обновления и освобождения от земных тягот побуждает людей петь и ве-

32

селиться. Первого мая отмечают древний праздник возрождения и плодородия, когда люди танцуют и бродят по лесам. А пока юные веселятся, старики благодарят Бога за то, что смогли пережить зиму и снова увидеть весеннюю благодать.

Весна быстро мчится к лету. Страшно жарко, пыль не дает дышать, но зато какое высокое небо, как спокойна бескрайняя земля, где-то вдалеке сливающаяся с горизонтом. Как хороша свежесть раннего утра, прохлада реки или тенистой березовой рощи, ласковый, теплый ночной ветерок! В июне солнце исчезает за горизонтом всего на несколько часов и на смену красному закату скоро приходит нежная розово-голубая заря.

Россия — суровая страна с неласковым климатом, но мало кто из побывавших там может забыть ее таинственный зов, и нигде, кроме родины, не находит покоя русская душа.

² Петр Веяний, т. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ ДЕТСТВО ПЕТРА

В марте 1669 года, когда царю Алексею было сорок лет, а его первой жене, царице Марии Милославской, на четыре года больше, она умерла при попытке в очередной раз исполнить свое главное династическое предназначение — произвести на свет ребенка. Ее безутешно оплакивал не только муж, но и многочисленные родственники - Милославские, чье влияние при дворе опиралось на брак Марии с царем. Теперь этому влиянию пришел конец, и сквозь слезы об ушедшей сестре и племяннице они с тревогой вглядывались в будущее.

И оснований для тревоги у них хватало — ведь, несмотря на все старания Марии, твердой уверенности, что трон унаследует представитель рода Милославских, не было. Между тем за двадцать один год замужества Мария сделала для этого все возможное: родила тринадцать детей — пятерых сыновей и восемь дочерей - и умерла, рожая четырнадцатого ребенка. Однако сыновья Марии не отличались крепким здоровьем, и из четверых, переживших мать, уже через полгода двоих не стало, в том числе и шестнадцатилетнего наследника престола, названного Алексеем в честь отца. Таким образом, у овдовевшего царя от брака с Милославской осталось только двое сыновей, но их здоровье, к несчастью, тоже внушало опасения. Десятилетний Федор

34

был слаб и хил, а трехлетний Иван заикался и плохо видел. Если бы оба умерли раньше отца или пережили его совсем ненадолго, то путь к престолу оказался бы открытым, и, как знать, кто рванул бы к нему? Словом, вся Россия, кроме Милославских, надеялась, что Алексей вскоре женится вновь.

Само собой разумелось, что, подыскивая новую супругу, царь остановит свой выбор на девице из знатного русского рода, а не на какой-нибудь иностранной принцессе на выданье. Династические браки, преследующие государственные интересы, были в XVII веке приняты почти по всей Европе, но в России подобной практики брезгливо избегали. Русскому царю подобало иметь русскую жену, или, правильнее сказать, православному царю полагалась православная царица. Русское духовенство, бояре, купцы и простой народ пришли бы в ужас, если бы увидели, как вслед какой-нибудь иноземной принцессе к ним пожаловали католические или протестантские священники, — не иначе чтобы извратить чистую православную веру. Этот принцип почти полностью ограждал Россию от иностранного влияния и одновременно вызывал острейшее соперничество между теми знатными русскими родами, из лона которых могла бы выйти новая царица.

Через год после смерти Марии Милославской Алексей нашел ей преемницу. Тоскующий и одинокий, он часто приходил скоротать вечер к своему близкому другу и первому министру, ближнему боярину Артамену Матвееву — человеку необычному для Московии XVII века. По происхождению Матвеев не принадлежал к высшему боярскому сословию, но достиг власти благодаря собственным заслугам. Он интересовался науками и тяготел к западной культуре. На приемах, которые он регулярно устраивал в своем доме для иностранцев — жителей или гостей Москвы, Матвеев обстоятельно и толково расспрашивал их о новостях политики, о развитии искусств и техники у них на родине. И именно в Немецкой слободе под Москвой, где обязали селиться всех инозем-

35

дев, он нашел себе жену - Марию Гамильтон*, дочь шотландского роялиста, покинувшего Британию после казни Карла I и победы Кромвеля.

В Москве Матвеев с женой старались жить по-европейски, не отставая от века. На стенах у них висели не только иконы, но и картины и зеркала; в инкрустированных шкафчиках красовался восточный фарфор, в комнатах стояли часы с мелодичным звоном. Матвеев

изучал алгебру и производил в самодельной лаборатории химические опыты, а в его маленьком домашнем театре давались концерты, ставились комедии и трагедии. Москвичей, приверженных дедовским традициям, возмущало поведение жены Матвеева. Она носила европейские платья и шляпки; она, в отличие от большинства московских жен, отказывалась сидеть затворницей на верхнем этаже мужнина дома и свободно появлялась среди гостей — усаживалась вместе с ними за стол, а иногда даже вступала в беседу!

На одном из таких непринужденных вечеров, в присутствии этой необычной женщины — жены боярина Матвеева, царь Алексей заметил другую замечательную женщину. Это была жившая в доме Матвеева девятнадцатилетняя Наталья Нарышкина — высокая статная девушка с черными глазами и длинными ресницами. Ее отец, Кирилл Нарышкин, довольно безвестный помещик родом из татар, жил в Тарусском уезде, в отдалении от Москвы. Мечтая избавить дочь от провинциальной жизни мелкопоместного дворянства, Нарышкин уговорил Матвеева оказать ему дружескую услугу: принять Наталью под опеку и воспитать ее в атмосфере культуры и свободы, царившей в доме московского министра. И

* Жenu А. С. Матвеева звали Евдокия Григорьевна (урожденная Гамильтон), а Марией Гамильтон звалась камер-фрейлина Екатерины I. См. Литературное наследство. Т. 91: Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 77. - *Ред.*

36

Наталья сумела использовать открывшиеся ей возможности. Для русской девушки она была хорошо образована, к тому же, наблюдая за своей приемной матерью и помогая ей, она научилась занимать гостей-мужчин.

И вот однажды вечером, когда в гостях у Матвеевых был царь, Наталья появилась в комнате, чтобы поднести собравшимся чарки с водкой, икру и копченую рыбу. Алексей не спускал глаз с девушки, очарованный ее здоровой, яркой красотой, черными миндалевидными глазами и лишенным жеманства, скромным поведением. Когда Наталья остановилась перед ним, и он стал ее о чем-то спрашивать, в ее кратких ответах было столько учтивости и здравомыслия, что царь еще больше к ней расположился. Прощаясь с Матвеевым, заметно прибодрившийся Алексей спросил, не ищет ли тот мужа для этой прелестной девицы. Матвеев сказал, что ищет, но поскольку ни он сам, ни Наталья родной отец богатством похвалиться не могут, то приданое у нее будет скромное, а потому и охотников жениться на ней, конечно, найдется немного. Алексей возразил, что не перевелись еще мужчины, для которых совершенства девушки важнее ее приданого, и обещал боярину посодействовать.

Вскоре царь осведомился у Матвеева, как обстоят дела. «Государь, - отвечал Матвеев, — молодые люди что ни день приходят полюбоваться красотой моей восгн-танницы, но, похоже, ни один не помышляет о свадьбе». «Ну-ну, тем лучше, — молвил царь. — Может быть, мы обойдемся и без них. Я оказался удачливее тебя и нашел жениха, который, возможно, придется ей по вкусу. Это весьма почтенный человек и мой добрый знакомый. Он не лишен достоинств и к тому же не нуждается в приданом. Он полюбил твою подопечную и хотел бы жениться на ней и составить ее счастье. Хотя он еще не открыл ей своих чувств, она его знает и, надо думать, не отвергнет его предложение». Матвеев отвечал, что Наталья, конечно, не отвергнет того, кого ей предложит

37

государь, и продолжал: «Однако, прежде чем дать согласие, она уже наверно пожелает узнать, кто этот человек, и против этого, по-моему, трудно возражать». «Что ж, — объявил Алексей, — скажи ей, что это я сам, и что я надумал на ней жениться»^{1*}.

Матвеев, ошеломленный услышанным, бросился в ноги своему повелителю. Он сразу осознал все возможные последствия царского решения — и блистательные перспективы, и неисчислимые опасности. Если воспитанница взойдет на престол, то окончательно укрепится и его собственное положение: ее родственники и друзья, и в первую очередь сам Матвеев, возвысятся вместе с нею и сменят Милославских как силу, заправляющую при дворе. Но при этом яростно вспыхнет враждебность Милославских, как и зависть многих других влиятель-

ных боярских семейств, которые и так уже косо поглядывают на Матвеева, царского любимца. И если после оглашения имени невесты свадьба почему-либо сорвется, то ему, Матвееву, придет конец.

Быстро смекнув что к чему, он попросил Алексея, чтобы тот, не отступаясь от своего намерения, все же

* Весь эпизод знакомства будущих родителей Петра Великого автор взял из знаменитых «Подлинных анекдотов о Петре Великом» академика Якоба Штелина (1709-1785). Новелла «Особенные обстоятельства второго бракосочетания царя Алексея Михайловича с Натальею Кирилловною Нарышкиною» записана Штелным со слов графини М. А. Румянцевой — внучки А. С. Матвеева. Это и есть единственный источник информации об этом эпизоде.

Читателю следует иметь в виду, что цитаты в книге даются по разнообразным источникам, которые можно условно свести в три группы: 1) подлинные документы эпохи на русском языке — воспроизведены по русским публикациям источников; 2) иноязычные источники — дневники, письма, мемуары, — переведенные на русский язык в XVIII—XIX вв.; 3) иноязычные источники, прежде на русский язык не переводившиеся. Отсюда некоторые, порой весьма сильные, лексические, стилистические и прочие различия в цитируемых отрывках. — *Ред.*

38

согласился на освященную обычаем процедуру принародного выбора невесты. Этот обычай, пришедший из Византии, требовал, чтобы девицы брачного возраста со всех концов России собрались бы в Кремле и предстали перед царем. Теоретически они должны были представлять все сословия русского общества, включая и крепостных, но на деле волшебная сказка, в которой царь, взглянув на крепостную девушку, был бы ею покорен и возвел бы зардевшуюся красавицу по ступеням трона, ни разу не стала явью. Однако девушки из незнатных дворянских семей входили в круг претенденток, и происхождение Натальи Нарышкиной вполне позволяло ей участвовать в смотре. При дворе перепуганные девицы, пешки в честлюбивой игре семейных кланов, подвергались освидетельствованию на предмет целомудрия. Тех, кто выдерживал испытание, вызывали в Кремлевский дворец ожидать улыбки или просто кивка от юноши или мужчины, который мог возвести одну из них на престол.

В столь крупной игре риск всегда высок, и примеров тому предостаточно. Тот же XVII век уже показал, на что способны пойти рвущиеся к власти семейства ради устранения соперницы. В 1616 году Мария Хлопова, нареченная девятнадцатилетнего Михаила Романова, до того встала поперек горла Салтыковым, имевшим тогда огромный вес при дворе, что они опоили девушку каким-то зельем и в таком виде представили ее Михаилу, заявив, что она неизлечима больна, а потом в наказание за дерзость сослали незадачливую невесту, а заодно и всю ее родню в Сибирь. В 1647 году уже сам Алексей — тогда ему было восемнадцать лет — хотел жениться на Ефимии Всеволожской. Но, обряжая невесту, уОиравшие ее женщины так туго стянули ей волосы, что на глазах у жениха она упала в обморок. Придворных врачей заставили показать, что у Ефимии падучая, и ее вместе с родственниками тоже отправили в Сибирь. Мария Милославская стала следующей, второй избранницей Алексея.

39

Теперь же опасность угрожала Наталье Нарышкиной и ее опекуну. Милославские понимали, что если царь выберет Наталью, их влияние при дворе будет подорвано. Такой поворот событий неизбежно отразится на всех членах этой семьи — как на мужчинах, занимавших высокие посты и обладавших большой властью, так и на женщинах: все царевны, дочери Алексея, были по матери Милославские, и их отнюдь не радовало появление новой царицы-мачехи, которая вдобавок будет моложе некоторых своих падчериц.

Однако Наталье с Матвеевым отступать было некуда: царь был настроен решительно. Уже объявили, что 11 февраля состоятся предварительные смотрины претенденток, и Наталье Нарышкиной приказали в них участвовать. Вторые смотрины, которые должен был проводить сам царь, назначили на 28 апреля. Но вскоре после первого тура прошел слух, что выбор уже сделан — в пользу Натальи. Последовал ответный удар Милославских: за четыре дня до вторых смотрин в Кремле появились подметные письма, в которых говорилось, будто Матвеев использовал приворотное зелье, чтобы привлечь царя к своей воспитаннице. Началось дознание, и свадьбу отсрочили на девять месяцев. Но доказать

ничего не удалось, и 1 февраля 1671 года, к радости большинства россиян и к досаде Милославских, царь Алексей наконец обвенчался с Натальей Нарышкиной.

С самого дня свадьбы всем стало ясно, что царь, которому исполнился сорок один год, пылко влюблен в свою юную, красивую, черноволосую жену. Она принесла в его дом свежесть, радость, успокоение — Алексей как будто заново родился. Он хотел, чтобы Наталья все время была рядом, и повсюду брал ее с собой. Первую весну и лето после свадьбы счастливые молодожены без конца переезжали из одного подмосковного летнего дворца в другой; жили они и в Преображенском, где Алексей развлекался соколиной охотой.

С появлением новой царицы при дворе начались

40

перемены. Благодаря полузападному воспитанию, полученному в доме Матвеева, Наталья питала слабость к музыке и театру. Когда-то в самом начале своего правления Алексей издал указ, сурово запрещающий подданным танцевать, участвовать в игрищах или взирать на них, воспрещалось петь и играть на музыкальных инструментах во время свадебных пиров, а также губить свою душу такими вредоносными и противозаконными занятиями, как пение частушек, посещение балаганов и колдовство. Нарушивших указ в первый и второй раз было приказано бить розгами; нарушивших в третий и в четвертый раз — ссылат в пограничные городки². Однако когда Алексей женился на Наталье, у них на свадьбе играл оркестр, и непривычные русскому уху многозвучные западные аккорды смешивались с одnogолосными напевами русского хора. Результат был далек от совершенства. По словам доктора Коллинза, какофония при этом стояла такая, «словно под свист ветра вопит целая стая сов, надрываются галки в гнезде, воют голодные волки и оглушительно визжат свиньи».

Вскоре царь начал оказывать покровительство театру. Чтобы порадовать молодую жену, он стал поощрять сочинение пьес и велел соорудить сцену и зрительный зал в пустовавшем боярском доме в Кремле; еще один театр — «комедийная хоромина» - был построен в летней царской резиденции в Преображенском. Матвеев поручил лютеранскому пастору из Немецкой слободы, Иоханесу Грегори, набрать актеров и ставить спектакли. К 17 октября 1672 года было подготовлено первое представление — драма на библейский сюжет, — которое и состоялось в присутствии царя и царицы. В нем было занято шестьдесят актеров — почти все иностранцы, за исключением нескольких русских мальчиков и юношей, служивших при дворе. Представление длилось целый День, и царь смотрел его десять часов кряду, не сходя с места. Вскоре последовала постановка еще четырех пьес и двух балетов.

41

Счастье царя в новом браке стало еще полнее, когда осенью 1671 года он узнал, что жена ждет ребенка. И отец, и мать молились, чтобы Бог послал им сына, и 30 мая 1672 года в час ночи Наталья Нарышкина родила крупного и здорового на вид мальчика. Ребенка нарекли в честь апостола Петра. Царственный младенец явился на свет с хорошим весом и нормального роста, крепеньким, с материнскими черными, чуть татарскими глазами и с темно-рыжим хохолком. По старинному русскому обычаю (он назывался «снятие мерки») заказали икону, изображавшую Святого Петра, покровителя новорожденного, — «Апостол Петр и Святая Троица», и размеры этой иконы (19¹/₄ на 5¹/₄ дюйма) в точности соответствовали «габаритам» младенца*.

Когда торжественные звуки большого колокола на звоннице Ивана Великого в Кремле возвестили о рождении царевича, в Москве началось ликование. Гонцы понесли эту весть во все русские города, а в Европу отправились специальные послы. С белых кремлевских стен три дня гремел пушечный салют и неумолчно звонили колокола сорока сороков московских церквей.

Алексей был бесконечно счастлив рождением сына и самолично следил за приготовлениями к всенародному благодарственному молебну в Успенском соборе. После молебна Алексей повысил в чине Кирилла Нарышкина, отца Натальи, и Матвеева, ее

опекуна, а затем собственноручно потчевал гостей водками и винами.

29 июня, в день Святого Петра по православному календарю, когда царевичу исполнилось четыре недели, его крестили. Ребенка вкатили в церковь в колыбели на

* По данным М. М. Богословского, с новорожденного была снята мерка, и на третий день иконописец Симон Ушаков начал писать икону на кипарисной доске длиной в 11 и шириной в 3 вершка (в «меру» Петра). (*Богословский М. М. Петр I. Т.Д. М., 1940. С. 15*). Иначе говоря, «габариты» новорожденного составляли 48,95 см в длину и 13,35 см в ширину (в вершке — 4,45 см). — *Ред.*

42

колесиках по дорожке, окропленной святой водой. Над купелью его держал Федор, старший сын царя*, а крестил собственный духовник Алексея. На следующий день царь устроил пир для боярства, купечества и других сословий из числа жителей Москвы, которые толпами стекались в Кремль с подношениями по случаю рождения царевича. Столы украшали громадные сахарные головы, изображавшие орлов, лебедей и других птиц; была даже замысловатая сахарная модель Кремля с крошечными фигурками людей. В личных покоях, расположенных над пиршественными залами, царица Наталья отдельно принимала боярских жен и дочерей, оделяя их на прощание полными блюдами сладостей. В скором времени героя всех этих празднеств в сопровождении собственного небольшого штата домашней прислуги перевели в предназначенные ему покои. При нем были нянька, кормилица — «добронравная и чистоплотная женщина со сладким и полезным для здоровья молоком»⁴ и целая свита карликов, специально обученных прислуживать царским детям и играть с ними. Когда Петру исполнилось два года, он со своей свитой, к которой теперь прибавилось еще четырнадцать дворянок для услуг, переселился в более нарядные кремлевские палаты с темно-красными штофными обоями, где стояла мебель, обитая малиновой тканью с золотым и ярко-синим узором. Одежду Петра — все эти кафтанчики, рубашечки, камзолчики, чулочки и шапочки — кроили из шелка, атласа и бархата, расшивали золотом и серебром, а застежки и завязки разукрашивали жемчугами и изумрудами.

Любящая мать, гордый сыном отец и довольный Матвеев наперебой осыпали ребенка подарками, и скоро детская Петра едва вмещала множество искусно сделанных игрушек и моделей. В одном углу стояла резная

* Добавим, что крестной матерью Петра была сестра Алексея Михайловича, царевна Ирина. — *Ред.*

43

деревянная лошадка с усыпанной изумрудами уздечкой и кожаным седлом, украшенным серебряными гвоздиками. На столе возле окна лежала книга с цветными картинками — работа шестерых мастеров-иконописцев. Из Германии для царевича доставили музыкальные ящики и маленькие изящные клавикорды с медными струнами. Но с самого раннего детства Петр предпочитал военные игрушки и игры. Он любил бить в тарелки и барабаны. На столах, на стульях, на полу в детской грудями лежали игрушечные солдатики и крепости, миниатюрные пики и сабли, аркебузы и пистолеты. У изголовья кровати Петр держал самую любимую игрушку - модель корабля, которую Матвеев купил для него у какого-то иностранца.

Смышленный, живой и шумный, Петр развивался очень быстро. Обычно дети начинают ходить примерно в годовалом возрасте, он же пошел в семь месяцев. Отец любил брать маленького крепыша-царевича с собой на прогулки по Москве и на загородные царские дачи. Иногда они ездили в Преображенское, где Матвеев построил летний театр. Это тихое место на Яузе за Немецкой слободой больше всего нравилось Наталье. Но чаще Петра возили в огромный дворец в Коломенском.

То было архитектурное диво времен Алексея — огромное здание, целиком построенное из дерева, слыло у русских восьмым чудом света. Возведенный на высоком холме над излучиной Москвы-реки дворец казался экзотическим нагромождением чешуйчатых куполов-луковок, шатровых крыш, башен, похожих на крутые пирамиды, полукруглых арок, сеней, лестниц с ажурными перилами, балконов и крылечек, аркад, внутренних дворов и ворот. Петру и его сводному брату Ивану было отведено отдельное трехэтажное здание с двумя остроконечными башенками. Хотя снаружи казалось, что дворец по чьей-то безумной прихоти составлен, как из лоскутов, из разных элементов древнерусской архитектуры, он имел, для

своего времени, немало удобств. Там были

44

мыльни не только для членов царской семьи, но даже для слуг. (Кстати, в Версальском дворце, построенном почти тогда же, не было ни ванн, ни туалетов.) Свет, проникавший внутрь через три тысячи слюдяных окон, освещал все двести семьдесят комнат дворца, отделанных в современном для той эпохи светском стиле. Яркие красочные росписи украшали потолки, на стенах висели зеркала и бархатные драпировки, перемежаясь с парсунами, изображавшими Юлия Цезаря и Александра Македонского. Усыпанный самоцветами серебряный трон, сидя на котором Алексей принимал гостей, с двух сторон охраняли гигантские бронзовые львы. Стоило царю дернуть за рычаг, как механические звери начинали вращать глазами, разевали пасти и выпускали хриплый металлический рев*.

Наталья предпочитала лишенную условностей жизнь в загородных дворцах официальной рутине Кремля. Тяготясь духотой закрытого царицына возка, она стала — при народе! — поднимать занавески и скоро, сидя в открытом экипаже вместе с мужем и сыном, уже ездила за город и обратно, а однажды даже участвовала в торжественной процессии. Ради Натальи Алексей старался принимать иностранные посольства не в Кремле, а в Коломенском, где ей было удобнее наблюдать за церемониями. В 1675 году поезд прибывшего австрийского посла специально замедлили напротив царицыного окна, чтобы она успела все как следует разглядеть. Этому же дипломату, пока он ожидал представления царю, посчастливилось увидеть царевича: «Дверь внезапно отворилась, и за ней на мгновение показался Петр, трехлетний кудрявый мальчик, державшийся за руку матери».

Позднее в том же году Петр часто появлялся на людях. Алексей велел изготовить несколько больших позолоченных придворных карет, какие приняты были

* В 1771 г., ровно через сто лет после постройки, знаменитый деревянный дворец снесли по указу Екатерины Великой.

45

у других европейских монархов. Матвеев, отлично умевший угодить, тут же заказал миниатюрную копию одной из карет и преподнес ее Петру. Этот крохотный возок «с золочеными украшениями, запряженный четверкой карликовых лошадок, на подножках которого ехали четыре лилипута, а еще один стоял на запятках», вызывал неизменный восторг зрителей во время парадных выездов.

Алексей прожил с Натальей Нарышкиной пять лет. У них родился второй ребенок — дочь, названная Натальей в честь матери, и еще одна дочь, которая умерла, едва появившись на свет. Их брак сильно сказался на придворном климате. Суровый, болезненно-религиозный дух начала царствования Алексея уступил место новой, более непринужденной атмосфере, когда с готовностью воспринимались западные идеи, развлечения и технические новшества. Но сильнее всего этот брак повлиял на самого царя. Женитьба на Наталье и возродила, и умиротворила его. Последние годы жизни оказались для царя самыми счастливыми.

❧❧❧

Петру было всего три с половиной года, когда его младенческая жизнь вдруг утратила безмятежность. В январе 1676 года, на Крещение, здоровый и полный сил сорокасемилетний царь Алексей присутствовал на ежегодной церемонии Водосвятия на Москве-реке. Отстояв на морозе всю долгую службу от начала до конца, он простудился. Через несколько дней царю пришлось неожиданно покинуть кремлевский театр посреди представления и лечь в постель. Поначалу недуг не казался опасным, однако больному становилось все хуже, и через десять дней, 8 февраля, царь Алексей скончался.

Мир Петра разом перевернулся. Если прежде он был обожаемым сыном своего царственного отца, который до безумия любил его мать, то теперь царевич превратился в потенциально опасного отпрыска второй жены

покойного царя. Престол наследовал пятнадцатилетний Федор, полуинвалид, старший из выживших сыновей Марии Милославской. Хотя Федор бесконечно болел, в 1674 году Алексей провозгласил его совершеннолетним, признал наследником и в этом качестве

представил своим подданным и иностранным послам. Тогда это казалось лишь формальностью: здоровье Федора было столь хрупким, а Алексей, напротив, выглядел таким бодрым и крепким, что мало кто предполагал, будто хилый сын переживет отца и сменит его на престоле.

Но именно так и случилось: Федор стал царем, и маятник власти вновь качнулся от Нарышкиных к Ми-лославским. Хотя из-за распухших ног Федор не мог идти сам и на коронацию его пришлось нести, ни малейшего противодействия его вступлению на престол оказано не было. Милославские, ликуя, хлынули на прежние должности. Сам Федор не питал недобрых чувств к мачехе, Наталье, или к маленькому сводному брату, Петру, но царю было всего пятнадцать лет, и он не мог твердо противостоять давлению родственников — Ми-лославских.

Во главе их клана стоял дядя царя, Иван Милослав-ский, который поспешно оставил пост астраханского воеводы, чтобы сменить Матвеева на должности первого министра. Ожидалось, что сам Матвеев, как предводитель партии Нарышкиных, отправится в почетную ссылку. Такого рода меры, обычно сопровождали колебания маятника власти — в свое время Милославского отослали в Астрахань, теперь другим пришел черед потесниться. Поэтому царица Наталья опечалилась, но не роптала, когда ее приемному отцу приказали ехать в Сибирь на должность воеводы Верхотурья — уезда на северо-востоке этой необъятной земли. Но она возмутилась и ужаснулась, узнав, что по пути к месту службы Матвеева нагнали новые распоряжения Ивана Милославского: велено было его арестовать, лишить всего состояния и

47

препроводить как государственного преступника в Пус-тозерск, отдаленный городишко за Полярным кругом. (На самом деле страх Ивана Милославского перед грозным соперником заставил его пойти еще дальше: он пытался добиться для Матвеева смертного приговора, обвинив его в расхищении казны, в колдовстве и даже в попытке отравить царя Алексея. Однако как ни принуждал Милославский молодого царя, Федор отказался утвердить смертный приговор, и Ивану довелось лишь позаботиться об узилище для Матвеева.)

Потеряв своего могущественного защитника и других изгнанных с должностей сторонников, Наталья отошла в тень. Поначалу она боялась за детей — ведь ее сын Петр был главной надеждой нарышкинской партии. Но ео временем царица успокоилась: жизнь ребенка царской крови все еще почиталась священной, а Федор был неизменно добр и полон сочувствия к членам второй семьи своего отца, внезапно попавшим в положение бедных родственников. Они остались жить в Кремле и уединились в своих покоях. Там Петр и делал свои первые шаги в учении.

В те времена жители Московии, даже дворянство и духовенство, были в большинстве неграмотны. Образованность знати, как правило, ограничивалась умением читать и писать и кое-какими познаниями из истории и географии. Освоение грамматики, математики, иностранных языков, без которых не одолеть церковную премудрость, было уделом одних только ученых богословов. Но встречались и исключения: двое из детей царя Алексея, Федор и его сестра, царевна Софья, вверенные знаменитым богословам из Киева, получили основательное классическое образование и научились иностранным языкам, обязательным для истинно просвещенных москвитов XVII века, — латыни и польскому.

Начальное обучение Петра было попроще. Еще при жизни отца трехлетний царевич получил первый букварь, чтобы познакомиться с азбукой. Когда ему испол-

48

нилось пять лет, царь Федор, который приходился Петру не только сводным братом, но и крестным отцом, сказал Наталье: «Пора, государыня, учить крестника»⁷.

Наставником царевича назначили Никиту Зотова, подьячего Поместного приказа*. Зотов, человек добродушный, разумевший грамоту, большой знаток Священного писания, ученым, однако, вовсе не был, и новое назначение его ошеломило. Трясаясь от страха, он предстал перед царицей, подле которой стоял Петр. «Знаю, что ты доброй жизни и в Божественном писании искусен, — проговорила она, — вручаю тебе моего единственного сына». Зотов залился слезами и, дрожа от страха, повалился к ногам царицы со словами: «Недостоин я,

матушка-государыня, принять такое сокровище!» Наталья ласково подняла его и сказала, что занятия с царевичем должны начаться завтра. Чтобы подбодрить Зотова, царь Федор приказал отвести ему покои в Кремле и пожаловал младшим дворянским чином, царица подарила две полные смены новой одежды, а патриарх — сто рублей⁸.

На следующее утро Зотов дал Петру первый урок под надзором царя и патриарха. Новые учебники окропили святой водой, учитель низко поклонился маленькому ученику, и урок начался. Прежде всего Зотов взялся за алфавит, а затем перешел к Псалтыри и Библии. Длинные отрывки из Священного писания, впитанные детской памятью Петра, сохранились в ней навсегда и даже сорок лет спустя он мог читать их наизусть. Царевича научили величественным русским церковным песнопениям, и он очень полюбил это искусство. Позднее, путешествуя по России, Петр часто заходил в деревенские церкви послушать службу. Он обычно направлялся

* Зотов был дьяком Владимирского судного приказа и, по некоторым данным, еще до него кто-то начал заниматься с царевичем. - *Ред.*

49

прямо к хору и присоединял свой громкий голос к общему пению*.

От Зотова требовалось всего только научить Петра читать и писать, но ученик не желал на этом останавливаться. Мальчик без конца готов был слушать новые и новые рассказы из русской истории ~ о героях, знаменитых сражениях. Когда Зотов обратил внимание царв-цы Натальи на то, с каким воодушевлением учится ее сын, она заказала гравировальщикам — мастерам Пушкарского приказа — изготовить книги с цветными иллюстрациями, «кунштами», изображающими иноземные города и дворцы, корабли под парусами, разнообразное оружие и сцены из истории. Зотов держал эти книги в комнате царевича и, когда тот утомлялся от обычных уроков, они принимались разглядывать и обсуждать разные картинки. В классную комнату Петра перенесли я гигантский, выше человеческого роста, глобус, присланный царю Алексею из Западной Европы. Нанесенные на нем очертания Европы и Африки отличались удивительной точностью. Восточное побережье Северной Америки тоже было передано верно, в том числе Чесапикский залив, Лонг-Айленд, полуостров Кейп-Код, но чем дальше к западу, тем дело обстояло хуже — например, Калифорния изображалась в виде острова, отдельно от остального континента.

Так, изо дня в день занимаясь с царевичем, Зотов заслужил его глубокую привязанность, и до самой смерти своего наставника Петр старался не разлучаться с ним. Зотова часто упрекают в том, что из-за него будущий царь не получил достойного образования. Но здесь уместно напомнить, что во времена уроков Зотова Петр мог претендовать на престол только в третью очередь —

* По воспоминаниям современника Петра Н.И.Кашина, у дая был голос «сипловатый, не тонок и не громогласен» (см. Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. Париж-Москва-Нью-Йорк, 1993. С. 127). - *Ред.*

50

после обоих своих сводных братьев, Федора и Ивана. К тому же его образование, хотя и не строго-классическое, как у Федора и Софьи, все же было гораздо лучше, чем у среднего русского дворянина. А самое главное - при том складе ума, каким природа наделила Петра, именно такой способ обучения и оказался, по-видимому, наиболее подходящим. Склонностей к чисто научным занятиям он не проявлял, но был необыкновенно открыт и любознателен, а Зотов всячески поощрял его пытливость — вряд ли кому-нибудь удалось бы добиться большего. Удивительно, но факт: когда царевич, будущий император, достиг зрелости, оказалось, что по большому счету он всему научился сам. С малых лет он самостоятельно выбирал, чем ему заниматься, а чем нет. Петра Великого создали не родители, не наставники и не советники — он вышел из той формы, которую отлил для себя сам.

ОШО

Так, деля время между уроками и играми, то в Москве, то в Коломенском, Петр тихо прожил все шесть лет царствования Федора, с 1676 по 1682 год, Федор очень напоминал отца — мягкий, незлопамятный, достаточно эрудированный, недаром его воспитанием занимались ведущие ученые того времени. К несчастью, болезнь, что-то наподобие цинги, нередко приковывала его к постели.

И все же Федор сумел провести одно важнейшее преобразование — отменил средневековую систему местничества, тяжким бременем лежавшую на государственном управлении. Суть ее заключалась в том, что дворянин мог принимать назначение на гражданскую должность или в армию, только если оно соответствовало его месту в иерархии знати. Чтобы доказать свою знатность, каждый берег родовые грамоты, как зеницу ока. Без конца происходили стычки между местничавшими, и было совершенно невозможно назначить способного человека на ответственную должность, потому что дру-

51

гие, имевшие более высокое происхождение (и соответственно, место в иерархии), отказывались служить под его началом. При этой системе, пышным цветом расцветала чуть не поголовная непригодность к делу: в XVII веке, чтобы выставить хоть сколько-нибудь боеспособную армию, царям приходилось на время военных действий отменять местничество, объявляя, что пока идет война чины и звания будут распределяться «без мест».

Федор задумал превратить эти временные меры в постоянные. Он назначил комиссию, которая рекомендовала отменить местничество навсегда, а затем созвал Земский Собор — большой совет бояр и духовенства — и уже от своего имени настаивал на отмене этой системы ради блага государства. Его с воодушевлением поддержал патриарх, бояре же — подозрительные, из всех сил цеплявшиеся за свои драгоценные привилегии, — согласились с неохотой. Федор приказал собрать родовые грамоты, разрядные книги — словом, все документы, что относились к чинам и местничеству. На глазах у царя, патриарха и членов Собора эти документы связали в кипы, вынесли в один из кремлевских внутренних дворов и побросали в костер. Федор провозгласил, что отныне должности и власть будут распределяться не по праву рождения, а по заслугам — этот принцип Петр позднее положит в основу своей системы военного и гражданского управления. Теперь же, по иронии судьбы, многие бояре, глядя, как их древние привилегии превращаются в пепел, в душе проклинали Федора и Милославских и подумывали о юном Петре как о возможном спасителе прежнего уклада.

Хотя за свою короткую жизнь Федор успел жениться дважды, наследника он не оставил. Первая его жена умерла родами, а через несколько дней умер и новорожденный сын. Смерть этого младенца и быстро ухудшавшееся здоровье Федора не на шутку встревожили Милославских, и они принялись уговаривать царя жениться снова. Он согласился, невзирая на предостережения

52

докторов о том, что брачные удовольствия могут его погубить, потому что приглядел для себя одну веселую, резвую четырнадцатилетнюю девушку, Марфу Апраксину. Милославских выбор царя не обрадовал, еще бы — она приходилась крестницей Матвееву и поставила условием свадьбы, чтобы боярина, томившегося в заточении, помиловали и вернули ему все имущество, и Федор согласился. Но прежде, чем крестный отец царицы Марфы успел добраться до Москвы и обнять новобрачную, царь умер — всего два с половиной месяца спустя после свадьбы.

Со времен восшествия на престол Михаила Романова в 1613 году каждому царю наследовал старший из здравствующих его сыновей: Михаила сменил на троне Алексей, Алексея — Федор. Перед смертью царь официально представлял старшего сына народу и объявлял его наследником престола, однако Федор ушел, не оставив сына и не назначив наследника.

Здравствующих претендентов на трон было двое — шестнадцатилетний Иван, родной брат Федора, и десятилетний Петр, его сводный брат. При обычных обстоятельствах, несомненно, выбор пал бы на Ивана, который не только был шестью годами старше Петра, но родился от первого брака Алексея. Однако Иван был почти слеп, хром и косноязычен, в то время как Петр был живой, румяный, крупный для своих лет мальчуган. А главное, бояре понимали, что кто бы из царевичей ни взойшел на престол, реальная власть окажется в руках регента. Многие бояре, к тому времени настроенные уже против

Милославского, предпочитали ему Матвеева, который в случае воцарения Петра и при номинальном регентстве царицы Натальи взял бы бразды правления в свои руки.

Судьба трона решилась сразу же после прощания бояр с царем Федором. Один за другим они проходили мимо ложа, на котором покоился усопший царь, останавливаясь, чтобы поцеловать его восковую холодную руку. Затем патриарх Иоаким с епископами вошел в

заполнен-

53

ную людьми тронную палату и спросил, как требовал обычай: «Кому из двоих быть на царстве?» Возник спор: некоторые поддерживали Милославских, утверждая, что у Ивана больше прав на престол, другие настаивали, что неразумно снова вверять управление страной недужному. Страсти накалились и, наконец, перекрывая общий гам, раздался крик: «Пушай народ решает!»

Упоминание о «народе» означало, что царя должен избрать Земский собор, съезд представителей знати, купечества, посадских людей из всех уездов и городов Московского государства. Именно Земский собор в 1613 году уговорил первого Романова, шестнадцатилетнего Михаила, принять престол, а в другом случае утвердил Алексея его наследником. Но чтобы созвать такое собрание, требовалось несколько недель, так что в той ситуации под «народом» следовало понимать толпы москвичей, сгрудившихся под окнами дворца. Ударили колокола Ивана Великого, и патриарх с архиереями и боярами вышел на Красное крыльцо. Оглядев толпу на Соборной площади патриарх прокричал: «Блаженной памяти царь Федор Алексеевич преставился с миром... Иных наследников, кроме своих братьев, царевичей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, государь не оставил. Кому из них быть на царстве?» Раздались громкие выкрики: «Петру Алексеевичу!» — и несколько возгласов: «Ивану Алексеевичу!» Но голоса в пользу Петра становились все громче, заглушая все остальное. Патриарх поблагодарил и благословил народ. Выбор был сделан*.

Во дворце ожидал новоизбранный государь — круглолицый, загорелый мальчик с коротко остриженной

* В действительности все было сложнее. Ожесточенная борьба за власть двух главенствующих группировок знати — партии Нарышкиных и партии Милославских — завершилась воцарением Петра не благодаря тем, кто громче кричал на площади, а благодаря позиции, занятой патриархом Иоакимом, осуществлявшим в период междоусобия высшую власть в стране. Он же склонился на сторону Нарышкиных и тем самым нарушил традицию передачи власти по старшинству. — *Ред.*

54

кудрявой головой, большими черными глазами, пухлыми губами и родинкой на правой щеке. Когда патриарх приблизился к нему и заговорил, Петр от смущения залился румянцем. Глава церкви официально объявил о кончине царя Федора и о том, что на царство избрали его, Петра, и заключил свою речь так:

«От всего православного народа прошу тебя быть нашим государем». Сначала царевич отказался, сославшись на то, что слишком молод — брат его старше и будет лучшим правителем. Но патриарх настаивал: «Государь, не отвергай нашей мольбы!»

Петр молчал и краснел все сильнее. Шли минуты. Наконец присутствующим стало ясно, что молчание Петра означает его согласие.

Итак, решено, Петр теперь царь, его мать будет регентшей, а править станет Матвеев. Так и думали все, кто был в Кремле к концу этого дня, полного суматохи и тревожных. Но никому не пришло в голову принять в расчет царевну Софью. И напрасно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ «ЗЕЛО ПРЕМУДРАЯ ДЕВИЦА»

Отчетливо выраженного женского типа в России не существовало, ведь в жилах русских людей смешалась кровь славян, татар, прибалтийских и других народов. Впрочем, эталоном считались женщины белолицые, пригожие, со светло-русыми волосами, в зрелости пыш-нотелые. Последнее отчасти объяснялось вкусами русских мужчин, которым нравились дородные полногрудые красавицы; кроме того, в России не знали корсетов, и женские тела развивались свободно, как велела им природа. Западные путешественники, привыкшие к затянутым талиям Версаля, Сент-Джеймского дворца и

Хофбурга, находили русских женщин тучными.

Женщины в России были далеко не безразличны к своей внешности. Они наряжались в длинные, струящиеся яркие сарафаны, шитые золотом. Пышные рукава расширялись книзу и совсем скрывали бы руки, если бы не были схвачены на запястьях сверкающими браслетами. Поверх сарафанов надевали одежды из бархата, тафты или Парчи. Девушки заплетали волосы в косу и перехватывали ее на затылке веночком или лентой. Замужняя женщина никогда не показывалась простоволосой. Дома она носила полотняный головной убор, а выходя на улицу, покрывалась платком или надевала богатую меховую шапку. Женщины румянили щеки,

56

чтобы подчеркнуть свою красоту, и щеголяли в самых роскошных серьгах и в самых дорогих кольцах, какие только были по карману их мужьям.

К несчастью, чем знатнее была женщина и чем великолепнее ее наряды, тем труднее было ее увидеть. Бытовавшее в Московии представление о женщине шло из Византии и не имело ничего общего со средневековыми западными понятиями галантности, рыцарственности и куртуазности. Здесь на женщину смотрели как на неразумное беспомощное дитя, у которого нет ни ума, ни чести, зато похотливости хоть отбавляй. Ханжеская идея о том, что все, даже самые маленькие, девочки несут в себе порочное начало, с младенчества отравляла жизнь женщины. В добропорядочных семьях детям разных полов никогда не разрешали играть вместе, дабы уберечь мальчиков от скверны. Повзрослев, девочки сами становились подвержены пагубе, и потому даже самые невинные контакты между юношами и девушками строжайше запрещались. Пекшиеся о чистоте дочерей отцы для верности держали их под замком — там, взаперти, они и обучались молитвам, послушанию и кое-каким полезным навыкам, наподобие вышивания. Словом, пребывали в невинности и полном неведении о реальной жизни, пока в один прекрасный день их не сбывали с рук на руки мужу.

Как правило, девушку, едва вступившую в пору юности, выдавали за человека, которого ей позволялось увидеть впервые лишь после того, как все главные заинтересованные стороны — ее отец, жених и отец жениха — приходили к окончательному согласию. Сговор мог тянуться долго и затрагивал деликатные вопросы, как, например, величина приданого или гарантии девственности невесты. Если впоследствии, по мнению новобрачного (который далеко не всегда мог верно судить о предмете), оказывалось, что девушка в прошлом уже имела связь, он мог потребовать, чтобы брак признали недействительным. Это влекло за собой грязную тяжбу, так что куда

57

лучше было заранее во всем внимательно разобраться и как следует удостовериться.

Когда все было обсуждено и оговорено, молодой невесте приказывали явиться к отцу под полотняным покрывалом, чтобы предстать перед будущим мужем. Взяв плетку, отец легонько стегал дочь по спине со словами: «Дочь моя, в последний раз увещаю тебя отцовской властью, в которой ты жила. Отныне ты мне неподвластна, но помни не то, что ты освободилась от моего надзора, а то, что перешла под присмотр мужа. Ежели ослушаешься его, он вместо меня станет учить тебя вот этой плеткой». После чего отец передавал плетку жениху, который, по обычаю, великодушно выражал уверенность в том, «что кнут не понадобится»¹. Однако же плеточку принимал и затыкал за пояс.

Накануне венчания мать невесты привозила ее в дом жениха вместе с приданым и брачной постелью. Наутро, закрытая тяжелым покрывалом, невеста проходила через всю свадебную церемонию — клялась в верности и обменивалась с мужем кольцами, склонялась к его ногам, касаясь лбом сапог в знак покорности. Видя жену у своих ног, муж благосклонно прикрывал ее полой кафтана, признавая тем самым обязанность поддерживать и защищать это слабое создание. В то время как гости приступали к свадебному пиру, новобрачные прямоком отправлялись в постель. Им давали два часа, после чего двери комнаты распахивались, и гости вваливались гурьбой, желая убедиться, что новобрачная — девственница. При утвердительном ответе мужа молодых осыпали поздравлениями, вели в мыльню с душистыми травами, а затем в пиршественные палаты,

где они присоединялись к гостям. Отрицательный ответ был для всех тяжелым ударом, но особенно скверно приходилось невесте.

После свадьбы молодая жена занимала свое место в доме мужа — в роли одушевленного предмета домашнего обихода, не обладая никакими самостоятельными, не связанными с мужем, правами. Ее назначение было —

58

приглядывать за его домом, заботиться о его покое и удобствах, растить его детей. Если у нее хватало характера, она делалась хозяйкой над слугами, если нет — то в отсутствии хозяина слуги всем распоряжались сами, не спрашивая ни ее мнения, ни разрешения. Когда к мужу приходил важный гость, ей дозволялось появиться перед обедом в лучшем праздничном наряде, с приветственной чаркой на серебряном подносе. Подойдя к гостю, она кланялась, подносила ему кубок, подставляла щеку для христианского поцелуя, а затем безмолвно исчезала. Когда у нее рождался ребенок, те, кто боялись ее мужа или искали его покровительства, являлись к нему с поздравлениями и дарили золото «на зуб» новорожденному. Если подарок был щедрый, то у мужа имелись все основания быть довольным женой.

На случай если муж бывал недоволен, существовали испытанные способы, как поправить положение. Чаще всего, когда жену требовалось только слегка поучить, ее можно было просто поколотить. «Домострой» — руководство по управлению домашним хозяйством и семейными делами, восходящее к 1556 году и приписываемое монаху по имени Сильвестр, — содержал массу полезных житейских советов для любого главы семейства, от соления грибов до вразумления жен. Касательно последнего рекомендовалось «непослушных жен сурово сечь, хотя и без гнева». Даже хорошую жену мужу следовало «учиы» время от времени плетью, но «бить осторожно, и разумно и больно, и страшно и здорово — если вина велика»². В низших слоях общества русские мужчины били жен по малейшему поводу. «Некоторые из этих варваров подвешивают жен за волосы и секут их, совершенно обнаженных»³, — писал доктор Коллинз. Иногда побои бывали так жестоки, что женщина умирала; муж был волен тогда снова жениться. Естественно, что некоторые жены, доведенные до отчаяния невыносимыми мучениями, убивали своих мужей. Правда, таких было немного, потому что новый закон, изданный в начале царствования Алек-

59

сея, сурово карал преступниц: жену, виновную в убийстве мужа, заживо зарывали в землю ло шею и оставляли на медленную смерть*.

В серьезных случаях, когда жена была уж такая никудышная, что ее и бить-то не стоило, или когда муж находил другую, более подходящую ему женщину, дело решалось разводом. Чтобы развестись с женой, православному мужу следовало просто спихнуть ее в монастырь, хотела она того или нет. Там ей обрезаали волосы, облачали в длинное черное одеяние с широкими рукавами и покрывалом на голову, и она умирала для внешнего мира. До конца дней своих она жила среди монашек. Некоторые из них попадали в монастырь совсем юными, по воле алчных братьев или других родственников, не пожелавших делить имение или давать приданое, другие были просто беглые жены, готовые на все, что угодно, лишь бы не возвращаться к мужьям.

* Автор вполне точно воспроизводит положение, в которой находилась допетровская женщина. Подр. см. *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. Но, справедливости ради, отметим, что в реальной жизни русского общества было не все так уж мрачно, как описывает автор. Женщины в России пользовались большими свободами, чем это кажется после прочтения •«Домостроя». Все зависело от массы обстоятельств жизни семьи, и женщина — подлинная глава семьи — была в XVII в. не такой уж редкостью. А вот в декабре 1670 г. дворянин Никифор Скорятин бил челом на свою жену Пелагею, которая, как он писал, «кусала она, жена моя, тело мое на плечах зубом, и щипками на руках тело мое щипала, и бороду драла». После досмогра «поругательства жены и зубного ядения» в приказе, власти ничем несчастному Скорятину не помогли и вскоре он жаловался на новые, более серьезные выходки жены: «Она, жена моя, Пелагея, хотя меня... топором срубить, ця от топорowego сечения руками укрывался, и посекла у меня правую руку по запястью, и я от того ее топорowego сечения с дворишка своего чють жив ушел... Да и впредь она, жена моя, хвалитда на меня всяким дурным смертоубийством». Так мы и не знаем, получил ли изувеченный муж развод или нет. (*Забелин И.* Домашний быт русских царей,

После того, как жена таким образом «умирала», муж снова мог жениться, однако и его свобода не была неограниченной. Православная церковь позволяла мужчине дважды овдоветь или развестись, но третий брак становился последним. Поэтому, как бы ужасно человек ни обращался с двумя первыми женами, третью он обычно берег: если она умирала или сбегала от него, он никогда больше не мог жениться.

Изолируя женщин, пренебрегая их обществом, русские мужчины XVII века сами же от этого и страдали. В удушливом, узком семейном мирке, где не было места духовным, умственным интересам, процветали не самые возвышенные наклонности. Мужчины, не привыкшие проводить досуг в женском обществе, нередко посвящали его примитивному пьянству. Но были и исключения. В некоторых семьях умные жены, хоть и негласно, играли заметную роль; редко, но встречались властные хозяйки, которые даже верховодили слабохарактерными мужьями. Как ни странно, чем ниже было положение женщины в обществе, тем выше ее шансы оказаться наравне с мужчиной. В низших классах, жизнь которых сводилась по сути к борьбе за существование, женщин, нельзя было отстранить от дел и относиться к ним, как к несмышленным детям: их разум и сила были необходимы. Хотя их считали низшими существами, жизнь их проходила бок о бок с мужчинами. Мужчины и женщины вместе мылись в бане и вместе с хохотом выбегали нагишом на снег. Бесконечными зимними вечерами они подсаживались к мужчинам, устроившимся пображничать возле печки, и тут — в тесноте, да не в обиде — сосед обнимал соседку, и все были довольны, смеялись, плакали и наконец вповалку засыпали*. И если муж жесток, что с того? Все же он когда-то бывал и добр. И если

* Хотя нравы в русском обществе данной эпохи и не были по-монашески суровыми, тем не менее, описанная автором картина вызывает сомнения, — *Ред.*

поколачивает ее, тоже ничего — зато можно снова и снова его прощать. «Да бьет, а потом плачет и на коленях просит у меня прощения...»

На вершине женской социальной лестницы стояла царица, супруга царя. Ее жизнь, хотя и более покойная, чем у ее меньших сестер, тоже была подневольной. Все свое время она отдавала семье, молитве, добрым делам и благотворительности. Во дворце она следила за хозяйством, заботилась о нарядах для себя и об одежде мужа и детей. Как правило, сама царица была искусна в рукоделии и вышивала уборы и одеяния для царя или церковные облачения; кроме того она надзирала за работой многочисленных швей. Ей полагалось щедро раздавать милостыню, выдавать замуж молодых девушек, которых хватало в ее хозяйстве, и обеспечивать их приданым. Как и ее муж, царица долгие часы проводила в церкви. Но при всех этих обязанностях у нее оставалось много свободного времени. Чтобы занять себя, царица играла в карты, слушала сказки, развлекалась пением и плясками сенных девушек, смеялась над проделками карликов в ярко-розовых костюмах, красных кожаных сапожках и зеленых суконных колпаках. В конце дня, после вечерни, когда царь заканчивал свои дела, царицу могли пригласить к мужу.

На вопрос о том, было, ли замужество для них желанным, русские женщины XVII века, вероятно, могли бы ответить по-разному. Но существовали в русском обществе женщины, которые просто не имели на сей счет своего мнения. Это царские сестры и дочери. Они занимали самое высокое положение, но были ли они счастливы — кто знает? Ни одной из этих царевен, не суждено было повстречать любимого человека, выйти замуж, родить детей. Вместе с тем ни одной из них не грозило стать объектом купли-продажи, подвергнуться узаконенному насилию, побоям, или оказаться брошенной и разведенной. Преградой служило их происхождение. Они не могли выходить за русских нецарского рода, чтобы не унижить своей царской крови (хотя царь бы вправе выбрать жену из любого знатного русского рода), а браки с чужестранцами, которых в России всех без разбору считали язычниками и еретиками, возбранялись по религиозным соображениям. И потому от рождения царевны были обречены всю жизнь томиться в мрачной тесноте терема — помещения, отводившегося женщинам, как правило, в верхнем этаже большого русского дома. Там они проводили дни в молитвах, за вышиванием, сплетничая и скучая. Им было на

роду написано никогда ничего не узнать о внешнем мире, а мир этот вспоминал о царевнах только тогда, когда объявляли об их рождении или смерти.

Ни один мужчина, кроме близких родственников, патриарха и нескольких избранных священнослужителей, не смел взглянуть на этих призрачных царственных затворниц. Сам терем был чисто женским миром. Когда царевна заболела, то закрывали все ставни и опускали занавеси, чтобы затемнить комнату и скрыть пациентку от глаз врача. И если было нужно измерить пульс или осмотреть больную, это делали через газовое покрывало, дабы мужские пальцы не коснулись ее обнаженного тела. Ранним утром или поздним вечером царевны спешили в церковь скрытыми коридорами и по тайным переходам. В соборе или в домово́й церкви они стояли на хорах, в темном углу, за красной шелковой занавеской, чтобы уберечься от мужского взгляда. Во время торжественных шествий они следовали под прикрытием движущихся шелковых ширм или закрытых со всех сторон балдахинов. Отправляясь из Кремля на богомолье в какой-нибудь монастырь, царевны ехали в особых ярко-красных возках или санях, похожих на передвижные кельи, в сопровождении служанок и верховых, разгонявших народ с дороги.

Терем и должен был стать миром Софьи. Она родилась в 1657 году и провела раннее детство среди десятка

62

63

других царевен-сестер, теток и дочерей царя Алексея, — сидевших взаперти за крохотными тюремными окошками. Удивительно, откуда могли взяться ее редкие и необычайные способности. Она была третьей из восьми дочерей Алексея и Марии Милославской, одной из шести выживших сестер. Как и остальные, она могла получить куцее женское образование и после жить безымянной затворницей.

Но Софья была не как все. Ее сотворила таинственная алхимия, которая Зез видимых причин выбирает одно дитя из всей большой семьи и наделяет его особенной судьбой. Ей достались и разум, и честолюбие, и решимость, которых так отчаянно не хватало ее хилым братьям и безвестным сестрам. Казалось, у них потому и нет нормального здоровья, энергии и воли, что все это в избытке перешло к Софье.

Уже с ее малых лет исключительность Софьи была очевидна. Еще ребенком она каким-то образом сумела уговорить отца нарушить тюремные традиции и позволить ей учиться вместе с братом Федором, который был четырьмя годами младше. Ее наставником стал монах Симеон Полоцкий, выдающийся ученый из знаменитой Киевской академии, родом поляк*. Он нашел Софью «зело премудрой девицей», наделенной тончайшей проницательностью и совершенно мужским умом. Вместе с монахом помоложе, Сильвестром Медведевым, Полоцкий преподавал своей ученице богословие, латынь, польский язык и историю. Она познакомилась с поэзией и драмой и даже участвовала в представлениях на религиозные сюжеты. Медведев разделял мнение Полоцкого о том, что царевна — ученица «изумительно понятливая и рассудительная».

* С определенностью утверждать, какой именно национальности был уроженец белорусского города Полоцка Самуил Гаврилович (или Емельянович) Петровский-Ситнианович, невозможно. — *Ред.*

64

Софье было девятнадцать, когда умер ее отец, а пятнадцатилетний брат стал царем Федором Алексеевичем. Вскоре после коронации Федора царевна начала выходить на люди из темного терема. Пока длилось его правление, ее все чаще и чаще видели там, куда прежде женщинам не было доступа. Она посещала заседания Боярской думы. Ее дядя Иван Милославский и ближний боярин князь Василий Голицын привлекали царевну к своим совещаниям, где принимались, важные решения, так что ее политические взгляды становились все более зрелыми и постепенно приходило умение разбираться в людях. Мало-помалу Софья заключила, что ни умом, ни силой воли она не только не уступает окружающим мужчинам, но даже превосходит их, и что единственным препятствием на ее пути к верховной власти является ее пол вкуче с нерушимой московской традицией — самодержцем может быть лишь мужчина.

Всю последнюю неделю жизни Федора Софья не отходила от его ложа, выступая в роли утешительницы и наперсницы, а заодно выполняя различные деловые поручения, и сумела

глубоко войти в курс государственных дел. Смерть Федора и внезапное восшествие на престол сводного брата, Петра, а не родного - Ивана — нанесли Софье тяжкий удар. Она искренне горевала о Федоре, который был ей не только братом, но и другом, сотоварищем по учению; к тому же перспектива восстановления при дворе влияния Нарышкиных означала конец всяких привилегий и послаблений для нее, царевны из рода Милославских. Ей, конечно, пришлось бы реже видаться с высшими государственными должностными лицами, например, с князем Василием Голицыным, который успел завоевать ее горячую симпатию. Но хуже всего, что из-за неприязни между ней и новой регентшей, царицей Натальей, ее могли снова засадить в терем.

В отчаянии Софья принялась искать выход. Она кинулась к патриарху, чтобы выразить недовольство поспешным избранием Петра. «Сей выбор несправедлив, —

3 Петр Великий, т. 1

65

протестовала она. — Петр юн и порывист, Иван же достиг совершеннолетия. Кому и быть царем, как не ему!». Но Иоаким отвечал, что сделанного не воротишь. «Тогда пусть они хотя бы правят вдвоем!» — взмолилась Софья. «Нет, - провозгласил патриарх, — совместное правление губительно для государства. Пусть будет один царь, так угодно Господу».

Софье пришлось на время отступить. Через несколько дней, на похоронах Федора, она устроила принародную демонстрацию своих чувств. Когда Петр в сопровождении матери следовал за гробом и вся процессия уже направлялась к собору, Наталья вдруг услышала позади какой-то шум и, обернувшись, увидела, что Софья присоединилась к процессии — без передвижного полога, который закрывал царскую дочь от народа. На виду у всех, откинув с лица покрывало, Софья театрально рыдала и призывала толпу в свидетели своего горя.

Это был неслыханный поступок, и в соборе, на глазах у множества людей, Наталья сделала ответный ход. Во время долгой зауспокойной службы она взяла Петра за руку и вывела из храма. Позже царица объясняла, что ребенок устал и проголодался, так что оставаться дольше было бы вредно для его здоровья, но Милославских эти отговорки обмануть не могли. А тут еще надменный младший брат Натальи, Иван Нарышкин, только что возвращенный ко двору, подлил масла в огонь. «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов»⁶, — сказал он, подразумевая весь род Милославских.

Покинув собор, Софья вновь дала волю своему горю — теперь уже с едкой примесью гнева. «Видите, как в одночасье брат наш царь Федор ушел из этого мира! Враги отравили его. Сжальтесь над нами, сиротами! Нет у нас ни отца, ни матери, ни брата. Старшего нашего брата, Ивана, не выбрали царем, и если мы в чем-то провинились, то отпустите нас в другие края, где правят государи-христиане!»⁷

66

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ

Всю первую половину жизни Петра власть в России опиралась на стрельцов — косматых, бородатых копейщиков и пищальников, которые несли охрану в Кремле и были первыми русскими профессиональными солдатами. Они присягали защищать «власти» в случае кризиса, но нередко затруднялись решить, какая из конфликтующих сторон представляет законную власть. Это было своего рода коллективное бессловесное животное, никогда не знавшее точно, кто его настоящий хозяин, но готовое броситься и загрызть всякого, кто посягнет на его собственные привилегии. Стрелецкие полки сформировал Иван Грозный, чтобы создать постоянное профессиональное ядро в громоздком феодальном воинстве, которое водили в бой прежние московские правители. Это войско состояло из отрядов дворянской конницы и оравы вооруженных крестьян, которых призывали на службу весной и распускали по домам осенью. Как правило, этим необученным и недисциплинированным летним воякам, - которые хватались за первое попавшееся копье или топор и с тем выступали в поход, туго приходилось в боях с западными противниками — поляками или шведами.

На часах или на параде стрельцы являли собой красочную картину. Каждому полку была присвоена особая,

67

ярких цветов, форма — синие, зеленые или вишневые короткие либо длиннополые кафтаны, отороченные мехом, шапки того же цвета, штаны, заправленные в желтые сапоги с загнутыми

носками. Кафтан подпоясывался черным кожаным ремнем, к которому подвешивалась сабля. В одной руке стрелец держал пищаль, или аркебузу, а в другой бердыш — боевой топор. В большинстве своем стрельцы, простые русские люди, жили по-старинке, почитали царя-батюшку и патриарха, ненавидели новшества и противились реформам. И офицеры, и рядовые солдаты относились с подозрением и затаенной злобой к иностранцам, нанятым обучать русскую армию применению нового оружия и тактике. Стрельцы не разбирались в политике, но когда им казалось, что страна отклоняется от праведных, исконных путей, они тут же вбивали себе в голову, что долг требует их вмешательства в государственные дела*.

В мирное время забот у стрельцов было немного. Правда, некоторые стрелецкие части стояли на границах с поляками и татарами, но основная масса была сосредоточена в Москве, где стрельцы жили особой слободой поблизости от Кремля. К 1682 году их насчитывалось 22000 — двадцать два полка по тысяче солдат в каждом. Стрельцы вместе с женами и детьми образовали в сердце столицы громадное скопление праздної военщины и иждивенцев. Их баловали: царь предоставлял им прочные бревенчатые избы для жилья, снабжал из казны продовольствием, обмундированием, денежным жалованьем. За это они несли караул в Кремле и охраняли городские ворота. Когда царь выезжал из Кремля в го-

* Собственно, такая ситуация со стрельцами возникла в первый и единственный раз именно в мае 1682 г. Вмешательство стрельцов в политику было вызвано их тяжелым материальным положением (им не выплачивали жалованья) и желанием сыграть на династических сложностях внезапно ослабевшей верховной власти. - *Ред.*

68

род, стрельцы выстраивались вдоль всего его пути, если же он отправлялся за пределы Москвы, его сопровождал стрелецкий эскорт. Они выполняли также полицейские функции и носили с собой короткие плетки, чтобы разнимать дерущихся. Если Москва горела, стрельцы становились пожарными.

Располагая в избытке свободным временем, стрельцы постепенно начали приторговывать. Некоторые стали открывать свои лавки. Как служилые государевы люди, они не платили торговых пошлин и быстро богатели. Членство в полках сделалось желанной привилегией и передавалось чуть ли не по наследству. Едва стрелецкий сынок достигал необходимого возраста, его немедленно записывали в отцовский полк. Понятно, что чем богаче становились стрельцы, тем неохотнее они возвращались к своим прямым солдатским обязанностям. Солдат, он же хозяин доходной лавки, скорее предпочитал откупиться, чем исполнять какое-нибудь хлопотное служебное поручение. Офицеры-стрельцы к тому же использовали своих подчиненных как рабочую силу. Одним праздные воины прислуживали, другим строили дома или следили за садом. Случалось, что офицеры растрачивали солдатское жалованье, однако официальные обращения солдат за справедливостью власти обычно игнорировали, а самих жалобщиков наказывали.

Именно так и случилось в мае 1682 года, когда молодой царь Федор лежал на смертном одре. Грибое-довский полк представил петицию, в которой говорилось, что полковник Семен Грибоедов задержал половину жалованья и на Пасхальной неделе заставил солдат строить загородный дом. Командующий стрельцами, князь Юрий Долгорукий, приказал высечь человека, доставившего жалобу, за нарушение субординации. Но когда челобитчика вели к месту порки, он, проходя мимо наблюдавшей за происходящим группы своих сослуживцев, закричал: «Братцы! Что ж вы меня выдаете? Ведь я подавал челобитную по вашему постановлению и ради

вас!»¹. И возмущенные стрельни напали на охрану и отбили арестованного.

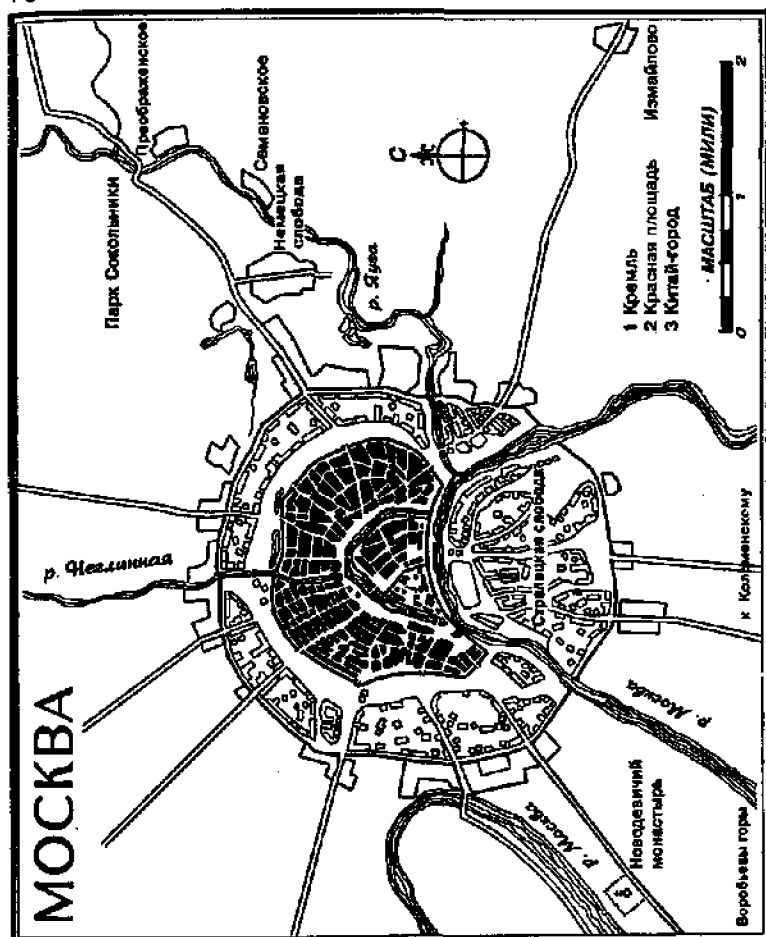
Это происшествие взбудоражило стрелецкую слободу. Семнадцать полков тут же обвинили своих полковников в мошенничестве и в дурном обращении и потребовали их наказать. Неопытное правительство регентши Натальи, едва начинавшее брать дела в свои руки, получило этот конфликт как бы в наследство и не сумело с ним справиться. Многие бояре из древнейших родов России — Долгорукие, Репнины, Ромодановские, Шереметевы, Шеины, Куракины, Урусовы — сплотились вокруг Петра и его матери, но никто не знал, как умиротворить стрельцов. Наконец, отчаявшись смягчить их враждебность, Наталья пожертвовала полковниками. Не назначив расследования, она велела арестовать их, лишить чинов, а все их имущество, разделив, пустить на уплату просроченного стрелецкого жало-

ванья. Двоих полковников, в том числе Семена Грибоедова, публично высекли кнутом, а еще двенадцать подверглись более легкому наказанию — они, по постановлению самих стрельцов, были биты батогами. «Бей сильнее! — подбадривали стрельцы друг друга, пока все офицеры по очереди не потеряли сознание, и только тогда удовлетворенно проворчали: - Будет с них, отпустите»².

Позволив взбунтовавшейся солдатне расправиться с офицерами, власти избрали сомнительный путь восстановления дисциплины. Да, на время стрельцы успокоились, но теперь у них появилось сознание своей силы, укрепилась уверенность в том, что они вправе, и даже обязаны очищать государство от врагов, — словом, на самом деле они стали куда опаснее, чем прежде.

Стрельцы полагали, что им известно, кто эти враги: бояре и Нарышкины. Среди солдат распространялись зловещие слухи. Говорили, будто Федор умер не своей смертью, как было объявлено, а отравлен лекарями-иностранцами при молчаливом потворстве бояр и На-

70

рышкиных. Те же враги оттеснили от престола Ивана, законного наследника, и втащили туда Петра. И теперь, когда их сатанинские замыслы осуществились, иноземцы обретут власть над армией и правительством, православие будет унижено и попрано, а хуже всего то, что стрельцов, преданных защитников старомосковских устоев, ждет суровая кара.

Все эти рассказы были умелой игрой на стрелецких предрассудках. Другие события тоже преподносились так, чтобы вызвать у солдат злобу. Придя к власти, Наталья щедрой рукой раздавала новые должности всем своим родичам - Нарышкиным, и даже пожаловала заносчивого Ивана Нарышкина, своего младшего двадцатитрехлетнего брата, в бояре. Ивана и так уже недолюбливали за его замечание на похоронах Федора. Теперь пошли новые разговоры: будто он грубо толкнул царевну Софью и та упала на землю; будто, взяв царский венец, возложил его на свою голову со словами, что ему он пристал, как никому другому.

Но у каждой небылицы был свой автор, у каждого слуха — своя цель. Кто стоял за попытками взбунтовать стрельцов? Одним из подстрекателей был Иван Милославский, из всех сил стремившийся ниспровергнуть Петра, Наталью и нарышкинскую партию. Успев побывать в

ссылке в предыдущий период засилья Нарышкиных при дворе, он отомстил, отправив Матвеева на шесть лет в суровое полярное заточение. Теперь Матвеев возвращался в Москву, чтобы стать главным советником регентши, царицы Натальи Нарышкиной, и Милославский прекрасно знал, чего ему ждать от этого нового каприза судьбы. Другим заговорщиком был Иван Хованский, пустой, невыносимо шумливый человек, которому собственная бестолковость мешала достичь высот власти. Смещенный с поста псковского воеводы, он был призван к царю Алексею, который ему сказал: «Все тебя называют дураком»³. Ни за что не желая соглашаться с подобной оценкой, Иван Хованский примкнул к Ми-

72

лославским, которые сулили ему высокие должности, и сделался их деятельным сторонником. Как ни странно, в заговоре был замешан и князь Василий Голицын, человек западных вкусов, очутившийся на стороне Милославских потому, что нажил себе врагов в противоположном стане. При царе Федоре он настаивал на реформах. Именно он составил проект реорганизации армии и предложил отменить местничество, чем и навлек на себя ненависть бояр. А поскольку теперь бояре приняли сторону Натальи и Нарышкиных, Голицына прибило к Милославским. И Иван Милославский, и Иван Хованский, и Василий Голицын имели причины будоражить стрельцов, однако в случае успеха стрелецкого бунта ни один из них не мог бы взять на себя управление Российским государством. На это имела право только одна особа, которая была членом царской семьи, еще недавно выступала как доверенное лицо царя Федора и могла бы играть роль регента, если бы на престол взойшел юный Иван. Именно ей сейчас грозила изоляция в монастыре или в тереме -и полная утрата всякой возможности влиять на политические события или на собственную судьбу. Наконец, только у нее достало бы ума и храбрости, чтобы пойти на свержение избранного царя. Никто не знает, в какой мере она была на самом деле связана с заговором и ужасными событиями, которые он повлек за собой; некоторые полагают, что все было сделано от ее имени, хотя и без ее ведома. Но косвенные свидетельства убедительно говорят о том, что главной вдохновительницей заговора была именно Софья.

Тем временем ничего не подозревавшая Наталья с волнением ждала в Кремле возвращения Матвеева. Когда Петра избрали на царство, она в тот же день послала гонцов — велеть Матвееву немедленно ехать в Москву. Он сразу же отправился в дорогу, но то была поездка триумфатора: в каждом городе, лежавшем на его пути, устраивали благодарственный молебен и пир в честь вос-

73

становленного в правах вельможи. Наконец, вечером 11 мая, после шестилетней ссылки, старый боярин вернулся в Москву. Наталья встретила его как спасителя и представила десятилетнему царю, которого Матвеев помнил четырехлетним мальчуганом. Волосы Матвеева поседел, походка отяжелела, но Наталья была уверена, что его опыт и мудрость, наряду с влиянием, которым он пользовался и среди бояр, и среди стрельцов, помогут ему вскоре восстановить в стране порядок и согласие. В течение трех последующих дней всем так и казалось. Дом Матвеева заполнили явившиеся с поздравлениями бояре, купцы, друзья-иностранцы из Немецкой слободы. Стрельцы, почитавшие его как прежнего командующего, присылали делегации от полков, чтобы выразить свое уважение. Явились даже Милославские, кроме Ивана, который передал, что болен. Матвеев принимал их всех со слезами радости на глазах, а его дом, подвалы и двор ломились от приветственных подношений. Казалось, все беды позади, но Матвеев, слишком долго отсутствовавший, чтобы сразу разобраться в положении, недооценил опасность. Софья и ее сторонники были по-прежнему наготове, и искра бунта тлела в стрелецких полках. За толстыми кремлевскими стенами, ослепленные своей радостью, Матвеев и Наталья не замечали, как растет напряжение в городе. Зато это почувствовали другие. Барон ван дер Келлер, голландский посланник, писал: «Недовольство стрельцов продолжается. Все общественные дела остановились. Ожидаются большие бедствия, и не без причины, потому что силы стрельцов велики, а противопоставить им нечего».

В 9 часов утра 15 мая тлевшая искра наконец вспыхнула пожаром. Два всадника, Александр Милославский и Петр Толстой, оба из ближнего окружения Софьи, ворвались в стрелецкую слободу с криком: «Нарышкины

убили царевича Ивана! Все в Кремль! Нарышкины хотят перебить всю царскую семью. К оружию! Покараем изменников!»⁴.

Стрелецкая слобода взорвалась. Ударили в набат, загремели боевые барабаны. Люди в кафтанах надевали доспехи, опоясывались саблями, хватали бердыши, копья и пищали, собирались, готовые к бою, на улицах. Некоторые стрельцы обрубали древки своих длинных пик и бердышей, чтобы сделать их еще опаснее в ближнем бою. Развернув широкие полковые знамена с вышитыми изображениями Богородицы, под барабанный бой, они двинулись к Кремлю. При их приближении перепуганные горожане разбегались в разные стороны. Солдаты кричали: «Мы идем в Кремль бить предателей, убийц царской семьи!»

Тем временем в кремлевских приказах и дворцах жизнь шла своим чередом. Никто и не подозревал, что творится в городе, не ведал, что роковой час близок. Большие крепостные ворота были широко распахнуты, и лишь горстка охранников стояла на страже. Только что закончилось заседание Боярской думы, и бояре тихо сидели по своим приказам или в дворцовых палатах, либо прогуливались и беседовали в ожидании полудня и обеда. Матвеев как раз вышел из палаты, где заседала дума, на лестницу, ведущую к спальне, и тут увидел, что к нему бежит, едва переводя дух, князь Федор Урусов: «Стрельцы взбунтовались! Идут к Кремлю!»

Изумленный, встревоженный Матвеев вернулся во дворец, чтобы предупредить царицу Наталью, срочно послал за патриархом, велел запереть кремлевские ворота, а дежурному стрелецкому полку — Стремянному — занять оборону на стенах и приготовиться защищать Петра, его семью и правительство.

Не успел Матвеев сделать распоряжения, как явились подряд три гонца с новостями одна хуже другой. Первый объявил, что стрельцы уже приближаются к кремлевским стенам, второй — что невозможно так быстро

закрыть ворота, а третий — что вообще поздно что-либо предпринимать, потому что стрельцы уже в Кремле. В это самое время сотни бунтовщиков хлынули в открытые ворота и устремились вверх по холму на Соборную площадь, что перед Грановитой палатой. По пути они увлекали за собой солдат Стремянного полка, которые оставляли свои посты и присоединялись к стрельцам из других полков.

На вершине холма стрельцы запрудили все пространство между тремя соборами и колокольной Ивана Великого. Столпившись перед Красной лестницей, ведущей во дворец, они кричали: «Где царевич Иван? Выдайте нам Нарышкиных и Матвеева! Смерть изменникам!» Во дворце перепуганные думные бояре, все еще не совсем понимая, чем вызвано это внезапное нападение, собрались в Столовой палате. Решили, что князь Черкасский, князь Голицын и Шереметев выйдут из дворца и спросят у стрельцов, что им нужно. В ответ раздались крики: «Мы хотим наказать предателей! Они убили царевича и убьют всю царскую семью! Выдайте нам Нарышкиных и всех остальных изменников!» Поняв, что возмущение стрельцов вызвано отчасти недоразумением, бояре возвратились в Столовую палату и уведомили об этом Матвеева. Он, в свою очередь, прошел к царице и посоветовал ей прибегнуть к единственной возможности унять солдат - показать им, что царевич Иван жив и вся царская семья на месте. Он попросил ее вывести и Петра, и Ивана на Красное крыльцо и предъявить их стрельцам.

Наталья задрожала от страха. Встать с десятилетним сыном перед ревущей толпой, жаждущей крови ее родных ~ какое жестокое испытание! Но у нее не было выбора. Взяв за руки Петра и Ивана, она вышла на верхнее крыльцо. Позади нее стоял патриарх с боярами. Когда стрельцы увидели царицу с двумя мальчиками, крики смолкли и смущенный ропот пронесся по площади. «Вот государь царь Петр Алексеевич. А вот государь

царевич Иван Алексеевич. Слава Богу, они в добром здравии и не пострадали от рук изменников. Во дворце нет измены. Вас обманули!» — раздался в наступившей тишине голос царицы⁷.

Стрельцы снова зашумели. Теперь они заспорили друг с другом. Самые любопытные и дерзкие поднимались по лестнице или влезали по приставным лесенкам на перила крыльца,

чтобы поближе взглянуть на беззащитную троицу, храбро стоявшую перед ними. Они хотели убедиться, что Иван в самом деле жив. «Ты и вправду Иван Алексеевич?» — спрашивали они у несчастного мальчика. «Да», — еле слышно, с запинкой пробормотал тот. «Иван? Точно?» — настаивали они. «Да, я Иван», — сказал царевич. Петр, стоя в нескольких шагах от стрельцов и видя прямо перед собой их лица и оружие, не говорил ничего. Он чувствовал, как дрожит материнская рука, но держался стойко, глядел спокойно и ни малейшего страха не проявлял. Совершенно сбитые с толку этой очной ставкой, стрельцы отступили вниз по лестнице. Ясно, что их обманули и Ивана никто не убивал. Вот он, царевич, стоит живой и царица Наталья, оберегая его, держит за руку — царица из Нарышкиных, которых как раз и обвинили в убийстве Ивана. И никакой нужды в отмщении нет, и все славные, патриотические порывы стрельцов оказались глупыми и неуместными. Несколько смутьянов, которым не хотелось так легко отказываться от мысли посчитаться кое с кем из надменных бояр, начали выкрикивать их имена, остальные же стояли в смущенном молчании, неуверенно поглядывая на три фигуры на высоком крыльце.

Наталья помедлила еще с минуту, оглядывая волновавшееся перед ней море пик и топоров. Потом повернулась и увела детей во дворец — она сделала все, что могла. Как только царица скрылась, вперед выступил Матвеев — седобородый боярин в длиннополом одеянии. При царе Алексее он был любимым командиром

77

стрельцов, и многие еще хранили о нем добрые воспоминания. Он заговорил с ними спокойно, доверительно, тоном вместе и хозяйским, и отеческим. Он напомнил об их былой верной службе, об их славе царских защитников, об их победах на полях сражений. Не укоряя их, без гнева, но с печалью вопрошал он, как могли они запятнать свое доброе имя этим мятежным буйством, которое тем прискорбнее, что вызвано слухами и ложью. Он еще раз заверил стрельцов, что царскую семью защищать не от кого — она, как все только что видели, цела и невредима. Поэтому не нужно никому грозить смертью или расправой, ин советовал им мирно разойтись по домам и просить прощения за сегодняшние беспорядки. При этом он обещал, что челобитные с просьбами о помиловании будут приняты благосклонно, а на бунт стрельцов станут смотреть лишь как на выражение их преданности престолу, пусть неумеренной и некстати проявленной.

Эта доверительная, дружелюбная речь сильно подействовала на стрельцов. В передних рядах, поближе к говорившему, люди внимательно слушали, согласно кивали; Сзади же все еще раздавались голоса спорщиков и призывы к тишине, чтобы можно было расслышать Матвеева. Мало-помалу, когда слова боярина дошли до всех, толпа стихла.

После Матвеева заговорил патриарх, назвав стрельцов своими чадами. В немногих словах он ласково пожурил их за их поведение, предложил испросить прощения и разойтись. Его речь тоже подействовала умиротворяюще и казалось, что критический момент позади. Почувствовав, что настроение на площади улучшилось, Матвеев поклонился стрельцам и вернулся во дворец — утешить обезумевшую от страха царицу. Его уход оказался роковой ошибкой.

Как только он скрылся, на Красном крыльце появился князь Михаил Долгорукий, сын стрелецкого командующего. Переживая как личный позор то, что вой-

78

ско вышло из подчинения, взбешенный Михаил не нашел ничего умнее, как с ходу начать восстанавливать воинскую дисциплину. Он -грубейшим образом обругал солдат и приказал возвращаться по домам, грозя в противном случае пустить в дело кнут.

В тот же миг все успокоение, которое внес было Матвеев, пошло прахом, сменившись яростным ревом. Рассвирепевшие стрельцы сразу вспомнили, что толкнуло их идти походом на Кремль: Нарышкиных надо покарать, ненавистных бояр, вроде Долгорукого, уничтожить! Неистовым потоком стрельцы устремились вверх по Красной лестнице. Они схватили Долгорукого за одежду, подняли над головами и швырнули через перила прямо на копья своих товарищей, сгрудившихся внизу. Толпа одобрительно загудела, раздались крики: «Режь его на куски!» Через несколько секунд посреди забрызганной кровью толпы уже лежало изрубленное тело.

Пролив первую кровь, стрельцы как с цепи сорвались. Размахивая острыми клинками, в новом

кровожадном порыве они ревущей массой хлынули вверх по Красной лестнице и ворвались во дворец. Следующей жертвой пал Матвеев. Он стоял в сенях возле Столовой палаты и разговаривал с Натальей, все еще державшей за руки Петра и Ивана. Увидев стрельцов, несущихся прямо на нее с воплями «Давай Матвеева!» — Наталья выпустила руку сына и инстинктивно обхватила руками своего приемного отца, пытаясь защитить его. Солдаты оттолкнули мальчиков, оторвали Наталью от старого боярина и отшвырнули ее в сторону. Князь Черкасский кинулся в свалку, чтобы вызволить Матвеева, но тоже был отброшен. На глазах у Петра и Натальи Матвеева выволокли из сеней, подтащили к перилам Красного крыльца и — с ликующими криками — подняли его высоко в воздух и швырнули на подставленные острия. Всего через несколько секунд ближайший друг и первый министр царя Алексея, отца Петра, защитник, наперс-

79

ник и главный оплот матери Петра был изрублен в куски.

Теперь, когда Матвеев погиб, ничто не могло остановить стрельцов. Они беспрепятственно обшаривали парадные залы, личные покои, домовые церкви, кухни и даже чуланы Кремля, требуя крови Нарышкиных и бояр. В ужасе бояре спасались, кто где мог. Патриарх скрылся в Успенском соборе. Только Наталья, Петр и Иван оставались на виду, забившись в угол Столовой палаты.

Для большинства спасения не было. Стрельцы выламывали запертые двери, заглядывали под кровати и за алтари, тыкали пиками в каждый темный закуток, где мог спрятаться человек. Пойманных волокли к Красной лестнице и перебрасывали через перила. Их тела тащили вон из Кремля через Спасские ворота на Красную площадь, где быстро росла куча искалеченных, изрубленных трупов. Дворцовым карликам пригрозили перерезать горло и принудили их помогать в поисках Нарышкиных. Один из братьев Натальи, Афанасий Нарышкин, спрятался в алтаре Воскресенской церкви. Какой-то карлик указал на него стрельцам; несчастного за волосы выволокли на алтарные ступени и прямо на них зарубили. Ближнего боярина, судью Посольского приказа Иванова, его сына Василия и двух полковников убили в галерее, соединявшей Столовую палату с Благовещенским собором. Престарелого боярина Ромодановского поймали между Патриаршим дворцом и Чудовым монастырем, вытащили за бороду на Соборную площадь и там подняли на пики.

С площади перед дворцом человеческие тела и обрубки, нередко прямо с торчащими из них саблями и пиками, оттаскивали через Спасские ворота на Красную площадь. Появление этих ужасных останков сопровождалось глумливыми воплями: «А вот и боярин Артамон Сергеевич Матвеев! Дорогу ближнему боярину!» Чудовищная куча перед храмом Василия Блаженного стано-

80

вилась все выше, а стрельцы кричали толпившемуся вокруг народу: «Любили бояре сесть повыше, так пусть теперь полежат!»

К ночи резня стала утомлять даже стрельцов. Им негде было ночевать в Кремле, так что многие потянулись обратно в город, по домам. Крови было пролито немало, но не все из задуманного им удалось: стрельцы отыскали и убили только одного из Нарышкиных, Натальино брата Афанасия, Главный объект их ненависти, ее брат Иван, все еще не попался. Поэтому они приставили многочисленную стражу ко всем кремлевским воротам, отрезав всякую возможность бегства, и обещали вернуться завтра, чтобы продолжить поиски. В Кремле Наталья, Петр и Нарышкины провели ночь в страхе. Кирилл Нарышкин, отец царицы, ее брат Иван и еще трое младших братьев не покидали комнаты восьмилетней сестры Петра, Натальи, где они и прятались весь день. Их пока не нашли, но и деваться им было некуда.

На рассвете стрельцы вновь с барабанным боем вступили в Кремль. Продолжая разыскивать Ивана Нарышкина, двоих докторов-иностранцев — предполагаемых отравителей царя Федора - и других «изменников», они явились во дворец патриарха на Соборной площади. Облазив погреб и пошарив под кроватями, стрельцы пригрозили слугам и потребовали самого патриарха. Иоаким вышел в самом пышном церемониальном облачении и сказал, что в его доме изменники не прячутся и что если стрельцам нужно кого-нибудь убить, то пусть

убьют его.

Итак, поиски продолжались, стрельцы все рыскали по дворцу, а их добыча, Нарышкины, все ускользала. Просидев два дня в темных чуланах при спальне маленькой сестры Петра, отец Натальи, Кирилл Нарышкин, его трое сыновей и юный сын Матвеева перебрались в комнаты молодой вдовы царя Федора, царицы Марфы Апраксиной. Там Иван Нарышкин остриг свои длинные

81

волосы, а затем маленькая группа следом за старой сенной девушкой прошла в темный подвал. Старуха предлагала запереть дверь, но молодой Матвеев сказал: «Не нужно. Если ты запрешь нас, стрельцы что-нибудь заподозрят, выломают дверь, найдут нас и поубивают». Поэтому беглецы постарались, как могли, затемнить помещение и сидели, забившись в самый темный угол. «Едва мы успели туда забраться, — рассказывал впоследствии молодой Матвеев, — как мимо прошли несколько стрельцов. Они заглянули в открытую дверь, потыкали копьями в темноту, но быстро удалились со словами: „Наши, видать, уже здесь побывали“»⁹.

На третий день, стрельцы опять вернулись в Кремль, с твердым намерением положить конец затянувшимся пряткам. Их предводители взойшли по Красной лестнице и предъявили ультиматум: если немедленно им не выдадут Ивана Нарышкина, они перебьют всех бояр во дворце. При этом стрельцы дали понять, что и самой царской семье грозит опасность.

Тогда за дело взялась Софья. На глазах у перепуганных бояр она подступила к Наталье и громким голосом заявила: «Брату твоему не отбыть от стрельцов. Не погибать же нам всем из-за него».

Для Натальи настала тяжелая минута. Она видела, как уволокли и убили Матвеева, а теперь требовали, чтобы она и брата отдала на лютую смерть. Как ни ужасно было принимать такое решение, другого выхода у Натальи не было. Она велела слугам привести Ивана. Тот явился, и она прошла с ним в домовую церковь, где Иван причастился и соборовался, с большим мужеством принимая выбор Натальи и грядущую смерть. Заливаясь слезами, царица дала брату икону Божьей матери, чтобы с ней в руках он вышел к стрельцам.

Тем временем бояре, которым потерявшие терпение стрельцы угрожали все яростнее, начали отчаиваться. Что же Иван Нарышкин так медлит? В любую минуту стрельцы способны осуществить свои угрозы! Пожилой

князь Яков Одоевский, по натуре мягкий, но сейчас движимый страхом, подошел к рыдающей Наталье и Ивану и произнес: «Долго ли, государыня, будешь ты держать своего брата? Пора уж его отдать. Ступай скорее, Иван Кириллович, не дай нам всем из-за тебя пропасть»¹¹.

Вслед за Натальей, неся перед собой икону, Иван Нарышкин направился к двери, за которой ждали стрельцы. Как только он показался, толпа испустила хриплый торжествующий вопль и подалась вперед. На глазах у царицы стрельцы схватили свою жертву и принялись избивать. Его стащили за ноги по Красной лестнице, проволокли по площади перед дворцом в пыточную камеру и терзали там несколько часов, пытаясь вырвать признание в убийстве царя Федора и в посягательствах на престол. Нарышкин вынес все — стиснув зубы, он только стонал, но не произнес ни слова. Тогда привели доктора ван Гадена, якобы отравившего Федора. Под пыткой он пообещал назвать имена сообщников, но пока его слова записывали, стрельцы, сами поняв в каком он состоянии, закричали: «Что толку его слушать? Порвите бумагу!»¹². И палачи отступились.

Иван Нарышкин был уже почти мертвец. Его запястья и лодыжки были переломаны, руки и ноги неестественно вывернуты. Его и ван Гадена отволокли на Красную площадь и вздернули на пики, чтобы в последний раз продемонстрировать толпе. Потом опустили на землю, отрубили кисти и ступни топором, изрезали тела на куски и, в последнем приступе ненависти, втоптали кровавые останки в грязь.

Бойня кончилась. Стрельцы собрались напоследок возле Красной лестницы. Удовлетворенные тем, что отомстили за «отравление» царя Федора, задушили заговор Ивана Нарышкина, перебили всех, кого считали изменниками, они желали теперь выразить свою преданность престолу. Поэтому они прокричали со двора: «Мы теперь довольны! Пусть твое царское величество

поступает с остальными изменниками, как хочет. А мы готовы головы сложить за царя, царицу, царевича и

14

царевен!»

Спокойствие быстро восстановилось. В тот же день было разрешено похоронить тела, лежавшие на Красной площади с первого дня резни. Верный слуга Матвеева прибрел оттуда, неся простыню, в которую бережно сложил все, что осталось от изувеченного тела хозяина. Он обмыл останки и на подушках отнес в приходскую Никольскую церковь, где их похоронили. Уцелевшие Нарышкины остались невредимы и никто их не преследовал. Трое младших братьев Натальи и Ивана выбрались из Кремля, переодетые в крестьянское платье. Отец царицы, Кирилл Нарышкин, под давлением стрельцов принял монашеский постриг и, уже как старец Киприан, был отправлен в монастырь за четыреста верст к северу от Москвы.

Одним из основных условий примирения стрельцы поставили выплату просроченного жалованья — по двадцать рублей на человека. У Боярской думы не хватало духу возражать, но и выделить этих денег она не могла — их попросту не было. Договорились: стрельцам заплатят пока по десять рублей, и чтобы собрать эту сумму, распродают имущество Матвеева, Ивана Нарышкина и других убитых бояр, пустят в переплавку множество кремлевской серебряной посуды и введут особый налог.

Стрельцы, кроме того, потребовали полной амнистии и даже сооружения триумфального столпа на Красной площади в честь своих недавних подвигов. На столпе надлежало означить имена убитых бояр, чтобы предать их позору за гнусные преступления. Снова правительство не посмело отказать, и столп поспешно установили.

В конце концов, в попытке не только угодить стрельцам, но и восстановить над ними контроль, им официально вменили в обязанность охрану дворца. Каж-

84

дый день в Кремль призывались по два полка, и там их потчевали, как героев, в Грановитой палате и в переходах дворца. Софья выходила к ним — похвалить за верность и преданность трону. Чтобы уважить стрельцов, она самолично обносила их чарками с водкой.

Так Софья пришла к власти. Оппозиции уже не было: Матвеев погиб, Наталью сокрушили несчастья, постигшие ее семью, а Петру было всего десять лет. Правда, он все еще оставался царем и, повзрослев, конечно, мог утвердиться в своих правах. Тогда восстановилось бы влияние Нарышкиных, и нынешняя победа Милославских оказалась бы лишь временной. Поэтому Софьян план предусматривал следующий шаг: 23 мая по наущению ее агентов стрельцы потребовали смены правителя на российском престоле. В челобитной на имя Хованского, которого Софья успела назначить их командующим, стрельцы указывали, что избрание Петра на царство не вполне законно — он сын второй жены царя Алексея. Иван же, сын от первого брака и старший из двоих царевичей, оказался в стороне. Они не предлагали свергнуть Петра: как-никак он царский сын, избранный на царство при поддержке патриарха. Нет, стрельцы требовали, чтобы Петр и Иван царствовали вместе как соправители. В случае отказа стрельцы грозились опять пойти на Кремль.

Патриарх, архиереи и бояре собрались в Грановитой палате, чтобы рассмотреть это новое требование. Делать, в сущности, было нечего: со стрельцами не поспоришь. К тому же очень кстати возникло мнение, что удвоение царствования есть свои преимущества — пока один царь воюет, другой может оставаться дома и править страной. На том и порешили: пусть царствуют на пару. Ударили в колокола Ивана Великого, в Успенском соборе пропели многая лета двум православнейшим царям, Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу. Имя Ивана стояло пер-

вым, потому что стрельцы в челобитной настаивали на его старшинстве

Самого Ивана этот новый поворот судьбы ужаснул. Страдая затрудненной речью и слабым зрением, он никак не желал участвовать в делах управления. Он убеждал Софью, что предпочитает тихую, спокойную жизнь, но в конце концов был вынужден дать согласие появляться вместе со сводным братом во время торжественных выходов и иногда — на заседаниях Думы. За стенами Кремля народ, от имени которого стрельцы якобы и предложили

новое совместное правление, изумлялся. Некоторые смеялись вслух, представляя себе Ивана, чьи немощи были хорошо известны, в роли царя.

Встал, наконец, и главный вопрос: раз оба царя еще юны, значит, кому-то придется на деле править государством. Кому же? Через два дня, 29 мая, явилась новая делегация стрельцов с последним требованием: по молодости и неопытности обоих царей правительницей следует стать царевне Софье. Патриарх и бояре снова согласились, и в тот же день был оглашен указ о том, что царицу Наталью на регентском посту сменила царевна Софья.

Итак, Софья стала во главе Российского государства. Хотя она заняла место, собственноручно созданное ею при помощи ее сторонников, в тот момент выдвижение Софьи было, в сущности, естественно. Никто из мужчин дома Романовых не достиг необходимого возраста, чтобы справиться с государственными делами, а всех остальных женщин в роду она превосходила и образованностью, и способностями, и силой воли. Она доказала, что знает, как привести в движение и куда направить смерч стрелецкого бунта. Солдаты, правительство и даже народ теперь надеялись только на нее. Софья приняла власть, и следующие семь лет эта выдающаяся женщина правила Россией.

86

Стремясь всячески упрочить свою победу, Софья поспешила узаконить новую структуру власти. 25 мая состоялась двойная коронация юных царей, Ивана и Петра. Эта наспех организованная, странная церемония не имела прецедента не только в российской истории, но и в истории всех европейских монархий. Никогда прежде не короновались сразу двое равноправных монархов мужского пола. В пять часов утра Петр и Иван в длинных, парчовых, расшитых жемчугами одеяниях проследовали к заутрене в домовую церковь. Оттуда они прошли в Столовую палату и там торжественно повысили в чинах нескольких Софьиных сторонников, в том числе Ивана Хованского и двоих Милославских. Затем коронационная процессия вступила на крыльцо и двинулась вниз по Красной лестнице — мальчики шли рука об руку, и было видно, что десятилетний Петр уже выше хромого шестнадцатилетнего Ивана. Вслед за священниками, кропившими путь святой водой, Петр и Ивак прошли сквозь огромную толпу на Соборной площади к дверям Успенского собора, где патриарх в сверкавшем золотом и жемчугами облачении встретил царей и протянул им крест для целования. Высокий храм был полон света, который лился из-под купола, исходил от сияния сотен свечей, отражался в гранях тысяч драгоценных камней.

Посреди собора, прямо под огромным изображением Христа Вседержителя, на возвышении, покрытом малиновой тканью, для Ивана с Петром был приготовлен двойной трон. Из-за спешки не успели сделать два одинаковых трона, и потому взяли серебряный трон царя Алексея и разделили сиденье перегородкой. За спинкой трона с помощью занавески устроили тайник для дядьки (воспитателя) братьев, откуда он мог через специальное отверстие шепотом подсказывать им, как

87

себя вести и что в какой момент говорить во время коронации.

В начале церемонии оба царя приблизились к иконостасу и приложились к самой священной из икон. Патриарх просил каждого объявить свое вероисповедание и каждый ответил: «Я принадлежу к святой православной русской церкви». Последовала серия долгих молитв и песнопений - прелюдия к кульминационному моменту коронации, возложению на головы царей золотой шапки Мономаха.

Эту старинную, отороченную соболем мехом шапку, по преданию, прислал в XII веке один из византийских императоров Владимиру Мономаху, великому князю Киевскому. С тех пор ее использовали для коронации всех великих князей Московских, а после того как Иван IV принял новый, царский, титул, — и всех русских царей*. Первым венчали на царство Ивана, потом Петра, потом шапка Мономаха возвратилась на голову Ивана, а Петру надели специально изготовленную для младшего из царей - ее копию. В конце службы новые правители вновь поцеловали крест, святые реликвии и иконы и проследовали к собору Михаила Архангела поклониться гробницам прежних царей, затем к Благовещенскому собору, и вернулись в Грановитую палату пировать и принимать поздравления.

* На двойной коронации Ивана и Петра русских самодержцев в последний раз венчали на царство шапкой Мономаха. Все преемники Петра в XVIII и XIX вв. носили титулы императоров и императриц. Многие из

них заказывали себе новые короны, побольше, пока наконец по указу Екатерины II не была изготовлена корона Российской империи, которой и короновались последние семь русских монархов. Но и тогда шапка Мономаха по-прежнему сохраняла огромное символическое значение, и хотя ее уже никогда больше не возлагали на голову самодержца, ее несли в каждой коронационной процессии как символ непрерывной линии, соединявшей нового монарха с императорами Византии.

88

Переворот завершился. Быстрой, головокружительной чередой промелькнули смерть царя Федора, избрание на его место десятилетнего ребенка, сына от второго брака Алексея Михайловича, свирепый стрелецкий бунт, свергнувший Петра и окропивший юного царя и его мать кровью их родственников, затем обставленная со всей помпой и великолепием коронация этого мальчика вместе с хилым, убогим сводным старшим братом. И во всем этом кошмаре, несмотря на то, что его уже избрали на царство, он был совершенно бессилен повлиять на события.

Кровавый след стрелецкого бунта остался в сердце Петра на всю жизнь. Покой и безмятежность детства разбились вдребезги, осталась вывихнутая, опаленная душа. Стрелецкий бунт во многом определивший судьбу Петра, впоследствии глубочайшим образом сказался и на судьбах России.

Петр навсегда возненавидел то, что ему пришлось увидеть и пережить: обезумевшая, разнузданная солдатня старой средневековой Руси рыскала по всему Кремлю, волокла государственных деятелей и вельмож из их покоев на кровавую расправу; Москва, Кремль, царская семья и он сам очутились в руках невежественной, необузданной силы. Бунт полностью изменил отношение Петра к Кремлю с его темными покоем, лабиринтами крохотных комнаток, тусклым мерцанием свечей*, с его обитателями — боролатыми священниками и боярами и жалкими, спрятанными от мира женщинами. Он возненавидел и Кремль, и всю Москву, столицу православных монархов, и православную церковь с ее заунывно ноющими попами, чадающими кадилами, удушающим консерватизмом. Возненавидел старомосковскую пышность обрядов, во время которых его величали «помазанником Божиим»: величать величали, а защитить не сумели — ни его самого, ни его мать, когда на них ополчились стрельцы.

В стране теперь правила Софья, а Петр покинул

89

Москву и до своего возмужания жил в деревне, вдали от города. Позже, когда он стал хозяином России, его давняя неприязнь к Москве повлекла за собой внушительные последствия. Мало того, что царь годами не появлялся в Москве, он в конце концов лишил ее столичного статуса. Столицей стал новый город, созданный Петром на Балтике. В известном смысле стрелецкий бунт вдохновил Петра на строительство Санкт-Петербурга*.

* Удивительную параллель ненависти Петра к Москве можно видеть в отвращении Людовика XIV к Парижу. В 1648 г. когда Людовику, как и Петру в 1682 г. было десять лет, вспыхнуло восстание французского парламента и знати - Фронда. Войска были брошены на подавление мятежа, но через некоторое время они повернули оружие против престола. В разгар беспорядков маленький король и его мать оказались в осаде у парижской черни. Ночью, под яростные вопли и треск мушкетной стрельбы, Людовика тайно вывезли из Парижа в Сен-Жермен, где король провел ночь на охапке соломы. С тех пор он терпеть не мог Париж и крайне редко там показывался. Он построил Версаль, и этот знаменитый дворец стал столицей Франции - точно так же Петр избегал Москвы и построил новую столицу на Неве.

ГЛАВА ПЯТАЯ ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ

Софья стала регентшей, и ее талант правительницы сразу же подвергся серьезному испытанию. Стрельцы, приведшие ее к власти, теперь дерзко расхаживали по Москве, уверенные в том, что отныне любые их требования будут моментально исполняться. Православные раскольники-староверы ожидали, что победа стрельцов над правительством приведет к возврату прежней веры, возродит исконный чин и обрядность русского богослужения, которые за двадцать лет до этого были осуждены церковью и запрещены мирской властью. Софья, точно так же как ее отец Алексей, или брат Федор, смотрела на староверов как на еретиков и мятежников. Однако многие стрельцы, начиная с их нового командующего - князя Ивана Хованского, были завзятыми староверами, и казалось весьма вероятным, что обе эти силы, стрельцы и раскольники, объединятся и станут навязывать свою волю едва встающему на ноги новому режиму.

Софья вышла из создавшегося положения и умело, и мужественно..Она приняла раскольничьих старейшин в Столовой палате Кремлевского дворца, с высоты своего трона сумела их переспорить и перекричать и отпустила — поникших и примолкших. Затем, призывая к себе стрельцов по сто человек сразу, она подкупала их деньгами, обещаниями, вином и пивом, которые соб-

91

ственноручно разносила на серебряном подносе. Так, лаской и лестью, она поколебала в солдатах фанатичную преданность раскольничьему духовенству, и как только стрельцы поуспокоились, Софья приказала схватить старейшин староверов. Одного казнили, других сослали в разные места. Дошла очередь и до князя Хованского: его арестовали, обвинили в неповиновении и отвели на плаху — на все ушло девять недель.

На этот раз Софья восторжествовала, но борьба староверов против духовных и светских властей государства не закончилась и продолжалась не только при Софье и Петре, но до гибели императорской династии в России. Истоки этой борьбы коренились в глубинах народного религиозного сознания, а сама борьба вошла в историю церкви и России как Великий раскол.

По-видимому, христианство в его идеальном выражении особенно созвучно русскому характеру. Русские — чрезвычайно набожный, жалостливый и смиренный народ, отдающей вере преимущество над разумом, и убежденный, что жизнью руководят высшие силы — духовные, автократические и даже потусторонние. В России гораздо меньше, чем на практическом Западе, интересуются, отчего происходит то или иное явление, как сделать, чтобы оно повторилось — или не повторилось — вновь. Случаются несчастья, и русские примиряются с ними; издаются законы, и русские им подчиняются. И эта покорность совсем не тупая, а скорее проистекающая от сознания неизбежности естественного хода жизни. Русские склонны к созерцанию, мистике, мечтательности. Из своих наблюдений и размышлений они вывели такое понимание страдания и смерти, которое придает жизни смысл, близкий по содержанию учению Христа,

Во времена Петра внешняя сторона поведения верующих в России подчинялась правилам настолько же сложным и суровым, насколько проста и глубока была их вера. Православный календарь переполняли обязательные для соблюдения дни памяти святых, бесчислен-

92

ные требы и посты. Люди молились, без конца крестясь и преклоняя колени перед церковными алтарями и перед иконами, которые у каждого висели дома в углу. Прежде чем лечь в постель с женщиной, православный снимал с ее шеи крест и занавешивал все иконы в комнате. Даже зимой супружеская пара после интимной близости не могла отправиться в церковь, не сходяв сначала в баню. Воры, перед тем, как украсть, били поклоны перед иконами и просили прощения и святого покровительства. В подобных делах не было места недосмотру или ошибке, ибо речь шла о вещах поважнее всего, что могло произойти в земной жизни — ведь от тщательного соблюдения обрядов зависело спасение души.

За двести лет монгольского ига церковь стала средоточием русской духовной жизни и культуры. В городах и деревнях кипела насыщенная религиозная жизнь, основывались многочисленные монастыри, особенно в далеких северных лесах. Всему этому нисколько не препятствовали монгольские ханы, которых совершенно не заботило вероисповедание населения зависимых государств, если дани и подати исправно поступали в Золотую Орду. В 1589 году была впервые учреждена московская патриархия, чем ознаменовалось окончательное освобождение Руси от духовного верховенства Константинополя*.

Москва и Россия добились независимости — и вместе с ней изоляции. Окруженная с севера шведскими лютеранами, с запада польскими католиками, с юга мусульманами — турками и татарами, русская церковь заняла оборонительную позицию консервативного отторжения всего идущего из-за границы. Любые перемены сделались ненавистными, огромные силы уходили на борьбу с проникновением иноземного влияния и ерети-

* Константинополь пал под натиском турок в 1453 г. Русская же православная церковь получила фактическую самостоятельность задолго до этого события. — *Ред.*

93

ческих идей. Пока Европа двигалась путем Реформации и Возрождения к Просвещению,

Россия и ее церковь блюли чистоту, окостенев в своем средневековом прошлом.

К середине XVII века лет за двадцать до рождения Петра, культурная отсталость стала слишком очевидной, она тяжело сказывалась на русском обществе. Тогда, несмотря на возражения церкви, в России появились иностранцы и с ними — новые технические приемы, новые взгляды на военное и инженерное дело, торговлю, искусство. Как неизбежное следствие, понемногу начали проникать и другие принципы и представления о мире. Русская церковь, подозрительная и настороженная, встречала любые новшества такой отчаянной враждебностью, что напуганные иностранцы вынуждены были искать защиты у царя. Однако брожение умов уже не прекращалось. Вскоре сами русские, не исключая и некоторых церковников, начали более пристально всматриваться в православие и даже кое в чем сомневаться. Возникли разногласия как внутри церкви, так и между церковью и верховной властью в лице царя. Сам по себе каждый из этих конфликтов был бедствием для церкви, а вместе они привели к катастрофе — Великому расколу, от которого Русская православная церковь так никогда и не оправилась.

На уровне человеческих отношений этот конфликт выразился в драматическом трехстороннем столкновении между царем Алексеем и двумя выдающимися отцами церкви: непреклонным патриархом Никоном и фанатичным приверженцем истинного православия протопопом Аввакумом. При этом, как ни странно, Алексей был самым благочестивым государем во всей истории: он уступил церковному деятелю — Никону — больше власти, чем любой из его предшественников или преемников. И все же к концу его правления русская церковь

94

оказалась безнадежно разделена и ослаблена, а Никон, закованный в цепи, томился в холодной каменной темнице. Еще удивительнее противостояние Никона и Аввакума. Оба они были простые русские люди родом из северных краев*. Оба быстро поднялись по ступеням церковной иерархии, приехали в Москву в сороковых годах XVII века и стали друзьями. Каждый считал величайшей целью своей жизни очищение русской церкви. Однако в понимании того, что есть чистота, они резко разошлись, причем каждый был страстно убежден в своей правоте. Подобно грозным пророкам, два великих соперника принялись метать друг в друга громы и молнии. А потом, почти одновременно, оба пали перед окрепшей мощью самодержавия. В ссылке каждый по-прежнему считал себя преданнейшим слугой Христа, у обоих бывали видения, оба творили чудесные исцеления. Один умер на костре, другого смерть настигла на обочине пустынной дороги.

Никон — высокий, словно топором вырубленный крестьянский сын, родом из северо-восточного Заволжья. Первоначально он был посвящен в духовный сан «белого», живущего в миру священника, женился, но затем расстался с женой и стал монахом. Вскоре после своего прибытия в Москву на пост архимандрита, или настоятеля, Новоспасского монастыря, этот монах шести футов и пяти дюймов ростом** был представлен юному царю Алексею. Духовная мощь и представительная внешность Никона произвели на Алексея такое неизгладимое впечатление, что он взял себе за правило раз в неделю, по пятницам, беседовать с Никоном. В 1649 году Никон был поставлен на Новгородскую митрополию, то есть

* Аввакум родился в 1620 или 1621 г. в селе Григорово под Нижним Новгородом. Судьбе было угодно, чтобы его заклятый враг Никон (Никита Минин) родился в 1605 г. в мордовском селе Вельдеманове, что в 15 верстах от русского села Григорово. — *Ред.*

** Т.е. около 196 см.

95

возглавил одну из самых древних и крупных епархий России, а когда в 1652 году умер тогдашний патриарх, Алексей попросил Никона принять патриарший престол.

Никон отказывался до тех пор, пока двадцатитрехлетний царь не пал на колени и не взмолился слезно, а тогда согласился с двумя условиями: чтобы Алексей слушался его «как начальника, и пастыря, и отца красней-шего» и чтобы поддерживал его деятельность, направленную на глубокое преобразование Русской православной церкви¹. Алексей поклялся все выполнять, и Никон принял патриарший престол с намерением осуществить обширную программу реформ. Он задумал отвадить церковников от пристрастия к водке и от других пороков, добиться верховенства церкви над государством, а затем, поведя за собой эту, уже очищенную и могущественную, русскую церковь, установить ее главенство над всем

православным миром. Для начала он попытался изменить церковную литургию и ритуал, следуя которым ежедневно молились миллионы русских людей, очистить все священные книги и требники от многочисленных искажений, переделок и просто ошибок, которые вкрались в тексты за сотни лет, и привести их в соответствие с греческими канонами. Старые полные искажений книги подлежали уничтожению.

Перемены в практике богослужения вызвали бурное недовольство. Благочестивые россияне почитали основополагающими такие церковные обычаи и отряды, как двоение возгласа «аллилуйя» в разные моменты церковной службы, служение литургии на семи, а не на пяти просфорах, написание имени Христа (Исус, а не Иисус), а главное, двуперстное крестное знамение — символ двойственной природы Христа, тогда как в соответствии с новыми указаниями полагалось складывать три пальца, символизируя Троицу. Если человек был убежден, что земная жизнь есть лишь подготовка к переселению в рай или в ад и что спасение души зависит от тщатель-

96

ного соблюдения церковной обрядности, то решение, как именно надо креститься, для него было равнозначно выбору между вечным небесным блаженством и адским пламенем. Кроме того, приверженное старине духовенство вопрошало, чего ради нужно предпочесть порядки и формулировки греческой церкви в ущерб уже сложившимся в русской? Разве не Москва сменила Константинополь в роли Третьего Рима, разве не русское православие представляет собой истинную веру? Так с какой стати кланяться грекам в вопросах обрядности, догматики или чего-либо другого?

В 1655 году Никон нашел поддержку своим начинаниям за пределами России. Он пригласил в Москву Макария, патриарха Антиохийского, и сирийский церковник отправился в дальний путь, взяв с собой своего сына и секретаря, Павла Алеппского. Павел вел путевой дневник, в котором мы находим массу личных впечатлений автора об Алексее и Никоне*. Они прибыли в январе 1655 года и их приветствовал величественный пат-

* Путевой журнал Павла Алеппского, «Путешествия Макария», представляет собой невыразимо горестное собрание жалоб, сетований, стенаний, нытья и хныканья по поводу трудностей жизни в России XVII в.

Всего страшнее оказались для гостей отсутствие комфорта в русских церквях и продолжительность богослужений, на которых обоим сирийцам, как приглашенным экспертам по религиозным вопросам, полагалось присутствовать. «Ни в одной церкви нет сидений, — жаловался Павел, — буквально ни единого, даже для епископа. Люди стоят, будто к месту приросли, в продолжение всей службы — кто совершенно неподвижно, кто непрестанно склоняясь в молитве. Видит Бог, сколь длинны их молитвы, песнопения и богослужения... Привычка сделала их нечувствительными к усталости... Мы же всякий раз, простояв столько времени на ногах, едва ковыляли прочь из церкви... Несколько дней потом мы не могли прийти в себя от боли в спине и ногах... Мы страдали от ужасного холода, который мог нас и убить, ведь приходилось стоять на железном полу. Удивительнее всего было видеть, как отроки и малые дети, сыновья высших государств

4 Пети Великий, т. 1

97

риарх Русской церкви Никон, «одетый в зеленую бархатную мантию с красным узором, в центре которого помещались шитые золотом и жемчугом херувимы. На голове у него было белое покрывало, увенчанное золотым обручем, к которому был прикреплен крест из драгоценных камней и жемчуга. Надо лбом вышиты жемчужные херувимы, а края покрывала оторочены золотым кружевом и унизаны жемчугом».

С самого начала путешественников столь же поразили набожность, кротость и почтительность молодого царя, сколь и властное величие русского патриарха. По собственному почину Алексей «взял себе за правило пешком являться на праздники всех главных святых в посвященных им церквях, воздерживаясь от езды в экипаже. Он простаивает всю службу от начала до конца, обнажив голову, без конца бьет поклоны, ударяется лбом оземь, рыдая и сокрушаясь перед иконой святого, и все это на глазах собравшихся». Однажды Алексей сопровождал Макария в поездке в монастырь в тридцати милях от Москвы, и там «государь взял нашего господина [Макария] за руку и отвел в богадельню, чтобы он мог благословить парализованных и больных и помолиться за них. Войдя туда, некоторые из нас не смогли оставаться в помещении из-за отвратительного запаха гниения и невыносимого зрелища людских страданий. Но

государь думал лишь о том, чтобы наш господин помолился и благословил больных. Патриарх шел, благословляя каждого, а царь следовал за ним и всех подряд целовал в ных сановников, часами стоят с непокрытой головой, ни одним движением не выдавая .своего нетерпения». На одной из служб оглашали имена всех солдат, погибших на войне с поляками за последние два года. «Архидьякон читал очень медленно, с расстановкой, а хор не переставая тянул вечную память. Мы едва удерживались на совершенно застывших ногах».

Вот к какому заключению приходит Павел: «Если кто-то желает укоротить свою жизнь лет на пять или десять, пусть отправится в Московию в качестве религиозного деятеля» .

лоб, губы, рута;. Поистине удивительны были для нас такие святость и смирение, ведь сами мы только и мечтали поскорее оттуда выбраться»⁵.

В вопросе об изменениях в ритуале церковной службы, так взволновавшем Русскую церковь, Макарий твердо встал на сторону Никона. На заседании собора, созванного на пятой неделе Великого поста 1655 года. Никон перечислял собратьям-священнослужителям недостатки действующего ритуала, то и дело обращаясь к Макарию за подтверждением своей правоты. Макарий его неизменно поддерживал, так что церковники, что бы они ни думали на самом деле, все же не осмелились возражать.

Подобно другим князьям церкви — а именно таким стало теперь его положение — Никон был великим строителем. Будучи митрополитом Новгородским, он основывал и перестраивал монастыри по всей этой обширной северной епархии. В Москве из камня и черепицы, пожалованных государем, он возвел в Кремле великолепный новый патриарший дворец. Там было семь залов, широкие балконы, огромные окна, удобные покои, три домовые церкви и богатая библиотека, составленная из книг на русском, церковнославянском, польском и других языках. В одном из залов Никон обедал на возвышении, окруженном столами пониже, предназначенными для прочего духовенства, точно также, как совсем неподалеку, в обществе своих бояр, обедал царь.

Самым большим из построенных Никоном архитектурных памятников был громадный Воскресенский монастырь на реке Истре в тридцати милях от Москвы, известный как Новый Иерусалим. Патриарх старался добиться точных соответствий: монастырь стоял на холме, нареченном Голгофой, прилегающий отрезок реки переименовали в Иордан, а главный собор монастыря воспроизводил храм Воскресения в Иерусалиме, где на-

99

ходится Гроб Господень. На сооружение собора с куполом высотой 187 футов, с двадцатью семью притворами, колокольной, высокими кирпичными стенами, золочеными воротами и с дюжинами других построек Никон не пожалел средств, стремясь языком архитектуры утвердить ту же идею, которую провозглашал и утверждал и всеми другими способами: Новому Иерусалиму воистину быть в Москве!

Никон с неумолимой суровостью внедрял дисциплину среди мирян и духовенства. В попытке навести порядок в повседневной жизни простых людей он запретил им ругаться, играть в карты, предаваться разврату и пьянству. Далее, он настаивал на том, чтобы каждый православный проводил по четыре часа в день в церкви. Он был непреклонен в отношении церковников, сошедших с праведной стези. Павел Алеппский сообщал: «Янычары Никона постоянно рыщут по городу и как только находят пьяного священника или монаха, тут же тащат в тюрьму. Эта тюрьма полна узников в самом жалком положении, чьи шеи и ноги стерты в кровь тяжелыми цепями и деревянными колодками. Если кто-либо из высшего духовенства или какой-нибудь настоятель монастыря совершает проступок, его заковывают в кандалы и заставляют день и ночь просеивать муку для пекарни, пока не истечет срок наказания. Если прежде сибирские монастыри пустовали, то теперь патриарх заполнил их настоятелями и высшими церковными иерархами вместе с беспутными, ц-егодными монахами. Недавно патриарх дошел до того, что лишил сана настоятеля Свято-Троицкого монастыря, невзирая на то, что тот был третьим сановником государства после царя и патриарха. Его послали молоть зерно в Севском монастыре за то, что он брал подношения от богатых людей. Все боятся суровости патриарха Никона, и слово его — закон»⁶.

Шесть лет подряд Никон вел себя так, словно именно он был настоящий правитель России. Он не только

носил, -наравне с царем, титул «великого государя», но нередко осуществлял управление в сфере чисто мирской. Когда Алексей во время польской кампании покинул Москву*, он оставил Никона правителем, приказав, чтобы «ни одно дело, великое или малое, не решалось без его совета». Приобретя такое могущество, Никон делал все возможное, чтобы возвеличить церковь за счет государства. В Кремле он держался царственнее, чем сам царь; не только духовенство и простой народ, но и высшая знать России оказались под его властью.

Павел Алеппский описывал высокомерное обращение Никона с боярами Алексея: «Мы заметили, что когда Дума собиралась в палате заседаний и раздавался звук патриаршего колокола, приглашавший их пройти в его дворец, опоздавших сановников заставляли ждать за дверью на страшном морозе, пока Никон не прикажет их впустить. Когда им наконец позволялось войти, патриарх тотчас обращался к образам, а все чины государства кланялись до земли, обнажив головы. Они так и оставались с непокрытой головой, пока он не покидал палату. По любому поводу у него было свое мнение, и он всем и каждому указывал, как следует поступить». В сущности говоря, заключал Павел, «сановники не испытывают особого страха перед царем, скорее они боятся патриарха, и во много раз сильнее».

Некоторое время Никон властвовал беспрепятственно, и стало казаться, что он не просто осуществлял управление, а завладел и самой властью. Но думать так значило совершать роковую ошибку: подлинная власть по-прежнему оставалась в руках царя. Пока патриарх сохранял царскую привязанность и поддержку, никто не мог устоять перед ним. Но враги его продолжали множиться, как снежная лавина, и не жалели сил, что-

* Речь идет о русско-польской войне 1654-1667 гг. Царь Алексей выезжал из Москвы в район военных действий весной 1656 г. - *Ред.*

бы возбудить в царя подозрительность и недоверие к Никону.

Со временем появлялось все больше примет усилившихся разногласий между Никоном и Алексеем. Как раз когда Макарий с Павлом покидали Москву, чтобы возвратиться в Антиохию, их догнал царский гонец с призывом вернуться. На обратном пути им повстречалась группа греческих купцов, которые рассказали, что в Страстную пятницу царь принародно поспорил с патриархом в церкви из-за какой-то мелочи в обряде. Алексей в гневе назвал патриарха «шутком гороховым», на что Никон резко отвечал: «Я твой духовный отец, как смеешь поносить меня?» «Не ты мой духовный отец, а святейший патриарх Антиохийский, и я пошлю людей воротить его», — парировал царь⁸. Макарий вернулся в Москву и сумел на время их примирить.

Однако к лету 1658 года позиции Никона серьезно ослабли. Когда царь начал пренебрегать им, Никон попытался припугнуть Алексея. Как-то после службы в Успенском соборе он оделся простым монахом и удалился из Москвы в Новый Иерусалим, заявив, что останется там, покуда царь не вернет ему своего доверия. Но он просчитался. Царь, теперь уже зрелый двадцатидевятилетний человек, был вовсе не прочь избавиться от властного патриарха. Он не только предоставил изумленному Никону два года тщетно ждать в монастыре, но созвал церковный собор, чтобы обвинить патриарха в том, что он «самовольно покинул Высочайший, Великорусский патриарший престол, оставив без надзора свою паству, и тем вызвал всеобщее смятение и непрестанные раздоры». В октябре 1660 года собор постановил, что «поведение патриарха равносильно полному отречению, а потому он более патриархом не является». Никон отказался признать решение собора, обильно уснастив свое опровержение цитатами из Священного писания. Обвинения, предъявленные Никону, и его ответ Алексей отослал четверым православным патриархам — в Иеруса-

лим, Константинополь, Антиохию и Александрию — и умолял их приехать в Москву, чтобы «рассмотреть и утвердить решение по делу бывшего патриарха Никона, который использовал во вред высшую патриаршую власть». Двое из патриархов, Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, согласились приехать, хотя прибыли лишь в 1666 году. В декабре был созван Большой церковный собор для суда над Никоном, в

котором двое иноземных патриархов председательствовали над собранием тринадцати митрополитов, девяти архиепископов, пяти епископов и тридцати двух архимандритов. Суд происходил в палате нового Патриаршего дворца, построенного Никоном в Кремле. Никона обвинили в возвышении церкви над государством, в незаконном смещении епископов, в том, что, «самовольно покинув свой престол, он обрек церковь на девятилетнее вдовство». Защищаясь, Никон утверждал, что его престол выше цесарского: «Хочеши ли навикнути, яко священство и самого царства честнейший и больший есть начальство... царие помазуются от священническую руку, а не священники от царские руки... Царь здешним вверен есть, а аз небесным... священство боле есть царства: священство от Бога есть, от священства же царстви помазуются. Сего ради яснейше: царь имать быти менее архиерея и ему в повиновении» . Однако собор не согласился с ним и восстановил традиционное соотношение сил между церковью и государством: царь является высшим авторитетом для всех своих подданных, не исключая и духовенство во главе с патриархом. В ведении церкви остаются только вопросы церковной доктрины. Одновременно собор поддержал и утвердил введенные Никоном изменения в чине богослужения.

Самого Никона приговорили к ссылке. До конца своих дней он жил монахом в отдаленном монастыре, в крохотной келье, куда вела винтовая лестница, такая узкая, что человек едва мог протиснуться. Умерщвляя

103

плоть, он спал на гранитной плите, покрытой камышовой циновкой, и носил тяжелые вериги.

Со временем гнев Алексея утих. Он, правда, не отменил решения собора, но писал Никону, прося благословения, посылал гостинцы, а когда родился Петр, пожаловал ему от имени новорожденного соболью шубу. Последние годы Никон посвятил целительству. Рассказывают, будто он всего за три года совершил 132 чудесных исцеления. После смерти Алексея юный царь Федор пытался подружиться с Никоном, а когда в 1681 году стало известно, что престарелый монах умирает, Федор даровал ему частичное прощение и разрешил вернуться в Новоиерусалимский монастырь. Никон тихо скончался в дороге в августе 1681 года. Позже Федор сумел получить от четырех восточных патриархов письменные свидетельства посмертного восстановления его в правах, и в смерти Никон вновь обрел сан патриарха.

Деятельность Никона, направленная на усиление роли церкви, привела к прямо противоположным результатам. Никогда больше в руках патриарха уже не сосредотачивалась подобная власть; русская церковь с тех пор всегда находилась в явном подчинении государству. Преемник Никона, новый патриарх Иоаким, хорошо понимал, какая роль ему отведена, когда обращался к царю со словами: «Государь, я не знаю ни старой, ни новой веры, но готов следовать и почтительно подчиняться любым царским указам»¹².

Никона сместили, но религиозный переворот в России, которому он дал толчок, уже начался. Тот самый собор, который осудил патриарха за попытку поставить церковную власть выше светской, утвердил введенные Никоном изменения в чине богослужения. Стон отчаяния пронесся над Россией, когда об этом решении узнало низшее духовенство и простой народ. Люди, бережно лелеявшие старинные обычаи своих предков,

104

приученные думать, что их вера — единственно истинная-и чистая на свете, отказывались принимать перемены. В старых обрядах был ключ к спасению, и они предпочитали претерпеть любое страдание в земной жизни, чем обречь бессмертную душу на вечные муки. К тому же они не сомневались, что все эти новшества в богослужении - дело рук проклятых иноземцев. Не сам ли Никон признавался и даже открыто провозглашал: «Я русский, сын русского, но моя вера и мои убеждения греческие»?¹ Иноземцы и так уже вовсю внедряли в России дьявольские изобретения - табак («колдовское зелье»), изобразительное искусство, инструментальную музыку*. А теперь, сделавшись еще более

дерзкими и зловредными, чем когда-либо, они вознамерились изнутри подорвать русскую церковь. Рассказывали, что Никонов Новоиерусалимский монастырь полон мусульман, католиков и евреев, переиначивающих на свой лад русские священные книги. Говорили даже, будто Никон (по другим версиям - сам Алексей) и есть Антихрист, чье царствование предвещает конец света. В сущности, тот идеал веры, к которому стремились эти люди, проповедовал в старину один священник-ортодокс: «О, простодушная, невежественная, смиренная Русь! Храни верность своим простым, наивным убеждениям, и тем обретишь жизнь вечную»¹⁴. В годину, когда их вера оказалась под угрозой, благочестивые русские верующие возопили: «Верните нам нашего Господа!»

* Еще в 1649 г., во время бунта против иноземного влияния, толпа разыскала и сожгла шесть повозок с музыкальными инструментами. Так что этот предрассудок был не нов и сохранялся в неизменном виде. Русская православная церковь, убежденная, что лишь человеческий голос достоин восхвалять Господа, до сих пор не допускает инструментальной музыки в богослужении, благодаря чему и возникли великолепные православные хоры — капеллы.

105

Итогом попыток Никона реформировать церковь стало, уже после смерти самого патриарха, мощное религиозное восстание. Тысячи людей, отказавшихся принимать реформы, получили имя староверов, или раскольников. Поскольку государство поддерживало церковные реформы, то выступления против церкви переросли в бунт против правительства — староверы отказывались признавать обе власти. Ни уговоры духовенства, ни жестокие правительственные меры не могли их переубедить.

Чтобы избежать власти Антихриста и преследований государства, староверы целыми деревнями подавались на Волгу, Дон, на Белое море, за Урал. Здесь, в дремучих лесах, по берегам далеких рек, они основывали новые поселения и терпели все тяготы, выпадающие на долю первопроходцев. Тех, кто убегал недостаточно далеко, настигали солдаты. Но староверы были готовы скорее заживо гореть в очищающем пламени, чем отречься от завещанного отцами обряда богомолества. Даже малые дети говорили: «Нас сожгут на костре, зато на небе у нас будут красные сапожки и рубашечки, вышитые золотыми нитками. Нам будут давать меда, орехов и яблок сколько захотим. Мы не станем кланяться Антихристу»¹⁵. Иногда староверы, измученные преследованиями, забивались всей общиной — мужчины, женщины, дети — в деревянную церковь, закладывали изнутри дверь и, под пение старинных гимнов, поджигали здание и сгорали вместе с ним. На дальнем Севере монахи влиятельного Соловецкого монастыря склонили солдат размещенного там гарнизона постоять за старую веру (убедить солдат помог, в частности, Никонов запрет на водку). Объединившись, монахи и солдаты целых восемь лет выдерживали осаду, отражая все силы, какие только могло бросить против них московское правительство.

Самой яркой и внушительной фигурой среди староверов был протопоп Аввакум. Наделенный пылкой и

106

фанатичной душой, он обладал и физической стойкостью, которая помогла ему соблюдать его суровую веру. В своем «Житии» он писал: «Прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии [разврату] всякой повинна; нача мне, плакавшея, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в тот час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен»¹.

Аввакум был самым ярким писателем и оратором своего времени (когда он проповедовал в Москве, люди сбегались толпами, чтобы подивиться его красноречию) и — среди представителей высшего духовенства — самым непримиримым противником реформ Никона. Он сурово порицал все перемены и любые компромиссы и поносил Никона как еретика и орудие дьявола. Негодуя на такие нововведения, как реалистическое изображение Святого семейства на недавно написанных иконах, он гремел: «...пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста чернованная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстые и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не писано... А все то кобель борзой Никон, враг, умыслил»¹.

В 1653 году Никон сослал своего бывшего друга Аввакума в Сибирь, в Тобольск. Через девять лет, когда уже сам патриарх впал в немилость, влиятельные московские друзья Аввакума уговорили царя вернуть протопопа и снова сделать настоятелем одного из кремлевских храмов. Некоторое время Алексей был усердным и почтительным членом паствы Аввакума и даже отзывался о нем как об «ангеле Божьем». Но оголтелая приверженность Аввакума старым принципам нет-нет да прорывалась. Он задиристо провозгласил, что ново-

107

рожденному младенцу больше известно о Боге, чем всем греческим церковным мудрецам, вместе взятым, и что для спасения души тем людям, кто согласился с еретическими новшествами Никона, следует заново принять крещение. Подобные выходки привели его ко второй ссылке, на сей раз в Пустозерск, на берег Ледовитого океана. Но и из этих отдаленных мест Аввакум умудрялся руководить староверами. Лишенный возможности проповедовать, он писал своим последователям красноречивые послания, увещевая их хранить старую веру, не идти ни на какие сделки, не склоняться перед своими гонителями и, по примеру Христа, как благо принимать страдания и мученическую смерть. «И со-жегши свое тело, — говорил он, — душа же в руке Божий предаша... Так беги же и прыгни в пламя! Скажи: „Вот мое тело, дьявол! Возьми и пожри его. Души моей ты не получишь!“»¹.

Последний вызов, брошенный Аввакумом, обеспечил ему самому именно этот пламенный удел. Из ссылки он написал юному царю Федору, будто ему явился Христос и открыл, что покойный отец Федора, царь Алексей, пребывает в аду и терпит там страшные муки за то, что одобрял реформы Никона. В ответ Федор приговорил Аввакума к сожжению заживо. В апреле 1682 года Аввакум принял столь желанную для него мученическую смерть у столба на торговой площади в Пустозерске. В последний раз перекрестившись двое-перстием, он радостно прокричал толпе: «Столб страшен, пока тебя к нему не привяжут, но коли ты уже там, обними его, и все забудешь! Ты узришь Христа, прежде чем жар охватит тебя, и душа твоя, освобожденная из темницы тела, воспарит на небеса счастливой

"19

пташкой» .

Пример Аввакумовой смерти вдохновил тысячи его приверженцев по всей России. За шесть лет, между 1684 и 1690 годом, двадцать тысяч староверов добровольно пошли в огонь, лишь бы не поклоняться антихристу.

108

Надо сказать, Софья не хуже Алексея или Федора вписывалась в этот образ и даже была еще суровее к раскольникам, чем ее отец и брат. Воеводам было приказано выделять столько войск, сколько будет надобно, чтобы помочь местным митрополитам внедрить официальную религию. Всякого, кто не ходил в церковь, подвергали допросу, а заподозренных в ереси пытали. Тех, кто укрывал у себя раскольников, лишали имущества и ссылали. Но, невзирая на пытки, ссылки и костры, старая вера была крепка.

Не все староверы покорились своим гонителям или взошли на костры. Те из них, что укрылись в северных лесах, устраивали там жизнь по-новому, и в этом чем-то напоминали протестантских сектантов приблизительно тогда же покидавших Европу, чтобы основать религиозные общины в Новой Англии. Опираясь лишь на собственные силы, староверы создавали поселения землепашцев и рыболовов, закладывали основы будущего процветания. Поколение их детей, уже в петровское время, славилось трезвостью и усердием в работе. Петр, высоко ценивший такие качества, приказал своим чиновникам оставить староверов в покое.

В конечном счете, от раскола больше всего пострадала официальная церковь. Реформы, которые по замыслу Никона должны были очистить церковь и подготовить ее к ведущей роли в православном мире, вместо этого ослабили ее. Двое непримиримых соперников, Никон и Аввакум, и два крыла, реформаторы и староверы, боролись друг с другом до полного изнеможения, что обескровило церковь, отвратило от нее самых рьяных ее сторонников и иавак оставило ее под пятой светской власти. Когда воцарился Петр, его взгляды на церковь во многом напоминали отношение к ней Никона — этот разложившийся, вялый организм следовало энергично очищать от порчи, невежества, предрассудков. Берясь за это дело (и покончив с ним незадолго до конца своего царствования), Петр имел два огромных

преимущества перед Никоном: он обладал большей властью и не обязан был ни у кого испрашивать одобрения. Но, несмотря на это, Петр ставил более скромные задачи, чем Никон. Он никогда, в отличие от Никона, не вмешивался в вопросы обрядности, ритуала богослужения, вероучения. Петр поддерживал авторитет официальной церкви как силы, противостоящей раскольникам, но религиозного раскола он не углубил. Он произвел раскол в других сферах российской жизни.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ПЕТРОВСКИЕ ПОТЕХИ

В годы правления Софьи некоторые церемониальные обязанности по-прежнему могли выполнять только Петр и Иван: ставить подписи на важных государственных бумагах, присутствовать на торжественных пирах, церковных праздниках и официальных приемах иностранных послов. В 1683 году, когда Петру было одиннадцать лет, двое соправителей принимали послов Карла XI, короля Швеции. Секретарь посла, Энгельберт Кампфер, так описал этот прием:

В Приемной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских. Когда посланник подал верующую грамоту и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье» младший, Петр, не дав времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил со своего

111

места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: «Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский по здорову ль?» *.

А вот что писал в 1684 году, когда Петру было двенадцать лет, один немецкий врач:

Затем я поцеловал правую руку Петра, причем он, слегка улыбаясь, подарил мне дружелюбный, милостивый взгляд и немедленно протянул руку, в то время как Ивана необходимо было поддерживать под локти. Петр необыкновенно хорош собой; природа словно решила проявить в нем все свои возможности, и действительно, у него столько природных дарований, что наименьшее из его достоинств — то, что он царский сын. Он наделен красотой, пленяющей всех, кто его увидит, и умом, который, несмотря на его юность, не имеет себе равных².

Ван Келлер, голландский резидент, уже в 1685 году, тоже разливался соловьем.

Юному царю пошел тринадцатый год. Природные задатки благополучно и успешно развиваются во всем его существе; он высокого роста, наружность его изящна; он растет на глазах, и столь же быстро расцветают его ум и понятливость, принося ему любовь и привязанность окружающих. Он имеет такую сильную склонность к военному делу, что когда он достигнет зрелости, мы можем с уверенностью ожидать от него смелых поступков и героических деяний³.

Рядом с Петром Иван производил жалкое впечатление. В 1684 году, когда Петр болел оспой, австрийского посланника принимал один Иван, поддерживаемый под руки двумя дядьками и говоривший едва слышно. Во

* Петр был так высок, крепок и энергичен, что показался шведам шестнадцатилетним, хотя ему было всего одиннадцать.

112

время аудиенции генерала Патрика Гордона, шотландского воина на русской службе, в присутствии Софьи и Василия Голицына, Иван выглядел совсем болезненным и слабым и всю беседу просидел, уставив глаза в пол. В течение всего Софьиного регентства Петр с Иваном оставались в прекрасных отношениях, хотя встречались только по формальным поводам. «Врожденные любовь и взаимопонимание двух Государей стали еще сильнее, чем прежде», — писал ван Келлер в 1683 году⁴. Конечно, Софья и Милославские тревожились за Ивана. На нем зиждилась их власть, и от него зависело их будущее. Возможно, он проживет недолго, и если не оставит наследника, путь к престолу для них будет отрезан. Так что, несмотря на

подслеповатость, косноязычие и слабоумие Ивана, Софья решила, что ему следует жениться и постараться стать отцом. Иван подчинился и взял в жены Прасковью Салтыкову, бойкую девушку из знатного рода. Дела у Ивана и Прасковьи сразу пошли на лад: у них родилась дочь, и можно было надеяться, что в следующий раз появится сын*.

Нарышкиных, находивших мрачное удовлетворение в болезнях Ивана, эти события ввергли в уныние. Петр все еще был слишком молод, чтобы жениться и тягаться с Иваном по части продолжения рода. Все их упования возлагались на юность и здоровье Петра; в 1684 году, когда он болел оспой и лежал в жару, они были в отчаянии. Им оставалось лишь терпеть Софьино правление и ждать, пока высокий, ясноликий сын Натальи достигнет зрелости.

* «Дела пошли на лад» не сразу, как думает автор, а лишь пять лет спустя после свадьбы — первая дочь Мария родилась 24 марта 1689 г. Современники были склонны считать, что «дела наладил» стольник Юшков, пользовавшийся впоследствии особым вниманием царицы Прасковьи, родившей еще четырех дочерей, среди которых была и императрица Анна Ивановна. — *Ред*

Политическая опала Нарышкиных обернулась личной удачей для Петра. Затеянный Софьей переворот и отстранение от власти нарышкинской партии освободили его от всех государственных забот, за исключением редких церемониальных обязанностей. Он получил свободу жить как хочется и расти на вольном деревенском воздухе. Некоторое время после стрелецкого бунта царица Наталья оставалась с сыном и дочерью в Кремле, в тех самых покоях, где они поселились после кончины Алексея. Но постепенно, с усилением Софьи, обстановка делалась для них все более тягостной и гнетущей. Наталья по-прежнему глубоко скорбела о гибели Матвеева и своего брата Ивана Нарышкина и опасались, как бы Софья не нанесла нового удара по ней и по ее детям. Но опасность была, не слишком велика; по большей части Софья вовсе не обращала внимания на свою мачеху. Наталье выделили небольшое содержание, которого вечно не хватало, так что униженная царица была принуждена обращаться за дополнительными суммами к патриарху или к другим представителям духовенства.

Чтобы поменьше бывать в Кремле, Наталья стала больше времени проводить в Преображенском, любимой даче и охотничьем дворце царя Алексея на берегу Яузы, милях в трех к северо-востоку от Москвы. При Алексее, любителе соколиной охоты, Преображенское составляло часть его огромного охотничьего хозяйства, и там сохранились тянувшиеся длинными рядами конюшни и сотни клеток для ловчих птиц и голубей — их добычи. Сам дом, ветхое деревянное строение с красными занавесками на окнах, был невелик, но зато стоял среди зеленых полей и рощиц. Взорвавшись повыше Петр мог подолгу смотреть на зеленые холмы, луга и поля, засеянные ячменем и овсом, на серебристую реку, выходящую среди березовых рощ, на разбросанные тут и

114

там деревушки с белыми церквями, увенчанными синими или зелеными маковками.

Здесь, в лесах и полях Преображенского, на берегах Яузы, Петр мог, сбежав из классной комнаты, от души предаваться забавам. С самого раннего детства он больше всего любил играть в войну. При Федоре для Петра специально устроили в Кремле маленький плац, где он муштровал своих юных товарищей по играм. Здесь же, на просторах Преображенского, для этих увлекательных упражнений места было сколько угодно. Только, в отличие от большинства мальчишек, играющих в войну, Петр мог обратиться за необходимым снаряжением в государственный арсенал. Записные книги Оружейной палаты свидетельствуют, что обращения эти поступали частенько. В январе 1683 года он запросил обмундирование, знамена, две деревянные колесные пушки с окованными железом стволами на лошадиной тяге — и все это требовалось доставить немедленно. В свой одиннадцатый день рождения, в июне 1683 года, Петр сменил деревянные пушки на настоящие, из которых ему позволили салютовать под присмотром пушкарей. Он пришел в такой восторг, что почти ежедневно с тех пор гонцы мчались в Оружейный приказ за порохом. В мае 1685 года уже почти тринадцатилетний Петр затребовал шестнадцать пар пистолей, шестнадцать карабинов с сошниками в латунной оправе, а вскоре — еще и двадцать три кремневых ружья и шестнадцать пищалей.

К тому времени как Петру исполнилось четырнадцать и они с матерью окончательно поселились в Преображенском, его военные игры превратили эту летнюю дачу в настоящий

взрослый военный лагерь. Первый маленький отряд «петровских солдат» составили товарищи его детских игр, определенные к нему на службу, когда он достиг пятилетнего возраста. Их отобрали из разных боярских семей, чтобы у царевича была своя свита — маленькие конюшие, спальники и стольники, но по сути дела все они давно стали просто друзьями.

115

Еще он пополнял ряды своих солдат за счет огромного и теперь оказавшегося не у дел штата прислуги отца, царя Алексея, и брата Федора. Куча людей, особенно из числа сокольников Алексея, по-прежнему числилась на царской службе, хотя делать им было абсолютно нечего. Здоровье Федора охотиться не позволяло, Иван еще меньше годился для этой царской потехи, а Петр ее не любил. Тем не менее, вся эта орава продолжала получать от государства жалованье, кормилась за счет казны, так что Петр решил привлечь кое-кого из них к своим потехам.

Ряды петровских солдат росли также благодаря тому, что молодые дворяне сами просились к нему на государеву службу — кто по собственному побуждению, кто по настоянию отцов, жаждавших снискать расположение молодого царя. Мальчиков из других сословий тоже принимали, и потому сыновья подьячих, конюхов, и даже холопов оказались в одном строю с боярскими сынками. Кстати, среди юных добровольцев неизвестного происхождения был один мальчик годом младше царя — Александр Меншиков. В конце концов на территории Преображенского собралось три сотни подростков и юношей. Они жили в казармах, постигали солдатскую науку, изъяснялись солдатским языком и получали солдатское жалованье. Петр относился к ним, как к любимым соратникам, и впоследствии из этих-то молодых дворян и конюхов он создал свой славный Преображенский полк. Вплоть до падения российской монархии в 1917 году Преображенский оставался первым полком русской императорской гвардии. Его полковником всегда был сам царь, и больше всего преображенцы гордились тем, что их полк основал Петр Великий.

Вскоре все квартиры, имевшиеся в маленьком селе Преображенское, заполнились, а мальчишеская армия Петра продолжала разрастаться. В соседнем селе Семеновском построили новые казармы; впоследствии разме-

116

шенная там рота превратилась в Семеновский полк — второй из полков российской императорской гвардии. Оба будущих полка насчитывали по триста солдат и включали в себя все роды войск — пехоту, кавалерию и артиллерию — совершенно как в настоящей армии. Для них возвели казармы, полковые дворы, конюшни, на складах снаряжения регулярной конной артиллерии раздобыли конскую сбрую и зарядные ящики, из регулярных полков откомандировали пятерых флейтистов и десять барабанщиков — подавать сигналы и отбивать дробь на петровских потешных учениях. Придумали и сшили для солдат обмундирование по западному образцу: черные сапоги, черные треуголки, штаны и расклешенные, доходившие до колен камзолы с широкими обшлагами на рукавах; для Преображенской роты — темно-зеленые, бутылочного оттенка, для Семеновской — густосиние. Был сформирован командный состав — штаб-офицеры, унтер-офицеры и сержанты, а также создана интендантская часть, служба управления и даже казначейство — туда были набраны те же юные солдаты. Потешные — так их стали называть, — как настоящие солдаты, подчинялись строгой воинской дисциплине и подвергались самой суровой муштре. Вокруг своих казарм они выставляли караулы и сменялись на часах. Постепенно набираясь опыта, они стали совершать долгие марши по окрестностям, вставали на ночь лагерем, рыли окопы и высылали дозоры.

Петр с восторгом погрузился в эти занятия, стремясь с полной отдачей участвовать в каждом деле. Вместо того, чтобы сразу же возложить на себя чин полковника, он записался в Преображенский полк рядовым, барабанщиком, и уж тут мог всласть наиграться на своем любимом инструменте. Со временем он присвоил себе звание артиллериста, или бомбардира, чтобы палить из самого шумного и самого разрушительного орудия. Ни в казарме, ни в походе он не допускал, чтобы его выделяли среди других солдат. Он выполнял те же обязанности,

117

что и они, так же стоял днем и ночью на часах, спал с ними в одной палатке и ел из одного

котла. Если возводились земляные укрепления, Петр работал лопатой. Если полк выходил на парад, Петр шагал в строю, ничем, кроме роста, не выделяясь.

Проявившиеся еще в отрочестве нежелание Петра занимать высшую должность в каком бы то ни было армейском или флотском подразделении осталось у него на всю жизнь. Впоследствии, отправляясь в поход со своей новой русской армией или уходя в плавание с новым флотом, он всегда выступал как младший командир. Он стремился к продвижению по службе — из барабанщиков в бомбардиры, из бомбардиров в сержанты и в конце концов в генералы, а на флоте в контр-, а затем и в вице-адмиралы, — но только если чувствовал, что его опыт, умение и заслуги достойны поощрения. Поначалу это объяснялось отчасти тем, что в мирное время на учениях барабанщикам и артиллеристам было куда веселее и удавалось производить гораздо больше шума, чем майорам и полковникам. Но кроме того царь был искренне убежден, что должен пройти всю школу воинской службы снизу доверху. А уж если сам царь поступал таким образом, то кто бы осмелился претендовать на командную должность лишь на основании своего титула. Петр ввел этот порядок с самого начала — в первую очередь смотреть не на знатность, а на способности и мастерство, постепенно внушая российской знати, что каждое поколение обязано собственными заслугами добиваться чинов и почета.

Петр вырос, и его игра в войну постепенно усложнялась. В 1685 году, чтобы поучиться строить, оборонять и штурмовать укрепления, юные солдаты почти год трудились над возведением маленькой земляной крепости на берегу Яузы в Преображенском. Как только она была готова, Петр обстрелял ее из мортир и пушек, чтобы проверить, можно ли ее разрушить. Крепость вновь отстроили, и со временем она выросла в

118

укрепленный городок, названный Прешпургом, где имелся гарнизон, городское управление, суд и даже потешный «король Прешпургский», которого изображал один из товарищей Петра и которому сам царь в шутку подчинялся.

Для столь серьезных военных игр Петру требовались советы профессионалов. Даже при самом горячем желании юнцам не под силу строить и бомбардировать крепости совершенно самостоятельно. Источником необходимых технических знаний стали офицеры-иностранцы из Немецкой слободы. Все чаще эти иностранцы, которых сначала приглашали в качестве временных инструкторов, получали постоянные офицерские должности в потешных полках. К началу девяностых годов XVII века, когда две роты превратились в Преображенский и Семёновский гвардейские полки, почти все полковники, майоры и капитаны были иностранцы, и лишь сержанты и рядовые — русские.

Некоторые полагают, что Петр, разворачивая эти потешные войска, имел замысел создать военную силу, которую в один прекрасный день мог бы использовать для ниспровержения Софьи. Вряд ли это так. Софья отлично знала, что происходит в Преображенском, и не была серьезно обеспокоена. Если бы она ожидала опасности с этой стороны, никто не выполнял бы заявок Петра на оружие из арсеналов Кремля. Но пока Софья могла рассчитывать на преданность двадцатитысячного стрелецкого войска, размещенного в Москве, шестьсот мальчишек Петра ничего не значили. Софья даже предоставляла Петру целые полки стрельцов для участия в потешных баталиях. Любопытно, что в 1687 году, как раз когда Петр готовился к крупномасштабным полевым учениям, Софьины войска выступали в первый поход против крымских татар. Стрельцам, солдатам и иностранным офицерам, прикомандированным к Петру, приказали вернуться в армию, так что потешные маневры пришлось отложить.

119

Все в эти годы привлекало любопытство Петра. Он просил то часы с боем, то статую Христа, калмыцкое седло, большой глобус или ученую обезьянку. Ему было интересно, как действуют всякие устройства, нравилось видеть и чувствовать инструменты в своих больших руках; он наблюдал, как мастеровые работают этими инструментами, а потом повторял их приемы и наслаждался, вгрызаясь в дерево, обтесывая камень, отливая металл. В двенадцать лет он обзавелся верстаком и научился владеть топором, долотом, молотком. Он сделался каменщиком, освоил тонкое искусство обращения с токарным

станком и отлично точил по дереву, а потом и по слоновой кости. Он узнал, как набирают, печатают и переплетают книги, и полюбил звон кузнечных молотов, высекающих искры из раскаленного докрасна железа.

Одним из следствий этого вольного отрочества на просторах Преображенского оказалось то, что нормальному образованию Петра настал конец. Покинув Кремль, полный для него ненавистных воспоминаний, он оторвался от ученых наставников, воспитавших Федора и Софью, и от всех обычаев и правил царского обучения. Живой и любопытный, он убежал вон из дома, чтобы учиться практическим делам, а не отвлеченным предметам. Петр больше постигал в лугах, лесах на реке, чем в классной комнате, и больше привык к пищалям и пушкам, чем к перу и бумаге. Он много этим приобрел, но и потери были велики. Он почти не читал. Его почерк и грамотность остались на том ужасающем уровне, который простителен разве что в раннем детстве. Петр не учился никаким иностранным языкам, и лишь позже нахватался кое-каких обрывков голландского и немецкого в Немецкой слободе и в заграничных поездках. Ему было неведомо богословие, философия никогда не волновала и не развивала его ума. В десять лет Петра взяли из школы и целых семь лет он пользовался неограничен-

ней свободой. Конечно, как всякого своенравного и смышленного ребенка, его во все стороны влекло любопытство; поэтому он и без наставников многому научился. Но он был лишен постоянной, упорядоченной тренировки ума, упорного последовательного движения от простых дисциплин ко все более сложным, приближающим к освоению того искусства, которое древние греки почитали наивысшим, — искусства управлять людьми.

Образование Петра, направленное любопытством и прихотью, соединявшее полезные познания вперемежку с бесполезными, определило его интересы и устремления как личные, так и царские. Многие из свершений Петра, наверное, не осуществились бы, учись он в Кремле, а не в Преображенском, ведь традиционное систематическое обучение может не только развить способности, но и подавить их. Впоследствии Петр сам ощущал пробелы в своем образовании и горько сетовал на его недостаточную глубину и законченность.

Случай с астролябией отражает типичную для него манеру приобретать знания — всегда в порыве увлечения и по собственному выбору. В 1687 году, когда Петру было пятнадцать, князь Яков Долгорукий накануне своего отъезда во Францию с дипломатической миссией упомянул при царе о том, что когда-то у него был иноземный инструмент, «которым можно было измерять расстояние и площадь, не сходя с места». К несчастью, инструмент украли, но Петр попросил князя купить ему такой же в Париже. По возвращении Долгорукого в Москву в 1688 году Петр первым делом спросил, привез ли тот, что он просил. Принесли коробку, извлекли из нее сверток, развернули; там оказалась астролябия, изящно выполненная из дерева и металла, но никто из присутствующих не знал, как ею пользоваться. Начались поиски знающего человека, которые быстро привели в Немецкую слободу. Им оказался седой голландский инженер по имени Франц Тиммерман. Взяв прибор в руки, он мигом вычислил расстояние до ближайшего

121

дома. Послали слугу измерить расстояние шагами, и тот доложил цифру, близкую к названной Тиммерманом. Петру загорелось, чтобы его тоже научили. Тиммерман согласился, но предупредил, что сначала ученику придется одолеть арифметику и геометрию. Когда-то Петр изучал основы арифметики, но позабыл за ненадобностью, и даже не помнил вычитания и деления. Теперь же, подхлестываемый желанием освоить астролябию, он погрузился в изучение множества предметов: и арифметики, и геометрии, а заодно и баллистики. И чем дальше двигался он вперед, тем больше тропинок открывалось перед ним. Он опять заинтересовался географией и принялся разглядывать на большом глобусе, принадлежавшем его отцу, очертания России, Европы и Нового Света. Тиммерман как наставник годился лишь на время: он двадцать лет провел в России и отстал от последних европейских технических новшеств. Но для Петра он стал и

советником, и другом, и царь буквально не отпускал от себя пыхающего трубкой голландца. Тиммерман немало повидал, мог объяснить устройство разных механизмов, мог ответить хотя бы на часть вопросов, непрестанно возникавших у этого высокого, бесконечно любознательного юноши. Вместе они бродили по окрестностям Москвы, заходили в поместья и монастыри, забредали в деревушки. Одна из таких прогулок в июне 1688 года ознаменовалась прославленным эпизодом, имевшим необыкновенно важные последствия и для Петра, и для России. Они с Тиммерманом бродили по царскому имению неподалеку от села Измайлово. Среди строений позади главной усадьбы был амбар, набитый, как объяснили Петру, всяким старьем и запертый уже много лет. Охваченный любопытством, Петр велел отпереть дверь и, не взирая на запах плесени, принялся изучать содержимое амбара. В сумраке его внимание сразу привлекло что-то большое. Это оказался старый, тухлявый бот, лежавший вверх дном в углу. Размерами он был примерно со спасательную шлюпку на современ-

122

ном океанском лайнере - двадцать футов в длину и шесть в ширину.

Петр, конечно, и раньше видел корабли и лодки. Ему известны были громоздкие, с небольшой осадкой суда, на которых русские перевозили товары по своим широким рекам; он видал также лодки поменьше, на которых катались для развлечения в Преображенском. Но все это были чисто речные суда, плоскодонные, наподобие барж, и с квадратной кормой; ходили они на веслах, либо их тянули на канатах бредущие вдоль берега люди или животные, либо их просто несло течением. Сейчас перед ним была совсем другая лодка. Ее глубокий, округлый корпус, тяжелый киль и острый нос явно предназначались не для рек.

— Что это за судно? - спросил Петр у Тиммермана.

— Это английский бот, — отвечал голландец.

— А где его употребляют? Чем он лучше наших судов? — осведомился Петр.

— Если на него поставить новую мачту и паруса, он сможет ходить не только по ветру, но и против ветра, — сказал Тиммерман.

— Против ветра? — Петр был поражен. — Разве так бывает? *

Он хотел сразу же опробовать бот, но Тиммерман поглядел на гнилые доски и настоял на основательной починке — а тем временем изготовят мачту и паруса, Петр его непрестанно торопил, поэтому Тиммерман нашел еще одного почтенного голландца, Карстена Бранта, приехавшего в Россию в 1660 году, чтобы строить корабль на Каспийском море по заказу царя Алексея. Брант, который ныне был плотником в Немецкой слободе, явился в Измайлово и взялся за работу. Он заменил негодные доски, законопатил и просмолил днище, поставил мачту, оснастил судно такелажем и парусами.

Бот на катках

* В основе этого диалога лежит рассказ Петра из Предисловия к Морскому уставу. — *Ред.*

123

доставили на берег Яузы и спустили на воду. На глазах у Петра Брант поплыл по реке, меняя галсы и используя бриз так, чтобы идти не только против ветра, но и вверх по течению медленной реки. Вне себя от восторга, Петр кричал, чтобы Брант вернулся к берегу и взял его на борт. Он вспрыгнул на палубу, ухватился за румпель и под руководством Бранта стал лавировать против ветра, «что мне паче удивительно и зело любо стало», писал царь годы спустя в предисловии к Морскому уставу*.

С тех пор Петр каждый день отправлялся в плавание. Он научился ходить под парусами, но Яуза была очень узка, а ветер нередко слишком слаб, чтобы маневрировать. К тому же ботик без конца садился на мель. Самым близким крупным водоемом, девяти милях в

* Неизвестно, откуда в действительности взялся знаменитый бот, который Петр окрестил «дедушкой русского флота». Петр считал, что бот английский; по одной легенде, его прислала в подарок Ивану Грозному королева Елизавета I. Другие полагают, что его построили в России при царе Алексее голландские плотники. Важно одно — это было небольшое парусное судно западного образца.

Помня, какую роль этот ботик сыграл в его жизни, Петр непременно хотел сохранить его. В 1701 г. его забрали в Кремль и хранили в здании возле колокольни Ивана Великого. В 1722 г., когда завершилась,

наконец, долгая война со Швецией, Петр приказал перевезти ботик из Москвы в Санкт-Петербург. Часть пути предстояло тащить полутонное судно волоком по бревенчатому настилу, и поэтому петровские распоряжения проникнуты особой заботой: нужно было доставить бот в Шлиссельбург, по дороге не сломать его, и для этого двигаться только днем, особенно «быть осторожны на плохой дороге». 30 мая 1723 г., в пятьдесят первый день рождения Петра, прославленный бот вышел по Неве в Финский залив, где был встречен своими «внуками», боевыми кораблями российского Балтийского флота. В августе того же года бот поместили в специально выстроенный для него домик в Петропавловской крепости, где он оставался больше двух столетий. Ныне петровский ботик является самым знаменитым экспонатом Военно-морского музея в бывшем здании Биржи на стрелке Васильевского острова в Петербурге.

124

поперечнике, было Плещеево озеро близ Переславля, в восьмидесяти пяти милях к северо-востоку от Москвы. Но хотя Петру позволялось, как беззаботному юнцу, резвиться в полях, он все же был царем и не мог без серьезной причины удалиться от столицы на такое расстояние. Впрочем, причину он быстро нашел. В июне в Троице-Сергиевой лавре отмечают церковный праздник, и Петр отпросился у матери поехать туда и участвовать в церемониях. Наталья позволила. Едва закончилась служба, Петр, недосыгаемый для чьих-либо запретов, поскакал напрямик через леса на северо-запад, к Переславлю. Как было условлено заранее, его сопровождали Тиммерман и Брант.

Стоя на берегу озера, Петр вглядывался вдаль, а летнее солнце припекало спину и сверкало на воде.

Противоположный берег был едва различим. Да, тут можно идти под парусом целый час, даже два, не меняя галс. Петру хотелось бы поплыть немедленно, но лодки не было, и вряд ли удалось бы перетащить английский бот из Измайлова в такую даль. Он повернулся к Бранту и спросил, возможно ли здесь, на берегах озера, построить новые суда.

— Да, мы можем здесь строить корабли, — ответил старый плотник, оглядывая пустынные берега и густой лес, — но нам многое понадобится.

— Это неважно, — возбужденно проговорил Петр, — у нас будет все, что нужно⁸.

Петр был настроен сам участвовать в постройке кораблей на Плещеевом озере. Это значило, что нужно не просто еще раз, не спросясь, наведаться на озеро, но получить разрешение надолго здесь поселиться. Он вернулся в Москву и принялся осаждать мать. Наталья сопротивлялась и требовала, чтобы он пробыл в Москве хотя бы до Петрова дня, когда праздновались его именины. Петр остался, но на следующий же день после праздника он с Брантом и еще одним старым голландским-корабельным мастером по имени Корт поспешил на

125

Плещеево озеро. Они выбрали место для своей верфи на восточном берегу, поблизости от дороги из Москвы в Ярославль, и начали рубить избы и причал для будущих кораблей. Валили, сушили и тесали лес. От зари до темна Петр наравне с другими работниками из всех сил пилил и стучал молотком под руководством голландцев, и скоро были заложены пять судов — два маленьких фрегата и три яхты с закругленным носом и кормой на голландский манер. В сентябре начали расти остовы кораблей, но ни одного не успели закончить прежде, чем Петру пришлось возвращаться на зиму в Москву. Он уезжал неохотно и просил голландских корабельщиков остаться и приложить все старания, чтобы к весне корабли были готовы.

Случайно найденный старый бот и первые плавания под парусами по Яузе породили у Петра две страсти, во многом определившие его характер и всю его жизнь: одержимость морем и стремление учиться у Запада. Как только он стал царем на деле, а не по названию, он устремился к морю, сначала на юг, к Черному, потом на северо-запад, к Балтийскому. Понукаемая этим удивительным морским мечтателем, огромная сухопутная страна, спотыкаясь, побрела к океанам. Это было непривычно и в то же время неизбежно. Ни одна великая держава не может существовать и процветать без выхода к морю. Но удивительно то, что идея вывести страну к морю выросла из романтических мечтаний подростка.

Пока Петр плавал по Яузе с верным Брантом у руля, увлечение водной стихией соединялось и переплеталось в нем с восхищением Западом. Он сознавал, что стоит на иностранном судне и

что учит его иностранный наставник. Голландцы, которые починили бот и теперь показывали, как им управлять, представляли передовую, по сравнению с Москвией, техническую культуру. Голландия располагала сотнями кораблей и тысячами моряков, и для Петра Тиммерман и Брант воплощали Голландию.

126

Они были его героями. Он стремился держаться поближе к обоим старикам, чтобы учиться у них. В те годы они и были для него Западом. Ему же предстояло стать олицетворением России.

К концу 1688 года Петру исполнилось шестнадцать с половиной, и он был уже не мальчик. Сидел ли он на троне в парчовом одеянии или в пропотевшем зеленом камзоле рыл окопы, тянул канаты, забивал гвозди, перебрасываясь с плотниками и солдатами крепким словом, — это был взрослый мужчина. Во времена, когда человеческая жизнь была коротка и поколения стремительно сменяли друг друга, мужчины нередко становились отцами в шестнадцать с половиной лет. Это в особенности относится к принцам крови, чьей первейшей обязанностью было обеспечить престолонаследие. Что требовалось от Петра, понятно: пора жениться и произвести на свет сына. Его мать остро чувствовала это, и даже Софья не возражала. Тут уже не до соперничества Нарышкиных и Милославских — речь шла о наследнике престола из рода Романовых. Царевна не могла вступить в брак, а у царя Ивана рождались одни дочери.

Были у Натальи и более личные причины. Ее тревожил растущий интерес сына к иноземцам; это увлечение не шло ни в какое сравнение с хорошо знакомой ей умеренно прозападной атмосферой дома Матвеева или с обстановкой при дворе Алексея в последние годы его правления. Ведь Петр абсолютно все свое время проводил с этими голландцами, и они обращались с ним как с подмастерьем, а не как с государем. Они приохотили его к винопитию, курению и к иностранным девицам, которые вели себя далеко не так, как взращенные взаперти дочери русской знати. Кроме того, Наталью всерьез заботила безопасность Петра. Эта его пальба из пушек и плаванье на лодках могли плохо кончиться. Он подолгу отсутствовал, ускользая из-под ее надзора, водился с

127

неподходящими людьми, рисковал жизнью. Нет, ему пора жениться! Пригожая русская девушка, простая, скромная и любящая, отвлечет его, внесет в его жизнь новые интересы — не все же ему бегать по полям да бултыхаться в реках и озерах, пора остепениться! Хорошая жена сделает из Петра мужчину, и если повезет — этот мужчина скоро станет отцом.

Петр принял материнскую волю без сопротивления — не потому, что вдруг сделался покорным сыном, а потому, что все это его мало интересовало. Он не возражал против традиционного съезда претенденток в Кремле; не возражал, чтобы мать их рассортировала и выбрала самую подходящую. Когда это было сделано, он взглянул на избранницу, не выразил недовольства и тем утвердил выбор матери. Так, без малейших усилий, Петр приобрел жену, а Россия — новую царицу.

Ее звали Евдокия Лопухина, и было ей двадцать лет — на три года больше, чем Петру*. Говорили, что она хороша собой, хотя портретов Евдокии в этом возрасте не сохранилось. Застенчивая, ко всем почтительная — тем-то она и понравилась будущей свекрови. И роду она была хорошего, происходила из почтенного, весьма приверженного старине московского семейства, ведшего родословную с XV столетия и успевшего породниться с Голицыными, Куракиными и Ромодановскими. Евдокия воспитывалась в строгом православии, была почти необразованна, от всего иностранного ее бросало в дрожь; она искренне верила, что угодить мужу очень просто — достаточно стать его главной рабой. Румяная, полная надежд и беспомощная, стояла она рядом со своим высоким юным женихом, когда их венчали 27 января 1689 года.

Даже для того времени, когда всех женили по расчету, этот брак оказался катастрофически неудачным. Петр, при всей своей физической зрелости, все еще был

* Если точно, Евдокия была старше Петра на два года — она родилась 30 июня 1670 г., а он 30 мая 1672 г. — *Ред.*

128

сам не свои от новых идей и открытий и по-прежнему больше интересовался устройством механизмов, чем нюансами человеческого поведения. Во все эпохи от семнадцатилетних

юнцов, хотя бы и женатых, вряд ли можно ожидать, что они откажутся от любимых занятий и послушно водворятся возле семейного очага. Если кому-то и дано было совершить с Петром такое чудо, то не Евдокии. Скрамная, заурядная, сама в сущности лишь робкое дитя, она была совершенно подавлена величиим своего мужа - царя, силилась угодить ему, но не знала как. Из нее получилась бы образцовая царица для традиционного московского царя. Евдокия готова была отдать мужу все, но его необузданный, беспокойный гений приводил ее в замешательство, а грубоватая стихия мужского мира - его мира - ввергала ее в страх. Она согласилась бы участвовать в государственных церемониях, но не в строительстве кораблей. А тут еще эти иностранцы, которых Евдокия ненавидела все сильнее. Ей и раньше говорили, что все зло от них, и верно — зачем отнимают у нее мужа? Им с Петром не о чем было разговаривать: она ничего не знала ни о плотницком деле, ни о корабельной оснастке. С самого начала беседы с женой наводили на него скуку; затем так же наскучили и ее ласки, и скоро он уже самый вид ее выносил с трудом. Но так или иначе, они были женаты, делили ложе и за два года у них родилось двое сыновей. Старшим был царевич Алексей, чья трагическая судьба станет пыткой для Петра. Второй младенец, нареченный Александром, умер через семь месяцев. Когда это случилось, спустя неполных три года после свадьбы, отчуждение Петра и равнодушие к жене дошли до того, что он не потрудился явиться на похороны ребенка*.

* Вопрос о числе детей Петра от первого брака с Евдокией Федоровной не менее спорен, чем вопрос о числе детей Петра от второго брака с Екатериной I. Одни авторы считают, что царица Евдокия родила двоих сыновей — Алексея (18 февраля 1690 г.) и

Петр Великий, т. 1

129

Да и медовый месяц их был краток. Ранней весной, всего через несколько недель после свадьбы, Петр в нетерпении следил, как ломается лед на Яузе, в Преображенском. Зная, что скоро лед начнет таять и на Пле-щевом озере, он рвался прочь от жены, матери и всех своих обязанностей. В начале апреля 1689 год он-таки вырвался на волю и помчался на озеро, горя желанием увидеть, как идут дела у Бранта и Корта. Лед уже ломался и суда были почти готовы к спуску — им не доставало всего нескольких Зухт хорошего каната и веревки для оснастки парусов. В то же день он написал матери красноречивое письмо, в котором просил прислать веревки, лукаво подчеркивая, что чем скорее они придут, тем раньше он вернется домой.

Всего бе знейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушке, гасударыни царице и великой княгине Наталии Кириловне, сынишка твой, в работе пребывающей, Петрушка благословения прошу, а о твоём здравии слышать желаю. А у нас молитвами твоими здорово все; а озеро все вскрылось сего 20-го числа, и суды все кроме большого корабля в оделке, только за канатами станет, и о том милости прошу, чтоб те канаты по семисот сажень ис Пушкарского приказы, не мшкаф, присланы были; а за ними дело станет, и житье наше продолжитца. По сем паки благословения прошу⁹.

Наталья поняла и разгневалась. Не канаты получил от нее Петр, а приказ немедленно возвращаться в Москву, чтобы присутствовать на панихиде по царю Федору, — иначе все будут возмущены его неуважением к памяти брата. Удрученный перспективой расстаться со своими

Александра (3 августа 1691 г., умер 14 мая 1692 г.). Другие **ангоры** прибавляют к этому числу еще и умершего в младенчестве **Павла** (1693 г.). - *Ред.*

130

кораблями, Петр опять попытался сопротивляться материнской власти. Следующее письмо представляет собой смесь натужной бодрости и слабых отговорок:

Всего безнейшей и дражайшей моей матушки, гасударыни царице Наталии Кириловне, недостойный сынишка твой Петрунка о здравии твоём присно слышать желаю. А что изволила ко мне приказывать, чтоб мне быть к Москве, и я быть готов, толко, гей-гей дела есть и то присланой сам видел: известит явнее. А мы молитвами твоими во всякой целости пребываем. О бытии моем пространнее писал я ко Лву Кириловичю [Нарышкин, дядя Петра и брат царицы], и он тебе, гасударыни, донесет. По сем и наипокорственнее пре-доюся в волю вашу. Аминь .

Но Наталья была непреклонна: Петр должен приехать. Он явился в Москву лишь накануне

панихиды, и прошел целый месяц, прежде чем ему снова удалось удрать; приехав на Плещеево озеро, он узнал о смерти Корта. Работая рядом с Брантом и другими мастерами, Петр помогал достраивать корабли. Вскоре он снова написал матери, отправив письмо с боярином Тихоном Стрешневым, которого Наталья послала в Переславль посмотреть, что там делается.

Гей, — приветствовал Петр свою мать, — о здравии слышать желаю и благословения прошу. А у нас все здорово; а о судах паки поттверждаю, что зело хороши все, и о том Тихан Микитич сам известит. Недостойный Petrus¹¹,

Подпись «Petrus» весьма красноречива. Остальное письмо Петр написал как всегда, на полуграмотном русском языке, но имя — по-латыни, пользуясь незнакомым и экзотически-привлекательным западным алфавитом. Кроме латиницы, Петр перенимал у своих собратьев по работе и голландский язык.

Этой весной, сразу после женитьбы, Петр написал

131

из Переславля пять писем матери и ни одного — жене. Он даже не упоминал о ней, когда писал к Наталье. И та с готовностью поддерживала подобное невнимание. В маленьком мирке Преображенского, где невестка со свекровью жили бок о бок, уже ощущались натянутые отношения. Наталья, сама присмотревшая для сына жену, скоро разобралась, насколько это была ограниченная, недалекая натура, прониклась к ней презрением и не осуждала Петра за нелюбовь к жене. Евдокия, окружен[^]ная таким недружелюбием, трогательно надеялась, что вот вернется домой Петр и все уладится. Она писала к нему, умоляя не забывать ее, выпрашивала хоть какого-нибудь знака любви и нежности:

Государю моему, радости, дарю Петру Алексеичу. Моему господину царю Петру Алексеичу. Здравствуй, свет мой, на множества лет. Просим милости: пожалуй, государь, буди к нам, не замешкав. Я, заботами матушки вашей, жива-здорова. Женишка твоя, Дунька, челом бьет.

И снова Петру велено было по какому-то торжественному случаю явиться в Москву. Опять он с трудом оторвался от своих кораблей, но на сей раз мать настояла, чтобы, появившись в столице, он там остался. В государстве назревал кризис; бояре из аристократической партии, стоявшей за Петра и Наталью, готовились бросить вызов правительству Софьи. После семилетнего безупречно умелого правления властительница стала допускать оплошности. Были предприняты два военных похода, и оба закончились разгромом*. Теперь же регентша, охваченная страстью к Василию Голицину, предводителю разбитых армий, пыталась заставить москвичей относиться к ее любовнику как к герою-победителю. Это было уже слишком, и сторонники Петра верили, что

* Речь идет о двух походах русской армии на Крым в 1687 и 1689 гг. под руководством князя В.В. Голицына. - *Ред.*

132

конец Софьи близок. Но требовалось, чтобы фигура, символизирующая их правое дело, была на виду. Петр в царском облачении мог легко шагнуть к полновластию монарха. Петр в голландских штанах до колен, верхом на бревне, да еще на какой-то там верфи, в двух днях пути от Москвы, оставался для Софьи все тем же мальчишкой — чудной парень, который своими нелепыми выходками вызывал у нее лишь снисходительную и, пожалуй, презрительную улыбку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ РЕГЕНТСТВО СОФЬИ

Софье было двадцать пять лет, когда она стала правительницей, и всего тридцать два, когда ее лишили этого титула и власти. На портрете мы видим кареглазую девушку, круглолицую, розовощеку, с пепельными волосами, удлинненным подбородком и губами, рисунок которых напоминает лук Купидона. Она полновата, но не лишена привлекательности. Ее голову венчает маленькая корона с крестом на шаре, на плечах у нее красная мантия, отороченная горностаем. Никто никогда не оспаривал верности этого портрета оригиналу; на него обычно ссылаются и западные, и советские ученые, давая описание внешности Софьи. Однако портрет лжет. Так можно изобразить любую более-менее хорошенькую молодую женщину; здесь нет ни намек на ту бешеную энергию и решимость, которые позволили Софье направить в нужное русло стихию стрельцкого бунта, а затем семь лет править Россией.

Совсем иную, совершенно гротескную оценку ее наружности предложил французский

дипломат по имени де ла Невилль, которого в 1689 году направил в Москву маркиз де Бетюн, посол Франции в Польше, В одном из самых негалантных описаний дамской внешности, когда-либо составленных мужчиной, а тем более французом, о Софье говорится следующее:

134

Ее ум и способности никоим образом не сочетаются с уродливостью ее особы, ибо она безмерно толста, голова у нее как котел, на лице растут волосы, ноги распухшие, и ей по крайней мере лет сорок. Но насколько квадратна, приземиста и топорна ее фигура, настолько же ум ее проницателен, тонок, свободен от предрассудков и исполнен гибкости. И хотя она никогда не читала Маккиавелли и вообще о нем не слыхивала, все его принципы сами собой приходят ей в голову .

Однако, будь Софья на самом деле так отвратительна, об этом обязательно упоминали бы другие очевидцы. К тому же Невилль побывал в Москве в конце Софьиного-го правления, когда целью ее политики был союз России с врагом Франции, Австрией, в войне против тайного друга Франции, Османской империи. Он серьезно ошибся и в Софьином возрасте, прибавив ей восемь лет, но возможно, что все это преднамеренное оскорбление. И уж по крайней мере один пункт его омерзительного реестра полностью порожден воображением, ведь де Невилль наверняка никогда не созерцал ног Софьи. Тем не менее, каковы бы ни были его мотивы, этот француз своего добился. Его описание будет искажать образ Софьи до тех пор, пока люди будут ею интересоваться.

Сделавшись регентшей в 1682 году, Софья быстро раздала все государственные должности своим сторонникам. Ее дядя, Иван Милославский, оставался главным советником правительницы до самой своей смерти. Федор Шакловитый, новый стрелецкий командующий, сумевший завоевать уважение неугомонных солдат и восстановивший жесткую дисциплину в московских полках, также поддерживал Софью. Он происходил из украинских крестьян и едва владел грамотой, зато был беззаветно предан правительнице и рьяно добивался исполнения

135

любого ее приказа. Со временем он еще больше приблизился к Софье и в конце концов возвысился до положения думного дьяка Боярской думы, члены которой его люто ненавидели за худородство. Чтобы уравновесить влияние Шакловитого, Софья советовалась также с молодым монахом Сильвестром Медведевым, которого знала еще со времен своего теремного девичества. Верный последователь софьиного наставника, Симеона Полоцкого, Медведев считался самым ученым богословом России.

Милославский, Шакловитый и Медведев имели большой вес, но крупнейшей фигурой регентства Софьи — ее советником, первым министром, мощной правой рукой, утешителем и, наконец, возлюбленным, был князь Василий Васильевич Голицын. Отпрыск одного из древнейших родов России, Голицын по своим вкусам и взглядам был еще большим западником и приверженцем нововведений, чем Артамон Матвеев. Опытный государственный деятель и воин, утонченный ценитель искусств, в политике — мечтатель, не сковывавший себя национальными рамками, Голицын был, пожалуй, самым просвещенным человеком из всех, кого к тому времени породила Россия. Он появился на свет в 1643 году и получил образование, далеко превосходившее то, что было принято у русской знати. Мальчиком он изучал богословие и историю, учился говорить и писать по-латыни, по-гречески и по-польски. В Москве, в большом каменном дворце, крытом тяжелыми медными листами, Голицын жил как западный вельможа. Иноземных посетителей, ожидавших увидеть обычную незатейливую московскую обстановку, поражало великолепие убранства: резные потолки, мраморная скульптура, хрусталь, драгоценные камни и серебряная посуда, цветное стекло, музыкальные инструменты, математические и астрономические приборы, стулья с позолотой и столы черного дерева, инкрустированные слоновой костью. По стенам висели гобелены, высокие венециан-

136

ские зеркала, немецкие географические карты в золоченых рамах. Гордостью дома была библиотека — собрание латинских, польских и немецких книг и галерея портретов всех русских царей и многих правящих монархов Западной Европы.

Голицын с удовольствием проводил время в обществе иностранцев. Он постоянно бывал в

Немецкой слободе, где нередко обедал с генералом Патриком Гордоном, шотландцем на русской службе, выступавшим в роли советника и сподвижника Голицына в его усилиях реформировать армию. Толицынский особняк в Москве стал местом, где собирались иноземные путешественники, дипломаты и купцы. Даже иезуитов, которых русские в своем большинстве боялись как огня, ждал здесь дружественный прием. Один французский путешественник был изумлен тактичностью, с которой Голицын, вместо того, чтобы, по обычаю всех московских хозяев, начать уговаривать его выпить «входную» чарку водки, мягко посоветовал ему этого не делать, так как обычно напиток не доставлял удовольствия иностранцам. Во время непринужденных послеобеденных бесед на латыни здесь обсуждали и достоинства нового огнестрельного оружия, и снарядов, и европейскую политику.

Голицын пылко восхищался Францией и Людовиком XIV и даже настаивал, чтобы его сын постоянно носил на груди миниатюрный портрет Короля-Солнце. Французскому дипломату де Невиллю он поверял свои надежды и мечты. Он говорил о дальнейшем реформировании армии, о создании торговых путей через Сибирь, об установлении постоянных отношений с Западом, о необходимости посылать молодых русских учиться в европейские города, о стабилизации денег, провозглашении свободы вероисповедания и даже об освобождении крепостных. Голицын в мыслях уносился еще дальше: он хотел «населить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов в храбрецов, пасту-шечи шалаши — в каменные палаты».

137

Софья познакомилась с этим необыкновенным человеком, когда ей было двадцать четыре года, в самом разгаре своего бунта против теремной жизни. Голицыну уже исполнилось тридцать девять/у него были голубые глаза, небольшие усы, аккуратная бородка, как на портретах Ван Дейка, на плечах — элегантная, подбитая мехом накидка. Среди толпы обыкновенных московских бояр в тяжелых кафтанах, с косматыми бородами, он казался эдаким франтоватым графом — прямо из Англии. Неудивительно, что Софья, с ее умом, любовью к наукам, с ее честолюбием, увидела в Голицыне воплощенный идеал и не могла остаться равнодушной.

У Голицына была жена и взрослые дети, но это не имело значения. Энергичная и страстная, Софья ринулась в жизнь очертя голову, отбросив в сторону осторожность ради достижения власти. И ради любви она была способна сделать то же самое, тем более, что можно ведь совместить то и другое. Она разделит с Голицыном власть и любовь, и они станут править вместе: он, с его кругозором и дальновидностью, будет предлагать идеи и политические шаги, а она, используя свою власть, обеспечит их осуществление*. После провозглашения Софьи правительницей она поставила Голицына во главе Посольского приказа. Спустя два года она удостоила его редкого отличия — титула «Царственный Большия печати и государственных великих посольских дел сберегателя», говоря современным языком он исполнял при ней роль премьер-министра.

* Мнение о сердечной близости Софьи и Голицына принадлежит к числу гипотез, которую поддерживает ряд авторов. Согласно другой гипотезе, выдвинутой в последнее время, любовником царевны был Федор Шакловитый. Союз же с Голицыным был чисто деловым — только через Голицына можно было эффективно контролировать Боярскую думу и государственное управление. В любом случае, ни один из исследователей не сомневается в том, что у Софьи был любовник. — *Ред.*

138

В первые годы регентства Софье приходилось играть непростую роль. За закрытыми дверями она правила государством, но на людях старалась не привлекать лишнего внимания к своей особе и своим действиям, скрываясь за спинами официальных фигур — двоих юных царей и Голицына, главы правительства. Народ ее видел редко. Она упоминалась в государственных документах лишь как «благоверная царевна и великая княжна». Но если она все же выходила к народу, то всегда отдельно от братьев, и вела себя так, чтобы казаться по меньшей мере равной им. Примером может служить прощальный прием шведского посольства, увозившего домой из Москвы ратифицированный мирный договор между Россией и Швецией. Утром послов пригласили присутствовать на официальной церемонии, во время которой оба царя поклялись на Евангелии соблюдать верность условиям договора. Послы подъехали в царских каретах, их встретил князь Голицын и провел между двумя рядами стрельцов в красных

кафтанах вверх по Красной лестнице в Столовую палату, где на своем двойном троне восседали Петр с Иваном. По скамьям вдоль стен сидели думные чины. Цари обменялись приветствиями с послами и обе стороны поклялись хранить мир. Затем Петр и Иван встали, сняли с голов короны, подошли к столу, где лежало Святое Евангелие и сам договор, и там призвав Бога в свидетели, поклялись, что Россия никогда не нарушит договора и не нападет на Швецию. Цари поцеловали Евангелие, и Голицын вручил документ послам.

Официальная часть церемонии на этом закончилась. Прощальная аудиенция для послов состоялась позже в тот же день. Снова послов провели вдоль стрелецкого строя, снова ослепительно сверкали их секиры. При входе в Золотую палату два стольника объявили, что великая государыня царевна, великая княжна Софья Алексеевна, Ее царское высочество Всея Великия, и Малыя, и Белья Руси, готова принять их. Послы поклонились и вошли в

139

зал. Софья восседала на Алмазном троне, подаренном ее отцу персидским шахом. Ее платье из серебряной парчи было расшито золотом, оторочено соболями, украшено тонким кружевом. Голову царевны венчала жемчужная корона. Ее свита — боярские жены и две карлицы — размещалась поблизости. Перед тронном стояли Василий Голицын и Иван Милославский. Когда послы поздоровались с ней, Софья поманила их подойти поближе и несколько минут с ними говорила. Они поцеловали руку царевны, она отпустила их, а позже, по обычаю русских самодержцев, послала им обед со своего стола.

При регентстве Софьи Голицын гордился тем, что сумел наладить правление, «основанное на справедливости и всеобщем согласии». Московские жители казались довольными, по праздникам толпы народа гуляли в общественных садах и по берегам реки. Среди знати стало ощущаться сильное польское влияние; спросом пользовались польские перчатки, меховые шапки и мыло. Русские увлеклись выяснением своих родословных и составлением фамильных гербов. Сама Софья продолжала интеллектуальные занятия, сочиняя по-русски стихи и даже пьесы. Некоторые из них ставили в Кремле.

Не только манеры москвичей, но и внешний облик города начал меняться. Голицын интересовался архитектурой, а опустошительные московские пожары расчистили достаточно места, чтобы осуществить любые проекты. Осенью 1688 года казна оказалась временно не в состоянии выплатить жалованье иностранным офицерам, потому что все до последнего рубля ушло на займы погорельцам, отстраивавшим свои дома. Голицын призывал москвичей сооружать каменные дома, и в его правление все новые общественные здания и мост через Москву-реку возводились из камня.

Но кремлевские театральные постановки, польские перчатки и даже новые каменные здания в Москве еще не означали подлинных преобразований русского общества. Годы шли, и чем дальше, тем больше властям приходи-

140

лось довольствоваться лишь поддержанием порядка внутри страны, а смелые мечты Голицына оставались неосуществленными. Армия как будто улучшилась под началом офицеров-иностранцев, но испытания войной она не выдержала и потерпела позорное поражение. Покорение дальних сибирских земель приостановилось, так как все военные силы страны были брошены на войну с татарами. Российская торговля по-прежнему находилась в руках иностранцев, а об облегчении участи крепостных за пределами эlegantной гостиной Голицына никто и не помышлял. «Населить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов в храбрецов» — все это как было фантазией, так фантазией и осталось*.

Единственное крупное достижение регентства лежало в сфере внешней политики. С самого начала Софья и Голицын встали на путь мира со всеми соседями России. Большие пространства бывших русских земель находились тогда в чужих руках: шведам принадлежал южный берег Финского залива, поляки захватили Белоруссию и Литву. Но Софья с Голицыным решили не оспаривать этих завоеваний**. Поэтому, как только ее власть окончательно утвердилась, Софья разослала посольства в Стокгольм, Варшаву, Копенгаген и Вену, чтобы объявить о намерении России блюсти существующие границы и подтвердить все действующие договоры.

* Не следует относиться пренебрежительно к внутренней политике правительства Софьи. Оно обеспечивало стабильность в стране, не перегружало население налогами, поощряло развитие торговли и

промышленности. Благодаря спокойным 80-м гг. XVII в. русское общество накопило тот относительный запас прочности, который позволил ему долгое время выдерживать страшное напряжение петровских реформ. — *Ред.*

** Оспаривать это было невозможно, так как Литва с Белоруссией поляками не захватывались, а издавна входили в состав Речи Посполитой. Другое дело Смоленск, который России удалось вернуть (после захвата поляками в годы Смуты начала XVII в.) только в 1654 году. - *Ред.*

141

В Стокгольме король Карл XI был только рад услышать, что цари Иван и Петр не собираются отнимать прибалтийские территории, отошедшие к Швеции по заключенному с царем Алексеем в 1661 году Кардисско-му договору. В Варшаве Софьино посольство встретилося с более трудными проблемами. Поляки и русские издавна враждовали. Они воевали уже два столетия, причем перевес в целом был на стороне поляков. Польские армии вторгались вглубь российских владений, польские войска заняли Кремль, польский царь даже сидел когда-то на русском престоле*. Самая последняя Война тянулась двенадцать лет и завершилась перемирием, подписанным в 1667 году. По его условиям царь Алексей отодвигал западные границы России до Смоленска и приобретал все украинские земли к востоку от Днепра. Ему также на два года предоставлялось право владеть Киевом, а по истечении двух лет город следовало возвратить Польше.

Это было невыполнимое обещание. Шли годы, перемирие длилось, но ни Алексей, ни вслед за ним Федор не в силах были отдать Киев. Киев слишком много значил как один из древнейших русских городов, столица Украины, центр православия. Вновь уступить его католической Польше было тяжело, больно, просто-на-

* Здесь допущена неточность. 4 февраля 1610 г. представители так называемого «Тушинского лагеря» — сторонники к тому времени бежавшего самозванца Лжедмитрия II — заключили с королем Сигизмундом под осажденным поляками Смоленском договор. Согласно ему, Россия признавала своим: царем сына короля Владислава. Но в Москве у власти находился царь Василий Шуйский, после свержения которого Москва в августе того же года присягнула Владиславу. Но вступить на русский престол он не успел — началось мощное земское движение, приведшее на престол династию Романовых, власть у которой, ссылаясь на события 1610 г., еще долго оспаривал Владислав, ставший польским королем, — *Ред.*

142

просто невыносимо. Поэтому на переговорах Москва увильвала, спорила, тянула время, а поляки упорно не желали отказываться от своих претензий. Вот так обстояли дела, когда поступили мирные предложения Софьи.

Однако к тому времени перед поляками возникла новая острая проблема. Польша и Австрия вели войну против Османской империи. В 1683 году, через год после восшествия Петра на престол, османское полководье в Европе достигло своей высшей отметки — турецкие армии осадили Вену. Войска христиан под командованием польского короля Яна Собеского одержали победу у стен города. Турки отступили вниз по Дунаю, однако война продолжалась, и Польша, как и Австрия, остро нуждалась в помощи России. В 1685 году поляков жестоко разбили турки, и следующей весной великолепное польское посольство в тысячу человек при полутора тысячах лошадей явилось в Москву в надежде заключить русско-польский союз. Голицын принимал послов по-царски; особые отряды стрельцов сопровождали их по улицам Москвы, высшая знать России давала пиры в их честь. После длительных переговоров каждая из сторон достигла своей цели, но и дорого за это заплатила.

Польша официально передавала Киев России*, навек отрекаясь от претензий на великий город. Для России, для Софьи, для Голицына это был величайший триумф за весь период регентства царевны. Русские участники переговоров во главе с Голицыным удостоились щедрых восхвалений и даров, были пожалованы крестьянами и имениями; из собственных царских рук они получили драгоценные кубки. В Варшаве король Ян Собеский безутешно горевал при мысли, что навсегда лишается Киева, и когда он все-таки согласился на этот договор, слезы хлынули у него из глаз. Но и Россия заплатила за этот триумф: Софья обязалась объявить

* За 100 тыс. рублей. — *Ред.*

143

войну Османской империи и нанести удар вассалу султана, крымскому хану. Впервые в русской истории Москва вступила в коалицию европейских держав для борьбы с общим врагом*. Война с турками означала резкую перемену во внешней политике России. До этих

пор султаны и цари никогда не сталкивались друг с другом. Москву с Константинополем связывала такая дружба, что русские послы в Высокой Порте (великолепном здании, где размещалось ведомство главного султанского министра, великого визиря) всегда пользовались большим уважением, чем представители других держав. А Османская империя все еще оставалась одной из динамичных мировых сил. Хотя великого визиря Кара Мус-тафу отбросили от Вены и его янычары отступили вниз по Дунаю, но владения султана были так обширны, а армия столь велика, что Софья не испытывала ни малейшей охоты бросать ему вызов. Прежде чем они с Голицыным решились подписать договор, они не раз призывали генерала Гордона и выспрашивали его мнение о состоянии российской армии и о масштабах военного риска. Многоопытный шотландский воин отвечал, что полагает момент удачным для начала войны.

От Софьи и Голицына ждали нападения не на самих турок, а на их вассалов, крымских татар. Страх русских перед ними имел глубокие корни. Год за годом татарские всадники выступали из своей крымской твердыни и скакали на север, через украинские степи: малыми

* Важно отметить, что причина этой первой войны России с Турцией заключалась отнюдь не в достижении одной из двух главных целей, обыкновенно приписываемых русской экспансии в этом регионе. За ней не стояло стремление приобрести незамерзающий порт, и она не являлась крестовым походом ради освобождения Константинополя от неверных. Это скорее была война, в которую Россия вступила против воли, выполняя тягостное для себя обязательство договора с Польшей. Фактически, Россия впервые атаковала Турцию не затем, чтобы получить Константинополь, но чтобы добиться неоспоримых прав на Киев.

144

отрядами или целыми полчищами обрушивались они на казачьи поселения и русские города, чтобы разорять и грабить. В 1662 году татары захватили город Путивль и угнали в рабство все двадцать тысяч его жителей. К концу XVII века русские рабы переполняли османские невольничьи рынки. Русские гребцы были прикованы к галерам в каждом порту Восточного Средиземноморья. Султан всегда благосклонно принимал в дар от крымского хана русских мальчиков. Словом, русские рабы на Востоке были так многочисленны, что там с насмешкой спрашивали, остались ли еще жители в России.

Казалось, нет способа прекратить эти опустошительные татарские набеги. Слишком велика была протяженность границы, слишком скудны силы охранявших ее отрядов. Нельзя было предвидеть заранее, где именно татары совершат свой набег, и потому никак не удавалось их перехватить. Униженный царь принужден был выплачивать хану ежегодную сумму откупных денег, которую хан именовал данью, а русские предпочитали называть подарками. Но набеги от этого не прекращались.

Правда, Москва была далеко, и потому из столицы татарские набеги казались не столь угрожающими, сколь досаждающими, но так или иначе, они наносили ущерб национальному достоинству. Выполняя условия договора с Польшей, Москва могла попытаться в корне пресечь набеги. Но, вопреки оптимизму Гордона, кампания предстояла нелегкая. Бахчисарай, столицу хана в Крымских горах, отделяла от Москвы тысяча миль. Чтобы добраться туда, армии пришлось бы по пути на юг пересечь всю ширь украинских степей, преодолеть Перекопский перешеек при входе на полуостров и пройти пустынным Северным Крымом. Многие бояре, которым полагалось служить воеводами в армии, без воодушевления встретили весть о предстоящем походе. Некоторые с подозрением относились к договору с Польшей, предпочитая если уж воевать то не на стороне поляков, а

145

против них. Другие боялись долгого, опасного похода. Наконец, немало было таких, кто выступал против Крымской кампании просто потому, что затевал ее Голицын. Князя Борис Долгорукий и Юрий Щербатов грозились явиться на военную службу вместе со своими людьми, с ног до головы одетыми в черное, в знак протеста против договора, кампании и самого Голицына.

И все же в течение осени и зимы Россия мобилизовала армию. Набрали рекрутов, взыскали специальные налоги, собрали тысячи лошадей, быков, повозок. К своему прискорбию, во главе этой экспедиции очутился не кто иной, как сом Василий Голицын. Князь располагал кое-каким боевым опытом, но считал себя преимущественно государственным деятелем, а не военачальником. Он предпочел бы оставаться в Москве, контролировать управление государством и присматривать за своими многочисленными врагами. Но его противники

громко доказывали: кто обязался по договору напасть на татар, тот пусть и ведет войско в поход. Голицын попался; делать было нечего, пришлось соглашаться.

В мае 1687 года стотысячная русская армия выступила на юг через Орел и Полтаву. Голицын шел осторожно, опасаясь, как бы летучая татарская конница, зайдя в тыл его колоннам, не нанесла удара. 13 июня он встал лагерем в низовьях Днепра, не дойдя полтора ста миль до Перекопа, а никакого сопротивления со стороны татар все не было, не показывались даже ханские разведчики. Но люди Голицына заметили кое-что похуже: дым вдоль горизонта. Татары жгли степь, чтобы лишить корма лошадей и волов в русском лагере. Огонь приближался по высокой траве, оставляя за собой почернелую, дотлевающую стерню. Временами огонь подходил вплотную к колоннам, окутывая дымом людей и животных и грозя подпалить громоздкий обоз. Терпя такие мучения, русская армия ползла на юг, пока в шестидесяти милях от Перекопа Голицын не решил остановиться. Армия повернула назад. Сквозь июльский и августовский зной и

146

пыль, не находя ни продовольствия, ни фуража, солдаты брели домой. Тем не менее, в донесениях в Москву Голицын так описывал поход, что он казался вполне успешным. Хан, сообщал он, так утрачен приближением русской армии, что поспешно скрылся в своем убежище в горных твердых Крыма.

Голицын вернулся в Москву поздно вечером 14 сентября и встречали его как героя. На следующее утро он был допущен к руке правительницы и царей. Софья издала указ, в котором провозглашалась победа, а ее фавориту расточались похвалы и награды. На него хлынул поток новых милостей — поместья и деньги, а его офицеры получили небольшие золотые медали с изображениями Софьи, Петра и Ивана. На самом же деле Голицын пропутешествовал четыре месяца, потерял 45000 человек и вернулся в Москву, не только не сразившись с главными силами татар, но даже в глаза их не видав.

В столицах союзников России быстро разобрались в истинном положении дел, и это вызвало там гнев и презрение. Так сложилось, что в том 1687 году поляки не добились особых успехов, но австрийцам и венецианцам повезло больше, и они изгнали турок из стратегически важных городов и крепостей в Венгрии и на Эгейском побережье. В следующем, 1688 году Россия вообще не предпринимала выступлений против общего врага, к положение ее союзников ухудшилось. Мощные силы турок собирались напасть на Польшу, а тем временем французский король Людовик XIV атаковал империю Габсбургов с тыла, из Германии. Перед лицом этих новых угроз и король Ян Собеский, и император Леопольд рассматривали возможность примирения с турками. Наконец решили продолжать войну лишь в том случае, если Россия исполнит свои обязательства и возобновит поход на Крым.

Софья с Голицыным хоть сейчас сами вышли бы из войны, если бы им позволили сохранить Киев. Но нель-

147

зя было допустить, чтобы союзники умыли руки и оставили Россию одну против всей мощи Османской империи. Поэтому они, нехотя, примирились с необходимостью снаряжать новый поход на Крым. Весной 1688 года крымский хан, со своей стороны, дал повод русским начать против него военные действия. Он смертоносным ураганом промчался по Украине, — хорошо еще Киев и Полтава уцелели! — и почти дошел до Карпат. Когда он осенью возвращался в Крым, за его всадниками гнали шестидесятитысячный полон.

Вынужденный продолжать войну, Голицын объявил, что выступает во главе крымский поход и согласится на мир лишь после того, как все черноморское побережье отойдет к России, а Крым полностью очистится от татар, которые будут выдворены на противоположный берег Черного моря, в турецкую Анатолию. Это заявление, до нелепости самонадеянное, говорит, об отчаянном положении самого Голицына. Теперь ему было просто необходимо одолеть татар, чтобы избавить себя от нападков политических противников и личных врагов в Москве. Незадолго до второго похода произошло неудачное покушение на жизнь Голицына, а буквально накануне отъезда он обнаружил возле двери гроб с запиской, гласившей, что если новый поход окажется не удачнее первого, этот гроб станет его домом.

Новая кампания должна была начаться раньше, чем прежняя, — «пока лед не вскрылся». Войска стали собираться в декабре, а в начале марта Голицын двинулся на юг со 112000

солдат при 450 пушках. Через месяц он доносил Софье, что продвижению препятствуют снега и суровые холода, затем — разлившиеся реки, сломанные мосты и густая грязь. У реки Самары к войску присоединился украинский гетман Мазепа с 16 000 конницы. Снова путь преграждали степные пожары, но на сей раз не столь серьезные: Голицын заранее выслал своих людей пустить пал, чтобы к подходу основных сил из-под земли уже показалась нежная молодая травка.

148

В середине мая, на подступах к Перекопу, откуда ни возьмись налетела десятитысячная орда татарской конницы и атаковала Казанский полк, которым командовал Борис Шереметев, будущий фельдмаршал. Застигнутые врасплох, русские дрогнули и побежали. Татары помчались к обозу, но Голицыну удалось построить артиллерию в линию и отбить приступ пушечным огнем. На другой день, 16 мая, под проливным дождем, новая татарская атака обрушилась на голицынский тыл. Опять артиллерии удалось отразить нападавших. Но с этого дня русская армия постоянно двигалась в виду грозного татарского сопровождения, маячившего на горизонте.

30 мая русские войска подошли к земляному валу в четыре мили длиной, который тянулся поперек Перекопского перешейка. Позади глубокого рва высился сам вал, а вдоль него в линию стояли пушки и татарские воины. Еще дальше виднелась укрепленная цитадель, где находилась остальная часть ханской армии. Голицын не был настроен штурмовать; его солдаты устали, питьевой воды оставалось мало, не было необходимого осадного оборудования. И пока его утомленная армия стояла лагерем возле вала, он попробовал пустить в ход свой дипломатический талант, вступив в переговоры. Его условия были куда легче тех, что он провозглашал в Москве. Теперь он хотел только, чтобы татары пообещали не нападать на Украину и Польшу, перестали требовать дань у России и отпустили русских пленников. Хан, чувствуя свою силу, ответил отказом на первые два требования, а на третье сказал, что многие русские пленники уже на воле, но они «приняли магометанскую веру». Голицын, не достигнув соглашения и не решаясь на штурм, счел за лучшее снова отступить.

Опять в Москву отсылались донесения о блестящих победах, опять Софья верила им и прославляла возвращавшегося полководца-победителя, покорителя и татар, и ее сердца. Ее письма Голицыну написаны не столько Правительницей, приветствующей одного из своих гене-

149

ралов, сколько женщиной, со слезами молящей возлюбленного поспешить домой:

О, моя радость, свет очей моих, мне не верится, сердце мое! чтобы тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне тот день был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою. Письма твои, врученные Богу, к нам все дошли в целости, из-под Перекопу... Я брела пета из Воздвиженского, только подхожу к монастырю Сергия¹ Чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях. Я не помню, как взошла; чла, идучи!..

Тем временем армия пробивалась к дому. Франц Лефорт, швейцарский офицер на русской службе, писал своей семье в Женеву, что потери в этой кампании составили 35 000 человек, «20 000 убитыми и 15 000 пленными. Кроме того, бросили семьдесят пушек и все боеприпасы»⁴.

Невзирая на потери, Софья опять встречала своего любовника как героя-победителя. Когда Голицын 8 июля прибыл в Москву, она нарушила протокол и приветствовала его не в Кремлевском дворце, а у городских ворот. Они вместе въехали в Кремль, и там Голицына принимали и благодарили при народе царь Иван и патриарх. По приказу Софьи в московских церквях отслужили благодарственные молебны в ознаменование благополучного и победоносного возвращения русского воинства. Через две недели объявили и о наградах; Голицыну жаловали вотчину в Суздале, большую сумму денег, золотой кубок и кафтан из золотой парчи, подбитый соболями. Другие офицеры, русские и иностранцы, получили серебряные кубки, доплату к жалованью, соболий меха и золотые медали.

Радость этих празднеств омрачало только одно: открытое неодобрение Петра. Он сразу отказался принимать «победу» фаворита за чистую монету и не пожелал чествовать вернувшегося «героя» в Кремле вместе с

Иваном и патриархом. Целую неделю он не давал согласия на награждения. Когда же его, наконец, вынудили согласиться, он не мог сдержать раздражения. Этикет требовал, чтобы Голицын отправился в Преображенское благодарить царя за щедрость. Князь явился, но Петр его не принял. Это было даже не оскорбление — это был вызов.

В своем дневнике Гордон описывал нараставшее напряжение:

Все ясно видели и понимали, что согласие молодого царя получено с величайшим трудом, и что это лишь еще больше возбудило его против главнокомандующего и самых видных членов противоположной партии при дворе; ибо теперь стало очевидно, что открытый разрыв неизбежен...-Тем временем все это старались держать в секрете в знатных домах, но не настолько тщательно и умело, чтобы всем не стало известно, что происходит⁵.

Объявление второго похода против татар подняло новую волну негодования в непрестанно множавшихся рядах противников Софьиной власти. Уже назрело подспудное недовольство ее правлением, а ее фаворит Голицын, и вообще-то непопулярный (ему не могли простить пристрастия к западному стилю жизни взамен исконно русских обычаев), теперь к тому же был отмечен клеймом неудачливого полководца. Конечно, победа над татарами смягчила бы противоречия, но не все, ибо время не стояло на месте и в игру вступила новая сила — мужавший Петр.

Рассудив, что не за горами час, когда этот энергичный молодой царь сможет взять на себя более существенную роль в государственном управлении, партия бояр, сосредоточившихся вокруг Петра и Натальи в Преображенском, начала показывать зубы. К ней принадлежали некоторые из самых славных имен России: Урусов, Долгорукий, Шереметев, Ромодановский, Троекуров, Стрещ-

150

151

нев, Прозоровский, Головкин и Львов, не говоря уже о семьях матери и жены Петра, Нарышкиных и Лопухиных. Именно эта боярская партия, как ее называли, и настаивала на том, чтобы Голицын, раз уж он заключил договор с Польшей, самолично и возглавил войска во втором походе на Крым.

В защите от подстерегавших его врагов Голицын мог опереться на единственного союзника — Федора Шакло-витого. Отношение этого самого решительного и жестокого из Софьиных советников к враждебной боярской партии, как и ко всем боярам вообще, было очевидно: он ненавидел их, и они платили тем же. Начиная с 1687 года, когда он в присутствии стрельцов обмолвился, что бояре — это «зяблое, упалое дерево», Голицын делал все возможное, чтобы возбудить в солдатах ненависть к знати. Яснее всех других приверженцев Софьи он видел, что стоит Петру достигнуть зрелости, с боярской партией будет уже не сладить. Расправляться с ними, твердил он, надобно немедленно.

Едва сам Голицын выступил с войском на юг, на страже его интересов никого, кроме Шакловитого, не осталось. И бояре зашевелились. Один из Нарышкиных получил боярский чин; старого врага Голицына, князя Михаила Черкасского, назначили на важную должность. Голицын слал Шакловитому из степей жалобные просьбы о помощи:

Паки челом бью и желаю впредь от тебя слышать всего доброго, у меня только надежи, что ты... Пожалуй, отпиши, нет каких дьявольских препон от тех [бояр]!.. Для Бога смотри недреманным оком [за] Черкасским⁷.

Открытый выпад, который Петр позволил себе в отношении ее любовника, поразил, разгневал и встревожил правительницу. Это был первый прямой демарш против ее власти, первый явственный признак того, что молодой царь нарышкинского рода не станет делать, не рассуждая, что она велит. Та истина, что Петр уже не мальчик, что

152

он взрослеет и в один прекрасный день достигнет совершеннолетия, и тогда регентство станет излишним, была очевидна для каждого. Софья насмеялась над юношескими военными потехами Петра и над фантазией строить парусные лодки, но иностранные наблюдатели, чьи правительства требовали объективных прогнозов будущего России, внимательно следили затем, что делалось в Преображенском. Барон ван Келлер, голландский резидент, писал в

Гаагу, восхваляя Петра — его манеру держаться, способности и огромную популярность: «Юный Петр ростом выше всех придворных и привлекает всеобщее внимание. Здесь превозносят его ум, широту взглядов, физическое развитие. Говорят, что скоро его допустят к самостоятельному правлению, и тогда дела непременно примут совершенно иной оборот».

Софья не пыталась как-то сдерживать сводного брата или ограничивать его свободу. Она была поглощена государственными делами и, не видя в мальчике и его матери угрозы своей власти, попросту не обращала на них внимания. Когда Петру исполнилось двенадцать, она подарила ему набор пуговиц и бриллиантовых пряжек. Потом он стал старше, и она не противилась его просьбам о присылке из арсенала настоящих пищалей и пушек для военных игр, до жути похожих на настоящую войну. Оружие шло непрерывным потоком, но Софья этого не замечала. В январе 1689 года Петру впервые позволили присутствовать на заседании Боярской думы. Нудные обсуждения нагнали на него скуку, и он не часто там появлялся. Но в глубине души Софья чувствовала, как постепенно зреет угроза, и это ее беспокоило. Пробыв семь лет у власти, она не только привыкла к ней, но уже и не представляла, как можно с ней расстаться. Правда, Софья отлично сознавала, что она всего лишь женщина и что в любом случае регентство — явление временное. Поэтому, если ее официальный статус не удастся как-нибудь изменить, ей придется отойти в сторону, как только братья достигнут совершеннолетия.

153

Эта минута с каждым днем приближалась. Иван уже имел свою семью, жену и дочерей, но, конечно, загвоздка была не в нем. Он бы не только согласился, он просто мечтал, чтобы кто-нибудь снял с его плеч бремя власти. Но вот теперь и Петр вступал в зрелый возраст, что явственно доказала его женитьба на Евдокии Лопухиной. Положение Софьи стало мучительным; если ничего не предпринять, неизбежно наступит кризис, который кончится ее низложением.

В сущности, Софья уже приняла некоторые меры, чтобы укрепить свои позиции; пыталась принять и другие, но ей не дали. Три года назад, в 1686 году, заключив мирный договор с Польшей, она воспользовалась всеобщим одобрением своей политики, чтобы присвоить себе титул самодержицы, полагавшийся лишь царям. С тех пор этот титул прибавляли к ее имени во всех официальных документах и на всех торжественных церемониях, что ставило ее вровень с братьями, Иваном и Петром. Тем не менее все знали, что Софья им не ровня, потому что, в отличие от братьев, она не была коронована. Но Софья надеялась, что ей удастся проделать и это. Летом 1687 года она велела Шакловитому разузнать, поддержат ли ее стрельцы, если она решит короноваться в случае великой победы Голицына над крымским ханом. Шак-ловитый поручение выполнил — он подстрекал стрельцов обратиться к юным царям с просьбой разрешить коронацию их сестры. Однако стрельцы, смотревшие на вещи по старинке, воспротивились, так что план пришлось на время отложить. Но о нем не забыли, что подтвердилось появлением портрета Софьи, который повергал зрителя в изумление. Польский художник изобразил регентшу сидящей без братьев, в шапке Мономаха, со скипетром и державой в руках — точно так, как писали обычно портреты царей. В подписи был приведен ее титул, где значилось, что она великая княжна и самодержица. Под портретом красовалось стихотворение в двадцать четыре строки, сочиненное монахом

154

Сильвестром Медведевым, которое восхваляло царственные достоинства изображенной особы, а также содержало благоприятные для нее сравнения с Семирамидой, царицей Ассирийской, византийской императрицей Пульхерией и английской королевой Елизаветой I. Оттиски этого изображения на атласе, шелке и бумаге ходили по Москве, а часть их отправили в Голландию с тем, чтобы, переведя стихи на латынь и немецкий, портрет распространили по всей Европе.

Боярам — сторонникам Петра и его матери — было нестерпимо, что Софья присвоила себе царский титул, а появление ее портрета с царскими регалиями казалось зловещим. Они подозревали, что царевна намерена короноваться, обвенчаться со своим фаворитом, Василием Голицыным, а затем либо свергнуть обоих царей, либо избавиться от Петра — не одним способом, так другим. Что на самом деле было на уме у Софьи, никто сказать не может. Она уже достигла столь многого, что и вправду, наверное, мечтала о полновластном царствовании

рука об руку с любимым. Однако нет свидетельств, что она собиралась сместить Петра, а Голицын, со своей стороны, проявлял крайнюю сдержанность в вопросе о брачных узах: существовала как-никак княгиня Голицына.

Единственным из приверженцев Софьи, кто не скрывал своих надежд и намерений, был Федор Шакловший. Он непрестанно внушал ей, что необходимо сокрушить нарышкинскую партию, пока Петр не достиг совершеннолетия. Не раз он подстрекал стрельцов к убийству предводителей этой партии и даже, возможно, самой царицы Натальи. Но он своего не добился: Софья была не склонна к таким крутым мерам, а Голицын вообще избегал всякого насилия. Впрочем, горячая преданность Шакловитого тронула Софью. За те долгие недели, что Голицын провел вдали от Москвы в бесплодном втором походе на Крым, она, хотя и писала ему страстные письма, по всей вероятности, сделала Шакловитого на время своим любовником.

155

Конечно, со временем отношения Петра и Софьи и так должны были обостриться, но их столкновение ускорилось из-за провала второго крымского похода. Пока правление Софьи шло успешно, одолеть ее было трудно, но две кампании Голицына обернулись не просто военным поражением: они привлекли внимание к любовной связи регентши и командующего, и Софьины враги получили вполне определенный повод, чтобы нанести удар.

Сам Петр никак не участвовал ни в заключении договора с Пользой, ни в походах на татар, но его глубоко интересовали военные дела, а как всякий русский, он страстно желал положить конец татарским набегам на Украину. Поэтому он с волнением следил за ходом военных кампаний Голицына. Когда в июне 1689 года Голицын возвратился из второго неудачного похода, Петр был вне себя от возмущения. 18 июня произошла стычка, которая ярко высветила обостряющееся противостояние сторон. На празднике в честь чудесного явления иконы Казанской Божьей Матери Софья вошла в храм вместе с обоими братьями, как делала каждый год. Когда служба закончилась, Петр, которому что-то прошептал один из его приближенных, подошел к Софье и потребовал, чтобы она покинула процессию. Это был прямой вызов, ведь если регентше запрещают идти вместе с царями, значит ее власти настал конец. Софья поняла смысл требования и отказалась подчиниться. Вместо этого она собственноручно взяла икону у митрополита и, держа ее перед собой, заняла свое место и вызывающе зашагала дальше. Разъяренный, получивший отпор Петр немедленно оставил шествие и вернулся в деревню — супить брови и кипеть от злости*.

* Суть конфликта была в том, что частое появление Софьи с почитаемой православными иконой перед народом увеличивало ее популярность, и это раздражало Петра и его свиту. — *Ред.*

156

Противостояние двух партий усиливалось; город полнился слухами, каждая из сторон боялась внезапного удара с другой стороны, причем обе были уверены, что лучшая линия поведения — это оборона. Никто не хотел лишиться морального превосходства, став зачинщиком столкновения. Формально у Петра не было оснований нападать на сводных сестру и брата, сидевших в Кремле. Они правили по соглашению о двоецарствии 1682 года; они никоим образом не нарушали условий этого соглашения и не ущемляли прав Петра. Точно так же и Софья не могла найти предлога, чтобы напасть на Петра в Преображенском, поскольку он был помазан на царство. Хотя стрельцы, побуждаемые Шакловитым, пожалуй, защитили бы ее в случае удара со стороны Нарышкиных и потешного войска Петра, однако уговорить их выступить на Преображенское против помазанника Божьего было бы куда труднее.

Все это не позволяло сторонам точно оценить собственные силы. Софья располагала огромным численным преимуществом — за нее стояло большинство стрельцов вместе с иностранными офицерами из Немецкой слободы. У Петра сторонников было мало — семья, его приближенные, потешное войско в 600 солдат; возможно, поддержку ему оказали бы стрельцы Сухарева полка. Но хотя с виду силы у Софьи было больше, в самой этой силе заключалась слабость: регентша не могла бы с уверенностью сказать, насколько далеко, в действительности, простирается преданность стрельцов. Поэтому горстка вооруженных сторонников Петра пугала ее сверх меры. Тем летом, куда бы ни отправилась Софья, ее постоянно окружал мощный отряд стрельцов-телохранителей. Она задаривала их деньгами и одолевала мольбами и увещеваниями: «И гак беда была, да Бог сохранил; а ныне опять беду

зачинает. Годны ли мы вам? Буде годны, вы за нас стойте, а буде не годны, мы оставим государство».

Пока Софья изо всех сил старалась удержаться на

157

прежних позициях, Василий Голицын, герой Перекопа, хранил молчание, не желая ввязываться в открытую борьбу против Петра и примкнувших к нему бояр. Другой соратник и верный приверженец Софьи, Шакловитый, держался решительнее. Он часто появлялся среди стрельцов и открыто поносил сторонников Петра; имени самого Петра он не упоминал, но вел речь об устранении его ведущих сподвижников и о заключении царицы Натальи в монастырь.

Прошел июль, настал август, обстановка в Москве накалялась вместе с жарой. 31 июля Гордон записал в дневнике: «Пыл л раздражение делались беспрестанно больше и больше, и, казалось, они должны вскоре раз-г решиться окончательно»¹⁰. Через несколько дней он упоминал о «слухах, которые страшно передавать»-. В эти летние дни и ночи нервы у всех были на пределе — все ждали, что же будет. Казалось, что под ногами пороховой погреб, и любой слух мог обернуться искрой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ СВЕРЖЕНИЕ СОФЬИ

Кризис разразился 17 августа 1689 года. Еще в начале лета, пока Голицын воевал на юге, Софья взяла обыкновение ходить пешком на богомолье по церквам и монастырям в окрестностях Москвы. 17-го днем она попросила Шакловитого снарядить стрелецкую охрану, чтобы следующим утром сопровождать ее в Донской монастырь, милях в двух от Кремля. Возле монастыря недавно произошло убийство, поэтому отряд стрельцов, который Шакловитый направил в Кремль, был многочисленнее обычного и лучше вооружен. Продвижение этой вооруженной до зубов колонны по городским улицам не осталось незамеченным. Затем, пока отряд располагался на отдых внутри Кремля, во дворце появилось подметное письмо с предупреждением, что этой самой ночью потешные солдаты Петра из Преображенского нападут на Кремль и попытаются убить царя Ивана и правительницу Софью. Никто не стал разбираться, достоверно ли это письмо; возможно даже, что это была затея Шакловитого. Разумеется, Софья страшно встревожилась. Чтобы ее успокоить, Шакловитый велел закрыть большие кремлевские ворота и вызвал еще стрельцов — усилить гарнизон крепости. Вдоль дороги в Преображенское расставили соглядатаев, которые должны были сообщать о малейших признаках выступления

159

солдат из петровского лагеря в сторону Москвы. В Кремле к набатному колоколу собора привязали длинную веревку, чтобы за нее можно было потянуть прямо из дворца, ведь человека, который побежал бы ударить в набат, могли зарезать подосланные убийцы.

Московский люд глядел, как стягиваются силы стрельцов, с тревогой и опаской. Все помнили кровопролитие семилетней давности, и теперь, как видно, близился новый переворот. Даже стрельцы были беспокойны. Они предполагали, что им прикажут идти на Преображенское, против Нарышкиных, и многим от этого становилось не по себе. В конце концов, Петр был помазан на царство и они присягали защищать его, точно также, впрочем, как царя Ивана и правительницу Софью. Словом, стрельцы окончательно запутались и уже не могли разобраться, кому именно следует хранить верность, а главное — не хотелось оказаться на стороне проигравших.

Между тем новости о каком-то переполохе в Москве не то чтобы встревожили, но взволновали обитателей Преображенского. Вечером один из стольников Петра отправился в город с обычным поручением от царя в Кремль. Однако его появление неверно истолковали возбужденные, взвинченные стрельцы. Узнав, что он прибыл от Петра, они стащили посланца с коня, избили и поволокли во дворец к Шакловитому.

Этот инцидент повлек мгновенные и самые неожиданные последствия. В предшествующие недели старшие и самые опытные из сторонников Петра — его дядя, Лев Нарышкин, и князь Борис Голицын, двоюродный брат Софьиного фаворита, — понимая, что столкновение с Софьей и Шакловитым приближается, потихоньку трудились над тем, чтобы приобрести

осведомителей среди стрельцов. Они сумели привлечь семерых, главным из которых был подполковник Ларион Елизаров, и поручили им докладывать о любом решительном действии Шакловитого. Елизаров насторожился, когда стрель-

160

цов начали стягивать в Кремль, и пристально следил, не появится ли какой-нибудь признак скорого выступления против лагеря Нарышкиных в Преображенском. Узнав, о расправе над Петровым гонцом, он решил, что выступление начинается. Сей же час оседлали двух лошадей, и двое сообщников Елизарова помчались во весь дух предупредить царя.

В Преображенском царило спокойствие, когда вскоре после полуночи двое гонцов ворвались во двор. Петр мирно спал, но слуга, влетевший в комнату, разбудил царя криком, что ему надо спасаться — стрельцы выступили и идут на Преображенское. Петр спрыгнул с постели и прямо в ночной рубашке, босой побежал на конюшню, вскочил на коня и поскакал во временное укрытие в ближней роще, где дождался, пока его приближенные привезли одежду. Быстро одевшись, он снова сел на коня и в сопровождении маленького отряда пустился по дороге в Троицкий монастырь, в шестидесяти восьми милях к северо-востоку от Москвы. Путь занял весь остаток ночи. Когда в шесть утра добрались до места, Петр так обессилел, что даже не мог сам слезть с седла.

Тем, кто видел его тогда, было ясно, что ужас этой ночи не пройдет даром для смертельно перепуганного семнадцатилетнего юноши. Вот уже семь лет Петру время от времени снилась кошмарная охота стрельцов на Нарышкиных, и когда его сорвали с постели известием, что стрельцы и вправду идут за ним, кошмар слился с действительностью. В Троице его уложили в постель, но он был так измучен и возбужден, что расплакался и, сотрясаясь от рыданий, говорил настоятелю, что сестра задумала погубить его и всю его семью извести. Понемногу усталость взяла свое, и он погрузился в глубокий сон. Пока Петр спал, в Троицкий монастырь пожаловали и другие гости. Через два часа явились Наталья и Евдокия, которых тоже подняли ночью и под охраной потешных солдат Петра препроводили из Преображен-

6 Петр Великий, т. 1

161

ского в монастырь. В тот же день из Москвы прибыл в полном составе Сухарев стрелецкий полк, чтобы встать на сторону младшего из царей.

Когда воображаешь эту сцену - Петр опрометью выпрыгивает из постели и бежит куда глаза глядят, может показаться, что решение искать убежища в монастыре он принял в панике. Но все обстояло иначе, и вообще замысел покинуть Преображенское принадлежал не Петру. Выработывая всеобъемлющий план борьбы с Софьей, Лев Нарышкин и Борис Голицын заранее предусмотрели пути отступления для царя и всего Преображенского двора: если положение станет критическим, они все укроются в Троицком монастыре. Таким образом, приезд Петра и быстрый сбор его сил в могучих стенах монастыря-крепости были тщательно подготовлены. Однако Петру об этом плане заранее не рассказывали, и когда его разбудили среди ночи и предложили спасаться бегством, его охватил ужас. Позже история о том, как помазанник Божий был принужден бежать от врагов в ночной рубашке, отягчила обвинения против Софьи. Не ведая о том, Петр сыграл свою роль с блеском.

В действительности же ему вообще не угрожала никакая опасность, потому что стрельцов никто и не думал посылать на Преображенское, и когда вести о бегстве Петра к Троице достигли Кремля, никто не понял, что происходит. Софья получила донесение, выходя с заутрени, и решила, что в поведении Петра кроется нечто угрожающее. «Если бы не мои предосторожности, они бы всех нас поубивали», — сказала она обступившим ее стрельцам. Шакловитый презрительно фыркнул: «Вольно ж ему, взбесясь, бегать»¹.

Однако, оценив сложившуюся ситуацию, Софья не на шутку встревожилась. Она яснее, чем Шакловитый, поняла значение происшедшего. Подстегнутый мнимой опасностью, Петр совершил решительный шаг. Троицкий монастырь был не просто неприступной крепостью.

162

Это была едва ли не главная святыня России, традиционное убежище царской семьи в самые грозные времена. Теперь, если бы приверженцам Петра удалось создать образ царя, укрывшегося у Троицы с целью созвать под свои знамена всех русских против узурпаторши, они получили бы огромный перевес. Было очевидно, что стрельцы откажутся выступить на Троицу, а народ увидит в бегстве Петра доказательство того, что жизни царя и впрямь грозила

опасность. Софья поняла, что при таком положении дел она может потерять все, если не проявит крайней осмотрительности в действиях.

Знаменитый Троице-Сергиев монастырь стоял на дороге, которая ведет из столицы в Ростов Великий и далее в Ярославль. История этой почитаемой и славной обители уходит в XIV век, когда на ее нынешнем месте появилась маленькая деревянная церковь и монастырь, основанный монахом по имени Сергей Радонежский, который благословил русское оружие перед великой Куликовской битвой с татарами. После победы русских монастырь сделался национальной святыней. В XVI веке Троица становится богатой и влиятельной: перед смертью цари и знать в надежде на спасение души часто завещали свои богатства монастырю, так что его сокровищницы ломились от золота, серебра, жемчугов и драгоценных камней. Огромные белые стены от тридцати до пятидесяти футов вышиной и двадцать футов в толщину охватывали монастырь неприступным поясом. С валов и с мощных угловых башен глядели жерла бесчисленных медных пушек. В 1608—1609 годах, во времена Смуты, Троица выдержала осаду тридцатитысячного польского войска, причем пушечные ядра осаждавших попросту отскакивали от массивных монастырских стен.

Укрывшись в этой могучей твердыне, за ее громадными валами, на которых несли службу потешные солдаты и верные стрельцы, Петр со сторонниками гото-

163

вился к ответному удару. Для начала они послали к Софье гонца с вопросом, для чего накануне в Кремле собралось такое множество стрельцов. Это был трудный вопрос. Поскольку обе стороны внешне продолжали соблюдать все правила вежливости, Софья не могла ответить, что она призвала стрельцов потому, что ожидала нападения со стороны своего брата Петра. Ее ответ — что она призвала солдат, дабы те охраняли ее во время паломничества в Донской монастырь, — звучал неубедительно: несколько тысяч вооруженных солдат для эскорта, пожалуй, многовато; так что партия Петра еще тверже уверилась в вероломстве Софьи.

Следующим шагом Петра был приказ полковнику отборного Стремянного полка, Ивану Цыклеру, явиться в Троицу в сопровождении пятидесяти солдат. Софье этот приказ показался зловещим, так как Цыклер был одним из зачинщиков стрелецкого бунта 1682 года, а с тех пор принадлежал к числу самых преданных ей командиров. Если его отпустить, он под пыткой может выдать все, что знает о намерениях Шакловитого разделаться с Нарышкиными, и тогда разрыв с Петром будет необратимым. Но опять-таки у нее не оставалось выбора. Петр был царь, и приказ был царский; неподчинение означало бы открытый вызов. Когда Цыклер явился в Троицу, он и без пыток рассказал все, что знал. Смекнув, что Петр входит в силу, он изъявил желание перейти на его сторону, если царь защитит его особым указом.

С самого начала Софья сознавала слабые стороны своего положения. Если бы дошло до драки, Петр наверняка одолел бы ее, поэтому единственная возможность уцелеть заключалась для нее в примирении. Но если бы ей удалось выманить Петра из Троицы и вернуть в Москву, то он по крайней мере лишился бы защиты священных и могучих монастырских стен. Уж тогда бы она разобралась с его советчиками! А там и самого Петра можно бы отправить восвояси — играть в солдатики и кораблики, — и ее власть была бы восстановлена. С этой

164

целью она послала князя Ивана Троекурова, сын которого был в тесной дружбе с Петром, склонить того к возвращению. Однако миссия Троекурова провалилась. Петр отчетливо понимал преимущества Троицы и отослал Троекурова назад, велел передать, что он более не намерен подчиняться женщине.

Следующий шаг был за Петром. Он собственноручно написал всем стрелецким полковникам и приказал им явиться к Троице с десятком солдат от каждого полка. Когда весть об этом достигла Кремля, Софья молниеносно вмешалась. Она вызвала стрелецких полковников и посоветовала не ввязываться в спор между нею и братом. Услышав же от колебавшихся офицеров, что, мол, приказ получен от самого царя и как можно его послушаться, Софья в гнев вскричала, что всякому, кто осмелится ехать к Троице, отрубят голову. Василий Голицын, все еще в чине главнокомандующего, запретил всем иностранным офицерам покидать Москву под любым предлогом. Вняв угрозам, стрелецкие полковники и офицеры-иностранцы остались в Москве.

На следующий день Петр усилил нажим, прислав царю Ивану и Софье официальное уведомление о том, что он повелел стрелецким полковникам прибыть в Троицу. Он требовал, чтобы Софья как регентша проследила за выполнением его приказов. В ответ Софья отправила в Троицу наставника Ивана и духовника Петра — объяснить, что воины задерживаются, и просить о примирении. Через два дня оба священника возвратились в Москву ни с чем. Тем временем Шакловитый заслал в Троицу шпионов, чтобы понаблюдать, что там делается и разузнать, сколько у Петра приверженцев. Сogleдатаи донесли о растущих силах и крепнущей уверенности Петра. Да и в самом деле, на каждой утренней поверке Шакловитый недосчитывался своих людей и, конечно, понимал, что все больше их по ночам дезертирует и устремляется к Троице.

Софья воззвала к патриарху Иоакиму, чтобы тот

165

поехал в монастырь и, используя вес своего сана, постарался добиться примирения с Петром. Патриарх охотно согласился, но сразу же по приезде примкнул к Петру. С этих пор, когда в Троицу из Москвы являлись новые перебежчики, их встречали Петр и Иоаким, царь и патриарх, стоявшие рука об руку.

По мнению Иоакима, его поступок не был предательством. Хотя он подчинялся Софье как регентше, происходил он из боярской семьи, принадлежавшей к противникам ее власти. Сам Иоаким не любил Софью и Голицына за их прозападные склонности и противостоял стремлению Софьи короноваться. Что еще важнее, он ненавидел монаха Сильвестра Медведева за вмешательство в церковные дела, являвшиеся, как утверждал Иоаким, прерогативой патриарха. До нынешнего кризисного момента он поддерживал регентшу не из симпатии, но склоняясь перед ее властью, и то, что теперь он переметнулся в стан ее противников, несомненно свидетельствовало о начавшемся перераспределении власти и политического влияния.

Измена патриарха нанесла Софье тяжелый удар. Его отъезд послужил примером для многих. Но основная масса стрельцов и видных московских горожан оставалась в городе, не зная, как лучше поступить, и надеясь дожидаться каких-нибудь новых подтверждений, что та или другая сторона берет верх.

27 августа Петр сделал следующий ход. Он разослал грозные письма, где повторял требование всем-стрелецким полковникам и урядникам немедленно прибыть в Троицкий монастырь с десятком солдат от каждого полка. Другим приказом вызывались многочисленные представители населения-Москвы. На сей раз всех неподчинившихся ждала смертная казнь. Эти письма, грозившие неотвратимым наказанием, произвели должное впечатление, и стрельцы под началом пятерых полковников беспорядочной толпой тут же повалили выражать покорность царской воле.

166

Софья сидела в Кремле, не в силах остановить непрерывный исход к Троице, и ею овладевало отчаяние. В последней попытке покончить дело миром, она решила сама поехать в монастырь и встретиться с Петром. С Голицыным и Шакловитым, в сопровождении стрельцов, она двинулась к Троице. Но по пути в селе Воздвиженском, ее уже встречал друг Петра, Иван Бутурлин, и отряд солдат с заряженными пищалями. Выстроив людей поперек дороги, Бутурлин приказал регентше остановиться. Он сказал, что Петр не желает ее видеть, запрещает допускать ее в Троицу и велит ей немедленно возвращаться в Москву. Возмущенная этой дерзостью, Софья заявила: «Я все равно поеду к Троице!» — и приказала Бутурлину и его солдатам уйти прочь с дороги. В этот момент подъехал еще один из сторонников Петра, молодой князь Троекуров, с распоряжением царя ни в коем случае не пропускать его сестру, даже если для этого понадобится применить силу.

Подавленная и униженная Софья сдалась. Возвратясь в Кремль перед рассветом 11 сентября, она собрала редущий кружок своих приверженцев. Она была на грани истерики: «Чуть меня не застрелили! В Воздвиженском прискакали на меня многие люди с самопалами и луками. Я насилу ушла и поспела к Москве в пять часов. Затевают Нарышкины с Лопухиными извести царя Иоанна Алексеевича и до моей головы доходит. Соберу полки и буду говорить им сама. Вы послужите нам к Троице не уходите. Я верю в вас! Кому и верить, как не вам, старым? Пожалуй, и вы побежите! Целуйте лучше крес-я! - И Софья каждому протянула крест для

целования. - Теперь, если вы попытаете перебежать, крест вас не пустит. Если из Троицы принесут грамоты, сами не читайте. Несите их во дворец» .

Завладев инициативой, Петр и его советники не собирались ее упускать. Через несколько часов после возвращения Софьи в Москву из Троицы прибыл полковник Иван Нечаев с грамотами к царю Ивану и регент-

167

ше Софье. В них объявлялось о существовании заговора против жизни царя Петра и были поименованы главные заговорщики, Шакловитый и Медведев — предатели, которых следовало на месте арестовать и доставить в Троицу, к Петру на суд.

Грамоты эти, врученные дворцовому подьячему у подножия Красной лестницы, вызвали потрясение, волной прокатившееся по всему дворцу. Чиновники и офицеры, стоявшие за Софью в надежде, что она либо победит, либо добьется компромисса, теперь ясно поняли, что впереди их ждет крах или смерть. Даже стрельцы, которые не совсем потеряли преданность регентше, заворчали, что не станут покрывать предателей и что заговорщиков надо выдать. Софья велела привести полковника Нечаева, доставившего столь некстати царские грамоты, и на него обрушилась вся буря ее ярости. Трясаясь от бешенства, она спросила «Как смел ты взять на себя такое поручение?» Нечаев отвечал, что не решился ослушаться царя. В неистовстве Софья приказала отрубить ему голову. К счастью для Нечаева, в эту минуту не нашлось палача, а потом в суматохе о полковнике забыли.

Софья, одинокая, загнанная в угол, в последний раз попыталась сплотить вокруг себя приверженцев. Выйдя на Красное крыльцо, она обратилась к толпе стрельцов и горожан на площади. Гордо вскинув голову, она бросила вызов Нарышкиным, а затем просила собравшихся не оставлять ее: «Злые люди рассорили меня с братом, подговорили других, подобных злодеев, разгласить о заговоре на жизнь младшего царя и зачинщиком умысла, которого вовсе не было, выставили Федора Леонтьевича Шаклови-того, из зависти к его добрым заслугам, не умея ценить его неусыпных трудов о благе государства. Я сама хотела, для открытия истины, присутствовать при розыске и ездила к Троице; но брат, по наущению злых советников, отверг меня и к себе не допустил: я принуждена была возвратиться со стыдом и срамом. Вам самим хорошо

168

известно, как я более семи лет правила государством; я приняла правление в самое смутное время; заключила славный вечный мир с соседними христианскими государями и в ужас привела врагов святой веры двумя знаменитыми походами. К вам я всегда была милостива, щедро вас награждала; докажите же мне свою преданность: не верьте наветам врагов мира и спокойствия; они хотят погубить не Шакловитого, а меня: они ищут моей собственной головы и жизни моего родного брата!»

Трижды в этот день Софья произносила свою речь, сначала обращаясь к стрельцам, потом к именитым московским гражданам, и наконец к большой толпе, среди которой было несколько офицеров-иностранцев, вызванных из Немецкой слободы. Ее усилия возымели действие. «Это была длинная и славная речь», — сказал Гордон, и казалось, настроение толпы значительно улучшилось. По приказанию сестры царь Иван сошел к народу и угощал бояр, чиновников и стрельцов водкой. Софья была довольна. В порыве великодушия она послала за полковником Нечаевым, простила его и поднесла чарку водки⁴.

Как раз в это время князь Борис Голицын, один из вождей петровской партии в Троице, попытался привлечь на сторону Петра своего двоюродного брата, Василия. Борис отправил гонца с предложением князю Василию приехать в Троицкий монастырь - искать государевой милости. Василий ответил Борису просьбой помочь в посредничестве между сторонами. Борис отказался и вновь предложил Василию прибыть в Троицу, обещая при этом, что Петр примет его благосклонно. Василий благородно отверг предложение, пояснив, что долг велит ему оставаться рядом с Софьей.

Снова настала очередь Петра действовать, и опять он усилил давление на Софью. 14 сентября в Немецкую слободу поступил письменный указ Петра. Он был обращен ко всем генералам, полковникам и другим офицерам, населявшим слободу. В нем вновь утверждалось, что

169

существует заговор, назывались главные заговорщики — Шакловитый и Медведев, а всем

иностранным офицерам предписывалось явиться к Троице верхом и при полном вооружении. Указ поставил воинов-иноземцев перед рискованным выбором. Они нанимались служить правительству, разве в этой путанице разберешь, где оно, законное правительство? Генерал Гордон, старший из иностранных офицеров, пытаясь избежать вмешательства в распрю между братом и сестрой, еще в самом начале конфликта заявил, что ни один из его офицеров не сдвинется с места без приказа от обоих царей. Теперь же распоряжение Петра толкало Гордона принять одну из сторон. Даже если бы это ему ничем не угрожало, Гордон был бы в затруднении перед таким выбором: он любил Петра и нередко помогал ему в потешных стрельбах и фейерверках, но еще ближе ему был Голицын, с которым он много лет трудился бок о бок, реформируя русскую армию, и которого сопровождал в двух неудачных крымских кампаниях. Поэтому, когда письмо Петра распечатали и прочли в присутствии всех старших иностранных офицеров, первым побуждением Гордона было доложить о распоряжении Петра Голицыну и просить его совета. Голицын опечалился и сказал, что немедленно обсудит дело с Софьей и Иваном. Гордон напомнил Голицыну, что иностранцы безо всякой вины рискуют головой, стоит им сделать неверное движение. Голицын все понял и обещал дать ответ к вечеру. Он попросил Гордона прислать во дворец его зятя за ответом правительницы.

Однако Гордон, видя, что Голицын растерян, принял собственное решение. Если фаворит правительницы, Царственные Большие печати сберегатель, главнокомандующий не может самостоятельно отдать приказа, значит московский режим на грани крушения. Гордон оседлал коня и сказал своим офицерам, что какие бы распоряжения ни последовали из Кремля, он намерен ехать к Троице. Той же ночью длинная кавалькада иностранных офицеров выехала из столицы и на заре до-

170

стигла монастыря. Петр встал с постели, чтобы приветствовать их и допустить к руке.

Отъезд иностранцев был, как сам Гордон записал в дневнике, «решительным переломом». Оставшиеся в Москве стрельцы поняли, что Петр победил. Пытаясь спасти себя, они столпились перед дворцом и требовали выдачи Шакловитого, чтобы забрать его в Троицу и передать Петру. Софья отказалась, и тогда стрельцы закричали: «Лучше сразу кончай с этим делом! Если ты его не выщашь, мы ударим в набат!»⁵ Софья знала, что это означает: очередной бунт озверевших солдат, избиение всех, кого они сочтут предателями. В этой бойне может погибнуть всякий — даже она сама! Софья была сломлена. Она посылала за Шакловитым, который, как семь лет назад Иван Нарышкин, прятался в домово́й церкви. Вся в слезах, она передала его стрельцам, и той же ночью в цепях Шакловитого доставили в Троицу. Борьба завершилась, регентству пришел конец, Петр победил. За победой настал час возмездия. Скоро первые удары пали на Шакловитого. В Троице его допрашивали под пыткой. После пятнадцатого удара кнутом он признался, что подумывал об убийстве Петра и его матери, Натальи, но отрицал существование каких-либо определенных планов. Своими признаниями он полностью снял подозрения с Василия Голицына в том, что тот был осведомлен о его действиях или в них участвовал. Сам Голицын тоже уже находился в Троицком монастыре. Тем утром, когда привезли Шакловитого, Голицын добровольно подъехал к стенам монастыря и просил позволения войти и поклониться царю Петру. В просьбе ему отказали и велели ждать в деревне, пока решат, что с ним делать. Петру и его сторонникам непросто было определить, как поступить с Голицыном. С одной стороны, он был первым министром Софьи, военачальником и любовником все семь лет ее регентства, а потому следовало бы его растоптать вместе с иными ее близкими советчиками. С другой стороны, все признавали, что Голицын принял

171

службу с честными намерениями, даже если ему не всегда удавалось их осуществить. Шакловитый утверждал, что Голицын не участвовал ни в каких заговорах. Важнее же всего было то, что он принадлежал к одному из самых славных русских родов, и его двоюродный брат, князь Борис Голицын, стремился уберечь семью от позорного 'обвинения в предательстве.

Пытаясь спасти Василия, Борис Голицын рискнул навлечь на себя гнев царицы Натальи и окружения Петра. Был даже момент, когда ему пригрозили притянуть его к ответу заодно с двоюродным братцем. Это случилось, когда Шакловитый написал признание на девяти

страницах в присутствии Бориса Голицына. Он кончил писать после полуночи, когда Петр уже лег спать, и Голицын взял признание Шакловитого к себе в комнату, чтобы наутро передать Петру. Но кто-то поспешил разбудить царя и донести: Борис Голицын унес признание к себе — конечно же, с намерением изъять из него все, что может повредить его брату. Петр немедленно послал спросить у Шакловитого, писал ли он признание, и если да, то где оно. Шакловитый отвечал, что отдал его князю Борису Голицыну. К счастью, кто-то из друзей предупредил Голицына, что Петр проснулся, и князь поспешил представить царю документ. Петр строго спросил, отчего бумаги не передали ему сразу. Когда Голицын ответил, что было поздно и он не хотел будить государя, Петр принял это объяснение и на основании показаний Шакловитого решил сохранить жизнь Василию Голицыну*.

Утром 9 сентября Василия Голицына вызвали к Петру. Полагая увидеть царя лично, он приготовил записку, в которой, предваряя просьбу о помиловании, перечислял все свои заслуги перед государством. Но царь его не принял. Голицын покорно стоял в толпе у крыльца

* Это не более чем легенда. Петр действовал по принципу: «Брат — мой, а ум — свой». Борис Голицын был сторонником Петра, и сомнений в его верности не было. — *Ред.*

172

царских палат, пока на лестнице не появился думный дьяк и не огласил царский приговор. Князя обвинили в том, что он держал отчет только перед регентшей, а не перед государями, что в официальных документах писал имя Софьи «в царском титуле», и в причинении ущерба и тягот правительству и народу своим негодным командованием в двух крымских походах. Жизнь ему сохранили, но приговор был суров: он лишился боярского чина, всего имущества и высылался с семьей в заполярное селение. И Голицын тронулся в путь — жалкий и нищий. В дороге его подбодрило появление Софьиного посланца, который передал ему кошелек с деньгами и обещание добиться его освобождения при посредничестве царя Ивана. Это, пожалуй, была последняя хорошая новость для Голицына. Вскоре Софья лишилась возможности помочь кому бы то ни было, даже самой себе, и для Голицына, светского красавца с блестящими манерами, началась двадцатипятилетняя ссылка. Летом 1689 года, когда пала Софья, ему было около сорока шести лет, и до самой смерти в 1714 году, в возрасте семидесяти одного года, он влачил жалкое существование на Севере. Какая ирония судьбы в том, что человек на редкость передовых для тогдашней России взглядов, который мог бы принести Петру столько пользы в его усилиях модернизировать государство, очутился в партии противников царя, все потерял при смене власти и был обречен просидеть большую часть царствования великого реформатора в избе за Полярным кругом. Не менее курьезно то, что к Петру примкнули московские бояре, ненавидевшие Голицына. Они-то думали что, помогая Петру свергнуть Софью и Голицына, спасают себя от западной заразы. На Деле же они своими руками убрали главные препятствия на пути величайшего западника в русской истории.

Как ни жалок был конец Голицына, участь его оказалась легче судьбы других приближенных Софьи. Хотя,

173

как сообщает Гордон, Петр не хотел для своих противников самых суровых наказаний, его окружение, и особенно патриарх, настаивали на этом. Шакловитого приговорили к смерти, и на пятый день после прибытия в Троицу его обезглавили у подножия могучей монастырской стены. Еще двое сообщников были казнены вместе с ним. Трех стрельцов били кнутом и, урезав им языки, сослали в Сибирь. Сильвестр Медведев бежал из Москвы в надежде найти убежище в Польше, но его перехватили, доставили в Троицу, допросили под пыткой. Он признал, что слышал неопределенные угрозы в адрес некоторых сторонников Петра и что написал достойные осуждения хвалебные стихи под Софьиным портретом, но отрицал свою причастность к какому-либо заговору против царя или патриарха. Его оставили в заключении, затем вновь обвинили, страшно пытали огнем и раскаленным железом и наконец через два года казнили.

Приверженцы Софьи были сокрушены, но оставалась главная проблема — что делать с самой Софьей? Одна, без друзей, она ожидала в Кремле решения своей судьбы. Под пыткой Шакловитый ни одним словом не указал на причастность Софьи к заговору с целью сместить

Петра с престола, а тем более убить. Против нее можно было сказать только, что она знала о замышлявшихся покушениях на некоторых членов партии Петра и имела поползновения властвовать наравне с братьями — по праву рождения, как монархиня, а не на временных основаниях, как регентша. Впрочем, Петру этого было достаточно. Он написал из Троицы письмо к Ивану — жаловался на Софью и предлагал в дальнейшем править государством вдвоем. В письме подчеркивалось, что при коронации царская власть была возложена на них двоих, а не на троих, и что участие сестры Софьи в правлении и ее претензии на равенство с двумя помазанниками Божьими были нарушением воли Всевышнего и их царских прав. Петр настаивал на совместном царствовании без ненужного вмешательства «третьего

174

ззорного лица». Он просил разрешения назначать новых чиновников, не испрашивая согласия Ивана в каждом отдельном случае, и заканчивал утверждением, что брат для него по-прежнему остается во всех отношениях старшим: «А я тебя, государя брата, яко отца почитать готов».

Иван беспрекословно согласился. Издали приказ об исключении имени Софьи из всех официальных документов. Вскоре в Кремль приехал посланец Петра, князь Иван Троекуров, и предложил царю Ивану потребовать, чтобы Софья покинула Кремль и перебралась в Новодевичий монастырь на окраине города. На том, чтобы Софья постриглась в монахини не настаивали; ей предоставлялись уютные, хорошо обставленные покои, с нею отпускали множество прислуги, так что ее ожидала жизнь безбедная и бесхлопотная. Ограничения состояли лишь в том, что ей не разрешалось покидать монастырь, а навещать Софью могли только ее тетки и сестры. Но для Софьи любое, пусть самое роскошное, заключение означало конец всему, что было для нее важно. Власть, деятельность, азарт, игра ума, любовь будут вырваны из ее жизни. Она сопротивлялась и больше недели отказывалась выехать из Кремлевского дворца, но нажим стал слишком силен, и ее со всеми церемониями препроводили в монастырь, в стенах которого ей предстояло прожить оставшиеся пятнадцать лет.

Петр не желал возвращаться в Москву, пока Софья не удалилась из Кремля. Когда же сестра была надежно изолирована, он выехал из Троицкого монастыря, но в пути задержался на неделю, которую провел с генералом Гордоном, устроившим маневры пехоты и кавалерии перед очами государя. Наконец, 16 октября, Петр въехал в столицу по дороге, вдоль которой стрельцы всех полков стояли на коленях в знак мольбы о помиловании. В Кремле царь направился в Успенский собор обнять брата Ивана, а затем, облаченный в царские одежды, появился на Красном крыльце. Впервые этот высокий, круг-

175

лолицы, темноглазый юноша стоял здесь как хозяин Российского государства.

Так пала Софья — первая женщина, властвовавшая в Москве. Заслуги ее как правительницы часто преувеличивают. Князь Борис Куракин погрешил против истины, сказав: «Никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И все ее государство пришло во время ее правления, чрез семь лет, в цвет великого богатства»⁷. Вместе с тем, она не была, как ее рисуют некоторые поклонники Петра, просто-напросто последней правительницей старого покроя, реакционным камнем преткновения, загромождавшим тропу русской истории, прежде чем она превратилась в новую, гладкую и широкую перспективу петровской эпохи. Правда заключается в том, что Софья, наделенная всеми необходимыми качествами, правила в целом успешно. Те семь лет, что она руководила государством, пришлись на переходный период русской истории. Два царя, Алексей и Федор начали проводить в российской политике умеренные изменения и реформы. Софья не замедлила и не ускорила этого процесса, но позволила ему продолжаться и тем самым помогла подготовить почву для деятельности Петра. В свете того, что было начато при Алексее и продолжалось при Федоре и Софье, даже разительные петровские преобразования приобретают скорее эволюционный, чем революционный характер.

Софья была не столько выдающейся русской правительницей, сколько выдающейся русской женщиной. Веками русские женщины, низведенные до положения бессловесной домашней утвари, прятались в сумраке теремных покоев. Софья вышла на дневной свет и захватила бразды государственного правления. Плохо ли, хорошо ли она правила — сам факт, что она, в ее эпоху, сумела взять власть, уже обеспечивает ей место в истории. К несчастью, то, что

Софья родилась женщиной, не только

176

выделяло ее незаурядность, но в конце концов и погубило. Когда уже в царствование Петра наступил критический момент, москвичи все-таки не пошли за женщиной против законного государя.

Петр поместил Софью в Новодевичий, и ворота монастыря навсегда закрылись за ней. Но в следующем столетии роль женщин царского рода в России изменилась. Четыре монархини сменили Петра на престоле. Между теремными затворницами XVII века и этими полными жизни и энергии императрицами XVIII века — огромное расстояние. И большую часть этого пути в одиночку прошла регентша Софья. Сделанная из того же теста, что и эти императрицы, наделенная той же целеустремленностью и властолюбием, именно она указала им путь и проложила дорогу.

Сам Петр много лет спустя после ее свержения описывал Софью одному иностранцу как «принцессу, которую можно было бы считать как в телесном, так и в умственном отношении совершенством, если бы не ее безграничное честолюбие и ненасытная жажда власти»^{*1}. За сорок два года царствования Петра только один человек в России оспаривал его право на престол — Софья. Дважды, в 1682 и в 1689 году, она мерялась с ним силами. Во время третьего и последнего посягательства на всемогущество Петра, стрелецкого восстания 1698 года, единственным противником, которого царь опасался, была Софья. К этому времени она провела в монастырском заточении девять лет, но Петр немедленно заподозрил, что за восстанием стоит именно она. Он считал ее единственным человеком, у кого достало бы силы мечтать о его свержении.

Да, Софья: умела внушить страх Петру, имела дерзость бросить ему вызов и обладала силой духа, тревожащей его даже из-за стен монастыря. Но стоит ли удивляться? В конце концов, она была его сестра.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ГОРДОН, ЛЕФОРТ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ СОБОР

Принято считать, что царствование Петра Великого длилось сорок два года - началось в 1682 году, когда его короновали десятилетним мальчиком, и завершилось в 1725 году с его смертью в возрасте пятидесяти двух лет. Тем не менее, как мы уже видели, в первые семь лет юные цари, Петр и Иван, были отстранены от всех практических государственных дел, а реальное управление находилось в руках их сестры Софьи. Казалось бы, естественно предположить, что по-настоящему петровское царствование началось летом 1689 года, когда партия Петра отняла власть у правительницы, и рослый молодой царь, чьему титулу больше ничто не угрожало, торжественно вступил в Москву, где его встречал коленопреклоненный народ. Однако, как ни странно, юный монарх-триумфатор тогда править не начал. Ещё пять лет он совершенно не участвовал в управлении Россией, с радостью вернувшись к той беззаботной юношеской жизни, которую он себе создал еще до бегства в Троицу, — тут было и Преображенское, и Плещеево озеро, и солдаты, и корабли, но не было ни официальной рутины, ни ответственности. Он хотел только, чтобы его оставили в покое и не мешали наслаждаться свободой. Петр проявлял полное равнодушие к государственным делам и позднее признавался, что в эти годы у него на

178

уме были одни развлечения. Таким образом, истинное начало царствования Петра нужно относить не к 1682 году, когда ему было десять лет, и не к 1689-му, когда ему было семнадцать, но к 1694 году — в это время ему исполнилось двадцать два года.

Пока же управление страной осуществляли те несколько человек, кто поддерживал Петра и направлял его в конфликте с регентшей. Номинально их возглавляла теперь уже сорокалетняя Наталья, которая, однако, не обладала Софьиной самостоятельностью и легко шла на поводу у своих советников-мужчин. Правой рукой царицы был патриарх Иоаким - консервативный церковник, жестокий враг всех иностранцев, полный решимости искоренить западную заразу, проникшую в Россию при Софье и Василии Голицыне. Дядя царя и Натальин брат, Лев Нарышкин, получил важнейший пост начальника Посольского приказа — фактически стал новым премьер-министром. Это был добродушнейший человек, хотя и недалекий, который тешил своей новой обязанностью — устраивать для иноземных послов ослепительные приемы и роскошные пиры, где угощение подавали на золотых и серебряных блюдах. Когда

же дело доходило до переговоров с этими послами и вообще до отправления должностных функций, ему оказывал огромную и столь необходимую помощь один из немногих профессиональных русских дипломатов, Емельян Украинцев. На боярина Тихона Стрешнева, старого друга царя Алексея и официального опекуна Петра, было возложено ведение всех внутренних дел. Последним в правящем трио был Борис Голицын, который сумел удержаться, несмотря на подозрения, долго висевшие над ним из-за попыток смягчить падение двоюродного брата, Василия Голицына. В правительстве появлялись и другие известные имена: Урусов, Ромодановский, Троекуров, Прозоровский, Головкин, Долгорукий. Некоторые из выдвинувшихся при Софье, например, Репнин и Виниус, сохранили свои посты. Борис Шереметев остал-

179

ся командовать южной армией, призванной сдерживать татар. И, наконец, более трех десятков Лопухиных обоего пола, родственников молодой жены Петра, Евдокии, слетелись ко двору, чтобы, пользуясь ее положением, урвать что-нибудь и себе.

Россия от перемены властей только проиграла. Новым администраторам не доставало опыта и деловитости предшественников. За все пять лет не приняли ни одного важного закона, не сделали ничего для защиты Украины от опустошительных татарских набегов. При дворе царили раздоры, а в правительстве процветала продажность. Законность и порядок в стране ослабли. Вспыхнула всенародная ненависть к иностранцам: один из указов, принятый по настоянию патриарха, предписывал всем иезуитам в две недели покинуть страну. Другим указом велено было задерживать всех иностранцев на границе и тщательно выяснять, кто они такие и по какой надобности едут в Россию. Их ответы следовало посылать в Москву, а самих путешественников держать на границе, пока не придет разрешение на въезд от центральных властей. Одновременно главе Ямского приказа Андрею Виниусу приказали поручить подчиненным вскрывать и прочитывать все письма, пересекавшие границу. Патриарх даже хотел уничтожить протестантские церкви в Немецкой слободе, и остановил его только указ, предъявленный обитателями слободы, которым царь Алексей некогда разрешил строительство этих храмов. Ксенофобия достигла такого размаха, что на московской улице толпа схватила одного иностранца и сожгла заживо.

И все же, как ни старался патриарх, был в России человек, чьих наклонностей он изменить не мог. Удручал Иоакима не кто иной, как сам Петр, много времени проводивший в Немецкой слободе, среди тех самых иностранцев, которых патриарх боялся как чумы. Впрочем, пока был жив Иоаким, Петр еще вел себя сдержанно. 10 марта 1690 года царь пригласил генерала Гордона ко

180

двору на обед по случаю рождения сына, царевича Алексея. Гордон принял приглашение, но вмешался патриарх, неистово воспротивившийся появлению иноземца на праздновании в честь наследника российского престола. Взбешенный Петр все же уступил, приглашение отменили, но на следующий день он позвал Гордона в гости в свой загородный дом, обедал с ним, а затем вернулся вместе с шотландцем в Москву, и по дороге беседовал с ним у всех на глазах.

Противоречие разрешилось само собой неделю спустя: 17 марта Иоаким внезапно умер. Он оставил завещание, в котором убеждал царя избегать общения с еретиками — и с протестантами, и с католиками, — гнать их всех из России, а самому отказаться от иноземных одежд и обычаев. Особенно он пекся о том, чтобы Петр не назначал иностранцев на официальные должности в государстве и армии, дабы они не командовали православными. Первое, что сделал Петр после похорон Иоакима, — заказал себе у немцев новый костюм, а через неделю впервые сам отправился на обед к Гордону, в Немецкую слободу.

Выбор нового патриарха зависел от разрешения спора, затеянного самим Иоакимом: либерализм или консерватизм, терпимость к иностранцам или яростная защита исконного православия? Образованная часть духовенства, пользовавшаяся поддержкой Петра, выдвигала митрополита Псковского Маркела, ученого церковника, который бывал за границей и говорил на нескольких языках, но царица Наталья, боярская верхушка, монашество и почти все низшее духовенство стояли за более консервативного Адриана, митрополита Казанского. Внутри церкви разгорелась борьба, и сторонники Адриана стали обвинять Маркела, что он уж больно

учен, что католикам при нем будет лучше, чем православным, и что он сам уже впал в ересь. После пятимесячных словопрений выбрали Адриана — по словам разочарованного Патрика Гордона, за «невежество и недалекость».

181

Петр был уязвлен этой неудачей. Через семь лет он с горечью и негодованием описывал избрание Адриана в гостях у одного иностранца.

«Царь сказал нам, — передавал этот человек, — что когда патриарх Московский умер, он задумал поставить на его место образованного священника, повидавшего мир, говорившего по-латыни, по-итальянски и по-французски. Но русские наперебой одолевали его просьбами не ставить над ними такого человека по трем причинам: во-первых, потому что он говорил на варварских языках; во-вторых, из-за того, что у него была недостаточно длинная для патриарха борода; и, в-третьих, потому что его кучер сидел на козлах, а не верхом на лошади, как полагалось»².

Но на деле независимо от указки или желания любого патриарха, Запад уже прочно утвердился всего в трех милях от Кремля. Под Москвой, по пути из города в Преображенское, стоял особняком удивительный западноевропейский городок, известный как Немецкая слобода. Посетители, бродившие по его широким, обсаженным деревьями улицам, вдоль двух- и трехэтажных кирпичных домов с большими, как принято было в Европе, окнами, или по нарядным площадям с фонтанами*, едва могли поверить, что находятся в середине России. Позади солидных особняков, украшенных колоннами и карнизами, лежали искусно разбитые европейские сады с павильонами и прудами. По улицам катили экипажи, сделанные в Париже или Лондоне. Только маковки московских церквей, видневшиеся вдалеке, за полями, напоминали приезжим, что они за тысячу миль от дома.

* Масштабы и импозантность Немецкой слободы - скромного и достаточно тесного поселения — преувеличены автором. — *Ред.*

182

Во времена Петра этот процветающий островок заграницы был сравнительно молод. Прежнее поселение для иностранцев, которое Иван Грозный основал в самом городе, было разорено во времена Смуты. После восшествия на престол первого Романова в 1613 году иностранцы селились где могли, по всему городу. Это раздражало московских консерваторов, не желавших, чтобы иноземцы поганили их святой православный город, и во время восстания 1648 года ватаги стрельцов нет-нет да и громили дома каких-нибудь иностранцев. В 1652 году царь Алексей объявил, что чужеземцам запрещается селиться и открывать церкви в священных стенах Москвы, но позволил основать новое поселение, Немецкую слободу, на берегах Яузы, где всем иностранным офицерам, инженерам, художникам, докторам, аптекарям, купцам, учителям и другим наемным специалистам на русской службе выделялись земельные участки в зависимости от их звания.

Первоначально колония состояла главным образом из немцев-протестантов, но к середине XVII века там появились многочисленные голландцы, англичане и шотландцы. Шотландцы, в большинстве своем католики-роялисты, бежавшие от Оливера Кромвеля, получали гарантированное убежище, невзирая на их религию, потому что царь Алексей был страшно разгневан казнью короля Карла I. Среди известных шотландских якобитов Немецкой слободы были Гордон, Драммонд, Гамильтон, Далziel, Кроуфорд, Грэхем и Лесли. В 1685 году Людовик XIV отменил Нантский эдикт и тем положил конец терпимому отношению к протестантам во Франции. Правительница Софья и Василий Голицын разрешили изрядному числу французских беженцев-гугенотов, спасавшихся от новых преследований, приехать в Россию. В результате, к тому времени, как подрос Петр, Немецкая слобода представляла собой разноплеменное поселение, где насчитывалось три тысячи западноевропейцев, причем роялисты здесь соседствовали с республиканцами,

183

протестанты с католиками, а их национальные, политические и религиозные разногласия сами собой сглаживались, ведь все они жили теперь вдали от родины, в изгнании.

Замкнутое существование в обособленном пригороде помогало им сохранять обычаи и традиции Запада. Обитатели слободы одевались по-иноземному, читали иноземные книги, молились в своих лютеранских и кальвинистских церквях (католикам храмов строить не позволили, но священники могли служить мессу в частных домах), говорили на своих языках сами учили детей. Они поддерживали постоянную переписку с домом. Один из самых почтенных иностранцев, голландский резидент ван Келлер, обменивался письмами с Гаагой каждые восемь дней и держал Немецкую слободу в курсе всех свежих новостей о событиях за российскими пределами. Генерал Патрик Гордон с нетерпением ждал научных отчетов Лондонского королевского общества. Английские дамы получали томики стихов, тончайший фарфор и душистое мыло прямо из Лондона. Кроме того, присутствие среди обитателей слободы некоторого числа актеров, музыкантов и искателей приключений придавало ее жизни известную пикантность и разнообразие — они создали театр, устраивали концерты, балы и пикники, затевали любовные интриги и дуэли, чем развлекали и забавляли всю слободу. Конечно, этот иноземный остров, центр более передовой цивилизации, не мог остаться вовсе непронутым русским морем, его окружавшим. К домам и садам Немецкой слободы примыкали царские земли Сокольников и Преображенского, и со временем, несмотря на запреты патриарха, те из русских, кто был посмелее и жаждал новых знаний и умных бесед, начали вращаться среди иностранцев, живших всего в нескольких шагах. Через них иноземные нравы проникали в русскую жизнь. Вскоре русские, прежде смеявшиеся над «травоядными* иностранцами, тоже принялись есть салаты. Стал рас-

184

пространяться обычай курить и нюхать табак, хотя патриарх предал его анафеме. Некоторые из русских даже начали, подобно Василию Голицыну, подстригать волосы и бороды и вступать в беседы с иезуитами.

Влияние этих связей было взаимным, и многие иностранцы постепенно обрусели. Женщин из Европы в слободе было мало, и приезжие женились на русских, усваивали русский язык и позволяли крестить детей по православному обряду. Но все же большинство, в силу вынужденной замкнутости в Немецкой слободе, сохраняли западный образ жизни, язык и веру. Женильбы русских мужчин на иноземках оставались редкостью, поскольку немногие из западных женщин решались выходить за русских — боялись оказаться в униженном положении русских жен. Но и здесь постепенно происходили перемены. Госпожа Гамильтон вышла за Артамо-на Матвеева и уверенно распоряжалась в том доме, где царь Алексей встретил Наталью Нарышкину. По мере того, как русские дворяне усваивали обычаи Запада, они все чаще женились на иностранках, смешанных браков становилось все больше, и эта практика процветала до самого конца Российской империи в 1917 году. С тех пор как царевич Алексей, сын Петра, женился на европейской принцессе, все русские цари, достигая брачного возраста, сами или с посторонней помощью выбирали невест на Западе.

С детских лет Немецкая слобода вызывала у Петра жгучее любопытство. Проезжая мимо, он видел с дороги красивые кирпичные дома и тенистые сады. Позже он познакомился с Тиммерманом и Брантом, с офицерами-иностранцами, надзиравшими за строительством его потешных крепостей и за артиллерийскими стрельбами, но до смерти патриарха Иоакима в 1690 году, контакты Петра с иноземным пригородом оставались ограниченными. Когда же старый церковник умер, Петр так зачас-

185

тил туда, что можно было подумать, будто он и вовсе там поселился.

В Немецкой слободе юный царь нашел пьянящее сочетание доброго вина, увлекательной беседы и товарищества. Обычно, коротая вместе вечер, русские просто пили до тех пор, пока все не засыпало или не кончалась выпивка. Иностранцы тоже пили изрядно, но в клубах табачного дыма, перекрывая стук пивных кружек, шел разговор о том, что делается на свете, о монархах и государственных мужах, ученых и воинах. Петра волновали эти беседы. Когда Немецкой слободы Достигла весть о победе английского флота над французским при мысе Ла-Хуг в 1694 году*, он пришел в восторг. Он попросил, чтобы ему дали текст реляции, тут же велел ее перевести, после чего принялся скакать и кричать от радости и приказал артиллерии салютовать в честь английского короля Вильгельма III. Этими долгими вечерами он немало наслушался и советов, касающихся России: нужно чаще проводить учения в армии,

ужесточить дисциплину, регулярно платить солдатам, наладить торговлю с Востоком, используя для этого вместо Черного моря, контролируемого Османской Турцией, Каспий и Волгу.

Как только обитатели слободы поняли, что этот долговязый юный монарх к ним расположен, они стали всюду наперебой приглашать его. Его просили участвовать в свадьбах, крестинах и других семейных торжествах. Ни один купец не выдавал дочь замуж и не крестил сына, не позвав на пир царя. Петр часто выступал в роли крестного отца и держал над купелью детей католиков и лютеран. Он был шафером на многочисленных венчаниях и с увлечением отплясывал на свадьбах лихой деревенский танец под названием «гроссфатер».

* Битва при мысе Ла-Хуг, или Барфлер, произошла в конце мая 1692 года. - *Ред.*

186

В обществе, где воины-шотландцы были смешаны с голландскими купцами и немецкими инженерами, Петр, конечно, встречал немало людей, чьи идеи захватывали его. Одним из них был Андрей Виниус, полурусский-полуголландец средних лет, принадлежащий одновременно к обеим культурам. Отец Виниуса был голландский инженер и коммерсант, который при царе Михаиле основал в Туле, к югу от Москвы, железоделательный завод, обеспечивший ему солидное состояние. Андрей Виниус был воспитан в православии. Так как он владел голландским и русстош языками, то служил вначале в Посольском приказе, потом возглавил Ямской приказ. Он писал книги по географии, говорил на латыни и изучал римскую мифологию. У него Петр начал учиться голландскому и нахватался кое-каких сведений из латыни. В письмах к Виниусу царь подписывался «Petrus» и упоминал о своих «Нептуновых и Марсовых потехах» и о празднествах «в честь Бахуса».

Там же, в Немецкой слободе, Петр встретил еще двоих иностранцев, совсем не похожих друг на друга ни происхождением, ни характером, которые заняли в его жизни еще более важное место. Это были суровый шотландский наемный солдат, генерал Патрик Гордон, и неотразимо обаятельный швейцарский авантюрист Франц Лефорт.

Патрик Гордон родился в 1635 году в родовом поместье Охлекрис, близ Абердина на севере Шотландии. Он происходил из прославленной семьи пылких приверженцев католической веры, состоявшей в родстве с первым герцогом Гордоном и с графами Эрролским и Абердинским. Гражданская война в Англии исковеркала жизнь Гордона. Его семья принадлежала к числу стойких роялистов, а когда Оливер Кромвель обезглавил короля Карла I, он заодно превратил в ничто состояние и привилегии всех преданных сторонников Стюартов, так что с этих пор шотландскому мальчику-католику нечего было и мечтать о поступлении в университет или об успешной

187

карьере на военном или гражданском поприще, и в шестнадцать лет Патрик отправился искать счастья на чужбине. Проучившись два года в иезуитском колледже в Пруссии, он сбежал в Гамбург и присоединился к группе шотландских офицеров, завербованных в шведскую армию. Гордон честно служил королю Швеции и не раз отличился, но, взятый в плен поляками, без колебаний перешел на их сторону. Это было обычным делом для наемных солдат удачи: периодическая смена хозяина не считалась зазорной ни у них самих, ни у правительств, их нанимавших. Через несколько месяцев Гордон опять попал в плен, и шведы склонили его вернуться к ним. Еще позднее его вновь взяли в плен, и он еще раз присоединился к полякам. Прежде, чем ему исполнилось двадцать пять, Патрик Гордон успел четырежды сменить флаг.

В 1660 году династия Стюартов была реставрирована, на английский престол вступил новый король Карл II, и Гордон собрался было домой. Однако прежде чем он отплыл, один русский дипломат, находившийся в Европе, сделал ему блестящее предложение — послужить три года в русской армии, начав в чине майора. Гордон согласился, но, добравшись до Москвы, обнаружил, что срок, оговоренный в его контракте, просто фикция: его, как ценного специалиста, никто не собирался отпускать. Когда он подал прошение об увольнении, ему пригрозили, что отправят в Сибирь как польского шпиона и католика. Временно примирившись со своей участью, он стал привыкать к московскому житью. Он быстро понял, что лучший способ продвинуться по службе — жениться на русской; женился, появилась

семья. Шли годы, Гордон служил царю Алексею, царю Федору, Софье, воевал с поляками, турками, татарами и башкирами. Он дослужился до генерала, дважды побывал в Англии и Шотландии, правда, московские власти задержали в России его жену и детей, чтобы наверняка обеспечить возвращение этого необычайно ценного для них ино-

188

странна. В 1686 году Яков II лично просил Софью отпустить Гордона с русской службы, чтобы он мог вернуться домой. Царственному просителю было отказано, и некоторое время правительница и Василий Голицын так гневались на генерала, что опять вспомнили об опале и Сибири. Тогда король Яков написал снова, сообщив о намерении назначить Гордона своим послом в Москве. Это назначение правительница также отклонила на том основании, что генерал Гордон не мог выполнять обязанности посла, ибо по-прежнему служил в русской армии и, более того, как раз собирался выступить в поход на татар. Итак, в 1689 году пятидесятичетырехлетний Гордон был всеми уважаем, невероятно богат (его жалованье достигало тысячи рублей в год — для сравнения, лютеранскому пастору платили всего шестьдесят) и являлся старшим по чину офицером среди иностранцев Немецкой слободы. Вот почему, когда он, будучи главой офицерского корпуса, сел на коня и отправился в Троицкий монастырь к Петру, надеждам Софьи был нанесен последний удар.

Неудивительно, что Гордон — отважный, немало повидавший в странствиях, закаленный в боях, умевший хранить верность, и вместе с тем всегда бывший себе на уме, — притягивал Петра. Удивительнее то, что восемнадцатилетний Петр притягивал Гордона. Разумеется, Петр был царь, но служил же Гордон и другим государям, не питая к ним особого расположения. Просто в Петре старый воин обрел толкового, в рот ему смотрящего ученика, и, выступая как бы неофициальным наставником в военном деле, учил Петра всем его тонкостям. За пять лет, прошедших после падения Софьи, Гордон из генерала, служившего по найму, сделался другом Петра.

Как оказалось, эта дружба сыграла в судьбе Гордона решающую роль. Став близким другом и советником юного монарха, он отказался от мечты вернуться доживать свой век в Шотландию и смирился с мыслью, что

189

умрет в России. Так и случилось: в 1699 году старый солдат скончался, и Петр, стоявший у его смертного одра, закрыл ему глаза.

В 1690 году, вскоре после свержения Софьи, Петр подружился с другим иностранцем, совершенно не похожим на Гордона — с веселым и общительным солдатом фортуны, швейцарцем Францем Лефортом. На ближайшие десять лет Лефорту предстояло стать неизменным собутыльником и сердечным другом Петра. В 1690 году, когда Петру было восемнадцать, Францу Лефорту исполнилось тридцать четыре года. Ростом он был почти с Петра, но сложен крепче узкоплечего царя; лицо имел красивое, с крупным, четко очерченным носом и умными, выразительными глазами. На портрете, написанном несколько лет спустя, он изображен на фоне петровских кораблей. Лефорт чисто выбрит, на шее у него небрежно повязанный платок, пышные локоны парика ниспадают на латы тонкой работы с гербом Петра — двуглавым орлом, увенчанным короной.

Франц Лефорт родился в 1656 году в Женеве, в семье богатого коммерсанта, и благодаря природному обаянию и остроумию очень быстро вошел в полное любезности и дружелюбия женевское общество. Вкус к веселой жизни быстро подавил в нем всякое желание заняться по примеру отца торговлей, и когда его отправили в Марсель поработать в конторе у одного купца, это ввергло его в такую тоску, что он сбежал в Голландию с намерением примкнуть к армии протестантов, сражавшейся против Людовика XIV. Там этот юный, всего лишь девятнадцати лет от роду, искатель приключений услышал о сказочных возможностях, открывающихся для иностранцев в России, и отплыл в Архангельск. Попав в Россию в 1675 году, он не смог устроиться на службу и два года прожил без дела в Немецкой слободе. Он никогда не впадал в уныние, всех покоряя своей неукротимой веселостью, и в конце концов карьера его наладилась. Лефорт стал капитаном русской ар-

190

мии, женился на кузине генерала Гордона и был замечен князем Василием Голицыным. Он дважды ходил с Голицыным в поход на Крым, но когда Гордон уводил офицеров-иностранцев

от Софьи к Петру, в Троицу, Лефорт был в первых рядах. Вскоре после падения правительницы, тридцатичетырехлетний Лефорт имел уже такой вес, что был произведен в генерал-майоры.

Петр пленился этим бесконечно обаятельным светским повесой. Блестящий, искрометный, он казался юному Петру совершенно неотразимым. Лефорт не отличался глубиной, зато был находчив и говорлив. В его речах слышалось дыхание Запада, привкус иной, европейской жизни, нравов, культуры. Лефорт не знал себе равных в застолье и на бальных паркетах. Он был выдающийся мастер устраивать банкеты, ужины, балы — с музыкой, вином и танцами и с непременным участием дам. С 1690 года Лефорт не расставался с Петром; они обедали вместе два-три раза в неделю и виделись ежедневно. Искренний, открытый, щедрый нрав Лефорта внушал Петру все большую привязанность. Если от Гордона Петр получал мудрый совет и здравое суждение, то Лефорт дарил веселость, дружбу, сочувствие и понимание. Петр смягчался и отдыхал в лучах его расположения, и когда царь вдруг разъярялся на кого-нибудь или на что-нибудь и начинал буквально на всех кидаться и все крушить, один Лефорт решался к нему приблизиться — сгребал Петра в мощные объятия и держал, пока тот не успокаивался. Успех Лефорта не в последнюю очередь объяснялся его бескорыстием. При всей любви к роскоши и дорогостоящим удовольствиям, он никогда не был алчен и не стремился обеспечить себя на черный день — за это свойство Петр ценил его еще больше и следил, чтобы все нужды Лефорта удовлетворялись с лихвой. Долги Лефорта платила казна; ему был предоставлен дворец и средства на его содержание; с головокружительной быстротой его произвели в чин полного генерала, затем

191

адмирала и посла. Всего важнее для Петра было то, что Лефарту искренне нравилось жить в России. Он наведлся в родную Женеву, украшенный громкими титулами и имея при себе царскую грамоту, в которой Петр лично заверял отцов города, что их соотечественник пользуется великим почетом и уважением у него, российского государя. В отличие от Гордона, Лефорт никогда не мечтал вернуться на родину. «Мое сердце, — говорил он соотечественникам-швейцарцам, — осталось в Москве».

Попав в дом Лефорта, Петр как будто очутился на другой планете. Здесь было все — остроумие, обаяние, гостеприимство, увеселение, отдых и, как правило, волнуящее присутствие женщин. Иногда это были почтенные жены и хорошенькие дочки иностранных купцов и военных, в западных нарядах по последней моде. Но чаще — веселые, разбитные молодки, которым поручено было следить, чтобы никто из мужчин не заскучал; этих пышнотелых красоток не смущали казарменные шутки и вольные прикосновения грубых мужских рук. Раньше Петру были знакомы лишь чопорные, как деревяшки, существа женского пола, вращенные в теремах, и он с восторгом ринулся в этот новый мир. Под руководством Лефорта он довольно скоро уже и сам сидел окутанный табачным дымом перед кружкой пива, с трубкой в зубах, обхватив за талию хихикающую девицу. Материнские увещевания, укоры патриарха, слезы жены — все было забыто.

Не много времени понадобилось, чтобы Петр остановил взгляд на одной из красоток. Анна Монс, немочка с льняными волосами, была дочерью виноторговца из Вестфалии. Репутация Анны была малость запятнана — Лефорт уже успел покорить ее. По описанию Александра Гордона, зятя упомянутого генерала, она была «чрезвычайно хороша», и когда Петр выказал интерес к ее светлым волосам, бойкому смеху и блестящим глазкам, Лефорт с готовностью уступил царю свой трофей. Как

192

раз такая разбитная красавица и была нужна Петру: она могла и тост поддержать, и за словом в карман не лезла. Анна Монс стала его любовницей.

Легкомыслие и смешливость Анны не были ширмой, за которой скрывалось богатое внутреннее содержание, а нежность ее к Петру сильно подогревалась корыстолюбием. Она дарила свое расположение в обмен на знаки его внимания, и Петр осыпал ее драгоценностями, подарил ей загородный дворец и имение. Презрев протокол, он

появлялся с ней в обществе русских бояр и иностранных дипломатов. Анна, естественно, начала надеяться на большее. Она знала, что жену свою Петр на дух не переносит, и постепенно внушила себе, что в один прекрасный день сменит царицу на престоле. Петру тоже приходила в голову такая мысль, но он не нашел необходимости в браке — его вполне устраивала и связь; так она и тянулась двенадцать лет.

Конечно, большую часть петровского окружения составляли не иностранцы, а русские. Они были друзьями его детства и прожили рядом с ним долгие годы в Преображенском. Другие, люди постарше годами, славные своими заслугами и принадлежностью к старинным родам, тянулись к Петру, невзирая на его неистовые сумасбродства и яхшание с иностранцами, потсму что он был помазанник Божий. Пожилой длиннобородый князь Михаил Черкасский, приверженец старины, искал сближения с Петром из патриотических соображений, не в силах издали наблюдать, как юный самодержец повсюду болтается с чужеземцами. Подобные же чувства руководили и князем Петром Прозоровским, еще одним суровым и мудрым старцем, и Федором Головиным, опытейшим дипломатом России, который заключил Нерчинский договор с Китаем. Князь Федор Ромодановский, встав на сторону молодого царя, навсегда остался ему безгранично предан. Он ненавидел стрельцов, от рук которых погиб его отец в боине 1682 года. Позже, став московским наместником и возглавив сыскное ве-

7 Петр Великий, г. 1

193

домство, он правил железной рукой, и когда в 1698 году вновь восстали стрельцы, Ромодановский обрушился на них, как карающий ангел возмездия.

Поначалу эта пестрая компания почтенных седобородых старцев, молодых гуляк и иноземных авантюристов являла собой странное сборище. Но время вылепило из них сплоченную группу, именовавшуюся Всешутей-шим и всепьянейпшм собором и повсюду следовавшую за Петром. Они без конца странствовали с места на место, бродили по московским окрестностям, норовя неожиданно нагрянуть в поисках стола и крова к какому-нибудь изумленному боярлну. Численность этой диковинной свиты Петра составляла от восьмидесяти до двухсот человек.

Обычно пир веселой компании начинался в полдень и заканчивался на рассвете следующего дня. Угощение подавали раблезианское, но между переменами блюд делали перерывы, чтобы покурить, поиграть в шары или в кегли, посостязаться в стрельбе из лука и пищали. Застольные речи и здравицы сопровождались не только одобрительными возгласами и веселыми выкриками, но и пронзительными звуками труб, и артиллерийскими залпами. Если играл оркестр, Петр лично бил в барабан. По вечерам танцевали, любовались фейерверками. Когда кого-нибудь из пирующих клонило в сон, он, как правило, попросту сползал со скамьи на пол и мирно храпел. Бывало, что половина компании спала под шум буйного веселья остальных. Иногда такие пиры Затягивались на два или три дня, гости вповалку спали на полу, время от времени поднимаясь, чтобы поглотить очередную Гигантскую порцию еды и питья, а затем вновь погрузиться в ленивую дрему.

Необходимым условием членства в петровском Все-пьянейшем соборе было умение пить, но ничего нового или из ряда вон выходящего в невоздержанности друзей

194

Петра не было. С незапамятных времен, как сказал великий князь киевский Владимир, «веселие Руси есть питие». Поколение за поколением западные путешественники и осевшие в России иностранцы отмечали, что пьянство здесь царило повсеместно. Крестьяне, духовенство, бояре, царь — никто не составлял исключения. По словам Адама Олеария, посетившего Россию при деде Петра, царе Михаиле, ни один русский по своей воле не упускал случая выпить. Напоить гостя допьяна полагалось непременно по правилам русского гостеприимства. Поднимая тост за тостом, да все такие, чтобы никто не смел отказаться, хозяин и гости опрокидывали кубок за кубком, всякий раз затем переворачивая чашу вверх дном у себя над головой, чтобы показать, что она пуста. Если

гостей не развозили по домам мертвецки пьяными, считалось, что вечер не удался. Отец Петра, царь Алексей, при всем своем благочестии, был такой же русский, как и всякий другой. Доктор Коллинз, личный врач Алексея, отмечал, как приятно бывало его коронованному пациенту видеть своих бояр славно подвыпившими. Бояре же, в свою очередь, всегда норовили как можно сильнее напоить иностранных послов. Простые люди тоже пили, но не столько за компанию, сколько чтобы забыться. У них была одна задача — поскорей дойти до отупения и отрешиться от обрыдлой, постылой действительности. И мужчины, и женщины несли в грязные кабаки свои последние ценности и даже готовы были пропить с себя одежду, лишь бы им дали еще водки. «Женщины, — сообщал другой западный очевидец, — нередко первые впадают в буйство от неумеренных доз спиртного, и можно видеть их, полуголых и бесстыдных, почти на любой улице».

Гуляка-сын царя Алексея со своим Всеппянейшим собором достойно поддерживал эти русские традиции. Хотя на своих пирушках они поглощали по большей части не слишком крепкие пиво и брагу, зато пили помногу и подолгу — Гордон в дневнике часто пишет о

195

том, как много в очередной раз выпил Петр, и как ему, зрелому мужчине, трудно держаться с ним на равных. По-настоящему сильно пить Петра научил Лефорт. Немецкий философ Лейбниц, видевший нашего швейцарца во время его путешествия с Петром по Европе в составе Великого посольства, писал о Лефорте, что «никогда алкоголь не одолевает его, и он сохраняет трезвый рассудок... никто не может соперничать с ним... он оставляет трубку и стакан, когда уже три часа как рассвело»⁷. Но в конце концов и для них пьянство не прошло даром. Лефорт умер сравнительно рано, в сорок три года, а Петр — в пятьдесят два. Правда, в молодости эти безумные вакханалии не утомляли и не изнуряли Петра, а, казалось, наоборот — придавали ему силы для завтрашней работы. Он мог пить с товарищами всю ночь, а затем, пока они храпели в пьяном забытье, поднимался на заре и шел плотничать или строить корабли. Немногие могли с ним тягаться.

По прошествии некоторого времени Петр решил не оставлять устройство этих пиров на волю случая. Он любил два-три раза в неделю отобедать у Лефорта, однако тот, со своими ограниченными доходами, не мог обеспечить дорогостоящих приемов со всякими затеями, как любил молодой царь, и потому Петр построил для него большую залу, вмещавшую несколько сот гостей. Но вскоре и там стало тесно, и тогда царь велел возвести красивый каменный особняк, роскошно убранный гобеленами, где помимо всего прочего были погреба и банкетный зал на полторы тысячи человек. Владельцем его считался Лефорт, но на деле особняк стал своего рода клубом для Всеппянейшего собора. Когда не было Петра, и даже когда отсутствовал Лефорт, оставшиеся в Москве участники этой компании собирались здесь есть, пить и веселиться всю ночь напролет, а расходы брал на себя царь.

Мало-помалу от беспорядочных попоек и кутежей Всеппянейший собор перешел к более продуманным уве-

196

селениям и маскарадам. Петр, когда бывал в ударе, придумывал своим товарищам всякие забавные прозвища, и постепенно эти прозвища превратились в маскарадные роли. Боярин Иван Бутурлин получил титул «польского короля», потому что во время одного из военных учений в Преображенском командовал «вражеской» армией. Князь Федор Ромодановский, другой командир, защищавший потешный город-крепость Прешбург, стал «королем прешбургским», а потом дослужился до «князя-кесаря». Петр называл его «ваше пресветлое царское величество» и «мой государь король», и подписывал письма в Преображенское «твой всегдашний раб и холоп Питер». Эта игра, в которой Петр высмеивал свой собственный ранг и титул самодержца, продолжалась все годы его царствования. После Полтавской битвы пленных шведских офицеров привели к «царю», которого изображал Ромодановский, и лишь некоторые из шведов (а никто из них прежде настоящего Петра не видал) спрашивали себя, кем бы мог быть необыкновенно высокий русский офицер, стоявший позади потешного князя-кесаря.

Но пародия Петра на власть мирскую была невинной забавой в сравнении с тем издевательством, которое он с приятелями учинил затем над церковью. Всепьянейший собор преобразился во Всешутейший и все-пьянейший собор дураков и скоморохов с потешным «князем-папой», конклавом кардиналов и целой свитой епископов, архимандритов, священников и дьяконов. Петр, хоть и был всего лишь просто дьяконом, руководил составлением устава для этого странного сборища. С таким же воодушевлением, с каким позже он станет составлять законы Российской империи, Петр старательно разрабатывал ритуалы и церемонии Всепьянейшего собора. Первая заповедь гласила, что «Бахус должен почитаться изрядным и преславным пьянством и получать должное ему». На практике это означало, что все чарки должно опорожнять сразу и что члены собора

197

обязаны напиваться допьяна каждодневно и не ложиться спать трезвыми. Во время этих разгульных «молебнов» князь-папа, роль которого исполнял старый наставник Петра, Никита Зотов, пил за здоровье собравшихся, после чего благославлял коленопреклоненную паству и осенял ее сложенными крест-накрест двумя длинными голландскими трубками.

По церковным праздникам игры усложнялись. Бывало, на Святках компания человек в двести с песнями и свистом пускались «славить» Христа по Москве в битком набитых санях. Впереди всех ехал потешный князь-папа в санях, запряженных десятком плешивых мужиков. В наряде, унизанном игральными картами, с жестяной митрой на голове он восседал верхом на бочке. Выбрав, кого бы из дворян или купцов что побогаче, осчастливить своими колядками, они вваливались в дома, и в благодарность за непрошенные песнопения хозяин обязан был поить и кормить «славельщиков». А в первую неделю Великого поста через весь город за князь-папой плелась другая процессия, на этот раз — «кающихся грешников». Вся орава, в вывернутых наизнанку полушубках, ехала верхом на ослах и волах или в санях, влекомых козами, свиньями и даже медведями. Свадьба любого из приближенных Петра вдохновляла Всешутейший и всепьянейший собор на необычные изобретения. В 1695 году пиры и празднества по случаю свадьбы Якова Тургенева, любимого царского шута, женившегося на дочери пономаря, продолжались три дня. Свадьба происходила в поле неподалеку от Преображенского. Тургенев с невестой прибыли на церемонию в лучшем царском придворном возке. За ними следовала процессия знатных бояр в самых фантастических нарядах — шляпах из бересты, соломенных сапогах, перчаток из мышиных шкурок, кафтанах, унизанных беличьими хвостами и кошачьими лапками; кто шел пешком, кто ехал в запряженных быками, козами и свиньями телегах. Празднество завершилось торжес-

198

твенным вступлением всей развеселой компании в Москву во главе с новобрачными, сидевшими верхом на верблюде. «Шествие, — пишет Гордон, — было исключительно забавное». Однако шутка, пожалуй, зашла слишком далеко - через несколько дней жених, Тургенев, внезапно отдал Богу душу⁸.

Хмельное существование Всепьянейшего собора, созданного, когда Петру было восемнадцать, продолжалось до конца его царствования, и зрелый человек, ставший уже императором, предавался грубому шутовству, как если бы он был все тот же необузданный юнец. Такое поведение, которое иностранные дипломаты находили вульгарным и скандальным, многим из подданных Петра казалось откровенным богохульством. Оно укрепляло православных консерваторов в уверенности, что Петр сам есть Антихрист, и они с нетерпением ждали, когда же гром небесный поразит нечестивца. Вообще-то, Петр отчасти для того и учреждал Всепьянейший собор, чтобы дразнить, страшать и унижать церковных иерархов, особенно нового патриарха Адриана. Его мать и бояре, ревнители старины, добились победы над его ставленником, просвещенным, не в пример Адриану, Маркелом Псковским — пусть так! Петр отплатил, назначив своего

собственного потешного патриарха. Глумление над церковными властями не только давало выход его досаде, но с годами стало отражать непрерывное раздражение, которое вызывала у него русская церковь в целом.

И тем не менее, Петр уже учился осторожности. Всепьянейший собор не оскорблял в лицо русскую православную церковь, ибо Петр очень быстро направил пародию в более безопасное русло, сделав непосредственным объектом насмешки римско-католическую церковь. Первоначальный глава потешного собора, князь-патриарх, превратился в князя-папу, его свита состояла из коллегии кардиналов, а обряды и язык игры заимствовались не из православной литургии, а из католи-

199

ческой. Против этого, конечно, возражало куда меньше русских.

Сам Петр не считал шутовство потешного собора богохульством. Несомненно, Господь слишком велик, чтобы обижаться на шутки и игры. Ведь что такое были все эти буйные забавы? Игры и только. Они давали возможность психологической разрядки, снимали напряжение — возможно, грубым, нелепым, даже непристойным образом, — но члены собора в большинстве и не отличались утонченной чувствительностью. Это были люди действия, занятые государственным строительством и управлением: их руки вечно были в крови, известке и пыли. Они нуждались в полноценном отдыхе. Веселясь, они оставались верны себе — пили, хохотали, кричали, переодевались, танцевали, устраивали розыгрыши, высмеивали друг друга и все, что попадалось им на глаза, а особенно церковь, противившуюся всему, что они пытались сделать.

Русским современникам Петра в те годы казалось, что не только душа государя в опасности, но и его тело. Он непрерывно устраивал все более сложные и опасные фейерверки. На масленицу 1690 года, когда Петр отмечал рождение сына, Алексея, зрелище продолжалось пять часов кряду. Однажды увесистая ракета, вместо того, чтобы разорваться в воздухе, стала падать на землю, угодила прямо в голову одному боярину и убила его на месте. По мере того, как Петр приобретал опыт, эти пиротехнические представления становились все эффектнее. В 1693 году, после долгого салюта из пятидесяти шести пушек, в небе появилось изображение флага, словно сотканного из белого пламени, с монограммой князя Ромодановского латинскими буквами, после чего возникла картина: огненный Геркулес, раздирающий пастырь.

А еще была игра в войну. Всю зиму 1689—1690 годов Петр не мог дождаться весны, чтобы начать маневры

200

потешных полков. Ужины царя с генералом Гордоном проходили в обсуждении новых европейских строевых и тактических приемов, которым предстояло обучить войска. Проверка боеспособности состоялась летом, во время учений, когда Преображенский полк атаковал укрепленный лагерь Семеновского полка. В ход пошли ручные гранаты и горшки с зажигательной смесью, и хотя делались они из картона и глины, все же брошенные в скопление людей, представляли нешуточную опасность. Сам Петр пострадал при взятии земляного укрепления — взрывом горшка, начиненного порохом, ему опалило лицо.

Летом 1691 года полки готовились к крупномасштабному учебному сражению, намеченному на осень. Ромодановский, «король прешбургский», командовал армией, состоявшей из двух потешных полков и других войск, против которых была выставлена стрелецкая армия под началом князя Ивана Бутурлина, «короля польского». Жаркая битва, начавшаяся утром 6 октября, длилась два дня и закончилась победой «русской» армии Ромодановского. Но неудовлетворенный Петр велел повторить сражение, которое развернулось 9 октября, в самую непогоду: ветер, дождь, море грязи под ногами. Вновь одержала верх армия Ромодановского, но с настоящими потерями. Князь Иван Долгорукий получил огнестрельное ранение в правую руку, рана воспалилась и через девять дней он умер. Гордон был ранен в бедро и ему так жестоко обожгло лицо, что пришлось неделю пролежать в постели.

Одновременно Петр не забывал и о своих кораблях. В начале 1691 года двадцать голландских корабельных мастеров со знаменитой верфи в Саардаме (Зандаме) прибыли по контракту в Россию, чтобы ускорить строительство кораблей в Переславле. Наведавшись на Пле-щеёво

озеро, Петр застал этих людей вместе с Карстеном Брантом за работой над двумя маленькими тридцатипу-шечными фрегатами и тремя яхтами. Петр провел с

201

ними только три недели, но в следующем году приезжал на озеро четыре раза, и дважды оставался больше месяца. Вооружившись «императорским» декретом князя-кесаря Ромодановского, повелевавшим ему построить военный корабль от киля до клотика, Петр трудился от восхода до заката, ел на верфи и засыпал, только когда уже не мог стоять на ногах от усталости. Он до того увлекся, что ни в какую не хотел ехать в Москву — принять прибывшего персидского посла. Только когда на озеро явились двое главных членов его правительства, Лев Нарышкин и Борис Голицын, и стали внушать царю, сколь важно предстоящее событие, Петр с неохотой согласился отложить инструменты и следовать с боярами в столицу. Уже через неделю он снова был на озере.

В августе царь уговорил мать и сестру Наталью приехать полюбоваться на его верфь и флот. Среди прочих дам была и его жена, Евдокия. Весь месяц, что они провели на озере, Петр увлеченно маневрировал своей флотилией из двенадцати кораблей у них на виду. Сидя на пригорке над озером, дамы могли видеть, как царь в малиновом кафтане стоит на палубе, размахивает руками, показывает пальцем, выкрикивает распоряжения — это озадачивало и пугало женщин, только-только вышедших на свет божий из душного терема.

В тот год Петр пробыл на озере до ноября. Когда же он наконец вернулся в Москву, дизентерия на шесть недель уложила его в постель. Он так ослаб, что многие опасались за его жизнь. Товарищи и сподвижники встревожились. В случае смерти Петра к власти неизбежно вернулась бы Софья, а их самих ждала бы ссылка, а то и казнь. Но царю исполнился всего двадцать один год, организм его был силен, и к Рождеству он начал поправляться. К концу января он вновь проводил вечера в Немецкой слободе. В конце же февраля Лефорт дал пир в честь Петра, а наутро следующего дня, так и не сомкнув глаз, царь на весь Великий пост уехал в Пере-славль, строить корабли.

202

В этом, 1693, году Петр последний раз надолго задержался на Плещеевом озере. В последующие годы он дважды проезжал мимо по дороге к Белому морю, а еще позднее ездил на озеро проверять артиллерийское снаряжение для Азовского похода. Но с 1697 года он не бывал там вплоть до 1722 года, до Персидского похода. Минуло четверть столетия, и Петр обнаружил на озере заброшенные, полусгнившие суда и постройки. Он распорядился бережно сохранять все оставшееся и некоторое время местные дворяне старались это распоряжение выполнять. В XIX веке каждую весну все духовенство Переславля всходило на баржу и в сопровождении множества лодок, полных народа, выплывало на середину озера — благословить воды в память о Петре.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ АРХАНГЕЛЬСК

Подробно гиганту, замурованному в пещере, куда свет и воздух проникают сквозь крохотное отверстие, Московское государство с его громадными пространствами суши располагало лишь одним морским портом — Архангельском на Белом море. Этот единственный порт, удаленный от центральных областей России, лежал всего в 130 милях от полярного круга и на шесть месяцев в году замерзал. Но зато Архангельск был русским портом. Во всем царстве только здесь мог молодой монарх, опьяненный мечтой о кораблях и океанах, воочию увидеть крупные морские суда и вдохнуть соленый воздух. Ни один из царей никогда не бывал в Архангельске, но никто из них и не интересовался мореплаванием. Двадцать семь лет спустя, в 1720 году, сам Петр так рассказывал об этом в предисловии к Морскому уставу:

...и там [на Плещеевом озере] ...охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало, то ездил на Кубенское озеро, но оно ради мелкости не показалось. Того ради уже положил свое намерение прямо видеть море, о чем стал просить матери своей, дабы мне позволила, которая хотя обычаем любви матерней в сей опасный пуп, многократно возбраняла, но потом, видя великое мое желание и неотменную охоту, и не хотя позволила¹.

204

Впрочем, прежде чем согласиться на его просьбы, Наталья взяла с сына (о котором говорила не иначе, как «моя жизнь и надежда») обещание, что он не станет плавать по морю.

11 июля 1693 года Петр выехал из Москвы в Архангельск со свитой из ста человек, среди которых были Лефорт и многие из членов Всеяруснейшего собора, а также восемь певцов, два карлика и сорок стрельцов для охраны. По прямой до Архангельска было шестьсот миль, но на самом деле весь путь по суше и по рекам составлял почти тысячу миль. Первые триста ехали мимо Троицкого монастыря, Переславля и Ростова, переправились через Волгу в Ярославле и достигли оживленной Вологды, южного перевалочного пункта архангельской торговли, где погрузились на приготовленную для них флотилию больших, ярко разукрашенных барж. Остаток пути шел по реке Сухоне до слияния ее с Двиной, а потом по Двине на север, в Архангельск. Баржи двигались медленно, хотя и плыли вниз по течению. Весной, в половодье, петровские корабли прошли бы здесь беспрепятственно, но теперь был разгар лета, реки обмелели — время от времени даже баржи начинали царапать дно и тогда приходилось тащить их волоком. Через две недели флотилия добралась до Холмогор, административного центра и местопребывания епископа северного края. Здесь царя встречали колокольным звоном и угощением. С трудом вырвавшись из гостеприимных Холмогор, он проплыл последние мили вниз по реке и наконец увидел сторожевые башни, пакгаузы, доки, корабли — Архангельский порт!

Архангельск стоял не на самом берегу Белого моря, а в тридцати милях вверх по реке, так что порт замерзал даже раньше, чем соленые морские воды у побережья. С октября по май Двина была скована крепким, как сталь, ледяным панцирем. Но весной, когда сперва у берегов Белого моря, а потом и вверх по рекам начинал таять лед, Архангельск оживал. Баржи, нагруженные в цент-

205

ральной России мехами, шкурами, пенькой, свечным салом, пшеницей, икрой, поташом, бесконечной чередой тянулись на север, вниз по Двине. Одновременно сквозь тающие плавающие льды, огибая мыс Нордкап, пробивались к Архангельску первые торговые суда из Лондона, Амстердама, Гамбурга и Бремена под охраной военных кораблей на случай встречи с вездесущими французскими пиратами. В трюмах они везли шерсть и хлопчатобумажные ткани, шелка и кружева, золотую и серебряную утварь, вина и красители для тканей. В лихорадочном оживлении архангельского лета можно было увидеть, как сразу не меньше сотни иностранных кораблей, бросив якорь на реке, разгружают свои товары и берут на борт грузы из России.

Хотя дни проходили в напряженной суете, летнее житье в Архангельске несло с собой массу удовольствий для чужеземцев. В конце июня, когда солнце светит двадцать один час в сутки, все спали недолго. Город великолепно снабжался свежей рыбой и дичью. Добытую в море лососину коптили, солили и отправляли в Европу или внутрь страны, но в Архангельске ее можно было вволю поесть свежесвыловленной. Реки кишели пресноводной рыбой — окунями, щуками и нежными молодыми угрями. Битая птица и оленина продавались во множестве и дешево: куропатку величиной с индюка покупали за два английских пенса. Были там и зайцы, и утки, и гуси. Поскольку из Европы приплывало множество кораблей, то датское пиво, французские вина и коньяки имелись в неограниченном количестве, правда, стоили они дорого из-за русских таможенных пошлин. В Архангельске действовала голландская реформатская церковь и лютеранская; устраивались здесь балы и пикники, непрестанно мелькали все новые капитаны и офицеры.

Молодого Петра, тянувшегося к Западу и европейцам, увлеченного морем, все здесь восхищало: и сам океан, уходивший за горизонт, и сменявшие друг друга

206

приливы и отливы, и соленый морской воздух, и запах канатов и смолы возле причалов, и множество пришвартованных кораблей с мощными корпусами из дуба, высокими мачтами, убранными парусами, и деловитая суতোлка оживленного порта со спящими во все стороны лодками, с пристанями и пакгаузами, ломившимися от диковинных товаров, где сталкивались друг с другом купцы, морские капитаны и матросы из разных стран.

Петр мог наблюдать почти всю картину жизни архангельского порта из дома, приготовленного ему на Мосеевом острове. В первый же день, забыв данное Наталье

обещание, он загорелся желанием выйти в море. Устремившись к причалу, он взбежал на борт маленькой двенадцатипушечной яхты «Святой Петр», построенной специально для царя, обследовал корпус и оснастку и стал с нетерпением ждать случая испытать судно, выйдя из устья Двины в открытое море.

Случай представился очень скоро. В Европу отплывал караван голландских и английских торговых судов, и царь на «Святом Петре» собрался в составе конвоя проводить его через Белое море до пределов Ледовитого океана. При попутном ветре и течении корабли подняли якоря, распустили паруса и направились вниз по реке, мимо двух приземистых фортов, охранявших подступы с моря. К полудню впервые в истории русский царь уже плыл по соленым морским волнам. Невысокие сопки и леса отступали все дальше, и скоро Петра окружали лишь резвящиеся волны; корабли то вздымались, то проваливались в темно-зеленые воды Белого моря, поскрипывали мачты, и свистел в снастях ветер.

Слишком быстро, как показалось Петру, конвой достиг тех пределов на севере, где Белое море, расширяясь, переходит в безбрежный Северный Ледовитый океан. С неохотой Петр повернул назад. Из Архангельска он написал матери письмо, зная, что слух о его плавании не замедлит дойти до Москвы. Поэтому он попытался за-

207

ранее успокоить ее, не говоря напрямую о своем морском походе:

Изволила ты писать ко мне с Василием Соймоновым, что я тебя, государыню, опечалил тем, что о приезде своем не отписал. И о том и ныне подлинно отписать не моту, для того что даждаюсь кораблей; а как ане будут, о том никто не ведает, а ожидают вскоре, потому что болше трех недель отпущены из Амстердама, а как оне будут, и я... поеду тот час день и ночь. Да о едином милости прошу: чего для изволишь печалитца обо мне? Изволила ты писать, что предала меня в паству Матери Божией и такова пастыря имеючи, почто печаловать?

Довод был убедительный, но Наталье от этого спокойнее не стало. Она написала Петру, умоляя его помнить обещание и оставаться на берегу, и торопила с возвращением в Москву. Она даже приложила письмо от имени трехлетнего сына Петра, Алексея, в котором тот поддерживал просьбу бабушки. Петр несколько раз отвечал ей, что беспокоиться не нужно: «По письму твоему ей-ей зело опечалился, потому что тебе печаль, а мне какая радость? Пожалуй, зделай меня беднова без печали тем: сама не печалься, а истинна не заживусь» и «Изволила ты, радость моя, писать, чтоб я писал почаще, и я и так на всякую почту приписываю сам, только •виноват, что не все сам [еду]».

На самом деле Петр не собирался покидать Архангельск, пока из Амстердама не придет долгожданная торговая флотилия. Тем временем дни его проходили весело. Из окна дома на Моисеевом острове было видно, как вниз и вверх по реке плывут корабли. Он с любопытством облазал каждый корабль в порту, часами расспрашивал капитанов, взбирался на мачты, чтобы получше рассмотреть такелаж, изучал конструкцию корабельного корпуса. Голландские и английские капитаны оказывали юному монарху пышный прием, приглашая выпить и отобедать с ними на борту. Говорили

208

о чудесах Амстердама, о Саардаме, центре кораблестроения, о мужестве голландских матросов и солдат, с каким они отражали посягательства французского короля Людовика XIV на их страну. Скоро Голландия сделалась страстью Петра, и царь расхаживал по архангельским улицам в костюме голландского шкипера. Он с удовольствием сидел в кабаках, куря глиняную трубку, опустошал бутылку за бутылкой с убеленными сединами голландскими капитанами, которые плавали под началом легендарных адмиралов Тромпа и де Рейтера. Кроме того, вместе с Лефортом и товарищами он посещал бесчисленные обеды и танцевальные вечера в домах иноземных купцов. Но Петр находил и время поработать в кузнице и на токарном станке. Именно в этой поездке он начал вытачивать причудливую люстру из моржовой кости, которая теперь висит в Петровской галерее Эрмитажа. Он часто навещался в церковь Ильи Пророка, и прихожане уже не удивлялись при виде царя, читающего Евангелие или поющего в хоре. Петру нравился архиепископ Холмогорский Афанасий, с которым он любил побеседовать после обеда.

К концу лета Петр решил на будущий год снова вернуться в Архангельск, но кое-что он задумал тут изменить. Его удручало, что кроме его собственной маленькой яхты в этом

русском порту не было ни одного русского морского корабля с русскими моряками. Он собственноручно заложил киль судна побольше «Святого Петра» и приказал за зиму его полностью достроить. Кроме того, он решил обзавестись настоящим океанским кораблем, и велел Лефорту и Виниусу заказать фрегат голландской постройки у бургомистра Амстердама, Николаса Витсена.

В середине сентября пришла, наконец, голландская торговая флотилия. Петр приветствовал ее и одновременно прощался с Архангельском, устроив роскошное празднество, организовать которое поручил Лефорту. Целую неделю шумели пиры, балы, гремели артилле-

209

рийские залпы с фортов и со стоявших на якоре кораблей. В Москву возвращались медленно. Баржи теперь плыли вверх по течению, и не животные, а люди тащили их за бечеву, бредя вдоль берега. Пока бурлаки старались изо всех сил, а баржи едва двигались, пассажиры сходили на берег и прогуливались вдоль лесных опушек, иногда подстреливая на обед диких уток и голубей. Всякий раз, когда флотилия проплывала мимо деревни, священник и крестьяне выходили к царской барже, чтобы поднести рыбу, крыжовник, кур, свежие яйца. Иногда, стоя по ночам на палубе, путешественники видели, как на берег из лесу выбегал волк. Когда они добрались до Москвы, была уже середина октября, и в Архангельске выпал первый снег. Порт закрылся на зиму.

Той же зимой, после возвращения Петра в Москву, его постиг тяжелый удар. 4 февраля 1694 года, поболевав всего два дня, умерла в сорок два года его мать, царица Наталья. Ей нездоровилось с тех пор, как она провела месяц на Плещеевом озере, где Петр демонстрировал свое умение ходить под парусом. Зимой у нее случился удар. Петр сидел на пиру, когда ему сообщили, что мать умирает. Он вскочил и поспешил к ее ложу. Он еще застал ее живой, говорил с ней и получил ее последнее благословение — и тут вошел патриарх и принялся выговаривать Петру за то, что тот явился в «немецком» костюме (который он, кстати, теперь носил постоянно) — дескать, это неуважение и оскорбление для царицы. Взбешенный Петр ответил, что у патриарха как у главы церкви должны быть дела и поважнее портновских забот, и, не желая продолжать спор, ринулся прочь. Он был у себя в Преображенском, когда пришло известие о смерти матери.

Кончина Натальи повергла Петра в глубокое горе. Несколько дней он не мог заговорить, не разрыдавшись. Гордон приехал в Преображенское и нашел Петра «чрез-

210

вычайно опечаленным и удрученным». Похоронная процессия была величественна и торжественна, но Петр отказался участвовать в похоронах матери. И только когда все кончилось, он в одиночестве пришел помолиться на ее могиле. Он писал в Архангельск Федору Апраксину:

Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука не может, купно же и сердце. Обаче воспоминаю апостола Павла, «яко не скорбети о таковых» и Ездры «еже не возвратити день, иже мимо иде», сие вся, елико возможно, аще и выше ума и живота моего разсуждаю, яко всемогущему Богу и вся по воле своей творящу. Аминь. По сих [пор], яко Ной, от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу.

Дальше в письме шли инструкции по поводу строительства корабля в Архангельске, обмундирования матросов и других дел. В двадцать два года жизнь течет быстро и раны скоро заживают. Через пять дней Петр появился в доме Лефорта. Не было ни женщин, ни музыки, ни танцев, ни фейерверков, но Петр уже мог говорить о мирских делах.

Свою привязанность к матери Петр перенес на младшую сестру Наталью, жизнерадостную девушку, которая, даже не вполне понимая цели своего брата, всегда и всем сердцем его поддерживала. Она принадлежала к его поколению и заграничные новшества вызвали ее любопытство. Однако после смерти царицы у Петра в семье не осталось твердой опоры: отец и мать мертвы, сводная сестра Софья заперта в монастыре. Была, правда, жена Евдокия, но он как будто совсем забыл и о ее чувствах, и о ее существовании. С уходом царицы Натальи исчезли последние узы, сдерживавшие порывы

Петра. Он любил мать и старался угождать ей, но раздражение его все возрастало. В последние годы непрерывные ее попытки ограничить его свободу, пресечь

211

стремление к новшествам и общению с иностранцами тяготили Петра. Теперь он был волен жить, как хочет. Ведь Наталья, хоть на ней и сказались годы, проведенные в европейской атмосфере дома Матвеева, в основном осталась верна образу жизни старозаветной москвички. Ее кончина прервала последнюю прочную связь, соединявшую Петра с традициями прошлого. Только благодаря влиянию Натальи Петр еще участвовал в кремлевских церемониях. Через два с половиной месяца после ее смерти он появился вместе с Иваном на Пасху в большой придворной процессии, но это было в последний раз. С тех пор не существовало силы, способной заставить царя делать то, к чему у него не лежала душа.

Весной 1694 года Петр вернулся в Архангельск. На этот раз понадобилось двадцать две баржи, чтобы доставить его свиту в триста человек вниз по реке. Везли также двадцать четыре корабельные пушки, тысячу пищалей, множество бочек с порохом и еще больше бочек с пивом. Предвкушая новые плавания по морю, Петр на радостях произвел несколько старых друзей в высшие морские чины: Федора Ромодановского сделал адмиралом, Ивана Бутурлина — вице-адмиралом, а Патрика Гордона — контр-адмиралом. Кроме Гордона никто из них сроду не бывал на корабле, а мореходный опыт Гордона сводился к пересечению Ла-Манша в каюте пассажирского судна. Сам Петр избрал звание шкипера, намереваясь принять командование голландским фрегатом, заказанным Витсену.

В Архангельске Петр отстоял благодарственный молебен в церкви Ильи Пророка, а затем сразу побежал на реку, чтобы увидеть свои корабли. Маленькая яхта «Святой Петр», полностью снаряженная и готовая выйти в море, стояла у пристани. Голландский фрегат еще не пришел, но судно, которое Петр заложил прошлым летом, было готово и ждало спуска на стапеле. Петр схва-

212

тил кувалду, выбил подпорки и с наслаждением смотрел, как корпус корабля с плеском соскользнул на воду. Пока новое судно, окрещенное «Святым Павлом», оснащали мачтами и парусами, Петр решил не терять времени и побывать в Соловецком монастыре, расположенном на острове в Белом море. В ночь на 10 июня он взобрался на палубу «Святого Петра», взяв с собой архиепископа Афанасия, несколько близких друзей и небольшой отряд солдат. Они отплыли вместе с отливом, но в устье Двины их застиг штиль, и лишь на следующее утро корабль вышел в Белое море, гонимый все свежевшим ветром. Небо темнело, ветер крепчал, и в восьмидесяти милях от Архангельска на крохотное суденышко обрушилась настоящая буря. Ветер с ревом рвал паруса с мачт, зеленые водяные горы перекачивались через палубу. Гигантские валы швыряли яхту то вниз, то вверх, грозя вот-вот перевернуть. Судовая команда — опытные моряки — молилась, сгрудившись в кучу. Пассажиры, сочтя, что они обречены, крестились и готовились к смерти. Насквозь промокший архиепископ с трудом пробирался среди них по уходящей из-под ног палубе, чтобы дать последнее причастие.

Петр, цеплявшийся за руль под ударами ветра и фонтанами брызг, причастился, но не потерял надежду. Всякий раз, когда корабль поднимало огромной волной и потом бросало в бездну, он боролся с рулем, стараясь поставить нос по ветру. Решимость Петра возымела действие. К нему с грехом пополам пробрался лоцман и прокричал в ухо, что нужно попробовать пробиться в гавань Унской губы. Вдвоем навалившись на руль, они направили судно в узкий проход между скал, захлестываемых кипящими валами, и вошли в бухту. Около полудня 12 июня, после суток сплошного кошмара, яхта бросила якорь в спокойных водах неподалеку от маленького Пертоминского монастыря.

Все, кто был на борту, отправились в шлюпках на берег, помолиться в благодарность за спасение в мона-

213

стырской церкви. Петр наградил лоцмана деньгами, поднес монахам дары и оставил щедрое пожертвование. Затем, как символ своей, личной благодарности, он собственными руками сколотил деревянный крест вышиной в десять футов и на плечах отнес на то место на берегу,

где ступил на землю после сурового морского крещения. На кресте царь написал по-голландски: «Сей крест сооружен капитаном Питером летом 1694 года»*.

Шторм бушевал за выходом из бухты еще три дня. 16 июня ветер стих, и Петр опять направил паруса к Соловкам, знаменитейшему монастырю на севере России. Там он пробыл три дня, которые, к удовольствию монахов, посвятил усердному поклонению святым. Затем по спокойным водам Петр вернулся в Архангельск, где его встретили восторженным ликованием друзья, узнавшие о шторме и встревоженные судьбой «Святого Петра» и его венценосного пассажира.

Через несколько недель новый корабль, заложенный Петром, был готов к выходу в море. Теперь, вместе с яхтой «Святой Петр», у царя было два океанских судна, а с приходом из Амстердама нового, построенного в Голландии, фрегата его флотилия увеличилась бы до трех кораблей! Наконец это радостное событие свершилось 21 июля, когда фрегат «Святое пророчество» вошел в устье Двины и стал на якорь возле Соломбалы. Этим

* Спустя несколько лет Петр воспользовался своим почти сверхъестественным спасением от бури, чтобы обосновать необходимость поездки в Европу, которой противилась большая часть русского общества. Во время званого обеда у Бориса Шереметева он открыл, что в разгар бури дал обет Святому Петру, своему небесному покровителю: если ему будет даровано избавление, отправиться в Рим и там, в Вечном городе, на гробе апостола Петра, своего тезки, возблагодарить Господа. Теперь, утверждал царь, настало время исполнить обет.

Однако визит Петра в Рим, намечавшийся под конец Великого посольства, так и не состоялся. В 1698 году, когда царь был уже на пути в Рим, его срочно вызвали в Москву сообщением о новом стрельцком бунте.

214

прочным голландским военным кораблем с закругленным носом и сорока четырьмя пушками, опоясывавшими верхнюю и среднюю палубы, командовал шкипер Ян Флам, уже тридцать раз ходивший в Архангельск. Бургомистр Витсен, стремясь угодить царю, велел обшить каюты деревянными панелями, обставить изящной полированной мебелью, убрать шелковыми занавесами и красивыми коврами*.

Петр был сам не свой от возбуждения. Едва корабль вошел в порт, он тут же кинулся к реке, взлетел на палубу, облазил и обползал на четвереньках каждый его дюйм от вантов до трюма. Вечером новый шкипер «Святого пророчества» дал на борту праздничный ужин, а на следующий день с восторгом писал Винуису:

Ничто иное ныне мне писать, только, что давно желали, ныне в 21 день свершилось: Ян Флам в целости приехал, на котором каробле 44 пушки и 40 матрозоф. Пожалуй, поклонись всем нашим. Пространнее писать буду в настоящей почте; а ныне, обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя, понеже при таких случаях всегда Бахус почитается, каторой своими листьями засланиет очи хотящим пространно гшсати .

Через неделю новый фрегат был готов к плаванию под началом нового капитана. Петр договорился, что его маленькая русская флотилия проводит до Ледовитого

* Кроме пушек и роскошного убранства, «Святое Пророчество» доставил в Россию еще один дар Европы. Когда судно встало на якорь в Архангельске, на корме его развевался огромный красно-бело-синий флаг Голландии. Петр, восхищенный кораблем и каждой его-деталью в отдельности, немедленно решил, что флаг его флота должен быть похож на этот. Поэтому он взял за образец голландский флаг — три широкие горизонтальные полосы: сверху красная, посередине белая, внизу синяя — и просто поменял их местами. На русском флаге белый цвет оказался сверху, под ним синий и красный. Этот флаг вскоре и стал флагом Российской империи.

215

океана караван голландских и английских торговых судов, отплывающих домой. Перед выходом в море царь договорился, что все корабли будут придерживаться того порядка следования и сигналов, которые разработал он сам. Впереди шел новенький «Святой Павел» с адмиралом Бутурлиным на борту, за ним следовали четыре голландских корабля с русскими товарами. Дальше шел тоже новый петровский фрегат, и на нем плыли адмирал Ромодановский и сам царь в роли шкипера, или капитана (впрочем, Ян Флам был рядом); затем — четыре английских торговых корабля. Замыкала караван яхта «Святой Петр» под командованием генерала Гордона — новоиспеченного контр-адмирала. Его успехи в мореходстве оказались, мягко говоря, скромными: он едва не посадил судно на мель у крохотного островка, приняв кладбищенские кресты на берегу за мачты и реи шедших впереди кораблей. Флотилия Петра сопровождала караван до мыса Святой Нос на Кольском полуострове, к

востоку от Мурманска. Здесь Белое море, расширяясь, сливалось с серыми водами Северного Ледовитого океана. Петр рассчитывал заплыть подальше, но дул свежий ветер, и он, помня о предыдущем опыте, поддался на уговоры повернуть назад. Дали пять залпов в знак того, что эскорт возвращается, и иностранные корабли скрылись на севере за горизонтом. А все три очень скромных по океанским меркам петровских парусника пришли в Архангельск, где царь устроил прощальный пир; а 3 сентября он с сожалением выехал в Москву.

В сентябре того же 1694 года в широкой долине близ деревни Кожухово на берегу Москвы-реки развернулись последние и самые крупные маневры петровской армии в мирное время. На этот раз в них участвовало тридцать тысяч солдат: пехота, кавалерия, артиллерия и обоз — длинные вереницы телег с боеприпасами и провиантом.

216

Участники маневров были разделены на две армии. Одной командовал Иван Бутурлин — она включала шесть стрелецких полков и многочисленные кавалерийские части. Противоположной стороной командовал Федор Ромодановский, потешный король Прешбургский, имевший под началом два петровских гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, и сверх того два полка регулярной армии и несколько отрядов ополчения, вызванных из столь удаленных от Москвы городов, как Владимир и Суздаль. Суть этой военной игры сводилась к тому, что армия Бутурлина должна была штурмовать потешную крепость на берегу реки, которую пытались бы оборонять силы Ромодановского.

Перед началом маневров Москву угостили волнующим зрелищем: обе армии промаршировали по городу к месту учений в парадной форме, в сопровождении полковых писарей, музыкантов и особого кавалерийского отряда карликов. Когда показался Преображенский полк, у москвичей дух захватило: впереди колонны, одетый рядовым артиллеристом, вышагивал царь. Народ, привыкший видеть царей во всем их торжественном величии и только с почтительного расстояния, не мог поверить своим глазам.

Участники маневров бились с жаром, который подогревался естественным соперничеством между стрелецкими и гвардейскими полками, старавшимися не ударить лицом в грязь перед царем. Рвались гранаты, рывкали пушки, и хотя стреляли холостыми зарядами, опаленных лиц и изувеченных тел хватало. Атакующая армия перебросила мост через Москву-реку и принялась минировать крепость. Петр рассчитывал на длительную осаду, чтобы солдаты-могли спокойно поупражняться в западных приемах подведения мин и контрмин под укрепление, но, к сожалению, воины не забывали при этом и Бахуса, и едва ли не каждый день заканчивался буйным пиршеством и попойкой. После одной из них солдаты атакующей стороны ощутили, что им сам черт не брат,

217

и решились на внезапный штурм. Защитники крепости тоже испытывали душевный подъем, но обороняться были не в состоянии, так что форт был занят с легкостью. Столь поспешный исход предприятия разъярил Петра. На другой день он приказал победителям очистить крепость, отпустить всех пленных и запретил нападающим штурмовать снова, пока они сперва не заминируют стены по всем правилам и не проделают в них бреши. Приказ был выполнен, и на сей раз понадобилось три недели, чтобы взять форт совершенно так, как написано в учебнике.

Кожуховские маневры завершились в конце октября, и когда войска водворились на зиму в казармы, Петр стал обсуждать со своими советниками, как бы лучше распорядиться этой армией на будущий год. Быть может, пришло время перестать играть в войну? Не пора ли обратить это новое выкованное им орудие против турок, с которыми Россия формально все еще находилась в состоянии войны? Письмо Гордона от декабря 1694 года свидетельствует о том, что какие-то шаги подобного рода рассматривались в ту зиму:

«Я верю и надеюсь, — писал шотландец другу в Европу, — что ближайшим летом мы кое-что предпримем к выгоде христианства и наших союзников*».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ АЗОВ

Петру было двадцать два года, он достиг расцвета молодости и мужественности. Тех, кто впервые видел царя, больше всего в его облике поражал рост: монарх дорос до шести футов семи дюймов и возвышался над всеми окружающими — не забудьте еще, что в те

времена люди в среднем были ниже, чем теперь. Однако, фигуру его скорее можно назвать угловатой, чем пассивной. Для своего роста он был необыкновенно узкоплечим, руки же имел длинные с сильными, загрубелыми, мозолистыми от работы на верфи ладонями, которые он любил всем показывать. Лицо его в те годы оставалось еще юношески округлым и было почти красиво. Он носил небольшие усы и не надевал парика, предпочитая собственные прямые темно-каштановые волосы, немного не доходившие до плеч.

Но самой выдающейся его чертой, даже более удивительной, чем рост, была титаническая энергия. Петр не мог ни спокойно сидеть, ни подолгу задерживаться на одном месте. Он так быстро ходил своим широким, размашистым шагом, что спутникам приходилось рысцой поспешать следом, чтобы не отстать. Если необходимость заставляла царя писать какие-то бумаги, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, склоняясь над высокой конторкой. На пирах он мог усидеть за угоще-

219

нием не больше нескольких минут, после чего вскакивал посмотреть, что делается в соседней комнате, или выходил размяться на улицу. Эта потребность в движении делала Петра большим охотником до танцев. Пробыв в каком-нибудь месте некоторое время, он стремился переменить обстановку и мчался дальше, чтобы видеть новых людей, получать новые впечатления. Представьте себе человека, который всю жизнь был исполнен любознательности, вечно сгорал от нетерпения и пребывал в неустанном движении. Это и будет самый точный портрет Петра Великого.

Но в эти же самые годы молодой царь начал страдать досадным, нередко заставлявшим его испытывать мучительные унижения, недугом. Когда Петр возбуждался или напряжение его бурной жизни становилось чрезмерным, лицо его начинало непроизвольно дергаться. Степень тяжести этого расстройства, обычно затрагивавшего левую половину лица, могла колебаться: иногда это был небольшой лицевой тик, длившийся секунды две-три, а иногда — настоящие судороги, которые начинались с сокращения мышц левой стороны шеи, после чего спазм захватывал всю левую половину лица, а глаза закатывались так, что виднелись одни белки. При наиболее тяжелых, яростных припадках затрагивалась и левая рука — она переставала слушаться и непроизвольно дергалась; кончался такой приступ лишь тогда, когда Петр терял сознание.

Располагая только непрофессиональными описаниями симптомов, мы не сможем наверняка установить ни саму болезнь, ни ее причины. Скорее всего, Петр страдал малыми эпилептическими припадками — сравнительно легким нервно-психическим расстройством, которому в тяжелой форме соответствует истинная эпилепсия, проявляющаяся в так называемом «большом припадке». Насколько известно, Петр не был подвержен этому крайнему проявлению болезни: никто из оставивших письменные свидетельства не видел, чтобы

220

он падал на пол и изо рта у него шла бы пена или утрачивался контроль над телесными отправлениями. В его случае раздражение возникало в отделе мозга, управляющем мышцами левой стороны шеи и лица. Если источник раздражения не исчезал или хотя бы не ослабевал, соседние отделы мозга тоже приходили в возбуждение, что и вызывало непроизвольные, судорожные движения левого плеча и руки.

Еще труднее, не зная наверно характера заболевания, точно указать его причину. Современники Петра и авторы более поздних исторических трудов предлагают целый спектр мнений. Одни приписывали эти судороги травмирующему воздействию того, ужаса, который он испытал в 1682 году, десяти лет от роду, когда стоял рядом с матерью и на глазах у него озверевшие стрельцы убивали Матвеева и Нарышкиных. Другие находили истоки болезни в потрясении, перенесенном им семь лет спустя, когда Петра разбудили среди ночи в Преображенском вестью о том, что стрельцы идут убивать его самого. Третьи грешили на безудержное пьянство, к которому царь пристрастился с легкой руки Лефорта — чего стоит один Всеппянейший собор! Был даже слух, просочившийся на Запад в письмах из Немецкой слободы, будто недуг царя вызван ядом, который подослала ему Софья, пытаясь расчистить

себе путь к престолу. Однако самой правдоподобной причиной эпилепсии, особенно если больной никогда не получал сильного удара по голове, отчего на ткани мозга может появиться рубец, считается перенесенное им длительное и тяжелое воспаление. В ноябре 1693 — январе 1694 года у Петра на протяжении нескольких недель держался сильный жар — тогда многие даже опасались за его жизнь. Подобное воспаление, скажем, энцефалит, способно вызывать образование на мозге локального рубца; впоследствии раздражение поврежденного участка под действием особых психологических возбудителей дает толчок припадкам такого свойства, какими страдал Петр.

221

Болезнь грубоко повлияла на личность Петра; ею в значительной степени объясняется его необычайная скованность в присутствии незнакомых ему людей, неосведомленных о его конвульсиях и потому не подготовленных к этому зрелищу. Действительных средств от припадков, столь же мучительных для окружающих, как и для самого Петра, не существовало, хотя меры, которые тогда принимали, и сегодня сочли бы чрезвычайно разумными. Пока подергивание не выходило за рамки обычного тика, Петр и все, кто был с ним, вели себя так, будто ничего не происходит. А если судороги усиливались, друзья или денщики спешили привести к царю кого-нибудь, чье присутствие действовало на него благотворно. Со временем в таких случаях на помощь всегда призывали вторую жену Петра, Екатерину, если она оказывалась поблизости, но до ее появления или в ее отсутствие эту роль исполняла какая-нибудь молодая женщина, умевшая успокоить царя. «Петр Алексеевич, вот особа, с которой вы желали поговорить», — произносил встревоженный денщик и удалялся. Царь ложился и опускал трясущуюся голову женщине на колени, а она поглаживала его лоб и виски, тихонько и ласково что-то приговаривая. Петр засыпал, и пока сознание его было отключено, болезненный процесс в мозгу затихал. Через час-другой он просыпался отдохнувшим и в гораздо лучшем настроении, чем до приступа.

Зимой 1695 года Петр принялся искать нового применения своей энергии. Его вдохновили два лета, проведенные в Архангельске, краткие плавания по Белому морю, долгие беседы с английскими и голландскими капитанами, и теперь он хотел плавать дальше, видеть больше, испытывать новые корабли. Он постоянно возвращался к мысли о походе в Персию и на Восток. Эту тему часто затрагивали зимними вечерами в Немецкой слободе, где голландские и английские купцы с важностью рассужда-

222

ли о торговле между Европой и Индией, Европой и Персией, которую можно было бы весьма расширить, используя российские водные пути. Лефорт писал из Архангельска родственникам в Женеву: «шла речь о том, чтобы через пару лет совершить путешествие в Казань и Астрахань». Позже швейцарец сообщал: «Следующим летом мы собираемся построить пять больших кораблей и две галеры, на которых, даст Бог, через два года отправимся отсюда в Астрахань для заключения важных соглашений с Персией... Есть также замысел построить несколько галер и выйти в Балтийское море».

Пока в воздухе носились разговоры о Персии и о Балтике, зимой 1695 года Москва была ошарашена объявлением о том, что ближайшим летом Россия намеревается возобновить войну против татар и их хозяев — Османской империи. Почему той зимой Петр пришел к решению атаковать турецкую крепость Азов, точно неизвестно. Существует мнение, что Петр ни с того ни с сего ринулся на поля сражений исключительно по своей неугомонности, и что таким образом он просто давал выход своей энергии и любопытству. Рассматривая последовательность событий с этих позиций, мы видим, что Петр открыл очередную главу в той великой морской эпопее, которая вдохновляла его на протяжении всей жизни: сначала была Яуза, потом Плещеево озеро, потом Архангельск. Теперь он мечтал о создании флота. Но единственный морской порт России намертво замерзал на полгода. Ближайшее море, Балтийское, крепко держала в руках Швеция, самая могущественная военная держава Северной Европы. Оставалась только одна дорога к соленой воде — на юг, к Черному морю.

Ну, а если эта новая авантюра и не была потехой Нептуна, тогда она наверняка была Марсовой потехой. Уже двадцать лет Петр играл в солдатики — сначала это были игрушки, потом мальчишки, потом взрослые люди. Его игры, начавшись с муштры нескольких сотен праздных юных конюхов и сокольников, дошли до штурма и

223

обороны Прешпурга, крепости на речном берегу, с участием тридцати тысяч солдат. Теперь же, стремясь изведать вдохновение настоящего боя, он искал, какую бы крепость осадить, и Азов, одиноко стоявший на краю украинской степи, отлично для этого подходил.

Несомненно, неукротимое стремление Петра к морю и его желание испытать армию в деле сыграли свою роль в решении идти на Азов. Но существовали и другие причины. Россия была по-прежнему в войне с Османской империей, и каждое лето всадники татарского хана скакали на север и совершали набеги на Украину. В 1692 году двадцатитысячное татарское войско подступило к городу Немирову, сожгло его дотла и захватило две тысячи пленных для продажи на турецких невольничьих рынках. Через год увели в полон еще пятнадцать тысяч человек.

После падения Софьи Москва мало что сделала для защиты южных пограничных земель, невзирая на доносившиеся оттуда призывы о помощи. Равнодушие царя даже вызвало язвительную насмешку со стороны Досифея, православного патриарха Иерусалимского. «Крымских татар всего горстка, — писал он Петру, — и все же они хвастаются, что получают с вас дань. Татары — турецкие подданные, откуда следует, что и вы подданные Турции. Много раз вы похвалялись сделать и то, и се, но все кончалось одними словами, а сделать ничего не сделали»²,

Были к тому же и дипломатические причины возобновить боевые действия против турок и татар. Союзник Москвы, польский король Ян Собеский, рассудив, что Россия не внесла ничего существенного в общее дело борьбы с Турцией, пригрозил заключить сепаратный мир с Османской империей, абсолютно не учитывающий интересы России. Как заметил король русскому резиденту в Варшаве, едва ли справедливо винить Польшу в несоблюдении интересов Москвы, если никто не потрудился толком объяснить, в чем они состояли.

224

Таким образом, азовская кампания была не просто более изощренной военной игрой, затеянной ради обучения войск и удовольствия царя. Желание пресечь татарские набеги и необходимость принять какие-то, военные усилия, дабы удовлетворить поляков, были достаточно серьезными побуждениями и заставили бы действовать любое русское правительство. Другое дело, что эти два фактора идеально совпадали с собственными чаяниями Петра.

Оставалось решить, где развернуть кампанию. Цель была ясна: насолить туркам и окоротить татар. После двух неудачных походов Голицына русские с осторожностью относились к новой попытке нанести прямой удар через степи по Перекопу. На этот раз русские должны были атаковать одновременно с двух сторон. Двойную цель тем самым представляли собой устья Днепра и Дона, где турецкие крепости преграждали доступ к Черному морю украинским-казакам и русским армиям. Теперь, вместо того, чтобы шагать по высохшим степям и тащить за собой тысячи телег с припасами, русской армии предстояло отправиться на юг по воде, используя баржи для доставки продовольствия и боеприпасов.

Для двойного наступления были сформированы две очень непохожие одна на другую русские армии. Восточная армия, которой надлежало двигаться вниз по Дону на штурм мощной турецкой крепости Азов, состояла из потешного войска Петра — солдат, атакующих или обороняющих Прешпург на Кожуховских учениях прошлой осенью. В нее входили новые Преображенский и Семеновский гвардейские полки, стрельцы и обученная европейцами артиллерия и кавалерия — 31000 солдат, разделенных на три отряда под командованием Лефорта, Головина и Гордона. Чтобы избежать соперничества ни один из троих не был назначен верховным главнокомандующим. Каждому отряду следовало действовать самостоятельно, а решения, относящиеся ко всей армии,

8 Петр Великий, т. 1

225

трем генералам предстояло принимать совместно в присутствии двадцатитрехлетнего

бомбардира Питера.

Второе, или западное, крыло русского наступления, которому предписывалось следовать вниз по Днепру и атаковать крупные турецкие крепости в Очакове и Кази-кермене и три крепости поменьше, охранявшие устье реки, включало значительно более многочисленное традиционное русское войско под началом боярина Бориса Шереметева. Эта армия напоминала огромные полчища, которые водил на юг Голицын: 120 000 солдат, главным образом крестьяне-ополченцы, призванные по старинке на одно лето для участия в походе. По генеральному замыслу войска Шереметева выступали как вспомогательные, дополняющие действия армии Петра. Их цель была не просто занять днепровские крепости, но также отвлечь главные силы татарской конницы от броска на восток, к Азову, осаждаемому отрядами Петра. Кроме того, царь надеялся, что, благодаря присутствию этого мощного прикрытия, Крым будет отрезан от европейских владений Османской империи на западе, и, следовательно, татарское войско не сможет совершить свой обычный ежегодный поход на соединение с армией султана на Балканах. Этим Россия окажет весомую помощь своим попавшим в тяжелое положение союзникам. Далее, сам факт появления огромной русской армии на Украине, конечно, должен был упрочить влияние царя на вечно колеблющихся, легко поддающихся различным влияниям казаков.

Как только план кампании был составлен, Петр погрузился в приготовления. Захлебываясь от восторга, он писал Апраксину в Архангельск: «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем»³.

Отряд Гордона первым подготовился к походу и в марте выступил из Москвы на юг через степи, «густо поросшие цветами и травами — спаржей, диким тимьяном, майораном, тюльпанами, гвоздикой, медуницей и левкоями»⁴, как значится в дневнике командующего.

226

Петр, Лефорт и Головин с главными силами двинулись в мае, погрузившись на баржи прямо на Москве-реке, и направились вниз по течению, чтобы попасть в Волгу. Их путь лежал вниз по Волге до Царицына, а там пушки и припасы перетаскивали волоком в низовья Дона и погрузили на другие суда. Продвигались медленно, потому что баржи то и дело давали течь, а гребцы были неопытны. Рассерженный Петр написал Виниусу: «Больше всех задержка была от глупых кормщиков и работников, которые именем словут мастера, а дело от них, что земля от неба»³.

29 июня главный корпус численностью в 21 000 человек добрался до Азова, где 10-тысячный отряд Гордона уже успел окопаться на подступах к городу.

Город-крепость Азов стоял на левом берегу самого южного из рукавов Дона, милях в пятнадцати выше места его впадения в Азовское море. В 500 году до нашей эры здесь была одна из греческих колоний Северного Причерноморья. Позднее город, контролировавший вход в великую реку и торговлю по ней, стал колонией Генуи. В 1475 году его захватили турки, замкнув с северо-востока кольцо своего контроля над Черным морем и обеспечив барьер русскому продвижению в низовья Дона. Город окружили крепостной стеной, а в миле от него, вверх по реке, выросли две турецкие сторожевые башни, между которыми поперек реки протянули железные цепи, чтобы легкие казацкие челны не могли проскользнуть мимо Азова и выйти в море.

С прибытием царя к стенам города русская артиллерия открыла огонь и продолжала обстрел четырнадцать недель. Трудностей было немало. Не хватало опытных инженеров — а в петровские времена при осаде у инженеров было не меньше работы, чем у артиллеристов или пехотинцев. Русская интендантская служба не справлялась с обеспечением пропитания для 30 000 человек, находящихся в полевых условиях, и армия быстро опустошала и без того бедные окрестности Азова. Стрельцы не

227

желали подчиняться приказам офицеров-иностранцев, и порой от них невозможно было добиться никакого толку. Вот как отзывался Гордон о положении в целом: «Судя по нашим действиям, иногда казалось, будто мы затеяли все это невсерьез».

Вначале турецкие сторожевые башни на подступах к городу не пропускали вниз по реке русские баржи с припасами для армии. Приходилось разгружать их выше по течению и подвозить к войскам по суше в повозках, рискуя подвергнуться нападению татарских

всадников, которые постоянно кружили вокруг русского лагеря. Захват башен сделался важнейшей задачей, так что вся армия ободрилась, когда донские казаки взяли одну из них штурмом. Вскоре турки, не выдержав мощного огня артиллерии, оставили и другую башню.

Но радость Петра в связи с этим успехом скоро омрачилась предательством, случившимся в его собственном лагере. Голландский моряк по имени Якоб Енсен перебежал от русских к туркам и выдал им важные сведения. Когда-то он матросом пришел на голландском корабле в Архангельск, поступил на русскую службу, принял православие и был приписан ко вновь созданной русской артиллерии. Петр, любивший и голландцев, и артиллерию, приблизил Енсену и многое доверял ему в дни и ночи осады Азова. Дезертировав, Енсен открыл азовскому паше численность и расположение русских войск, сильные и слабые стороны осадных сооружений и все, что знал о намерениях Петра. Кроме того, он дал один полезный совет, основанный на неизменном обыкновении всех русских, не исключая и военных, вздремнуть днем после сытного обеда. Через несколько дней в этот самый час турки совершили мощную вылазку в русские окопы. Поначалу заспанные солдаты побежали, но Гордон сумел их повернуть и после отчаянного трехчасового боя турки отступили. Вылазка дорого обошлась осаждавшим: 400 человек погибло, 600 было ранено, пострадали многие из осадных сооружений.

228

Еще больший ущерб, чем от предательства Енсена, терпела русская армия из-за своей неспособности полностью отрезать крепость от внешнего мира. Гордон, самый опытный воин в стане Петра, настаивал на том, чтобы город был обложен со всех сторон, но из-за недостатка живой силы осаждающие даже не полностью окружили Азов с суши. Между последним русским окопом и рекой зияла брешь, сквозь которую татарская конница регулярно сообщалась с азовским гарнизоном. Еще сильнее действенность осады снижало то, что у русских не было кораблей и они не могли контролировать движение судов по реке. Поэтому Петру оставалось только кусать локти, наблюдая, как двадцать турецких галер беспрепятственно поднялись по реке и доставили гарнизону всевозможные припасы и свежее пополнение.

Все долгие недели осады сам Петр провел в неустанных трудах. Он продолжал играть две роли. В качестве простого артиллериста бомбардир Петр Алексеев, как он себя называл, помогал заряжать и наводить осадные мортиры, посылавшие в город бомбы и снаряды. Как царь он возглавлял высший военный совет, обсуждал и утверждал все планы и операции. К тому же он непрерывно переписывался с друзьями в Москве. Силясь развеять собственное уныние, он поддерживал шуточный тон и обращался к Ромодановскому «мой государь», «король», а подписывался, после уверений в глубочайшем почтении, — «бомбардир Питер».

Успеху русских осадных операций все сильнее мешало разделенное командование. И Лефорту, и Головину задевало, что генерал Гордон превосходит их опытностью в военном деле, поэтому они старались держаться в совете заодно, чтобы перевесить мнение старого шотландца. Петр, со своей стороны, был недоволен затянувшейся осадой и вместе с Лефортом и Головиным настоял на решении внезапно нанести удар и попробовать взять город штурмом. Гордон втолковывал им, что для овладения крепостью такой мощи следует подвести тран-

229

шеи ближе к стенам, дабы войска находились в укрытии вплоть до момента атаки, а не оставались надолго незащищенными на открытом пространстве перед стенами. Его предупреждениям не вняли, и 15 августа произошло наступление, которое провалилось, как он и предсказывал. «Вот итог этого несвоевременного и поспешного предприятия, — писал Гордон в дневнике. — В четырех полках убито полторы тысячи человек, не считая офицеров. Около 9 часов Его Величество послал за мной и за другими офицерами. Кругом были одни сердитые взгляды и унылые физиономии»⁷. Несчастья продолжались. Две огромные подземные мины, которые предполагалось подвести под турецкие стены, взорвались еще в

русских окопах и вызвали новые тяжелые потери.

Наступала осень. Петр знал, что не может всю зиму держать солдат в окопах; оставалось взять город или отступить. Но последний приступ удался не лучше первого, и солдаты совсем пали духом, да и холодало — и 12 октября Петр снял осаду. Он, однако, собирался вернуться на следующий год, о чем говорит то обстоятельство, что в двух сторожевых башнях он оставил сильный трехтысячный гарнизон.

Возвращение армии на север обернулось настоящим бедствием, унеся больше жизней и снаряжения, чем вся летняя кампания. Семь недель под проливными дождями русская армия брела, спотыкаясь, через степи, а татарские всадники неотступно преследовали ее. Реки вздулись от дождей, трава за лето пожухла и выгорела, а теперь раскисла, животным было нечего есть, а люди с трудом отыскивали сухой хворост, чтобы развести огонь. Армию сопровождал австрийский дипломат Плейер, чье донесение в Вену — поистине горестная повесть: «Множество провизии, которой хватило бы для целой армии, погибло от плохой погоды или пошло ко дну вместе с баржами... Невозможно было без слез видеть, как вдоль всего пятисотмильного пути через степь лежали трупы

230

людей и лошадей, объединенные волками, многие селения переполняли больные и умирающие»⁸.

2 декабря армия добралась до Москвы. Петр, идя по стопам Софьи и Голицына, которых сам же гневно осуждал, постарался замаскировать свою неудачу, устроив триумфальное вступление в столицу. Он прошагал по городу, ведя перед собой единственного несчастного пленного турка. Обмануть никого не удалось, и сетования на царевых иноземных военных советников зазвучали громче. Как могла рассчитывать на победу православная армия, если ею командовали чужестранцы и еретики?

Этот довод становился еще весомее оттого, что армия Шереметева, старозаветное русское воинство, ведомое исключительно русскими командирами, добилась значительных успехов в низовьях Днепра. Вместе с конницей казачьего гетмана Мазепы войска Шереметева взяли две из приднепровских турецких крепостей, после чего турки сами оставили еще две. Благодаря этому русские получили контроль над Днепром почти на всем его протяжении, до самого Черного моря.

Но то были успехи Шереметева, а собственный поход Петра на Азов с треском провалился. Его хваленая «европейская» армия отступила ни с чем, да и на обратном пути ей пришлось хлебнуть лиха. И все-таки, хотя поражение было тяжелым разочарованием для нетерпеливого двадцатитрехлетнего царя, оно его не обескуражило. Петр всерьез намеревался вернуться под Азов. Не ища для себя оправданий, он честно признал свое поражение и с головой ушел в приготовления ко второй попытке. Три серьезных просчета помешали исполнению его планов: отсутствие единого командования, недостаток опытных инженеров на строительстве осадных сооружений, открытый для врага доступ с моря в устье реки, перечеркнувший замысел изолировать крепость от помощи извне.

Легче всего было исправить первый просчет: назна-

231

чить будущим летом единого верховного командующего армией. Чтобы избавиться от второго недостатка, Петр обратился к австрийскому императору, а также к курфюрсту Бранденбургскому с просьбой прислать опытных специалистов в осадном деле и тем помочь в борьбе с неверными. Куда труднее было одолеть третье препятствие — требовался флот, чтобы держать в руках водные пути к крепости. Тем не менее, Петр решил, что флот у него будет, и потребовал, чтобы к маю — всего за пять месяцев — построили военный флот в 25 вооруженных галер и 1300 новых стругов для перевозки войск и припасов. Галеры должны были представлять собой не обычные плоскодонные речные суда, а солидные морские военные корабли, способные противостоять турецкому флоту в устье Дона, а то и в открытом море.

Казалось, это задача непосильная. Назначенный срок был не только смехотворно мал, но как раз на эти пять месяцев приходилось самое неблагоприятное время года. Реки и дороги скрывались подо льдом и снегами, короткие дни рано сменялись зимними ночами,

у людей, работавших молотками и пилами под открытым небом, пальцы коченели от холода. И не было ни удобного морского порта, ни верфей, так что Петру предстояло строить свои корабли где-нибудь посреди России, а затем сплавлять по рекам, чтобы доставить к месту морского сражения с турками. Мало того, в России не было настоящих корабельных мастеров. Русские умели строить только струги, простыз суда в сто футов в длину и двадцать в ширину, собранные без единого гвоздя, которые использовали, чтобы один раз спуститься вниз по реке, а потом разбирали на доски или дрова. Таким образом, план Петра подразумевал, что сначала предстояло построить верфи, набрать рабочих, обучить их выбирать, валить и тесать лес, закладывать кили, строить корпуса, ставить мачты, выстругивать весла, вить канаты и шить паруса, а затем подготовить корабельные коман-

232

ды и всем флотом спуститься по Дону до Азова. И все это за пять зимних месяцев!*

Царь взялся за работу. Местом строительства флота был избран Воронеж, город в верховьях Дона, примерно на полпути от Москвы к морю. Воронеж имел несколько преимуществ. Благодаря своему положению он был недосыгаем для татарских набегов. Он располагался севернее границы степей, и строевого леса там было сколько угодно. По этим причинам со времен царя Алексея и присоединения Украины к России в Воронеже строили примитивные баржи, на которых доставляли товары донским казакам. На низком восточном берегу Дона Петр возвел новые верфи, расширил старые и пригнал огромное число необученных работников, взятых по набору. Белгородскому разряду, в ведении которого находился Воронеж, было приказано поставить 27 828 человек на «корабельное строение». Петр послал в Архангельск за опытными плотниками и корабельными мастерами, вырвал иностранных и русских мастеровых из зимней праздности, пообещав, что с лету они освободятся. Он обратился к венецианскому дожу с просьбой прислать специалистов по сооружению галер. Галеру, заказанную в Голландии и недавно прибывшую в Архангельск, разобрали на части и перевезли в Москву, где

* Морское кораблестроение началось в России и в Америке почти одновременно. В 1690 году за пять лет до того, как Петр развернул свою скоростную программу создания флота в Воронеже, маленький военный корабль «Фолкленд» был построен для британского флота в Портсмуте, в штате Нью-Хэмпшир. Это судно, полностью сработанное руками мастеров-колонистов, и стало первым военным кораблем, построенным в северной Америке. — *Автор.*

(Хотелось бы вернуть пальму первенства России. 19 июля 1667 года был издан указ о строительстве кораблей в селе Деди-нове в Коломенском уезде для плавания по Каспию. В мае 1668 года первый корабль «Орел», построенный голландскими мастерами, был спущен на воду и отправился в Астрахань, где благополучно кончил свои дни. — *Ред.*)

233

она служила образцом для судов, которые той зимой строили в Преображенском и на Плещеевом озере. Эти одномачтовые и двухмачтовые корабли делались секциями, наподобие современных сборных судов; затем секции грузили на сани и тащили по заснеженным дорогам в Воронеж, на сборку.

В самом разгаре титанических усилий Петра, 8 февраля 1696 года, внезапно умер царь Иван. Слабый здоровьем, некрепкий умом, безобидный и кроткий Иван прожил почти все свои двадцать девять лет как живая икона, которую извлекали во время торжеств или выставляли вперед в критическую минуту, чтобы унять разъяренную толпу. Неугомонный, энергичный Петр и его тихий, вялый сводный брат и соправитель были настолько непохожи, что, может, именно поэтому сохранили большую привязанность друг к другу. Как царь-соправитель, Иван снял с плеч царственного бомбардира и шкипера множество утомительных церемониальных обязанностей. Из своих путешествий Петр всегда писал брату ласковые и уважительные письма. Теперь, когда Иван упокоился в пышной гробнице под сводами кремлевского собора Михаила Архангела, Петр взял под свое покровительство его молодую вдову, царицу Прасковью, с тремя дочерьми. В благодарность Прасковья до конца дней сохраняла преданность Петру.

Смерть Ивана не имела существенного политического значения, но с ней окончательно

оформилось самодержавие Петра. Теперь он стал единственным и полновластным верховным правителем российского государства.

Вернувшись в Воронеж, Петр застал там кипучую деятельность и полную неразбериху. Горы спиленного леса волокли к строительным площадкам, где уже выри-

234

совывались контуры будущих судов. Правда, без конца возникали затруднения: многие их архангельских корабельных плотников не слишком торопились попасть в Воронеж; масса рабочих бежала со стройки от голода и невыносимых условий жизни; погода тоже добавляла хлопот: оттепели, превращавшие землю в вязкую грязь, внезапно сменялись морозами, которые сковывали льдом реку и дороги.

Петр ринулся в гущу событий. Он спал в бревенчатой избушке возле верфи и вставал до зари. В грохоте топоров, кувалд и деревянных молотков он строил по голландским образцам галеру «Принципиум», изредка согреваясь у костра вместе с другими плотниками. Он упивался работой. «По приказу Божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой»⁹.

В марте погода наладилась, а в середине апреля три галеры, в том числе «Принципиум», спустили на воду. На реке уже стояли на якоре сотни новых барж, готовых под погрузку. Для этой армады Петр велел собрать гребцов со всех даже самых отдаленных рек и озер России. Для службы на боевых галерах он создал особый четырехтысячный отряд морской пехоты, отобрав солдат из многих полков, а больше всего из своих гвардейских — Преображенского и Семеновского.

Этим летом всеобщая мобилизация уступала по масштабам предыдущей, так как во второй кампании не намечалось похода на Днепр, но армия, которой предстояло снова штурмовать Азов, должна была вдвое превышать прошлогоднюю. К 46 000 русских солдат прибавилось 15 000 украинцев и 5 000 донских казаков да еще 3 000 калмыков — жилистых, смуглых всадников, которые в седле сидели не хуже любого татарина. Командование кампанией было на этот раз возложено на единого военачальника — боярина Алексея Шеина. Он не был опытным полководцем, но происходил из славного рода и в суждениях слыл человеком основательным, а поэтому его назначение заставило прикусить язык всех, кто

235

ворчал, что русской армии под началом чужеземца никогда не видать победы. Лефорт, хоть и не моряк, стал адмиралом нового флота, а Петр, изменив Марсу ради Нептуна, выступил на этот раз как капитан флота, а не артиллерийский бомбардир.

1 мая генералиссимус Шеин взошел на борт своей флагманской галеры и поднял на корме громадный вышитый флаг с царским гербом. Через два дня первые корабли снялись с якоря и длинная процессия галер и других судов отправилась в путь вниз по Дону. Петр, отплывший позже с боевой эскадрой из восьми быстроходных галер, догнал главную флотилию 28 мая. К концу месяца весь флот достиг удерживаемых русскими сторожевых башен на подступах к Азову.

Боевые действия начались немедленно. 28 мая атаман донских казаков, отправившийся во главе двухсот пятидесяти человек на рекогносцировку в устье реки, прислал сообщение, что там стоят на якоре два больших турецких корабля. Петр решил атаковать. Выбрали девять галер и посадили на них один из лучших полков Гордона. Вниз по реке их сопровождали сорок казачьих челнов по двадцать человек на каждом. В незнакомых водах и при встречном ветре галеры стало разворачивать, и им приказали возвращаться. Петр пересел в один из легких казачьих челнов и поплыл дальше вниз по течению, но в устье реки он обнаружил не два, а тридцать турецких судов, среди них боевые корабли, барки и лихтеры. Он счел, что для него это слишком мощный противник, и отошел вверх по течению в русский лагерь, казаки же остались поблизости от турецких кораблей. На следующую ночь, когда турки все еще переправляли припасы на берег, казаки совершили налет и захватили десять небольших турецких судов. Остальные поспешно отступили на

основную якорную стоянку, где турецкие капитаны до того встревожились, что, даже не закончив разгрузки, подняли якоря и ушли в открытое море. Больше подкреплений Азов не получал.

236

Через несколько дней Петр снова вышел в устье реки, благополучно проведя весь свой флот в двадцать девять галер мимо азовской крепости. Теперь город был отрезан со всех сторон, и любым силам, посланным султаном на помощь, пришлось бы с боями пробиваться против течения мимо петровской флотилии. Чтобы закрепиться ненадежнее, Петр высадил войска в устье реки и соорудил там два маленьких форта, оснащенных артиллерией. Когда их достроили, он написал Ромодановскому: «К приходу одного паши есмы при помощи безопасны»⁹. 14 июня показалось несколько кораблей, которые попытались высадить десант, чтобы штурмовать русские форты, но приближение петровских галер их быстро отпугнуло. Через две недели турки возобновили попытку, но подошедшие русские галеры опять заставили их отступить.

Теперь, когда опасности со стороны моря не было, а город оказался в изоляции, петровские генералы и инженеры могли вплотную заняться осадой. К счастью для них, турецкий гарнизон Азова, не ожидавший, что русские вернутся после прошлогодней неудачи, мало что сделал для усиления крепости. Турки даже не потрудились срыть русские земляные осадные сооружения или засыпать окопы, вырытые прошлым летом, так что солдаты Петра, вернувшись, быстро в них разместились и новых земляных работ потребовалось немного. Увеличившаяся вдвое русская армия смогла теперь полностью окружить город со стороны суши линией окопов.

Как только подошла и заняла позиции артиллерия, Петр предложил азовскому паше сдаваться. 26 июня, когда турки ответили на царское требование отказом, русские пушки открыли огонь. Последующие дни Петр прожил в основном на своей галере, стоявшей в устье Дона, и время от времени поднимался по реке посмотреть, как идет обстрел. Когда в Москве стало известно, чем он занимается, сестра царя, Наталья, встревоженная сообщениями о том, что он подставляет себя под огонь

237

неприятеля, просила его в письме держаться подальше от вражеских ядер и пуль. Петр беспечно отвечал: «Я к ядрам и пулям близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили»¹¹.

Надеяться на помощь с моря туркам теперь не приходилось, и Петр повторил предложение гарнизону сдать на выгодных условиях. Русский лучник пустил через стену стрелу с документом, где излагались почетные условия, предусматривавшие право гарнизона покинуть крепость вместе с оружием и скарбом в случае сдачи ее до начала штурма. В ответ стены окутались дымом от дружного залпа всех турецких пушек.

Тем временем осадные работы продолжались. Под руководством Гордона 15000 русских солдат орудовали лопатами, наполняя корзины землей, и насыпь росла все выше и выше, ближе и ближе к турецким стенам, пока не получилась обширная земляная платформа, позволявшая без помех видеть и обстреливать через стену улицы города. К середине июля прибыли австрийские осадные инженеры, посланные императором Леопольдом. Они провели в пути четыре месяца, поскольку полагали, что кампания начнется лишь в конце лета. Когда Петр выяснил, что их заблуждение — результат нежелания Украинцева, сидевшего в Посольском приказе, открыть австрийцам военные планы из боязни, что сведения просочатся к туркам, он в ярости написал Виниусу, свояку провинившегося: «Есть ли сани [разум] его в здравье? О государственном [ему] Поверено, а что все вводят, закрыто! Толка скажи ему, что чего он не допишет на бумаге, то я допишу ему на спине»¹².

Насыпанный русскими курган поразил австрийцев размерами, но они предложили более научный подход с применением мин, траншей и правильно размещенной осадной артиллерии. И все же город был взят именно благодаря земляной насыпи. Несколько

казаков, которым опротивела бесконечная возня с лопатами и корзинами — драться надо, а не землю перетаскивать! — воз-

238

намерились штурмовать город на свой страх и риск. 27 июля, без всяких генеральских приказов, две тысячи казаков устремились с насыпи на стены, а с них и на улицы города. При поддержке регулярных войск или стрельцов они бы взяли верх, в одиночку же были отброшены отчаянной турецкой контратакой, хотя смогли укрепиться в одной из угловых крепостных башен, куда Головин прислал в конце концов подкрепление. На другой день, стремясь воспользоваться прорывом, Шеин отдал приказ к генеральному штурму, но не успел он начаться, как турки, размахивая знаменами, просигналили, что готовы сдаться. Паша, увидев, что стена крепости проломлена, решил принять предложение русских и сдаться на почетных условиях.

Эти условия позволяли туркам покинуть крепость со всем оружием и имуществом, вместе с женами и детьми, но Петр настаивал на выдаче Енсена, предателя-голландца. Паша заколебался было, когда Енсен вскричал: «Руби мне голову, но не выдавай Москве!» — однако царь стоял на своем, и Енсена доставили в русский лагерь связанным по рукам и ногам¹³.

На другой день турецкий гарнизон, развернув знамена, проследовал прочь из Азова, мимо русского лагеря, чтобы погрузиться на корабли, которым разрешили подойти к крепости. Шеин, полководец-победитель, ожидал, сидя на коне, возле сходней. Паша поблагодарил его за то, что он сдержал слово, склонил знамя в знак уважения, взошел на корабль и уплыл. Десять русских полков вступили в опустевший город, который, как оказалось, сильно пострадал от обстрела. Сдержать казаков было невозможно, и они грабили обезлюдившие дома, пока русские командиры пировали на празднике в честь победы и по этому случаю не жалели «ни выпивки, ни пороха».

Азов стал теперь русским городом, и Петр велел немедленно снести все осадные сооружения. Под надзором австрийских инженеров по его приказу началась

239

реконструкция крепостных стен и бастионов Азова. Улицы расчистили от развалин и обломков, а мечети освятили и превратили в православные церкви, и прежде чем покинуть город, Петр отстоял обедню в одной из новых церквей.

Теперь ему нужен был порт для нового Донского речного флота. Сам Азов стоял высокомерно по течению, донские гирла были коварны — где слишком мелки, где слишком глубоки. Неделью Петр крейсировал вдоль берега Азовского моря в поисках удобной бухты, причем ночевал на банке на одной из своих новых галер. Наконец он выбрал место для порта — на северном берегу моря, в тридцати милях от устья Дона, за мысом, известным казакам как Таган-Рог. Здесь Петр распорядился соорудить форт и гавань, которым предстояло сделаться первой настоящей военно-морской базой в истории России.

Весть об Азовской виктории поразила Москву. Впервые со времен царя Алексея русская армия одержала победу. «И как та, государь, — докладывал Петру Вени-ус, — радостная весть дошла прилучившемуся многим в дому Два Кириловича [Нарышкина], тогда меня с вашею, государь, грамотою послал к святейшему патриарху. И тот, приняв и облобыфав]... прослезился, и... повелел в большой колокол благовестити,.. и [народ] слыша прочитаем[ую] грамоту наипаче возвеселился и... зело удивились вашему великого государя предивную кротость и смирение, яко в такой великой победе не вознес своего сердца, но всю победу вышнему Творцу неба и земли приписал и рабов своих трудившихся (вашим же единым государским промыслом) изволил похвалити, иде же все признают, яко ваш, великого государя, точию был промысл и одержанном с моря помощи город приклонился к ногам вашим государским» .

Петр написал Вениусу, что если «дастоин есть делатель мзды своя», то не грех оказать ему почести: соорудить триумфальные ворота и устроить победное шествие в честь царя-победителя и его главнокомандующего.

Виниус немедленно начал приготовления, а Петр, чтобы дать ему побольше времени, оттягивал возвращение домой. Он осматривал тульские железоделательные заводы и даже поработал вместе со знаменитым кузнецом Никитой Демидовым. Уральские земли, подаренные царем Никите, станут основой родового состояния Демидовых - уральских горнозаводчиков.

10 октября царь присоединился к своим войскам, чтобы торжественно вступить в столицу. К замешательству москвичей, церемония была обставлена не в традиционном православном духе, не как встречали, бывало, возвращавшегося с победой царя Алексея — со святыми иконами, которые несло высшее духовенство, а в новом вкусе, с языческой пышностью, навеянной греческой и римской мифологией. Возведенную Виниусом у Москвы-реки «древнеримскую» триумфальную арку поддерживали массивные статуи Геркулеса и Марса, а у подножия размещалась фигура поверженного турецкого паши в цепях.

Сама процессия растянулась на несколько миль. Во главе ехали восемнадцать всадников, затем запряженная шестеркой повозка с престарелым наставником Петра, князем-папой Никитой Зотовым в доспехах, с мечом и щитом. Дальше следовали еще четырнадцать всадников перед золоченым экипажем адмирала Лефорта, одетого в малиновый камзол с золотым шитьем, Потом появились Федор Головин и Лев Нарышкин, i» за ними тридцать верховых в серебряных кирасах. Два отряда трубачей двигались впереди царского штандарта, окруженного гвардейцами с пиками. За штандартом, также в золоченом экипаже, следовал главнокомандующий, Алексей Шеин, а вслед за ним тащили за древка шестнадцать захваченных турецких знамен, и их полотнища волочились по земле. Грозным предупреждением выглядела фигура предателя Енсена со скрученными руками, в простой крестьянской телеге. На шее у него висела дощечка с надписью «злодей», по бокам стояли два палача, вооруженные топорами, ножами, кнутами и

241

клещами, — страшное воплощение участи, уготованной Енсену, да и всем предателям.

А где же был в этом великолепном смешении сверкающих красок, в скоплении гарцующих лошадей и марширующих солдат сам царь? К своему изумлению, москвичи, наконец, разглядели его не на белом коне и не в золотой колеснице во главе войска, но среди других капитанов галер, шагавших за экипажем адмирала Франца Лефорта. Его выдавал высокий рост и любившийся ему костюм голландского капитана — иноземные штаны, черный камзол и широкополая черная шляпа, в которую он воткнул белое перо как единственный знак отличия. Вот так, пешком, царь-победоносец прошагал девять миль через всю столицу с юга, от Коломенского, на северо-восток, в Преображенское.

Весть о победе юного царя эхом прокатилась по Европе, всюду вызывая общее изумление и восхищение. Виниус написал Вигсену, амстердамскому бургомистру, и прямо, без обиняков, попросил его сообщить о победе кумиру Петра, Вильгельму III Английскому, В Константинополе известие об азовском разгроме прозвучало как гром среди ясного неба. Арестовали измученных турецких солдат, вернувшихся домой после долгой осады, казнили троих чиновников, а паше, сдавшему город, пришлось спасать жизнь бегством.

Азов был только началом. Те из русских, кто надеялся, что теперь, одержав великую победу, единственную за последние тридцать лет, Петр уgomонится и станет править потихоньку, как его отец Алексей или брат Федор, скоро узнали, что в голове их повелителя уже роятся новые планы и замыслы. И первым было строительство морского флота. Петр хотел настоящих кораблей, а не просто галер, построенных только ради обеспечения сухопутной кампании и изоляции крепости с моря. Взяв Азов, Петр получил доступ только в Азовское

242

море, вход же в Черное по-прежнему преграждала мощная турецкая крепость Керчь*, господствовавшая над проливом, соединяющим оба моря. Чтобы пробиться через пролив,

Петру нужен был флот из морских судов. Едва отшумели в Москве победные празднества, как Петр собрал в Преображенском Боярскую думу и объявил о намерении заселить Азов и Таганрог и приступить к строительству флота. Это историческое заседание породило целый поток указов. Сорвали с насиженных мест 3000 крестьянских и столько же стрельцких семейств и отправили в Азов как военных поселенцев. Набрали на Украине 20000 работных людей и послали в Таганрог на сооружение морского порта. Сами корабли предстояло строить в Воронеже, значительно расширив существующие верфи, а оттуда готовые суда сплавлять вниз по Дону. Распределили расходы на строительство судов: все, кто был в состоянии — церковь, помещики, купцы, — обязывались вместе с казной нести бремя расходов. Казне предписывалось построить десять больших кораблей, крупным помещикам по одному кораблю, большим монастырям тоже по одному кораблю. Все корабли следовало полностью построить, оснастить и вооружить за полтора года. Строевой лес поставляло правительство, но все остальное — канаты, паруса, орудия, снаряжение — было за помещиками и церковью.

Это предписание внедрялось со всей строгостью. Неисполнение его влекло немедленную конфискацию имущества. Когда купцы из Москвы и других городов, почувствовав, что назначенная им квота в двенадцать судов слишком для них тяжела, ходатайствовали перед царем о ее уменьшении, их доля увеличилась до четырнадцати. Большинство кораблей строилось в Воронеже, без прямого участия и надзора со стороны помещиков или купцов. Они просто вносили необходимые суммы и

* Точнее — Ени-кале. — *Ред.*

243

нанимали в Немецкой слободе иностранных мастеров-корабельщиков для руководства работами.

Начали прибывать мастера из Европы. Явились тринадцать знатоков галерного строения, которых запрашивали у венецианского дожа, и они сразу же были приставлены к делу. Еще пятьдесят кораблестроителей, приехавших из Европы в Москву, отправились в Воронеж. Но эти иностранцы составляли только основу всего корпуса специалистов. Для строительства того флота, который задумал Петр, требовалось куда больше мастеров, а после спуска его на воду — множество морских офицеров, чтобы им командовать. Хотя бы часть из них должны были составить русские. 22 ноября 1696 года, через несколько недель после указа о строительстве флота, Петр объявил, что отправляет больше пятидесяти человек, главным образом молодых людей из знатнейших семейств России, в Западную Европу — учиться мореплаванию, кораблевождению и судостроению. Двадцать восемь из них были посланы в Венецию изучать знаменитые венецианские галеры, остальные в Голландию и Англию — знакомиться с океанскими судами двух морских держав. Петр сам составил программу занятий: русские студенты должны были учиться обращаться с морскими картами, а также с компасами и другими навигационными приборами, постигать искусство строить корабли, проходить службу на иностранных судах, начиная снизу, с простых матросов, и по возможности участвовать в морских сражениях. Ни один не смел возвращаться в Россию без диплома, подписанного иностранным мастером и удостоверяющего мастерство ученика.

Петровское распоряжение повергло всех в ужас. Некоторые из отобранных кандидатов были уже женаты -старшего, Петра Толстого, отправили за границу в пять-десять два года*, — и вот теперь их отрывали от жен и

* П. А. Толстой сам испросил у государя разрешение на поездку за границу, во многом — чтобы угодить Петру, помнившему те времена, когда Толстой выступал на стороне Софьи. — *Ред.*

244

детей и подвергали Бог весть каким соблазнам и искушениям коварного Запада. Родители опасались тлетворного воздействия басурманской веры, жены — ухищрений заморских совратительниц. К тому же путешествовать всем предстояло на собственные средства. Но ничего- не попишешь: приходилось ехать. Ни один из этих «волонтеров», вернувшись в Россию, не стал выдающимся флотоводцем, но годы, проведенные за границей, прошли не даром. Толстому очень пригодились близкое знакомство с Европой и беглый

итальянский язык, когда он занял пост посла в Константинополе. Борис Куракин стал видным петровским дипломатом в Западной Европе. Юрий Трубецкой и Дмитрий Голицын в конце концов сделались сенаторами, причем Голицына считали одним из самых эрудированных людей петровской эпохи. И эти пятьдесят человек были лишь первой волной. В последующие годы вошло в обычай отправлять молодых россиян как знатных, так и простолюдинов, за границу учиться морскому делу. Знания, которые они привозили домой, помогали преобразовать Россию.

Но грандиозная программа строительства Азовского флота и отправка молодых русских дюжинами на выучку за рубеж были еще не самыми сильными потрясениями, ожидавшими Россию вслед за победой Петра над турками. Через две недели после отъезда первых морских волонтеров, душный дьяк Посольского приказа Украинцев выступил с новым, еще более потрясающим заявлением:

Государь указал для своих великих государственных дел послать в окрестные государства, к цесарю*, к королям английскому и датскому, к папе римскому, к Голландским штатам, к курфюрсту Бранденбургскому и в Венецию в великих и полномочных послах: гене-

* Так называли австрийского императора, бывшего императором (цезарем) Священной Римской империи германской нации. — *Ред.*

245

рала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генерала и комиссара Федора Алексеевича Головина, думного дьяка Прокофья Возницына

15

Великое посольство, как его стали называть, должно было включать более 250 человек и отсутствовать свыше полутора лет. Тем самым представлялся не только удобный случай для его участников самим присмотреться к Европе и набербовать офицеров, матросов, инженеров и корабельных мастеров на строительство и службу в российском флоте, но и возможность для европейцев воочию увидеть русских — цвет нации — и составить о них мнение. А вдогонку этой новости по Москве уже неслись два невероятнейших слуха: будто сам царь собирался следовать с посольством в Европу, причем не в качестве великого государя, царя, самодержца, монарха, а просто в посольской свите. Петр при его шести футах и семи дюймах росту, намеревался путешествовать инкогнито.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

Великое посольство — одно из самых поразительных событий в биографии Петра. Его соотечественников царская затея ошарашила. До Петра ни один русский царь не выезжал за пределы своей страны, чтобы мирно попутешествовать. Кое-кто отваживался пересечь границу в ходе военных действий, чтобы осадить какой-нибудь город или в погоне за неприятельской армией, но в мирное время такого не бывало. И зачем ему это нужно? И

кого он оставит за себя править? И если ему так уж необходимо ехать, отчего под чужим именем?

Европейцам тоже предстояло задаться многими из этих вопросов, для них не столько болезненных, сколько интригующих. Какова истинная причина таинственного путешествия повелителя огромной и далекой полуазиатской страны, которое он совершал инкогнито, пренебрегая церемониями и отклоняя почести, стремясь все увидеть, все потрогать руками, понять, что и как устроено? Молва о поездке ширилась, порождая бесчисленные предположения о ее целях. Некоторые, как австрийский представитель в Москве Плейер, считали, что посольство служило «всего лишь предлогом, позволяющим... царю выбраться за пределы своей страны и немного поразвлечься, и не имело никаких серьезных задач»¹.

249

Другие (например, Вольтер, позже написавший об этом) думали, что Петр собирался познакомиться с повседневной жизнью за границей, чтобы потом, вернувшись в образ самодержца, как можно лучше править страной. Третьи верили, что царь выполняет обет посетить гробницу Святого Петра в Риме, данный во время бури, едва не потопившей его корабль.

Вообще-то существовали серьезные, притом сугубо дипломатические причины для отправления посольства. Петру не терпелось возобновить, а если удастся, то и укрепить союз против турок. Он рассматривал взятие Азова только как начало и теперь надеялся со своим новым флотом преодолеть Керченский пролив и добиться господства в Черном море. Для этого требовалось не только располагать современными техническими средствами и, соответственно, обученными людьми, но и иметь надежных союзников, ведь воевать с Османской империей в одиночку Россия не могла. Между тем коалиция союзников грозила вот-вот распасться. Польский король Ян Собеский умер в июне 1696 года, и с его смертью антитурецкий пыл поляков почти совсем остыл. Король Франции Людовик XIV задался целью во что бы то ни стало посадить французских принцев на престол Испании и Польши, и всё его хитроумные маневры, скорее всего, должны были вылиться в новые войны с империей Габсбургов. Следовательно, на Востоке австрийскому императору сейчас был нужен мир. Чтобы предотвратить дальнейший распад альянса, русское посольство намеревалось посетить столицы своих союзников — Варшаву, Вену и Венецию. Кроме того, предстояло побывать в Амстердаме и Лондоне, главных городах протестантских морских держав, и попробовать найти там поддержку. Лишь Францию, дружившую с турками и враждовавшую с Австрией, Голландией и Англией, надлежало оставить в стороне. Послам предписывалось повсюду искать искусных корабельных мастеров и морских офицеров, людей, добившихся высокого положения благодаря собственным

250

заслугам, а не связям. Помимо всего прочего, они должны были закупать корабельные пушки, якоря, тали и навигационные приборы, чтобы затем в России их скопировали и начали производить.

Но даже столь ответственные задания петровские послы могли бы выполнить самостоятельно и присутствие царя для этого не требовалось. Так почему же он поехал? Наиболее правильным кажется простейший из ответов: он поехал потому, что хотел учиться. Посещение Западной Европы завершило образование Петра: он с детства учился у иностранцев, и они, в России, научили его, чему могли, но далеко не всему, и Лефорт без конца настаивал на поездке в Европу. В первую очередь Петра сейчас занимали суда для зарождавшегося флота, а он прекрасно знал, что величайшие на свете кораблестроители живут в Голландии и Англии. Потому-то царь и хотел побывать в этих странах, где на верфях создавались мощнейшие военные и торговые флоты мира, равно как и в Венеции, непревзойденной в строительстве многовесельных галер для плавания по внутренним морям.

Лучше всех объясняет мотивы, побудившие его принять участие в посольстве, сам Петр. Перед отъездом за границу он велел выгравировать на своей печати надпись: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». Позже, в 1720 году, он написал предисловие к только что изданному Морскому уставу для молодого российского флота, где рассказал, как развивались события тех ранних лет его жизни:

Того ради всю мысль свою уклонил для строения флота, и когда за обиды татарские учинилась осада Азова и потом оный счастливо взят, тогда, по неизменному своему желанию, не стерпел долго думать о том: скоро к делу принялся. Усмотрено место к корабельному строению удобное на реке Воронеже, под городом того же имени, призваны из Англии и Голландии искусные мастера и в 1696 году началось новое в России дело -

251

строение великим иждивением кораблей, галер и прочих судов. И дабы то вечно утвердилось в России, умыслил искусство дела того ввести в народ свой и того ради многое число людей благородных послал в Голландию и иные государства учиться архитектуры и управления корабельного. И что дивнейше, аки бы устыдился Монарх [Петр пишет о себе в третьем лице] остаться от подданных своих в оном искусстве и сам воспринял марш в Голландию, и в Амстердаме, на Ост-Индской верфи, вдав себя с прочими волонтерами своими в научение корабельной архитектуры, в краткое время в оном совершился что подобало доброму плотнику знать и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил². Что же до замысла Петра путешествовать анонимно, ради чего он приказал подвергать цензуре все письма, отправленные из Москвы — чтобы не просочились сведения о его плане, — то это был буфер, фасад, призванный одновременно служить царю прикрытием и обеспечивать свободу действий. Петр очень хотел поехать, но не выносил формальностей и церемоний, от которых ему не было бы спасения, отправься он в качестве правящего монарха. И тогда он придумал путешествовать в свите посольства, «невидимкой». Поставив во главе миссии высших сановников, он мог не сомневаться, что им везде будет обеспечен подобающий прием; делая же вид, что его самого как бы и нет, он освобождал себя от обязанности часами тратить драгоценное время на скучнейший протокол. Чествуя царских послов, хозяева будут тем самым воздавать почести царю, а тем временем Петр Михайлов сможет ходить куда угодно и смотреть, что пожелает.

На первый взгляд, цель эта выглядит очень скромно, но последствия полуторагодового пребывания царя за границей трудно переоценить. Петр вернулся в Россию с решимостью преобразовать свою страну по западному образцу. Московскому государству, веками варившемуся в собственном котле, отныне предстояло тянуться к

252

Европе, открыться перед Европой. В результате образовался как бы замкнутый круг причин и следствий: Запад повлиял на Петра, царь дал мощный толчок России, а обновленная и развивающаяся Россия оказала новое значительное воздействие на Европу. Таким образом, Великое посольство стало поворотным событием и для Петра, и для России, и для Европы.

Та Европа, в которую Петр направлялся весной 1697 года, находилась под обаянием могущества и славы одного человека, его христианнейшего величества короля Франции Людовика XIV, прозванного Король-Солнце. На придворных празднествах и в произведениях искусства он представал в образе Аполлона. Всепроникающие лучи этого «солнца» достигали самых отдаленных закоулков европейской политики, дипломатии и культуры.

Людовик XIV был наиболее влиятельным человеком в Европе и тогда, когда Петр появился на свет, и в продолжение всей его жизни, кроме последнего десятилетия. Невозможно понять, что представляла собой Европа, в которую вступала Россия, не уделив прежде внимания особе французского монарха. Во все века мало было властителей, превосходящих его своим величием. Его семидесятидвухлетнее правление было самым долгим в истории Франции; современникам-французам он казался полубогом. «Малейший жест его, поступь, выражение лица — все было продуманно, уместно, благородно, величественно», — писал придворный летописец Сен-Симон. В присутствии короля подданные испытывали благоговейный трепет. «Не было случая, чтобы я дрогнул перед врагами вашего, величества, но сейчас я трепещу», — признался один из маршалов Людовика, представ перед королем³.

Людовик XIV был рожден для трона, но масштабы достигнутого им величия определялись скорее его характером — грандиозным «я» и непоколебимой уверенностью

253

в себе, — нежели его природными внешними и политическим данными. Ростом он был невелик даже для своего времени (всего пять футов и четыре дюйма) и отличался крепким сложением и сильными, мускулистыми ногами, которые не упускал случая продемонстрировать, красуясь в тугих шелковых чулках. У короля были карие глаза, длинный, тонкий орлиный нос, чувственный рот и рыжеватые волосы, которые с возрастом он начал прятать под черным париком с завитыми локонами. На его щеках и подбородке виднелись следы оспы, перенесенной в девятилетнем возрасте.

Людовик, заоздавший первенец брака, бесплодного протяжении двадцати трех лет, родился 5 сентября 38 года. Смерть отца, Людовика XIII, сделала четырехлетнего ребенка королем Франции. Пока король не подрос, страной правила его мать, Анна Австрийская, со своим первым министром (а возможно, и любовником) кардиналом Мазарини, протеже и преемником великого Ришелье. Когда Людовику исполнилось девять, монархия во Франции задрожала под ударом Фронды. Пережитое унижение навек оставило шрам в душе маленького короля, и он еще при жизни Мазарини твердо решил, что никогда не станет плясать под чужую дудку и никакому министру не позволит помыкать собой так, как Ришелье помыкал его отцом, а Мазарини матерью. И еще — до конца дней своих Людовик безо всякой охоты ступал на узкие, беспокойные парижские улицы.

Людовик всегда предпочитал городу деревню. В первые годы правления он вместе с двором странствовал по окрестностям Парижа, переезжая из одного королевского замка в другой; однако все короли Франции, и особенно великие короли, строили собственные дворцы — воплощение их личной славы. В 1668 году Людовик избрал место для своего дворца на землях маленького отцовского охотничьего замка в Версале, в двенадцати милях к западу от Парижа. Здесь, на песчаном бугре, едва возвышавшемся над лесистыми холмами Иль-де-

254

Франс, король велел своему архитектору Лево строить дворец. Работа продолжалась много лет. 36 000 человек трудились на лесах, опоясывавших здание, или копались в грязи и пыли на месте будущих садов, сажая деревья, прокладывая дренажные трубы, устанавливая бронзовые и мраморные статуи. 6 000 лошадей тащили телеги и сани, груженные бревнами или строительным камнем. Смертность среди рабочих была высока. Каждую ночь фургоны увозили мертвых — кто сорвался с лесов, кого придавило неожиданно сползшей каменной плитой. В наскоро сколоченных бараках, где жили рабочие, свирепствовала болотная лихорадка, десятками косившая людей из недели в неделю. Зато когда в 1682 году здание наконец было готово, оказалось, что Людовик построил величайший дворец в мире. Укреплений вокруг него не было: король возвел для себя незащищенную резиденцию на открытом месте, словно заявляя миру, что столь могущественный монарх не нуждается в рвах и стенах для защиты своей особы.

Позади фасада длиною в пятую часть мили (то есть более полукилометра) размещались громадные галереи для приемов, залы заседаний, библиотеки, личные покои королевской семьи, будуары и дворцовая часовня, и, конечно, всевозможные переходы, лестницы, кладовые и кухни. Великолепием убранства, богатством собранных под его крышей произведений искусства Версаль превосходил все, что было создано со времен Римской империи. По всему дворцу высокие потолки и внушительные двери были украшены золотым знаком Аполлона — изображением сияющего солнца, символа создателя и обитателя этого невероятного дворца. Стены покрывали мраморные панели, узорный бархат или гобелены, на окнах зимой висели вышитые бархатные занавеси, а летом — шелковые, затканые цветами. По вечерам тысячи свечей горели в сотнях стеклянных люстр и серебряных канделябров. В комнатах стояла изысканная инкрустированная мебель — золоченые столики на витых, либо покрытых

резьбой в виде цветов и листьев, ножках и обитые бархатом кресла с широкими спинками. Во внутренних покоях поверх наборных паркетных полов лежали богатые ковры, а на стенах красовались огромные полотна Андреа дель Сарто, Тициана, Рафаэля, Рубенса и Ван Дейка. В спальне Людовика висела «Мона Лиза».

Сады, разбитые по замыслу архитектора Ленотра, заслуживали не меньшего внимания, чем сам дворец. Миллионы цветов, кустов и деревьев с геометрической правильностью разместились между аллеями, травянистыми террасами, пандусами, лестницами, прудами, озерами, фонтанами и каскадами. Фонтаны Версаля, полутора тысячами водометов бьющие ввысь с поверхности восьмиугольных прудов, и по сей день составляют предмет зависти всего мира. Причудливо изгибающиеся, безупречно подстриженные живые изгороди образовывали нарядный орнамент, разграничивая участки, засаженные цветами разнообразнейших оттенков и всевозможных сортов, причем многие из них уже через день заменяли новыми. Король питал слабость к тюльпанам, и каждый год (если он в это время не воевал с Голландией) из голландских теплиц доставляли четыре миллиона луковиц, чтобы весной их цветение озаарило Версаль пурпуром и золотом. Страсть короля к апельсиновым деревьям подвигла Ленотра на создание гигантской оранжереи, которую он углубил в землю, защитив теплолюбивые деревья от ветра. Но и этого Людовику показалось мало, и он велел внести часть апельсиновых деревьев: во дворец и расставить их в серебряных кадках возле окон в его личных апартаментах.

Стоя у высоких окон Стеклойной галереи, тянувшейся вдоль западного фасада дворца, король мог любоваться изумительной перспективой — трава, камень, вода, чередуясь с бесчисленными статуями, занимали все пространство до Большого канала. Этот водоем, вырытый в форме громадного креста, имел в длину больше мили. Здесь король катался на веслах и под парусами. Летними

вечерами весь двор усаживался в гондолы (подарок венецианского дожа), которые часами плавно скользили при свете звезд, а Люлли с придворным оркестром, разместившись поблизости на плоту, улаждал общество музыкой,

Версаль стал символом недостижимого превосходства, великолепия и величия самого богатого и могущественного властителя Европы. Другие европейские государства — не исключая и тех, кто враждовал с Францией, — принялись строить дворцы в подражание версальскому и тем увековечивали свое отношение к Людовику, будь то дружба, зависть или афронт. Каждый хотел иметь собственный Версаль и требовал от своих архитекторов и мастеров таких дворцов, садов, мебели, гобеленов, ковров, серебра, стекла и фарфора, чтобы были не хуже, чем у Людовика. В Вене, Потсдаме, Дрездене, в Хэмптон-Корте, а потом и в Санкт-Петербурге под влиянием Версаля возводились и украшались дворцы. Даже длинные проспекты и величавые бульвары Вашингтона, заложенного сто лет спустя, обязаны своей геометрической планировкой архитектору-французу, взявшему за образец Версаль.

Людовик любил Версаль, и когда там бывали высокие гости, он собственной персоной вел их смотреть дворец и сады. Конечно, дворец представлял собой нечто гораздо большее, чем самый пышный в Европе чертог отрады и отдохновения; он имел важное политическое предназначение. В основе политических взглядов Людовика лежала идея сосредоточения всей полноты власти в руках монарха, и Версаль стал инструментом ее воплощения. Огромные размеры дворца позволяли королю собрать и разместить под его сенью влиятельную французскую знать. Как огромный магнит, Версаль притягивал к себе всех славных герцогов и принцев Франции — и вот уже целая страна, где эти древние династии испокон веку владели землями и наследственными правами, где властвовали и исполняли свой sovereignный

,* Петр Великий, т. 1

долг, эта страна оказалась покинутой и брошенной. В Версале же, оторвавшись от своих вотчин, французская знать превратилась из соперницы короля в его декоративное оформление.

Собрав вокруг себя знатных дворян, Людовик сознательно не допускал, чтобы они сделались добычей уньи и скуки. Король-Солнце распорядился, и Версаль засиял огнями. В

непрерывном круговороте замысловатых церемоний и роскошных развлечений все и каждый были заняты с утра до вечера. Жизнь здесь, до последней мелочи, вращалась вокруг короля. Его спальня, выходящая окнами к вослжу, на Мраморный двор, располагалась в самом центре дворца. С восьми утра, когда откидывали полог, скрывавший королевское ложе, и Людовика будили словами «сир, пора вставать», монарх был выставлен на показ. Он поднимался, и его обтирали розовой водой и душистым спиртом, брили и одевали на глазах у тех, кому посчастливилось удостоиться этой милости. Герцоги помогали ему стаскивать ночную рубашку и натягивать панталоны. Придворные спорили, кому принести королевскую сорочку. Расталкивая и отпихивая друг друга, они боролись за честь подать королю его *chaîse regée* («сиденье с отверстием») и, сгрудившись, стояли вокруг, пока тот отправлял естественные надобности. И когда король молился со своим духовником, и когда он ел, в его комнате толпились люди. Толпа сопровождала его, шел ли он по дворцу, бродил ли по саду, отправлялся ли в театр или на псовую охоту. Протоколом было установлено, кто имеет право сидеть в присутствии короля и на чем — на стуле со спинкой или просто на табурете. Монарха окружало такое поклонение, что заведя, как несут его обед, придворные снимали шляпы и мели ими землю в поклоне, почтительно возглашая: «Обед короля!»

Людовик любил охоту. В погожие дни он со шпагой или копьем в руке скакал на коне по лесам вслед за сворой лающих собак, преследуя вепря или оленя. Каждый вечер при дворе была музыка, танцы, и, конечно,

258

игра, приносившая и уносящая целые- состояния. Субботним» вечерами устраивали балы. Нередко происходили маскарады, грандиозные трехдневные празднества, на которые все придворные являлись наряженные древними римлянами, персами, турками или краснокожими индейцами. Пир в Версале давался поистине лукулловы. Сам Людовик ел за двоих. Принцесса Палатинская писала: «Я часто видела, как король съедал по тарелке четырех разных супов, целого фазана, куропатку, большое блюдо салата, пару толстых ломтей ветчины, миску баранины в чесночном соусе, тарелку пирожных, а потом принимался за фрукты и сваренные вкрутую яйца. И король, и „мон-сеньор" [младший брат Людовика] страшно любят крутые яйца». Позднее внуков короля обучили изящной новой манере есть при помощи вилки, но когда их приглашали обедать с монархом, он подобных новшеств за своим столом не терпел, заявляя, что «всю жизнь ел исключительно с помощью ножа и собственных пальцев»⁵.

Но главным из празднеств Версалья было вечное празднество любви. Громадный дворец с множеством комнат, куда можно было ускользнуть, хитросплетение садовых аллей, статуи, за которыми так удобно было прятаться, представляли собой великолепную сцену для этого волнующего спектакля. Здесь, как и во всем остальном, первенство принадлежало Людовику. Его женой стала испанская инфанта Мария-Тереза — простодушное, невинное создание с большими голубыми глазами. Она окружила себя карликами и поминутно вздыхала об Испании. Пока она была жива, король чтит узы брака — каждую ночь непременно в конце концов оказывался на ложе подле жены и дважды в месяц исправно исполнял супружеский долг. При дворе всегда знали об этих случаях, так как на следующий день королева отправлялась к исповеди, а лицо ее по-особому сияло. Но королевы Людовику было явно мало. Наделенный необычайной чувственностью, он каждую минуту готов был лечь в постель с любой женщиной, какая подвернется, и нус-

259

танно искал добычи. Впрочем, «короли, восплавав желанием, редко вздыхают подолгу»⁶, как говаривал придворный Людовика, Бюсси-Рабютея; сведений же о том, чтобы Людовик хоть раз встретил серьезный отпор, до нас не дошло вовсе. Наоборот, двор был полон красавиц, в большинстве замужних, однако снедаемых често^ любием и не скрывавших своей доступности. Три смё¹¹ нившие друг друга общепризнанные королевские фаворитки, Луиза де Лавальер, мадам де Монтеспан и мадемуазель де Фонтанж составляли лишь верхушку айсберга, хотя к мадам де Монтеспан король испытывал большое чувство, сохранявшееся двенадцать лет, в продолжение которых у них родилось семеро детей. Все эти связи и интрижки нимало не волновали окружающих, кроме, пожалуй, маркиза де Монтеспана — тот

сердил короля ревнивыми выходками и все эти годы величал жену «покойной мадам де Монтеспан».

Двор оказывал почести любой избраннице короля. Когда новая фаворитка входила в комнату, даже герцогини поднимались с мест. В 1673 году, отправляясь на войну, Людовик взял с собой королеву, Луизу де Лавальер и мадам де Монтеспан, которая вот-вот должна была родить. Все три дамы тащились следом за армией в одном экипаже. Китайского шелка походный шатер Людовика имел шесть комнат, из них три — спальни, так что Король-Солнце на войне испытывал не одни только тяготы и лишения.

В самой Франции не все смотрели на Людовика как на милостивого И великодушного монарха. Некоторые находили, что он совершенно ни с кем не считается: король имел обыкновение пускаться в длительные, пяти-шестичасовые прогулки в карете и настаивал, чтобы его сопровождали дамы, даже беременные, и ни за что не разрешал сделать остановку, чтобы они могли отлучиться в кусты. Его как будто совершенно не заботили и нужды простого народа: тем, кто пытался открыть королю, сколь разорительны для населения его войны, за-

260

прещалось впредь являться ко двору как особам дурного тона. Король был строг, а иногда и безжалостен: после на шумевшей истории с ядом, когда возникли подозрения, что причиной многочисленных внезапных смертей среди видных придворных были отравления (намекали даже на заговор и покушение на жизнь короля), тридцать шесть обвиняемых подверглись пыткам и умерли на костре, а восемьдесят один человек — и мужчины, и женщины, — закованные в цепи, на всю жизнь были брошены в подземелья замковых башен, и тюремщикам приказали сечь их, как только кто-нибудь попытается заговорить. При дворе шепотом передавали историю Железной Маски, и лишь сам король знал, кто этот узник, обреченный на пожизненное одиночное заключение.

За пределами Франции и подавно лучи Короля-Солнце не казались уж очень благотворными. Для протестантской Европы Людовик был кровожадным католическим тираном.

Орудием достижения военных успехов короля служила французская армия. Созданная усилиями министра Лувуа, она насчитывала 150 000 солдат в мирное время и 400 000 в военное. У кавалеристов была синяя форма, у пехоты — светло-красная, а у знаменитой королевской гвардии — алая. Эта армия, которой командовали великие маршалы Франции — Конде, Тюренн, Вандом, Таллар и Виллар, — внушала Европе зависть и страх. Сам Людовик воителем не был. Правда, в молодости он ходил на войну — элегантный всадник в сияющих латах, бархатном плаще и треугольной шляпе с перьями, — но непосредственно в сражениях не участвовал. Зато король научился отлично разбираться в тонкостях стратегии и управления войсками. После смерти военного министра Лувуа он взял его роль на себя: сам обсуждал генеральную стратегию военных кампаний со своим маршалом, следил за поставками провианта, рекрутскими наборами, обучением и размещением войск, сбором разведывательных данных.

Так шло вперед столетие, и год от года возрастал

261

престиж Короля-Солнце, крепла мощь и слава Франции. Блеск Версаля вызывал восхищение и зависть всего мира. Французская армия считалась лучшей в Европе. Французский язык сделался общепринятым языком дипломатии, светского общества и литературы. Что угодно — да все на свете! — казалось возможным, если под текстом приказа на бумаге появлялась выведенная удлиненными, нетвердыми буквами подпись «Людовик».

Современникам Великого посольства пропасть между Россией и Западом представлялась куда более глубокой, чем просто разрыв в сфере морского судостроения или передовой военной технологии. На западный взгляд, Россия оставалась погруженной во мрак средневековья — чудеса русской архитектуры, иконописи, церковной музыки, народного искусства были в Европе неизвестны, неинтересны или вызывали пренебрежение, в то время как сама Европа конца XVII века казалась, по крайней мере, просвещенным ее представителям, блистательной и прогрессивной. Европейцы исследовали новые миры не только за океанами, но также в науках, музыке и литературе, изобретали новые приборы и приспособления, в которых ощутили практическую надобность. Современный человек и сейчас не мыслит себя без

многих из тогдашних открытий: телескопы, микроскопы, термометры, барометры, компасы, часы всех видов, шампанское, восковые свечи, уличное освещение, Повседневное употребление чая и кофе — все это появилось именно в те годы. Уже счастливицам довелось услышать музыку Перселла, Люлли, Куперена и Корелли; еще несколько лет — и они услышат сочинения Вивальди, Телемана, Рамо, Генделя, Баха и Скарлатти (последние трое родились в одном и том же 1685 году). В бальных залах дворцов танцевали гавот и менуэт. Три бессмертных французских драматурга, Мольер, Корнель и Расин, обнажали пороки и слабости человеческой природы, и их

262

пьесы, представленные на суд царственного патрона в Версале, расходились затем по всем уголкам Европы, где их ставили в театрах или просто читали. Англия тех лет обогатила мировую философию и литературу именами Томаса Гоббса, Джона Локка, Сэмюэла Пипса, Джона Эвлина, здесь творили поэты Джон Драйден и Эндрю Марвелл, непревзойденный Джон Мильтон. В живописи большинство гигантов середины XVII века — Рембрандт, Рубенс, Ван Дейк, Вермеер, Франс Хальс и Веласкес — уже сошло со сцены, но во Франции портреты выдающихся современников еще писали Миньяр и Риго, а в Лондоне — сэр Годфри Неллер, ученик Рембрандта, создавший портреты десяти правящих монархов, в том числе и юного Петра Великого.

В своих библиотеках и лабораториях ученые Европы, освободившись от гнета религиозной доктрины, решительно устремились вперед, делая выводы на основании добытых наблюдениями фактов и не отвергая никакого результата, даже если он противоречил догме. Декарт, Бойль и Левенгук создавали научные труды по аналитической геометрии, исследовали соотношение между объемом, давлением и плотностью газов и изучали удивительный мир, видимый под микроскопом с трехсоткратным увеличением. Самые яркие из этих умов умели охватить сразу многие области знания, например, Готфрид Лейбниц, открывший дифференциальное и интегральное исчисление, мечтал также разработать структуру и схему управления совершенно новым обществом; долгие годы он донимал Петра Великого в надежде, что царь позволит использовать Российскую империю как огромную лабораторию для проверки его идей.

Величайший ум эпохи, объявший и математику, и физику, и астрономию, и оптику, и химию, и ботанику, Исаак Ньютон, родился в 1642 году, был избран в парламент от Кембриджа, возведен в дворянское достоинство в 1705 году. Когда Петр приехал в Англию, Ньютону было пятьдесят пять лет: его грандиозный труд, блиста-

263

тельные «Principia Mathematica» («Математические начала натуральной философии»), где сформулирован закон всемирного тяготения, был уже опубликован (в 1687 году). По оценке Альберта Эйнштейна, Ньютон «определил направление западной мысли, научных исследований, практической деятельности в такой степени, к которой ни до него, ни после никто даже не приближался».

Ведомые той же страстью к открытиям, другие европейцы в XVII веке пускались в плавание по незнакомым океанам; исследуя и колонизируя земной шар. Почти вся Южная Америка и значительная часть Северной оказались под властью Мадрида. В Индии утвердились колонии англичан и португальцев. Флаги полудюжины европейских стран реяли над африканскими селениями; даже столь неморское государство, как Бранденбург, обзавелось колонией на Золотом Берегу. В самом многообещающем из всех вновь открытых и исследуемых районов — восточной половине Северной Америки — два европейских государства, Англия и Франция, основали колониальные империи. Французская часть значительно превосходила английскую по площади: от Квебека и Монреаля, через Великие Озера, французы проникли в сердце современной Америки. В 1672 году, когда родился Петр, Жак Маркет обследовал земли в окрестностях Чикаго. Годом позже он и патер Луи Жолье в каноэ спустились по Миссисипи до Арканзаса. В 1686 году, когда Петр учился ходить под парусом на Язуе, Ла Саль заявил права Франции на всю долину Миссисипи, а в 1699 году земли в устье великой реки были названы Луизианой в честь Людовика XIV.

Английские поселения, рассыпанные вдоль побережья Атлантики от Массачусетса до Джорджии, были компактнее, многолюднее и потому устойчивее во времена всяческих потрясений. Голландские Новые Нидерланды, основанные на месте нынешних Нью-Йорка и Нью-Джерси, и Новая Швеция, близ теперешнего Уилмингтона (штат Делавэр), достались англичанам в ходе

264

англо-голландских морских войн 1660—1670 годов; Ко времени петровского Великого посольства Нью-Йорк, Филадельфия и Бостон были уже-довольно крупными городами с населением свыше тридцати тысяч.

В ту пору человечество в большинстве своем селилось , к земле поближе, и жизнь в основном представляла собой борьбу за выживание. Дерево, ветер, вода и еще, конечно, мышечная сила людей и животных - вот и все источники энергии. Разговоры крутились, главным образом, вокруг событий в собственной деревне, а что происходило где-то там, за пределами видимости, было и малопонятно, да и неинтересно. Когда садилось солнце, мир с его холмами и долинами, городами и деревнями погружался во тьму. У кого-то еще горел огонь в очаге, где-то мерцала свеча, но почти все дела прекращались и люди укладывались спать. Вглядываясь в темноту, они согревали себя надеждой или боролись с отчаянием, и наконец засыпали, чтобы набраться сил для нового дня.

Сплошь и рядом жизнь человека была не только тяжела, но и коротка. Богач еще мог дотянуть до пяцде-сяти, а земной путь бедняка обрывался в среднем между тридцатью и сорока годами. Лишь половина младенцев доживала до года — во дворцах ли, в хижинах, неважно. Из пятерых детей, родившихся у Людовика и его супруги Марии-Терезы выжил только дофин. Английская королева Анна, отчаянно пытавшаяся дать стране наследника, родила шестнадцать детей, и ни один из них не прожил дольше десяти лет. Петр Великий и его вторая жена, Екатерина, произвели на свет двенадцать детей, но лишь две дочери, Анна и Елизавета, достигли совершеннолетия. И Королю-Солнце суждено было потерять одного за другим: единственного сына, старшего внука, старшего правнука (а ведь каждый мог стать наследником престола), которых унесла корь всего за год и два месяца. Фактически население Европы в XVII веке уменьшалось: в 1648 году его оценивали в 118 миллионов, а к 1713 году цифра снизилась до 102 миллионов. Главной

265

причиной была чума и другие эпидемии, периодически опустошавшие континент. Распространяемая крысиными блохами чума проносилась по городам, устилая землю мертвыми телами. В 1665 году в Лондоне умерло 100000 человек, девятью годами раньше в Неапбле — 130000. Стокгольм потерял треть своего населения от чумы 1710—1711 годов, а Марсель — половину жителей в 1720-1721 годах. Недород и следовавший за ним голод также губили людей сотнями тысяч. Кто-то просто умирал голодной смертью, большинство же становилось добычей болезней, чью губительную работу облегчало недоедание, подрывавшее силы больных. Множество смертей было результатом плохого санитарного состояния городов и селений. Вши переносили тиф, комары — малярию, кучи конского навоза на улицах привлекали мух — переносщиц тифа и детской дизентерии, уносившей жизни тысяч детей. Почти повсюду свирепствовала оспа — кто умирал, кто выживал, сохранив глубокие отметины на лице и теле. Смуглое лицо Людовика XIV, как и бледное Карла XII, было изуродовано щербинами. Несколько обуздать ужасную болезнь удалось лишь с введением оспопрививания в 1721 году, когда смелое решение принцессы Уэльской подвергнуться прививке не только прибавило храбрости остальным, но и сделало эту процедуру модной.

В этот-то просвещенный мир XVII века со всем его блеском и мощью и со всеми его невзгодами и попадали немногие оказывавшиеся за границей русские, которые жмурились глазами, как подземные обитатели, извлеченные на свет. Почти все, что они видели, вызывало у них недоверие или неодобрение. Иностранцы, разумеется, слыли еретиками, общаясь с которыми недолго и опоганиться, так что весь процесс поддержания

международных отношений рассматривался в лучшем случае как неизбежное зло. Русское правительство всегда неохотно

266

принимало в МОСКВЕ постоянные иностранные представительства. Как объяснял один из виднейших сановников царя Алексея, такие посольства «принесли бы один вред Московскому государству и поссорили бы его с другим странами». С тем же высокомерным недоверием смотрели российские власти и на собственные посольства за рубежом. Русские послы ехали на Запад, только если к тому вынуждали чрезвычайные обстоятельства. Но и тогда послы эти обычно не имели никакого представления о чужих странах, мало что знали о европейской политике и культуре, говорили только по-русски. Болезненно сознавая собственные недостатки, они тешили свое самолюбие, придирчиво следя за соблюдением протокола, правильностью титулования и обращений. Они добивались разрешения передать послания своего повелителя только в собственные руки иноземного монарха. Мало того, они настаивали, чтобы во время аудиенции упомянутый монарх официально осведомился о здоровье царя и при этом встал бы и обнажил голову. Стоит ли говорить, что подобная церемония не слишком вдохновляла Людовика XIV, да и менее значительных европейских правителей. Когда обиженные хозяева предлагали русским послам придерживаться западных обычаев, те с каменным видом отвечали: «Нам другие не указ».

Помимо того, что русские послы отличались невежеством и заносчивостью, их собственная свобода действий была сурово ограничена. В ходе переговоров они не могли взять на себя никакого решения, если оно не было заранее предусмотрено и санкционировано в полученных ими инструкциях. Любая неожиданность, даже самая незначительная, требовала согласования с Москвой, на что уходили недели проволочек в ожидании гонцов. Так что перспектива появления русской миссии не вызывала восторга при европейских дворах, а иностранные вельможи, приставленные к московским гостям, считали, что им сильно не повезло.

В связи с этим вспоминается один дипломатический

267

казус, случившийся в 1687 году, когда правительница Софья отправила посольство с князем Яковом Долгоруким в Голландию, Францию и Испанию. В Голландии их приняли хорошо, но во Франции все пошло вкривь и вкось. Курьер, посланный в Париж известить об их прибытии, не пожелал передать это известие никому, кроме самого короля. Поскольку ни министру иностранных дел*! и никому другому не под силу оказалось одолеть стремление негибачего россиянина к цели, то пришлось вернуть его назад вместе с письмом, которого в Париже так никто и не вскрыл и не прочел. Тем не менее посольство проследовало из Голландии во Францию. На французской границе в Дюнкерке таможенники опечатали весь багаж посольства и объяснили, что его вскроют и досмотрят более квалифицированные чиновники, как только он попадет в Париж. Русские пообещали не трогать таможенных печатей, но добравшись до парижского предместья Сен-Дени, тут же распечатали и открыли сундуки и раскинули их содержимое — главным образом драгоценные русские меха — на столах для продажи. Налетели французские торговцы и мигом все расхватили. Позже шокированные придворные чины презрительно фыркали, что русские «забыли о достоинстве послов; они ведут себя, как лотошники, заботясь не о чести своего повелителя, а о собственной выгоде и наживе»*.

Король принял послов в Версале, и все шло хорошо, пока не явился из таможни чиновник, чтобы досмотреть

* Это, на первый взгляд, беспардонное поведение русских послов проистекало от российской традиции снаряжать посольства за рубеж. Послам платили ничтожно мало, а то и вовсе ничего не платили, зато власти снабжали их товарами, в первую очередь мехами, пользовавшимися большим спросом в Европе. Предполагалось, что дипломаты продадут меха и тем не только покроют все свои расходы, но и получат сверх того — это и будет их вознаграждением за службу. Ну, а раз меха представляли собой по сути дела их жалованье, русские послы были кровно заинтересованы в том, чтобы уклониться от уплаты положенной пошлины.

268

багаж. Русские ему этого не позволили, и тогда подросла полиция в сопровождении замочных мастеров. Вбешенные россияне выкрикивали оскорбления, а один из послов даже выхватил нож, после чего французы отступили, и дело доложили королю. Возмущенный Людовик приказал русским покинуть страну и забрать подарки, врученные ему от имени обоих царей. Когда же послы отказались уехать, пока не получат еще одной королевской аудиенции, французские власти вынесли всю мебель из дома, где остановилось посольство, и перекрыли продовольственное снабжение. Через день русские капитулировали и взмолились об аудиенции, утверждая, что если вернуться в Москву, не побывав на приеме у короля, головы им не сносить. На этот раз они кротко согласились предъявить вещи для досмотра и вести переговоры с менее высокопоставленными чиновниками — только бы Людовик их принял. Через два дня король пригласил их на обед в Версаль и лично показывал им сады и фонтаны. Тут послы пришли в такое восхищение, что раздумали уезжать и принялись изобретать причины, чтобы задержаться. Впрочем, вернувшись домой, они громогласно жаловались на скверное с ними обращение в Париже, и обида, которую затаила Россия после этого дипломатического конфуза, стала одной из причин скверных отношений между Францией и Россией. Это углубило уже существовавший разрыв между государствами из-за того, что французы поддерживали Турцию, с которой Россия, по крайней мере формально, находилась в состоянии войны до 1712 года. В частности, она сказала на решении Петра не ездить в Париж, пока жив Король-Солнце. Вот почему, собираясь покинуть Россию, Великое посольство не намеревалось посетить величайшего из европейских монархов, и, как ни печально, ни исторические документы, ни легенды не повествуют о том, чтобы когда-нибудь два царственных колосса эпохи сошлись под одной крышей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ «НЕВОЗМОЖНО ЕГО ОПИСАТЬ»

Главою Великого посольства в ранге первого посла Петр назначил Лефорта, который теперь наряду с генерал-адмиральским званием носил и чин Новгородского наместника. Два других посла сопровождавших Лефорта, были русские: Федор Головин, наместник Сибирский, и Прокофий Возницын, Волховский воевода. Головин был одним из первых русских профессиональных дипломатов. В тридцать семь лет он заключил от имени Софьи Нерчинский договор с Китаем*, а с тех пор, как к власти пришел Петр, находился в числе ближайших сподвижников и единомышленников царя. Ему были вверены иностранные дела России, и со временем он получил звание генерал-адмирала. В 1702 году Головин был произведен в графы Священной Римской империи и сделался, по сути дела, первым министром Петра. Возницын тоже имел за плечами опыт дипломатической службы в русских миссиях в Константинополе, Персии, Венеции и Польше.

Для сопровождения посольства отобрали двадцать знатных вельмож и тридцать пять молодых россиян, которые вслед за волонтерами, посланными в предыду-

* Нерчинский договор 1689 г. — договор России и Китая о границе и торговле. Россия пошла на серьезные уступки Китаю, отдав почти все земли по верховьям Амура и ликвидировав там русские поселения. — *Ред.*

270

щие месяцы, направлялись в Англию, Голландию и Венецию изучать кораблестроение, навигацию и другие морские науки. Многие из этих дворян и волонтеров были товарищами Петра по потешным баталиям в Преображенском, строили с ним суда в Переславле, ходили в Архангельск и под Азов. Среди них выделялись с детства друживший с царем Андрей Матвеев и дерзкий молодой Александр Менпшков. Кроме того, при посольстве состояли денщики, священники, секретари, переводчики, музыканты (в том числе шестеро трубачей), певцы, повара, кучеры, семьдесят солдат и четыре карлика, всего более двухсот пятидесяти человек. И где-то среди них находился очень высокий темноглазый юноша с крупной родинкой на правой стороне лица, которого остальные называли просто Петром Михайловым. Членам посольства под страхом смерти запрещалось обращаться к нему иначе, открывать, кто он такой, и вообще упоминать, что царь следует с посольством.

Управлять Россией в свое отсутствие Петр оставил регентский совет из трех человек. Перзые двое были его дядя Лев Нарышкин и князь Борис Голицын — преданные, надежные, почтенные сановники, которые не оставляли своими советами мать Петра в годы ссылки в

Преображенском и возглавили его сторонников в последней схватке с Софьей. Третьим регентом был князь Петр Прозоровский, судья Приказа Большой казны, страдавший странной болезнью: он не мог прикоснуться к чужой руке или даже просто открыть дверь из боязни осквернить себя. Регентскому совету формально подчинялся истинный наместник царя в его отсутствие — князь Федор Ромодановский, командующий четырьмя гвардейскими полками*, князь-кесарь Всеппянейшего

* Автор ошибся. Ромодановский не командовал гвардейскими полками. Он был руководителем Преображенского приказа - государственного учреждения, который кроме сыска по политическим делам, ведал также и снабжением двух гвардейских полков всем необходимым. — *Ред.*

271

собора. Ромодановский был наделен верховными полномочиями во всех гражданских и военных вопросах и получил строгий наказ поддерживать порядок и самым беспощадным образом подавлять малейшие вспышки недовольства или неповиновения. Алексей Шеин, генералиссимус славной Азовской кампании, остался командовать Азовом, а Бориса Шереметева, отправлявшегося в частную поездку в Рим на три года, сменил на днепровских рубежах князь Яков Долгорукий.

Накануне отъезда посольства, когда Петр веселился на пиру у Лефорта, гонец привез тревожное известие. Как записал в своем дневнике Гордон, «веселый вечер был испорчен вестью о вскрывшемся злоумышлении против Его Величества»¹. Три человека — стрелецкий полковник Иван Цыклер и двое бояр* были схвачены по обвинению в заговоре с целью убить царя. Обвинение, однако, не кажется убедительным. Цыклер одним из первых среди Софьиных приверженцев ушел к Троице и предался Петру. За это он ожидал щедрого воздаяния, но так и не дождался; теперь его направляли служить в азовский гарнизон. Раздосадованный полковник, вероятно, слишком открыто высказал свое недовольство. Двое же замешанных в деле бояр были лишь прямодушными выразителями поднимавшейся волны протеста против общего характера петровского правления: царь оставил жену и покинул Кремль; поддерживал позорные сношения с иноземцами из Немецкой слободы; унизил достоинство престола, прошагав на параде в честь победы под Азовом позади колесницы швейцарца Лефорта; теперь и вовсе собрался уехать, чтобы много месяцев пробыть на Западе, среди чужестранцев.

К несчастью, этот ропот разбередил незаживающую рану в душе Петра. Опять стрельцы оказались замешаны в измене! Страх и ненависть вскипели в нем с новой

* Сообщниками Цыклера были не бояре - одним был окольный А. П. Соковнин, а другим стольник Ф. М. Пушкин. - *Ред.*

272

силой. Всех троих обвиняемых подвергли ужасной казни - на Красной площади - сначала четвертовали, а потом обезглавили*. Мало того, опасения, что их протест может оказаться лишь прелюдией к попытке восстановить у власти Милославских, толкнуло Петра на жуткое, зло-, вещее унижение этого рода. Гроб убитого четырнадцать лет назад Ивана Милославского на санях, запряженных свиньями, выволокли на Красную площадь. Тут открытый гроб поставили под плахой, чтобы кровью приговоренных заливало лицо мертвеца.

Пять дней спустя после этой варварской расправы в Москве Великое посольство отправилось приобщаться к культурным и техническим достижениям западной цивилизации. 20 марта 1697 года длинная процессия посольских саней и подвод с багажом выехала в Новгород и Псков. Тяжело груженные телеги везли пышные шелковые и парчовые наряды, разукрашенные жемчугом и драгоценными камнями, в которых Лефорту и другим послам предстояло появляться на торжественных приемах, большую партию собольих шкурок на покрытие расходов там, где недостаточно окажется золота, серебра или чеков на амстердамские банки, огромный запас меда, копченой лососины и другой рыбы, а также любимый барабан Петра.

Великое посольство пересекло русскую границу и вступило на землю подвластной шведам Ливонии, территория которой примерно соответствовала нынешней Латвии. К несчастью, шведский генерал-губернатор Риги, Эрик Дальберг, оказался совершенно не готов к приему такой многочисленной миссии и особенно высокого гостя, скрывавшегося в ее рядах. В этом был отчасти виноват воевода Пскова, ближайшего к ливонской границе русского города. Ему

велели обо всем позаботиться, но в письме к Дальбергу он не упомянул ни о размерах посольства, ни, что еще хуже, о прибытии вместе с ними

Пушкина просто обезглавили. — *Ред.* 273

инкогнито августейшей особы. Дальберг ответил ему формальным вежливым письмом, где говорилось, что все будет сделано, как принято «между добрыми соседями». Он подчеркнул, однако, что обстоятельства вынуждают его оказать гостям лишь скромный прием, так как из-за страшного неурожая провинция оказалась на грани голода. В довершение всех бед шведы по недоразумению еще и разминутись с путешественниками: Дальберг выслал к границе экипажи и почетный эскорт кавалерии, чтобы препроводить царских послов в Ригу подобающим образом, однако вся посольская верхушка, в том числе и Петр, следовала впереди основного каравана и разъехалась с встречающими. Уже возле самой Риги, когда кареты и эскорт наконец догнали послов, шведы вторично произвели церемонию встречи и устроили военный парад, чтобы загладить неловкость.

Если бы эта неувязка осталась единственной и Петр сумел бы, как собирался, проездом миновать Ригу и переправиться через Двину, все еще могло бы обойтись. Но он попал туда ранней весной, когда лед на реке, омывавшей стены города, едва начал ломаться. Моста не было, а переплыть реку на лодках мешали громадные льдины. Семь дней пришлось Петру и русской миссии ждать в Риге, пока кончится ледоход.

Петр сгорал от нетерпения и рвался в дорогу, но поначалу был доволен почестями, которые оказывали его послам. Всякий раз, когда они выезжали из цитадели или возвращались назад, гремел салют из двадцати четырех пушек.

Рига, столица Ливонии, протестантский прибалтийский город с высокими тонкими церковными шпилями, островерхими крышами, бульжными мостовыми — город преуспевающих независимых купцов — совершенно не походила на Псков и вообще на Россию, хотя лежала от них неподалеку. Кроме того, Рига была важной крепостью и мощным опорным пунктом шведской империи на Балтике, так что присутствие русского посольства, а

274

особенно любопытного двадцатичетырехлетнего царя, весьма беспокоило хозяев. Как и следовало ожидать, Петр вознамерился обследовать городские укрепления. Рижскую крепость недавно отстроили шведские военные инженеры в полном соответствии с новейшими достижениями западной фортификации. Поэтому она была гораздо мощнее и, следовательно, интереснее для Петра, чем устарелые, незатейливые стены и башни всех русских крепостей, включая и Кремль, или чем те, что Петр штурмовал в Азове. Здесь он увидел одетые камнем бастионы и укрепленные контрэскарпы, созданные по образцу сооружений выдающегося французского инженера Вобана. Петру представилась редкая возможность, и он намеревался как следует ее использовать. Царь взбирался на крепостные валы, делал карандашные зарисовки, измерял глубину и ширину рвов и определял, каков сектор обстрела у стоявших в амбразурах пушек. Сам Петр подходил к этому как человек, изучающий устройство современной крепости вообще, но шведы по понятным причинам смотрели на дело несколько иначе. Для них Петр был монархом и военачальником — армия его отца осаждала Ригу всего сорок лет назад. Крепость, которую Петр так старательно осматривал и обмерял, как раз затем и воздвигли, чтобы защищать город от русских и не допускать их к берегам Балтики. Конечно, при этом, как этот высокий молодой человек стоит на крепостном валу с блокнотом или что-то измеряет рулеткой, шведы тревожились. Существовала к тому же проблема его инкогнито. Однажды шведский часовой, заметив, что некий иностранец срисовывает в блокнот детали укреплений, приказал ему убираться. Петр не обратил внимания и продолжал свое занятие. Швед прицелился из мушкета и пригрозил, что будет стрелять. Петр пришел в ярость, задетый не столько оскорблением своего царского величества, сколько нарушением гостеприимства. Лефорт в качестве первого посла выразил протест Дальбергу. Шведский генерал-губернатор.

как бы он лично ни относился к рекогносцировкам его укреплений, принес извинения и заверил посла, что в этом недоразумении не было умышленной неучтивости. Лефорт принял объяснения и согласился, что не следует наказывать солдата, который только выполнял свой долг.

Однако же отношения между хозяевами-шведами и русскими гостями все ухудшались. Дальберг попал в затруднительное положение. Великое посольство России не было официально аккредитовано при шведском дворе. Вдобавок то обстоятельство, что царь фактически находился в Риге, но не желал, чтобы его присутствие было означено, порождало щекотливые протокольные проблемы. Вот почему Дальберг неукоснительно соблюдал все правила вежливости, как того требовал протокол в отношении высоких послов соседнего государя, но не более того. Никаких увеселений не предусматривалось — ни банкетов, ни фейерверков, ничего из столь любимых Петром развлечений. Сдержанный, холодный шведский начальник попросту умыл руки и, как казалось русским, не обращал на них внимания. К тому же русское посольство направлялось не в саму Швецию, а лишь пересекало подвластные ей земли, и обычная практика, при которой принимающая сторона оплачивала расходы приезжих дипломатов, на него не распространялась. Поэтому послам предоставили самостоятельно платить за продовольствие и ночлег, за лошадей и фураж, причем платить по ценам непомерно высоким из-за неурожая и стремления рижских торговцев выжать из приезжих все, что только удастся.

Кроме этих поводов для недовольства, Петру все сильнее докучали толпы зевак, приходивших на него поглазеть. Но, наконец, спустя неделю, лед сошел и появилась возможность перебраться через реку. Дальберг постарался устроить своим гостям шикарные проводы. Суда с желто-синими шведскими королевскими флагами переправили русское посольство на другой берег под грохот пушек, салютовавших с крепостных стен.

Ко было слишком поздно. Негр остался при своем убеждении, что в Риге гостей принимать не умеют и допускают по отношению к ним низости и оскорбления. Прямо противоположные впечатления от дальнейшего путешествия только укрепили Петра в этом мнении. В большинстве городов, где он побывал после Риги, его приветствовали царствующие особы, и хотя царь упорно продолжал скрываться под чужим именем, все эти курфюрсты, короли и даже австрийский император всегда находили способ встретиться с ним неофициальным образом, устроить пышный прием и оплатить его счета.

Петр до того невзлюбил Ригу, что через три года, когда ему понадобился предлог, чтобы начать Северную войну, он припомнил шведам грубый прием, который был ему здесь оказан. А спустя тринадцать лет, когда русские войска окружили город и началась осада, приведшая к его падению и включению больше чем на два столетия в состав Российской империи, первые три выстрела из пушки по Риге произвел сам Петр. «Так, — писал он Меншикову, — Господь привел увидеть начало нашего отщепенства сему проклятому месту»².

Переправившись через Двину, Петр очутился в герцогстве Курляндском, столица которого, Митава, лежала в тридцати милях к югу от Риги. Будучи номинально вассалом польского королевства, Курляндия отстояла достаточно далеко от Варшавы, чтобы вести, по-сути, независимое существование, а при тогдашнем распаде Польши герцог Курляндский и вовсе стал сам себе хозяин. Уж тут-то и речи быть не могло об ошибке наподобие той, что совершил в Риге Дальберг. Царь есть царь: его инкогнито уважали, но ни у кого не должно было быть сомнений, кто он такой. И, хотя герцогство не отличалось богатством, герцог Фридрих Казимир почтил посольство пышным приемом. «Повсюду держали открытый стол, звучали трубы и другая

музыка, сопровождая застолье и неумеренные возлияния, как будто Его царское Величество — второй Бахус. Я еще не видывал таких пьяниц», — писал один из министров герцога. Среди собутыльников особенно отличался Лефорт. «Опьянение никогда не побеждает его, и он всегда сохраняет трезвость ума». Иностранцы шептались между собой, что русские — это всего лит» «крещенные медведи» .

Зная, что царь большой любитель водной стихии, герцог Курляндский постарался зафрахтовать яхту, чтобы гость проделал следующую часть своего пути по морю. А путь лежал в Кенигсберг, город в крупном и могущественном северогерманском курфюршестве (княжестве) Бранденбург. В городе весьма кстати оказался сам курфюрст, Фридрих III, поспешивший приветствовать царя. Фридрих принадлежал к честолюбивому дому Гогенцоллернов и вынашивал обширные замыслы относительно себя самого и своих владений. Он мечтал превратить свое княжество в сильное королевство под названием Пруссия и сделаться прусским королем, приняв имя Фридриха I. Титул он рассчитывал получить от правившего в Вене императора-Габсбурга, реально же усилить мощь государства можно было только за счет Швеции, чьи крепости и владения располагались по всему побережью Северной Германии. Фридриху не терпелось заручиться поддержкой России в противовес Швеции, И вдруг, словно прознав о его чаяниях, сюда прибыл сам царь с намерением пересечь земли Бранденбурга. Разумеется, Фридрих явился в Кенигсберг встречать его.

Петр приплыл морем, ночью незаметно проскользнул в Кенигсберг и сошел на берег. Он поселился в скромном доме и нанес курфюрсту частный визит. Первая беседа продолжалась полтора часа — речь шла о кораблях, артиллерии и мореплавании. Потом Фридрих пригласил Петра на охоту в свою загородную резиденцию, где они вместе наблюдали, как стравливали двух медведей. Петр несколько обескуражил хозяев игрой на

278

трубе и барабане, но его любознательность, живость и дружелюбие произвели хорошее впечатление.

Через одиннадцать дней верхами и в повозках подъехало Великое посольство, следовавшее по суше. Петр из окна следил за тем, как его встречали. Фридрих выделил послам круглую сумму на расходы и дал по случаю Прибытия посольства великолепный обед, за которым последовал фейерверк. Петр присутствовал на празднике, одетый, как и другие молодые дворяне из посольской свиты, в алый кафтан с золотыми пуговицами. Позже Фридрих признавался, что с трудом сохранил невозмутимое лицо, интересуясь у послов, согласно букве протокола, как поживает царь и в добром ли здравии они его оставили.

На переговорах Фридрих стремился продвинуть идею о возобновлении бывшего союза, заключенного некогда царем Алексеем с Бранденбургом против Швеции, но Петр, по-прежнему воевавший с Турцией, не желал совершать никаких шагов, могущих задеть шведов. Наконец, беседа на борту яхты Фридриха, монархи порешили заключить новый договор, предусматривавший в самом общем смысле взаимную помощь сторон против общих врагов. Фридрих также просил царя поддержать его старания сделаться королем. Петр согласился оказать послам курфюрста в Москве прием такого же уровня, какого удостоили его послов в Бранденбурге. Это было не так уж много, но все-таки годилось, чтобы придать вес притязаниям Фридриха в Вене, перед австрийским императором.

Как ни спешил Петр поскорее отправиться в Голландию, пришлось ему задержаться в Кенигсберге, покуда не прояснилось положение в Польше. Со смертью Яна Собеского в июне 1696 года польский престол опустел, и в борьбу за него вступили два претендента — курфюрст Саксонский Август и ставленник Людовика XIV принц Конти из династии Бурбонов. Россия, Австрия и большинство германских государств резко воспротивились избранию Конти. Водворение короля-

279

француза на польский трон означало бы немедленный выход Польши из войны с Турцией, франко-польский альянс и распространение французского влияния в Восточной Европе. Петр готов был драться, лишь бы помешать этому, и выдвинул русские войска к польской границе. Какое-то время исход дела оставался туманным, стороны продолжали лавировать, а сейм все еще не собрался голосовать, так что Петр решил переждать, прежде чем следовать дальше на запад. А пока он зна-Комился в Кенигсберге с разными интересными вещами. С полковником

Штрельтнером фон Штернфельдом, главным генерал-инженером армии Бранденбурга и специалистом в артиллерийском деле, он осваивал теорию и практику баллистики. Царь стрелял по мишеням из пушек разного калибра, а фон Штернфельд корректировал огонь и объяснял Петру, в чем его ошибки. Позже фон Штернфельд выписал свидетельство, подтверждающее незнания и мастерство его ученика, Петра Михайлова. К сожалению, в Кенигсберге, как и в Риге, не обошлось без неприятностей. На этот раз причиной стало любопытство, а скорее вспыльчивый нрав царя. В день своих именин (для русских более важное событие, чем день рождения) Петр ожидал визита Фридриха и собирался устроить в его честь свой собственный фейерверк. Но Фридрих не оценил должным образом значение этого дня и покинул Кенигсберг, чтобы встретиться с герцогом Курляндским. На праздник к царю он отрядил вместо себя нескольких министров. Когда Петр понял, что Фридрих не появится, он воспринял это как жестокую обиду, публичное оскорбление — и не скрыл своей досады от представителей курфюрста, громко сказав по-голландски Лефорту: «Курфюрст добр, а его советники — дьяволы»⁴. Тут царю показалось, что один из министров улыбнулся. Он в ярости набросился на бранденбуржца с криком «Иди, иди!» и вытолкнул того прочь из комнаты. Позже, когда гнев его немного остыл, Петр написал письмо «дражайшему другу» Фридриху, По сути это было изви-

280

нение, но с привкусом уязвленного самолюбия. Покидая Бранденбург, Петр снова постарался загладить неловкость и послал Фридриху большой рубин.

◆◆◆

В середине августа, когда Петр находился в Кенигсберге уже семь недель, стало известно, что в Варшаву прибыл Август Саксонский, наконец-то избранный польским королем. Петр был доволен таким исходом и рвался отплыть в Голландию, но присутствие французской военной эскадры в Балтийском море заставило его изменить планы: он не горел желанием попасть на судно под флагом с белыми лилиями, да еще против своей воли. Разочарованному Петру оставалось одно - ехать сушей, через владения курфюрста Бранденбурга и Ганновера.

К его огорчению из-за того, что сорвалось морское путешествие, прибавилась новая забота, связанная с сухопутной поездкой: вдоль всего пути его следования люди стремились увидеть царя. Посольство так долго было в Кенигсберге, что весть о негласном присутствии Петра в его составе успела разойтись по всей Европе, повсеместно вызывая волнение и любопытство: московский царь, повелитель загадочной, диковинной страны, путешествовал по Европе и можно было на него посмотреть и подивиться. От подобных знаков внимания Петр выходил из себя.

Он тайно покинул Кенигсберг и велел кучеру погонять, в надежде проскочить незамеченным. Так он промчался через Берлин, откинувшись вглубь кареты, чтобы его не узнали. В общем поспешность и скрытность позволили ему без задержки пересечь Северную Германию, но не помогли уйти от встречи с двумя неустрашимыми дамами, задумавшими во что бы то ни стало перехватить Петра. Дамы эти были София, вдова курфюрста Ганноверского, и ее дочь София Шарлотта, супруга курфюрста Бранденбурга. Обе курфюрстины жаждали своими глазами увидеть царя, о котором были столь наслышаны.

281

Особенно сгорала от любопытства младшая из дам. София Шарлотта, которая навещала свою мать в Ганновере, когда ее муж, курфюрст Фридрих, принимал Петра в Кенигсберге. Она рассчитывала увидеться с ним в Берлине и теперь, твердо решив перехватить его на подъезде к Ганноверу, посадила мать, братьев и детей на экипаж и помчалась поджидать русских путешественников в городок Коппенбрюгге. Она едва успела туда раньше Петра и тотчас отправила камергера пригласить царя на обед.

Сначала при виде громадной свиты обеих курфюрстин и толпы местных зевак, толпившихся у ворот, Петр отказался. Однако камергер настаивал, и царь поддался на уговоры при условии, что кроме Софии и Шарлотты с матерью на обеде будут присутствовать только ее братья и дети и еще самые важные из его русских сопровождающих. Когда его ввели к дамам, Петр споткнулся, покраснел и не мог раскрыть рта. Как-никак он впервые попал в общество образованных иностранных дам-аристократок; прежде его знакомство с представительницами

Европы ограничивалось мещанками из Немецкой слободы — женами и дочерьми иностранных купцов и военных. К тому же эти две дамы заметно выделялись даже среди европейской знати. Шестидесятисемилетняя София Ганноверская была энергичная, здравомыслящая, дельная правительница, и ее владения в Северной Германии благополучно процветали. Через несколько лет после свидания с Петром ее, как внучку английского короля Якова I, британский парламент выберет преемницей королевы Анны, дабы обеспечить протестантское правление в Англии*. Ее дочь, двадцатидевятилетняя

* Софии так и не довелось надеть британскую корону. Она умерла раньше, чем королева Анна, и оба ее титула — ганноверский и английский — перешли к ее сыну, Георгу Людвигу, который и правил одновременно как курфюрст Ганноверский и английский король Георг I.

282

София Шарлотта Бранденбургская, тоже обладала незаурядным умом и блистала во всех дворах Северной Германии. Одно время она была нареченной невестой внука Людовика XIV, герцога Бургундского, но политические обстоятельства заставили его жениться на Марии Аделаиде Савойской. Два года София Шарлотта прожила в Версале, где ее остроумием и красотой восхищался Король-Солнце. Она получила хорошее образование — сам Лейбниц был не только ее наставником, но и другом. Об очаровании Софии Шарлотты говорит уже то, что ее муж, построивший для нее дворец Шарлоттенбург в Берлине, питал к ней самую искреннюю любовь. И хотя из почтения к августейшему примеру, который подавал более скромным монархам Людовик XIV, Фридрих тоже обзавелся фавориткой, ему куда больше нравилась его прелестная и умная жена.

Оказавшись в компании этих благовоспитанных элегантных дам, Петр закрыл лицо руками и пробормотал по-немецки: «Я не могу говорить»⁵. Увидев, что гостю не по себе, София Шарлотта и ее мать помогли ему оправиться от смущения; усадили его за стол, сами сели от него по обе стороны и непринужденно с ним заговорили. Вскоре его робость прошла и он так разговорился, что дамы наперебой старались завладеть его вниманием. Обед длился четыре часа, а курфюрстины засыпали его все новыми вопросами, но, наконец, София Шарлотта, боясь, как бы царь не заскучал, велела позвать музыкантов. Начались танцы. Поначалу Петр не хотел танцевать и говорил, что у него нет перчаток, но дамы опять сумели его переубедить, и скоро он уже с удовольствием отплясывал. Кружась с ними по залу, он почувствовал под рукой что-то странное и, не ведая, что то были пластины китового уса в корсетах, прокричал своим товарищам: «У немецких дам чертовски жесткие кости». Дамы пришли в восторг.

Петр веселился от души: этот прием был куда приятнее вечеринок в Немецкой слободе и даже лучше

283

шумных пиров Всешутейшего собора! Он готов был обнять весь мир. Он велел своим карликам тоже участвовать в танцах. Самого любимого из них он целовал и щипал за ухо. Он расцеловал в макушку десятилетнюю Софию Доротею, будущую мать Фридриха Великого, смяв ей бант. Он обнимал и целовал четырнадцатилетнего принца Георга, который впоследствии стал королем Георгом II Английским.

Весь вечер обе курфюрстины пристально наблюдали за царем и нашли, что он вовсе не такой уж дикарь и варвар, каким рисует его молва. «Мне понравилась его естественность и непринужденность», — писала София Шарлотта. Grimасы и судороги, уродовавшие его лицо, оказались не так сильны, как они ожидали, но, как сочувственно прибавила София Шарлотта, «удержаться от некоторых из них не в его власти». Старшая курфюрстина, знавшая толк в мужчинах, подробно описала и этот вечер, и самого гостя:

Царь очень высокого роста, лицо его очень красиво, он очень строен. Он обладает большой живостью ума, его суждения быстры и справедливы. Но наряду со всеми выдающимися качествами, которыми его одарила природа, следовало бы пожелать, чтобы его вкусы были менее грубы. Мы тотчас же сбили за стол. Коппен-штейн, исполнявший обязанности маршала, подал его величеству салфетку, но это его очень затруднило: вместо салфетки в Бранденбурге ему подавали после стола кувшин. Он был очень весел, очень разговорчив, и мы завязали с ним большую дружбу. Моя дочь и его величество поменялись табакерками... Мы, по правде, очень долго сидели за столом, но охотно остались бы за ним и еще дольше, не испытывая ни на минуту скуки, потому что царь был в очень хорошем расположении духа и не переставал с нами разговаривать. Моя дочь заставила своих итальянцев петь, их пение ему понравилось, хотя он нам признался, что он не

очень любит музыку. Я его спросила: любит ли он охоту? Он отве-
284

тил, что отец его очень любил, но что у него с юности настоящая страсть к мореплаванию и к фейерверкам. Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы. После ужина его величество велел позвать своих скрипачей, и мы исполнили русские танцы, которые я предпочитаю польским. ...его общество доставило нам много удовольствия. Это человек совсем необыкновенный. Невозможно его описать и даже составить о нем понятие, не видев его. У него очень доброе сердце и в высшей степени благородные чувства. Я должна вам также сказать, что он не напился допьяна в нашем присутствии; но, как только мы уехали, лица его свиты вполне удовлетворились.

...Это — государь одновременно и очень добрый, и очень злой, у него характер — совершенно характер его страны. Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинств и бесконечно много природного ума.

Петр выразил свое удовольствие от этого вечера, послав каждой из принцесс по сундуку русских соболей и парчи. Затем немедленно уехал, не дожидаясь основного посольства: впереди, всего лишь в нескольких милях вниз по Рейну, лежала Голландия.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ПЕТР В ГОЛЛАНДИИ

Во второй половине XVII века Голландия, как иногда называли Республику семи Соединенных провинций Северных Нидерландов, достигла зенита своего могущества и славы. Она страдала перенаселенностью - два миллиона трудолюбивых голландцев теснились на крохотной территории, — но значительно превосходила всю остальную Европу богатством, числом городов, развитием международных связей. Неудивительно, что процветание этого маленького государства вызывало изумление и зависть у его соседей, а зависть нередко оборачивалась алчностью. Отстоять свою независимость голландцам помогали некоторые черты национального характера. Они обладали храбростью, упорством, осмотрительностью, и когда им приходилось воевать (сначала против испанцев, затем англичан и, наконец, французов), они делали это с присущей им практичностью и одновременно с беззаветным и высоким героизмом. Для защиты своего суверенитета и демократии двухмиллионный народ содержал армию в 120 000 солдат и второй по величине флот в мире.

Преуспевание Голландии, как и ее свобода, зиждилось на неустанной работе ума и рук. В большинстве стран тогдашней Европы почти все население было привязано к земле и занято тем, чтобы примитивными спо-

286

собами прокормить себя и создать хоть небольшой излишек продуктов для горожан. А один голландский крестьянин, ухитряясь собирать с каждого акра более высокий урожай, получать больше молока и масла от своих коров и мяса от свиней, был в состоянии прокормить двоих своих сограждан, не занятых в сельском хозяйстве. Поэтому добрая половина населения Голландии высвободилась для другой деятельности и устремилась в коммерцию, промышленность и мореплавание.

Торговля и мореплавание и явились источником невероятных богатств Голландии, жители которой в XVII веке посвятили себя этим занятиям. Огромные порты-близнецы Амстердам и Роттердам были построены в дельте Рейна — там, где крупнейшие водные пути Европы — реки и каналы — встречались с мировым океаном. Почти все движение товаров в Европу или из Европы, вдоль европейских берегов или дальше за моря, шло через Голландию. Английское олово, испанская шерсть, шведское железо, французские вина, русские меха, специи и чай из Индии, лес из Норвегии, ирландская шерсть из Ирландии доставлялись в Нидерланды, где их разбирали, обрабатывали, ткали, смешивали, сортировали и водными путями отправляли дальше.

Необходимость перевозить все эти товары, сделала голландцев едва ли не монополистами мирового судоходства. По морям и океанам плавало свыше четырех тысяч голландских торговых судов — больше, чем у всех остальных стран вместе взятых. Голландская Ост-Индская компания, основанная в 1602 году, и молодая Вест-Индская компания имели конторы в каждом крупном порту мира. Голландские моряки, сочетавшие энергию первооткрывателей с расчетливостью купцов, вели неустанный поиск новых рынков и гаваней. Корабли не-

прерывно сновали взад-вперед, росли горы товаров, а с ними и прибыли, и голландская торговая республика все богатела и богатела. Для защиты и развития торговли в Амстердаме вводились новые услуги: было изобретено

287

страхование, чтобы-уменьшить бремя риска; банки и биржа осваивали кредитные операции и научились в невиданных прежде масштабах направлять общественные займы на финансирование коммерческих предприятий; типографии печатали контракты, фрахтовые счета и прочие типовые бланки, необходимые для налаживания и заключения многих тысяч торговых сделок и оповещения о них. Богатство порождало надежность, надежность порождала кредит, служивший источником новых богатств, - а значит, мощь и слава Голландии продолжали расти и крепнуть. Голландия представляла собой подлинный образец богатого и преуспевающего меркантилистского государства, рай для купца — недаром сюда приезжали набираться опыта в торговых и финансовых делах молодые люди со всей протестантской Европы, а больше всего из Англии и Шотландии. В эту-то блистательную Мекку торговли, мореплавания, культуры и спешил в конце лета 1697 года через немецкие земли нетерпеливый молодой россиянин по имени Петр Михайлов.

В Переславле, в Архангельске, в Воронеже Петр не раз слышал от голландских корабельных мастеров и капитанов о Саардаме. Этот городок в бухте Эй, в десяти милях к северу от Амстердама, славился как место, где строили лучшие корабли в Голландии. На пятидесяти частных верфях в самом Саардаме и его окрестностях ежегодно строилось около трехсот пятидесяти судов, и говорили, что саардамцы такие ловкие и умелые мастера, что с момента закладки киля до спуска судна на воду у них уходит не больше пяти недель. С годами в душе Петра прочно укоренилось стремление попасть в Саардам и поучиться там кораблестроению. Вот почему, еще проезжая через Германию, он сказал свои спутникам, что намерен провести в Саардаме всю осень и зиму в качестве ученика на верфи. Подъехав к Рейну у **Эмме-**

288

риха, возле голландской границы, царь пришел в такое нетерпение, что нанял лодку и, бросив позади почти все посольство, пустился прямо вниз по реке и даже не сошел на берег передохнуть в Амстердаме.

Рано поутру 18 августа Петр с шестью товарищами подплывал по каналу к Саардаму, как вдруг заметил знакомую фигуру. В шлюпке сидел и ловил угрей Геррит Кист, голландский кузнец, работавший вместе с Петром в Москве. Петр, вне себя от радости при виде знакомого, испустил приветственный вопль. Внезапно пробужденный от задумчивости Кист поднял глаза и, увидев, что мимо проплывает русский царь, едва не упал за борт, Петр велел причалить, выскочил из лодки, стиснул Киста в объятиях и взял с него клятву никому не говорить, что царь в Голландии. Затем, узнав, что Кист живет неподалеку, Петр вознамерился у него и остановиться. Кист горячо запротестовал — его домишко слишком тесен и скромен для такого жильца и лучше бы обратиться к одной вдове, его соседке. За семь флоринов вдова согла-гсилась переехать к отцу. Таким образом, через несколько часов Петр благополучно водворился в крохотном деревянном домике в два окна: две комнаты, печка в изразцах и за занавеской — душная ниша для спанья, до того маленькая, что он не мог как следует вытянуть ноги. С ним поселились двое из его спутников, а еще четверо нашли квартиру поблизости.

Верфи были закрыты по случаю воскресенья, но взволнованному Петру не сиделось на месте. Он отправился на улицы, где было полно народа, наслаждавшегося после обеда летней воскресной прогулкой. В толпе уже разошлась новость о том, что издалека пришла лодка с иностранцами в диковинных костюмах, и на Петра начали обращать внимание. Он в раздражении попытался укрыться в таверне «Выдра», но и там все на него таращились. И это было еще только начало.

Рано утром в понедельник Петр поспешил в лавку на дамбе и купил плотницкие инструменты. Потом на-

правился на частную верфь Линста Рогте и нанялся простым рабочим под именем Петра Михайлова. Он радостно принялся за дело — обтесывал топориком бревно и все время спрашивал у мастера, как называются разные предметы. После работы он пошел провести жен и родителей голландских корабельных мастеров, которые оставались в России, и объяснял, что работал бок о бок с их мужьями и сыновьями, с гордостью подчеркивая: «Л ведь и сам плотник». Среди прочих он навестил вдову плотника-голландца, умершего в России, которой он прежде послал вспомоществование в пятьсот флоринов. Вдова сказала, что часто молится о том, чтобы ей представился случай выразить царю, как много значил для нее этот дар. Растроганный и очень довольный, Петр остался у нее ужинать.

Во вторник Петр, мечтавший скорее оказаться на воде, купил маленькую веселую шлюпку, предварительно поторговавшись, как заправский голландец. Сошлись на сорока флоринов, после чего продавец с покупателем отправились в пивную и распили кувшинчик пива.

Как ни старался Петр, чтобы никто не узнал, кто он, секрет быстро просочился наружу. В понедельник утром Петр приказал своим товарищам сменить русское платье на красные куртки и белые холщовые штаны голландских рабочих, но все равно русские были непохожи на голландцев. Громадный рост самого Петра исключал всякую анонимность, так что ко вторнику весь Саардам знал, что в городе находится «очень важная персона*». Да тут еще случилось досадное происшествие: в тот же день после обеда Петр шел по улице, ел сливы из шляпы и угостил ими попавшихся навстречу мальчишек, но слив на всех не хватило, и дети увязались за Петром. Чтобы отделаться от них, он для виду за ними погнался, а они стали кидать в него камнями и грязью. Петр насилу спасся в гостинице «Три лебедя» и послал за подмогой. Явился сам бургомистр, и Петру пришлось объяснить,

290

кто он такой и почему здесь оказался. Бургомистр немедленно издал указ, запрещавший саарданцам тревожить или задевать «высоких особ, которые желают остаться неузнанными». Вскоре рассеялись последние сомнения относительно истинного статуса «высокой особы». Один мастер из Са-ардама, работавший тогда в России, написал домой отцу, что в Голландию едет Великое посольство и что в его составе, вероятно, будет сам царь под чужим именем. Голландец сообщил и приметы, по которым легко узнать царя: огромный рост, подергивание головы и левой руки и родинка на правой щеке. В среду, не успев отец прочесть это письмо вслух в цирюльне Помпа, как вошел верзила, в точности отвечающий всем приметам. Подобно цирюльникам всего мира, Помп считал, что передача местных сплетен входит в его профессиональные обязанности, и с тех пор докладывал всем и каждому, что самый рослый из иностранцев — московский царь. Чтобы удостовериться в правдивости этих сведений, люди толпами устремлялись к приютившему иностранцев Кисту, который, как все знали, в свою бытность в России познакомился с царем. Кист, храня верность данному Петру обещанию, упорно все отрицал, пока его жена не сказала: «Геррит, я больше так не могу. Перестань врать».

Но несмотря на то, что секрет Йетра раскрылся, он по-прежнему цеплялся за свое инкогнито — отклонил предложение на обед с важными купцами Саардама и отказался отвесть совершенно особенной рыбы по-са-ардамски в компании бургомистра и его советников. На оба приглашения Петр ответил, что никого из важных персон в наличии не имеется, а царь еще не приехал. Когда один важный купец пришел к спутникам Петра и предложил перебраться в дом побольше, с садом и фруктовыми деревьями, который лучше подходил бы для них и их хозяина, то в ответ услышал, что люди они не знатные, всего лишь холопы, так что и теперешнего жилья с них вполне достаточно.

291

Весть о появлении царя в Саардаме мигом распространилась по всей Голландии. Многие напрочь отказывались* этому верить, заключались бесчисленные пари. Двое торговцев, встречавшихся с Петром в Архангельске, поспешили в Саардам. В четверг утром, застав его дома, они вышли бледные от волнения и объявили: «Конечно, это царь, но как он здесь оказался? И зачем?» Еще один архангельский знакомец, столкнувшись лицом к лицу с Петром, сказал, что глазам своим не верит — неужто царь в Голландии, да еще

переодетый простым рабочим? «Как видишь», — проговорил Петр и больше ничего не добавил².

В четверг он купил парусную лодку за четыреста пятьдесят флоринов и своими руками установил на ней новую мачту и бушприт. В пятницу с восходом он уже бороздил воды бухты Эй. В тот же день после обеда он было снова вышел под парусом, но почти сразу заметил, как от Саардама отчаливает множество лодок, чтобы присоединиться к нему. В поисках спасения он направил судно к берегу — и, выпрыгнув, тут же оказался посреди еще одной толпы любопытных, которые отпихивали друг друга и глазели на него, как в зверинце. Разъяренный Петр слегка ударил одного из зрителей по голове, на что толпа отозвалась криками: «Браво! Марсье, тебя посвятили в рыцари!»³ К этому времени и в лодках, и на берегу собралось столько народа, что Петр укрылся в ближайшем постоялом дворе и лишь когда стемнело вернулся в Саардам.

На другой день, в субботу, Петр собрался наблюдать за интересной и сложной механической операцией — при помощи катков и воротов предстояло перетащить большой, только что построенный корабль через дамбу; Чтобы царь мог смотреть без риска быть раздавленным толпой, небольшой участок обнесли загородкой. Но уже к утру весть о том, что ведутся специальные при* готовления, собрала еще больше любопытных: люди ехали даже из Амстердама. Толпа смела все загородки.

292

Увидев, что окна и даже крыши близлежащих домов забиты зеваками, царь раздумал идти, хотя сам бургомистр приходил поторопить его. Петр сказал по-голландски: «Слишком много людей. Слишком много лю-

4

деи».

В воскресенье из Амстердама хлынули новые толпы, лодка за лодкой. В отчаянии власти удвоили стражу у саардамских мостов, но толпа попросту отбросила ее. Петр весь день не решался и носа высунуть за дверь. Запертый в доме, вне себя от гнева и досады, он обратился за помощью к пребывавшим в замешательстве членам городского совета, но те ничего не могли поделать с потоком приезжих, который усиливался с каждой минутой. Не видя другого выхода, Петр решил покинуть Саардам. Его лодку с обычного причала перевели поближе к дому. Петр, энергично действуя локтями и коленями, сумел пробиться сквозь толпу и взобраться на судно. Дувший с утра свежий ветер теперь превратился в бурю, но царь настоял на отплытии: Когда он отчалил, лопнула оттяжка в такелаже и лодка едва не пошла ко дну. И все же, невзирая на предупреждения опытных мореходов, Петр отплыл и через три часа достиг Амстердама. А здесь его уже караулила орава голландцев, теснившихся в надежде увидеть его. Снова кое-кому досталось от рассерженного царя, но в конце концов ему удалось пробраться в гостиницу, снятую для Великого посольства.

Тем и кончился визит в Саардам, о котором Петр так долго мечтал. Бессмысленно было пытаться работать на открытой верфи, как и свободно ходить по городку, поэтому его пребывание здесь свелось к единственной неделе, хотя прежде он собирался провести в Саардаме несколько месяцев. Позже он опять отправил туда Мен-шикова и еще двоих — осваивать искусство сооружения мачт, и сам пару раз заезжал ненадолго. Но обучаться голландскому кораблестроению Петру пришлось не в Саардаме, а в Амстердаме.

293

Во времена Петра Амстердам был самым крупным портом Европы и богатейшим городом мира. Построенный при впадении двух рек Амстел и Эй, в залив Зей-дер-Зее, город рос прямо на воде. Чтобы создать для него опору, в болотистую почву забивали сваи, и вода текла по городу концентрическими кругами каналов, которых при Петре было пять. Каждый канал делился на две-три части каналами поменьше, так что в сущности весь город был на плаву — архипелаг из семидесяти островов, соединенных между собой пятью сотнями круто выгнутых мостов, под которыми могли проплывать суда и баржи. Городские стены тянулись по внутреннему берегу внешнего канала, который одновременно служил естественным рвом.

Стены были укреплены мощными круглыми сторожевыми башнями, которые практичные голландцы, по своему обыкновению, приспособили еще под одно дело. На вершинах башен они устроили ветряные мельницы, и их крылья, вращаясь, приводили в действие насосы, непрерывно откачивающие воду с крохотных клочков осушенной земли. Перед дозорным, стоявшим на городских укреплениях, во все стороны простиралась плоская сырая равнина, сколько глаз хватало усеянная большими и маленькими ветряными мельницами, которые без устали пытались, образно говоря, выкачать море.

Здания в этом городе свидетельствовали о его богатстве. Из порта Амстердам казался городом краснокирпичных церковных башен, симметричных и целесообразных, с округлыми формами, характерными для голландских построек. Отцы города чрезвычайно гордились своей ратушей и считали это сооружение, опиравшееся на 13659 свай, восьмым чудом света. (Ныне там королевская резиденция.) Город был полон пивоваренных и сахарных заводов, табачных складов, хранилищ для кофе и пряностей, пекарен, боен, чугунолитейных

294

предприятий - все имело свой облик и свой запах, а вместе они создавали картину необычайно богатую и разнообразную. Но красноречивее всего о богатстве Амстердама говорили солидные дома, выстроенные вдоль каналов преуспевающими купцами. Эти дома, немного отодвинутые от берегов, осененные вязами и липами, остаются лучшим украшением современного Амстердама. Очень узкие (величина налога с домовладельцев зависела от ширины фасада), они тянулись ввысь на четыре-пять этажей и заканчивались изящным, островерхим фронтоном. С конька обычно выступала над улицей балка, которую использовали, чтобы при помощи системы блоков поднимать громоздкую мебель и другие предметы с улицы в дом прямо через окна верхних этажей, так как лестницы были для этого слишком узки. Глядя из высоких окон вниз на улицу, хозяин мог видеть деревья, нарядные фонари и затененную, зыбкую воду

каналов.

Всюду была вода, всюду корабли. За каждым углом приезжему бросались в глаза паруса и мачты. Район порта выглядел, как лес мачт и рей. Пешеходам, пробиравшимся вдоль каналов, приходилось переступать через бухты канатов, причальные кольца, бревна, бочки, якоря, даже пушки. Весь город напоминал верфь. А сам порт переполняли суда всех размеров — маленькие рыбацьи лодки под косыми парусами, в полдень возвращавшиеся с утреннего лова в Зейдер-Зее; большие трехмачтовые суда Ост-Индской компании; семидесяти-восьмидесятипушечные линейные корабли. Все они были построены на характерный голландский манер: с закругленными, приподнятыми носами, широким корпусом и плоским дном - ни дать ни взять огромные голландские деревянные башмаки с мачтами и парусами. Стояли там и элегантные парадные яхты с выпуклыми голландскими носами и большими нарядными каютами в задней части, с окнами в свинцовом переплете, обращенными на корму. В восточном конце порта, в квартале под названием

295

Остенбург, размещались громадные верфи и бесчисленные стапели, на которых строились суда голландской Ост-Индской компании. Здесь рядами росли крупные, круглые, выпуклые корпуса кораблей — кили, шпангоуты, обшивка, палуба за палубой. Поблизости ремонтировали вернувшиеся из далеких плаваний суда-ветераны: сначала с них снимали оснастку и мачты, а потом корпуса выволакивали на мелководье и переворачивали на бок. Так они и лежали, словно выброшенные на берег киты, пока по ним сновали плотники и другие рабочие, отдирая от днища толстый ковер морских растений, заменяя прогнившую обшивку и заливая швы свежей смолой.

Вот сюда, в этот особый моряцкий уголок рая, имя которому Амстердам, и явился Петр, чтобы провести здесь четыре месяца.

Саардамские толпы заставили Петра уехать в Амстердам, но ему бы все равно пришлось туда возвращаться, чтобы встретить свое собственное Великое посольство, которое вот-вот должно было прибыть. Послов по-царски встретили в Клеве, недалеко от границы, и предоставили им четыре большие яхты и многочисленные экипажи. Городские власти

Амстердама, понимая, какое значение может иметь это посольство для будущей торговли с Россией, решили оказать ему необычайные почести.

Прием предусматривал торжественные визиты в ратушу, адмиралтейство и на верфи, специальные представления в опере и балете, огромный банкет с фейерверком, который должны были запускать с плота на Амстеле. Во время этих торжеств Петру выдался случай поговорить с бургомистром Амстердама Николасом Вит-сеном. Это был замечательный человек — состоятельный, уважаемый как за свои заслуги, так и за свой нрав; будучи должностным лицом, он был еще и путешествен-

296

ником, покровителем искусств, и ученым-любителем. Одним из его пристрастий были корабли, и он пригласил Петра осмотреть свое собрание судовых моделей, навигационных приборов и инструментов, применяемых в кораблестроении. Витсен питал слабость к России, и долгое время, несмотря на обилие других обязанностей и увлечений, он выступал как неофициальный представитель Московии в Амстердаме.

В те месяцы, что Петр провел в Амстердаме, царь и бургомистр ежедневно беседовали, и Петр пожаловался Витсену на зевак, досаждавших ему в Саардаме. Можно ли спокойно работать и учиться кораблестроению, когда на тебя непрерывно глазее толпа посторонних людей? Витсен тут же придумал выход: если Петр останется в Амстердаме, он может поработать на доках и верфях Ост-Индской компании, которые окружены стенами и недоступны для любопытных. Петру предложение понравилось, и Витсен, как один из директоров компании, взялся все уладить. На другой день совет директоров Ост-Индской компании постановил пригласить «высокопоставленное лицо, находящееся здесь инкогнито», на работу на ее верфях, и для его удобства отвести ему дом канатного мастера, чтобы он мог и жить, и работать прямо на верфи, без всяких помех. Кроме того, стремясь облегчить ему освоение корабельного дела, совет директоров приказал заложить киль нового фрегата в сто или сто тридцать футов длиной — как будет угодно царю — и предложить ему и его сопровождающим с начала до конца участвовать в строительстве и попутно ознакомиться с приемами голландских мастеров.

Тем же вечером на парадном официальном приеме, который город Амстердам давал в честь посольства, Витсен рассказал Петру, какое решение приняли директора, Петр пришел в восторг, и, как ни любил фейерверки, едва усидел до конца пира. Когда в небе взорвалась последняя ракета, царь вскочил и заявил, что немедленно, прямо среди ночи, едет в Саардам за своими инстру-

297

ментами, чтобы с утра взяться за работу. Ни русским, ни голландцам не удалось его отговорить, и в одиннадцать часов вечера он сел на свою яхту и уплыл. На следующее утро он вернулся и отправился напрямик в Остенбург на верфь Ост-Индской компании. Его сопровождали десять русских волонтеров, в том числе и Меншиков, а остальных волонтеров Петр разослал по всему порту, учиться парусному и канатному ремеслу, выделке мачт, такелажному делу и кораблевождению. Царевича Александра Имеретинского отправили в Гаагу овладевать артиллерийским искусством. Сам Петр записался в плотники к корабельному мастеру Герриту Клаасу Поолю.

Первые три недели ушли на сбор и подготовку необходимого леса и другого материала. Голландцы, желая наглядно показать царю, что предстоит делать, собрали и разложили для обозрения все части корабля, прежде чем приступить к закладке киля. Затем, по мере того, как эти части одна за другой становились на место, судно быстро росло, как огромная модель из современного детского конструктора. Стофутовый фрегат получил имя «Апостолы Петр и Павел», и Петр с воодушевлением трудился на каждом этапе его сборки.

Каждый день он являлся на верфь с рассветом, неся на плечах топор и инструменты, как и все остальные рабочие. Он не допускал никаких различий между ними и собой и строго-настрого запретил, чтобы его в глаза или за глаза величали каким-нибудь титулом. В часы послеполуденного отдыха он любил присесть на-бревнышко и поговорить с моряками или корабельщиками — с любым, кто называл его «плотник Питер» или «баас (мастер) Питер».

Тех же, кто обращался к нему со словами «ваше величество» или «сир», он попросту не замечал или даже отворачивался и смотрел в другую сторону. Когда двое английских вельмож пришли своими глазами взглянуть на русского царя, который работает простым плотником, мастер, чтобы указать им, кто тут царь, крикнул: «Плотник Питер, ты почему не помогаешь

298

своим товарищам?» — и Петр, не говоря ни слова, подошел, подставил плечо под бревно, которое несколько рабочих не могли поднять, и помог водрузить его на место.

Петр очень радовался дому, который ему предоставили. С ним вместе жили несколько его товарищей — эдакая артель ремесленников. Поначалу кушанья для царя готовили в гостинице, где стояло посольство, но такой порядок ему не нравился. Он хотел жить совершенно независимым хозяйством. У него не было определенных часов для трапез: он предпочитал есть, когда проголодается. Поэтому было решено, что его станут снабжать дровами и продуктами, а дальше пусть поступает, как хочет. С тех пор Петр сам разводил огонь и что-то стряпал для себя, как обыкновенный плотник.

Но хотя он жил за границей, одевался и работал, как ремесленник, ни сам Петр, ни его соотечественники никогда не забывали, кем он был на самом деле и какой огромной властью обладал. Царские наместники в Москве никак не хотели действовать без ведома и согласия государя, так что каждая почта доставляла толстые связки писем с просьбами распорядиться или оказать милость, просто с новостями. На этой верфи, за тысячи миль от своей столицы, Петр стал интересоваться делами российского управления гораздо больше, чем прежде. Он требовал, чтобы ему сообщали мельчайшие подробности тех самых государственных дел, которыми некогда он столь беспечно пренебрегал. Он хотел знать обо всем, что происходит в России. Как ведут себя стрельцы? Как подвигается сооружение двух крепостей под Азовом? Как обстоят дела с портом и укреплениями в Таганроге? Что творится в Польше? Когда Шеин написал о победе над турками под Азовом, Петр отметил это событие великолепным банкетом для важных амстердамских купцов, за которым последовал концерт, был и фейерверк. Узнав о решающей победе принца Евгения Савойского над турками под Зентой, он сообщил об этом в Москву

299

и заодно написал, что устроил еще один пир в честь этого успеха. Каждую пятницу он старался отвечать на письма из Москвы, хотя, как он писал Винуису, «иное за недосугом, а иное за отлучкою, а иное за Хмельницким [выпивкой] не исправишь».

Впрочем, однажды Петру пришлось несколько умерить свое всевластие: узнав, что два посольских дворянина неодобрительно отзывались о его поведении — дескать, царю следовало бы поменьше выставлять себя на посмеище, а побольше держаться соответственно своему сану, — Петр буквально взбесился. Полагая, что в Голландии, как и в России, он один властен над жизнью и смертью своих подданных, он приказал забить их в железа в ожидании казни. Вмешался Витсен: просил Петра помнить, что он находится в Голландии, где никого нельзя казнить без приговора голландского суда. Затем мягко предложил освободить провинившихся, но Петр был непреклонен. Наконец, он с неохотой согласился на компромисс, в результате чего бедняги очутились в ссылке в отдаленнейших голландских колониях: один в Батавии, а другой в Суринаме.

За пределами верфи все возбуждало ненасытное любопытство Петра. Он все хотел видеть собственными глазами. Он посещал фабрики, лесопилки, прядильные и бумажные мануфактуры, мастерские, музеи, ботанические сады и лаборатории. Везде он спрашивал: «А это для чего? А это как устроено?» И, выслушав объяснения, кивал: «Хорошо. Очень хорошо». Он встречался с архитекторами, скульпторами, с изобретателем пожарного насоса ван дер Хейденом, которого пытался сманить в Россию. Он побывал у архитектора Симона Шнвута, в музее Якоба де Вильде, учился делать наброски и рисовать под руководством Шхонебека. Он выгравировал пластину, на которой изображался очень похожий на него рослый молодой человек с высоко поднятым крес^ том, попирающий ногами полумесяц и знамена ислама. В Дельфте он посетил инженера барона фон Кухорна,

300

«голландского Вобана», который давал Петру уроки фор-?. тификации. Он часто бывал в домах у голландцев, особенно у тех, кто занимался торговлей с Россией. Познакомившись с

семьей Тессинг, он заинтересовался печатным делом и даровал одному из братьев право печатать книги на русском языке и распространять их в России.

Несколько раз Петр покидал верфь, чтобы пойти в аудиторию или в прозекторскую к профессору Фредрику Рюйшу (Ройсу), знаменитому анатому. Рюйш славился по всей Европе умением сохранять человеческие члены и даже целиком все тело посредством инъекций химических препаратов. Его великолепная лаборатория считалась одним из чудес Голландии. Однажды Петру показали труп ребенка, сохранившийся до того бесподобно, что казалось, будто он улыбается, как живой. Петр долго в восхищении глядел на него, а потом не удержался, наклонился и поцеловал холодный лоб. Петр так заинтересовался хирургией, что никак не мог уйти из лаборатории, а хотел остаться и смотреть еще и еще. Он обедал у Рюйша и спрашивал его совета, кого из хирургов лучше взять в Россию для службы в армии и на флоте. Анатомия страшно увлекла царя, и он с тех пор самого себя считал хирургом. В конце концов — резонно мог бы он спросить — многие ль из русских учились у знаменитого Рюйша? В последующие годы Петр всегда носил с собой два футляра: готовальню, чтобы проверять и уточнять строительные чертежи, которые ему представляли, и набор хирургических инструментов. Он велел, чтобы его извещали всякий раз, когда в ближайшей больнице ожидалась какая-нибудь интересная операция, и, как правило, являлся — нередко сам ассистировал врачу и постепенно научился рассекать ткани, пускать кровь, вырывать зубы и делать мелкие операции. Занедужив, царская челядь и приближенные старались скрыть это от господина, ведь иначе он появлялся со своим ящиком у ложа больного^

301

чтобы предложить — и весьма настойчиво! — свои медицинские услуги.

В Лейдене Петр нанес визит прославленному доктору Бургаве, который был помимо всего прочего хранителем известного ботанического сада. Бургаве, преподававший анатомию, спросил Петра, в какое время тот желает прийти к нему на лекцию. Царь отвечал, что придет в шесть часов на следующее утро. Он побывал и в анатомическом театре Бургаве, где на столе лежало тело с раскрытыми мышцами. Петр его с увлечением рассматривал, когда услышал, что кое-кто из его брезгливых еоотечественннков шепотом высказывает отвращение к мертвому телу. К ужасу голландцев, взбешенный царь велел провинившимся подойти к трупу, наклониться и зубами рвать мускулы.

В Дельфте он посетил знаменитого натуралиста Ан-тони ван Левенгука, изобретателя микроскопа. Петр провел в беседе с ним больше двух часов и смотрел в чудесный инструмент, с помощью которого Левенгук открыл существование сперматозоидов и изучал кровообращение у рыб.

В свободные дни в Амстердаме Петр бродил пешком по городу, глядя, как мимо него спешат горожане, с грохотом едут по мостам кареты, тысячи лодок проплывают по каналам. В базарные дни царь отправлялся на огромный рынок под открытым небом, Ботермаркет, где прямо посреди площади или в аркадах лежали груды всевозможных товаров. Остановившись подле женщины, покупавшей сыры, или купца, выбиравшего картину, Петр все наблюдал и все запоминал. Особенно он любил смотреть на уличных артистов, выступавших перед толпой. Увидав как-то раз знаменитого клоуна, который жонглировал, стоя на бочке, Петр вышел из толпы и стал уговаривать его поехать с ним в Россию. Жонглер отказался по той причине, что имел слишком большой успех в Амстердаме. На рынке царь был свидетелем того, как бродячий зубодер удалял зубы при помощи столь

нетрадиционных инструментов, как ложка и кончик шпаги. Петр пожелал овладеть этим инструментом и постиг достаточно для того, чтобы упражняться на своих слугах. Он также научился чинить одежду, а от сапожника узнал, как сшить себе пару башмаков. Зимой небо сделалось совсем серое, Амстел и каналы замерзли, и Петр видел, как женщины в меховой и вязаной одежде, мужчины и мальчики в длинных плащах и шарфах проносились мимо на коньках с загнутыми носами. А всего приятнее, как он обнаружил, было посидеть в тепле — в пивной или трактире, — отдохнуть душой в кругу голландских и русских друзей.

Глядя на процветание Голландии, Петр не мог не спрашивать себя, почему же его собственный народ, располагая бескрайними степями и лесами, способен лишь кое-как прокормиться, в то время как здесь, в Амстердаме, с его верфями, складами и лесом мачт, накоплено больше конвертируемых богатств, чем на всех российских просторах.. Петр знал,

что одна из причин преуспевания заключалась в торговле, меркантилизме, наличии торгового флота, и решил не жалея сил добиваться, чтобы все это появилось в России. Другой причиной была религиозная терпимость голландцев. Международной торговле не могла бы благоприятствовать атмосфера узких догм и предрассудков, поэтому протестантская Голландия отличалась самой широкой веротерпимостью среди всех стран тогдашней Европы. Именно в Голландию бежали инакомыслящие из кальвинистской Англии Якова I, чтобы десяток лет спустя уже оттуда взять курс на Плимутскую бухту у берегов Нового Света. Туда же, в Голландию, тысячами стекались французские гугеноты после того, как Людовик XIV отменил Нантский эдикт. В течение всего XVII века Голландия служила не только коммерческим центром Европы, но также ее научной и творческой лабораторией. И когда голландцы яростно сопротивлялись притязаниям католической Франции Людовика XIV, они в равной мере боролись за

303

свое торговое превосходство и свои религиозные свободы. Петра очень привлекала эта обстановка веротерпимости. Он посетил немало протестантских церквей в Голландии и подолгу расспрашивал пасторов.

Лишь одна блистательная грань голландской культуры XVII века его не слишком занимала. Это была новая замечательная живопись великих мастеров голландской школы - Рембрандта, Вермеера, Франса Хальса и их современников и последователей. Петр накопил картин и привез их в Россию, но это не были работы Рембрандта или другие шедевры, сравнимые с теми, что позже приобретала Екатерина Великая. Он выбирал картины с кораблями и морем.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ ПРИНЦ ОРАНСКИЙ

В мире, где царили хищнические законы, Голландия не могла бы ни создать, ни удержать богатство и могущество, если бы не вела постоянной борьбы. В результате этой борьбы в XVI веке родилась республика и протестантские провинции Северных Нидерландов освободились от хватки своего испанского хозяина, Филиппа II. В 1559 году они наконец обрели независимость. Все свое умение и упорство голландцы вложили в создание собственной морской державы, которая смогла разгромить испанских адмиралов, завладела торговыми путями Испании во всех океанах мира и заложила основу голландской колониальной империи. Но по мере того, как республика набиралась сил и богатела, она возбуждала все большую зависть и разжигала аппетиты двух самых могущественных своих соседей, Англии и Франции. Англичанам не давала покоя почти единоличная монополия Голландии в европейской торговле: и при Кромвеле, и при Карле II они не прекращали враждебных действий, что привело к трем англо-голландским морским войнам. В ходе второй из этих войн брат короля, герцог Йоркский (впоследствии король Яков II), во главе английской эскадры захватил в Америке голландскую колонию — Новый Амстердам, — а поселение на оконечности острова Манхэттен назвал в свою честь

305

Нью-Йорком. Позже голландцы отплатили дерзким рейдом вверх по устью Темзы - ворвались в главную базу британского флота в Чатеме, сожгли четыре линейных корабля, стоявших на якоре, и ушли, ведя на буксире гордость королевского флота, судно «Ройал Чарльз». В этих войнах, где лицом к лицу столкнулись две нации мореплавателей, голландцы не просто сохранили свои позиции. Под началом прославленных адмиралов Тромпа и де Рейтера они на своих небольших боевых кораблях с закругленными носами так храбро и искусно сражались с более крупными и тяжелыми судами англичан, что вошли в историю как единственная нация, которой удавалось систематически брать верх над британским флотом*.

Против Англии Голландия воевала на морях и в колониях. Но подлинно смертельная опасность грозила Соединенным провинциям с суши, со стороны всесильного соседа — Франции. Приближенные Людовика в Версале считали, что своими успехами крохотная протестантская республика оскорбляет величие Франции, нагло унижает ее веру, а главное — становится уже помехой и соперником в торговле. Король, его министр финансов Кольбер и военный министр Лувуа были едины в стремлении сокрушить зарвавшихся выскочек-голландцев. В 1672 году французская армия, самая многочисленная и боеспособная в Западной Европе, под водительством самого Короля-Солнце хлынула через Рейн и наводнила страну: французы уже видели шпили Амстердама. Голландии пришел конец — вернее, пришел бы, не

появись на исторической сцене один из самых

* Автор несколько преувеличивает успехи голландцев, которые, в конечном счете, оказались скорее эффектными, чем эффективными: в результате англо-голландских войн Англия сумела существенно потеснить Голландию в борьбе за господство на мировых рынках и морских торговых путях, о чем, кстати, сам автор пишет в следующей главе. — *Ред.*

306

выдающихся деятелей XVII столетия, Вильгельм Оранский.

Вильгельм, принц Оранский, и одновременно — штатгальтер (наместник) Голландии и Соединенных Нидерландов, а затем еще и английский король Вильгельм III, был едва ли не самой яркой фигурой из всех политиков, с которыми довелось встретиться Петру. В жизни Вильгельма произошли два поразительных события, если не сказать два чуда, которые определили его судьбу. Ему был двадцать один год, когда непобедимая французская армия захлестнула половину Голландии и на него возложили верховное военное командование и политическую власть с тем, чтобы он отразил агрессора. И Вильгельму это удалось. Через пятнадцать лет тридцатишестилетний Вильгельм, не выпустивший из рук голландских титулов и полномочий, возглавил первое со времен Вильгельма Завоевателя успешное вторжение в Англию.

Природа была немилостива к Вильгельму Оранскому, наделив его хрупким сложением, необычайно малым ростом и слегка искривленным позвоночником, отчего принц сильно горбился. Худое, смуглое лицо, черные глаза, длинный с горбинкой нос, полные губы и густые черные локоны придавали его облику что-то итальянское или испанское, но никак не голландское. И на самом деле, голландской крови в жилах Вильгельма было мало. Он был отпрыском весьма любопытного европейского рода: история этого правящего дома переплелась с борьбой Нидерландов за независимость, в то время как их наследственное владение, Оранж, лежало на сотни миль южнее — во Франции, в долине Роны, всего в нескольких милях к северу от Авиньона. Со времен Вильгельма Молчаливого, который в XVI веке возглавил сопротивление голландцев Испании, Оранский дом в дни опасности снабжал республику выборными правителями-штатгальтерами. Род был достаточно знатен, чтобы претендовать на родство с королевскими династиями, и добрая половина предков Вильгельма происходила

307

из Стюартов. Английский король Карл I приходился ему дедом, мать была английской принцессой, а двое ее братьев, то есть дяди Вильгельма, Карл II и Яков II, также занимали английский престол.

Вильгельм стал главою Оранского дома с момента рождения, поскольку отец его неделей раньше умер от оспы. Ребенка растила бабка. Он страдал тяжелой астмой и в детстве был одиноким, хилым и несчастным. В Голландии в то время должность штатгальтера никем не была занята, а у власти находилась купеческая олигархия, во главе которой стояли братья Ян и Корнелис де Витт, верившие, чю, проводя взвешенную, умиротворяющую политику, они сумеют сдерживать аппетиты Людовика XIV. Затем, в 1672 году (в год рождения Петра); наступил первый перелом в жизни Вильгельма. Той весной Лувуа предоставил в распоряжение Людовика великолепную новую стодевятитысячную французскую армию, стянутую к северной границе, в Шарлеруа. Людовик, прибывший туда, чтобы собственной персоной возглавить сокрушительный удар по протестантской республике, не предвидел больших затруднений. «С таким эскортом можно спокойно отправляться в небольшую прогулку по Голландии», — говорил довольный король.

Хотя верховным командующим был сам Король-Солнце, наделе приказы отдавали опытные полководцы, маршал Тюренн и принц Конде. Армия Людовика с легкостью преодолела Рейн по новым медным понтонным мостам. Голландские города и крепости падали один за другим, точно кегли. При виде неумолимо надвигавшихся французов население Голландии охватила паника. Начались бунты против братьев де Витт, которых все сочло лично ответственными за участь страны, и в Гааге разъяренная толпа учинила над братьями расправу.

В эту отчаянную минуту голландцы, подобно испуганным детям, кинулись за помощью к дому Оранских, откуда однажды, сто лет назад, уже приходило спасение. Вильгельму был всего двадцать один год, тем не менее

309

8 августа его назначили пожизненным штатгальтером Голландии и генерал-капитаном ее армии. Его программа была проста и сурова: «Биться до последней капли крови». Тут-то он и проявил те качества, которым суждено было его прославить. Вильгельм появился на поле боя в облачении главнокомандующего, на многие годы ставшим его обычным костюмом: небесно-голубой мундир голландской Голубой гвардии, легкие латы, закрывающие грудь и спину, пышный галстук из брюссельских кружев, перевязь и шарф оранжевого цвета, бахромчатые плетеные перчатки и пояс, широкополая шляпа с перьями. Этот хрупкий юный принц не покидал седла от рассвета до темна, не ведал усталости и, главное, не боялся бросить вызов самому Людовику и его закаленным в боях маршалам.

Меньше чем через неделю своего командования Вильгельму пришлось принять ужасное решение. Как он ни старался, его армия не могла остановить французов, безудержно рвавшихся к самому сердцу Соединенных провинций. Пал Арнем, за ним Утрехт — всего в двадцати двух милях от Амстердама. Тогда, понимая, что от великого порта Голландии французов отделяет лишь один дневной переход, голландцы по приказу Вильгельма открыли шлюзы плотин. Хлынувшее вглубь суши море затопило поля и луга, богатые сельские усадьбы и сады, погубило коров и свиней, уничтожило труд многих поколений. Солдаты открывали шлюзы, крестьяне же в отчаянии, не в силах покорно смотреть, как бурлящий поток поглотит их фермы, пытались этому воспротивиться. Амстердам, прежде почти беззащитный, превратился в остров, и французы, не имевшие никаких судов, могли только издали пожирать глазами славный город.

К досаде Людовика, Вильгельм не думал сдаваться, хотя голландская армия была разбита, а половина страны оказалась под водой. Голландские отряды не могли одолеть превосходящих сил французов, но стойко удерживали свои позиции и выжидали. Конде расположился на

309

зимние квартиры в Утрехте, надеясь с наступлением зимы атаковать Амстердам по льду. Однако зима выдалась мягкая, и Людовик, которому всегда было беспокойно, если его армия подолгу находилась вдали от Франции, занервничал. Вильгельм тем временем усердно занимался дипломатией. Он всеми способами внушал австрийскому императору, властителям Бранденбурга, Ганновера, Дании и Испании, что военная мощь и амбиции Людовика представляют угрозу не только для Голландии, но и для других государств. Его доводы, а еще больше — стойкое сопротивление Голландии, возымели действие. Весной боевые операции возобновились. Маленькая армия Вильгельма принялась атаковать французские коммуникации, что еще сильнее обеспокоило Людовика. В конце концов французская армия отступила, попутно один за другим разрушая оставляемые города. Эта частичная победа — сохранение независимости Голландии — была почти исключительной заслугой воина и политика двадцати одного года от роду, который всего за несколько месяцев выцвинул на второе место среди выдающихся государственных деятелей Европы.

В 1678 году наконец настал мир, но подозрения Вильгельма относительно притязаний Людовика не утихали никогда. Борьба против великого французского короля сделалась его навязчивой идеей. Он понимал, что ни одна страна в одиночку не справится с Францией. Поэтому всю жизнь он неустанно сколачивал союзы европейских государств, дабы достаточно уверенно противостоять замыслам Короля-Солнце, заключавшимся, по мнению Вильгельма, в установлении «единовластиа и единоверия» во всей Европе.

Молодой герой быстро вырос в опытного правителя и солдата. Он обладал личной храбростью и неутомимостью, требовал суровой дисциплины от своих людей и сам служил им примером, однако великим полководцем он не был. Почти три десятилетия Вильгельм командовал голландской и английской армиями, но так и не

310

достиг вершин воинского искусства. Его никак нельзя сравнить с фельдмаршалом-лейтенантом Джоном Черчиллем, первым герцогом Мальборо, ставшим его преемником на посту главнокомандующего антифранцузской коалицией. Вильгельм не обладал талантом выигрывать сражения — и часто проигрывал, — зато имел дар пережить поражение, сохранить волю к борьбе, отступить, переждать и подготовиться к новой кампании. Он был гением дипломатии. Суровый, непривлекательный, нетерпеливый, своевольный, необузданный, он по природе не выносил никаких препятствий на пути к цели. Однако

Голландия не располагала силами и средствами поощрять эти свойства его характера, так что Вильгельму приходилось подавлять свои чувства, идти на компромиссы с союзниками, делать уступки, смягчать разногласия и ждать.

Вильгельм был кальвинистом, но при этом проявлял терпимость ко всем религиям: среди его союзников были папа римский и католический император Австрии; в его армии служили офицеры-католики. Все предубеждения и рознь отходили в тень, и единственным, с кем Вильгельм боролся не на жизнь, а на смерть, оставался Людовик. При этом надо учитывать, что в основе жизненных решений и поступков Вильгельма лежала непоколебимая кальвинистская вера в божественное предопределение. По его глубокому убеждению, и он сам, и все принцы Оранские до него, являлись орудием Божьего промысла. Он верил, что Господь избрал их род, назначив им быть спасителями Нидерландов и защитниками протестантизма в Европе. Кроме того, он искренне считал, что на него возложена персональная миссия: схватиться в единоборство с Людовиком ради будущего Европы. Поэтому, даже если армия Вильгельма проигрывала сражение, гранитное основание его веры нисколько не было поколеблено: все, что предначертано свыше, свершится, а поражение — лишь способ испытать его, проверить, достоин ли он своей судьбы, спосо-

311

бен ли и дальше оставаться поборником дела Господня, Вильгельму случалось иногда сомневаться и даже отчаиваться, но он никогда не сдавался, веруя, что Всевышний не оставит его — если понадобится, то и при помощи чуда. И потому, хотя силой он значительно уступал Людовику, Вильгельм, в отличие от французского короля, не страшился искушать судьбу отчаянными поступками. Именно благодаря одному из таких поступков (как тут не поверить в чудо!) Вильгельм в 1688 году внезапно очутился на английском троне.

Многие годы главная цель дипломатии Вильгельма, помимо удержания Голландии, состояла в том, чтобы оторвать от Франции Карла II Английского, своего беспринципного дядюшку, и объединить Англию и Голландию в антифранцузском союзе. Добиться полного успеха ему не удалось, но с 1672 года, когда воцарился тревожный, неустойчивый мир, Англия соблюдала нейтралитет. В 1677 году двадцатилетний Вильгельм из тех же политических соображений женился на своей кузине, племяннице Карла II, пятнадцатилетней принцессе Марии Английской. Этот брак не был союзом любви — женщины вообще мало что значили для Вильгельма, -и детей у четы тоже не было. Но Мария оказалась преданной супругой, покинула Англию и постаралась стать настоящей голландской принцессой, даже на родину не ездила целых десять лет после свадьбы. Ее очень полюбил народ Голландии, и она отвечала ему взаимностью. Никаких надежд вступить на английский престол у Марии не было: перед ней шел правящий монарх — ее дядя Карл II, затем все его законные наследники мужского пола, а за ними ее отец, герцог Йоркский, уже* со своими законными наследниками мужского пола.

Однако в 1685 году после двадцатипятилетнего пребывания на английском престоле Карл II умер, не оставив законных детей, и трон перешел к его младшему брату, прославленному английскому адмиралу, герцогу Йоркскому Якову. Смена монарха сильно повлияла на

312

позицию Англии. Яков был честен, прямодушен, горделив, целеустремлен и бесхитроушен. Он родился протестантом, в тридцать пять лет перешел в католичество, и с тех пор проявлял характерный для новообращенных фанатизм, который изо всех сил поддерживала в нем вторая жена-католичка Мария Моденская. Ежедневно — будь это палуба корабля или особая деревянная часовенка на колесах, которую везли туда, куда двигалась армия, — Яков дважды слушал мессу.

Взойдя на трон, Яков поспешил изменить соотношение политических сил в Англии. Поначалу он просто отменил ограничения, введенные для английских католиков враждебно настроенным протестантским большинством. Но со временем все больше католиков оказывалось на ключевых постах в государстве. В порты по берегу пролива Ла-

Манш были назначены коменданты-католики, а флот, базировавшийся в проливе, возглавил адмирал-католик. Недовольство протестантов быстро нарастало, но одно важное обстоятельство удерживало их от открытого выступления: Яков не ямел сыновей, а обе его дочери, Мария и Анна, были протестантки. Поэтому английские протестанты надеялись дождаться смерти Якова и воцарения Марии, тем более что мужем Марии, которому предстояло разделить с ней трон, был Вильгельм Оранский. Кстати, права Вильгельма на английский престол лишь частично основывались на браке с Марией; он имел на него и собственные права, как единственный племянник королей Карла II и Якова II, и наследовал его после Марии и Анны.

Вильгельм в общем неплохо относился к своему дядюшке, но католик на английском троне представлял для него страшную угрозу, поскольку это могло привести к объединению католической Франции с католической Англией против протестантской Голландии. И тем не менее, он также был готов спокойно дожидаться смерти Якова и восшествия на престол своей жены Марии. Но 20 июня 1688 года супруга Якова, Мария

313

Моденская, родила сына. У католического короля появился наследник-католик. Когда значение этого факта дошло до сознания английских протестантов, их взоры немедленно обратились на Вильгельма. И хотя последовавшие затем события рассматривались сторонниками Якова (так называемыми якобитами) как узурпация английского трона чудовищно жестоким и своекорыстным королевским племянником и зятем, на самом деле мотивы действий Вильгельма почти не имели отношения к Англии и были полностью связаны с Францией и Европой в целом. Не честолюбивое желание стать английским королем и не забота о сохранении английских свобод и прав парламента двигали Вильгельмом, а лишь стремление удержать Англию а протестантском лагере.

Приглашение сменить дядю на английском престоле направили Вильгельму семь выдающихся протестантских лидеров Англии, среди которых были как виги, так и тори. Вильгельм заручился поддержкой голландских Генеральных штатов, посадил двенадцатитысячную армию на двести торговых судов, и те в сопровождении сорока девяти военных кораблей взяли курс к берегам Англии. Это был почти весь голландский флот. Незаметно миновав сторожевые английские и французские флотилии, он пришвартовался в Торбее на побережье Девоншира. Вильгельм сошел на берег, предшествуемый знаменем, на котором был начертан древний девиз дома Оранских: «Je maintiendrai» — «Я отстою» — и слова, добавленные к нему Вильгельмом: «...английские вольности и протестантскую веру».

Яков послал самого опытного из своих полководцев и близкого личного друга, Джона Черчилля, в то время носившего титул графа Мальборо, остановить армию Вильгельма, однако Мальборо, который сам был протестантом, сразу же перешел на сторону завоевателей. Так же поступила вторая дочь Якова, принцесса Анна, вместе со своим мужем, принцем Георгом Датским. Это

314

сломило короля. Воскликая: «Помоги мне, Господи! Даже мои собственные дети покинули меня!» — король как был, небритый, бежал из Лондона. Проезжая по мосту над Темзой, он бросил в воду Большую государственную печать и с тем отплыл во Францию. Там, в замке Сен-Жермен-ан-Лэ, где и покоятся его останки, этот гордый и упрямый монарх прожил тринадцать лет пенсионером французского короля. У него был убогий «теневого» двор и горстка ирландских гвардейцев. Все они хлебом насущным были обязаны Людовику, и тот тешил свое тщеславие, видя изгнанного короля у своих ног в роли прихлебателя.

Положение Марии в столкновении между ее отцом и мужем было мучительно, но как протестантка и преданная жена она поддерживала Вильгельма. Явившись в Англию, она быстро отмела все попытки склонить ее к единоличному правлению, без участия мужа. Поэтому парламент провозгласил совместное правление Вильгельма и Марии, добившись от них, в свою очередь, Билля о правах и других привилегий, который и поныне составляют ядро британской конституции.

События 1688 года знаменовали собой разительные перемены в политической и конституционной истории Англии и именуются Славной революцией, но по иронии судьбы

Вильгельма все эти процессы совершенно не трогали. Он соглашался на все, о чем бы ни попросил парламент, лишь бы заручиться его поддержкой для осуществления своих планов в Европе. Он предоставил другим заниматься внутренними делами, а сам старался держать в руках внешнюю политику Англии, согласуя ее с интересами Голландии, и даже слил воедино деятельность обеих дипломатических служб. Внешняя же политика сводилась, попросту говоря, к войне с Францией, и Англия, заполучив Вильгельма, впридачу получила и эту войну. В сущности была заключена сделка: парламент согласился на войну во имя защиты и утверждения верховенства протестантизма, а Вильгельм согласился на

315

верховенство парламента, чтобы обеспечить участие Англии в борьбе с Людовиком.

Среди жителей Британских островов Вильгельм чувствовал себя не в своей тарелке. Он терпеть не мог английской погоды, от которой у него обострялась астма, и не любил англичан: «Что говорить, этот народ создан не для меня, а я не для него». Вильгельм тосковал по Голландии. В 1692 году, во время ежегодной Гаагской ярмарки, он вздыхал: «Эх, был бы я птицей, обязательно слетал бы туда». В другом случае он сказал, что без Голландии он как рыба без воды»⁴.

Англичане платили Вильгельму такой же горячей нелюбовью. Они ставили ему в упрек замкнутость, молчаливость, угрюмость по отношению к английским подданным, а также отвращение к их обычаям, традициям, партиям, политической жизни и к Лондону. Но королева Мария оставалась ему преданной (даже когда он взял себе в любовницы умную и острую на язык Элизабет Вильерс) - правила Англией от его имени, если он отлучался из королевства, и совершенно отходила от политики при его возвращении. Когда она в тридцать два года умерла от оспы, Вильгельм горько оплакивал ее. Он остался единовластным монархом, одиноким, бездетным человеком — ему наследовала сестра Марии, принцесса Анна. Французы, которые всегда рады были поверить самым скверным сплетням об этом странном тщедушном короле, так отчаянно с ними боровшемся, болтали, будто Вильгельм влюблен в графа Албемарла.

Особенно не любил Вильгельм в англичанах того, что он считал наивным пренебрежением собственными долгосрочными интересами, их спесивого равнодушия к делам Европы — другими словами, того, что в них не чувствовалось преданности его великому делу. Будучи королем Англии, он связал английские интересы с голландскими, но не подчинил одни другим. Наоборот, в качестве лидера европейской коалиции, он считал свою роль всеобъемлющей. Он начал говорить о Европе как о

316

неком единстве, и в письмах утверждал, что ставит целью достижение «общеевропейских интересов».

Не прошло и двух лет после коронации Вильгельма, как Англия вступила в войну с Францией, - иначе и быть не могло. Война длилась девять лет, результаты ее были неубедительны, и Рисвикский договор, который разрабатывался в Гааге в 1697 году, как раз во время визита Петра в Голландию, не внес изменений в границы, хотя по его условиям Людовик наконец признал Вильгельма английским королем. После этого настала небольшая мирная передышка, и Людовик с Вильгельмом даже сотрудничали, чтобы предотвратить международный кризис, который неминуемо должен был разразиться после смерти немогущего испанского короля Карлоса II, не имевшего наследника. Решение, к которому они пришли, сводилось к разделу испанских владений, но Карлос расстроил их планы, завещав и свое королевство, и всю империю внуку Людовика, так что Король-Солнце разорвал свой договор с Вильгельмом. Тот, естественно, не желал смириться со слиянием территорий и сил Франции и Испании и снова неумоимо принялся сколачивать антифранцузскую коалицию*.

Последовала великая война, известная как война за Испанское наследство, которая тянулась одиннадцать лет и стала тем рубежом, где кончалась Европа XVII века и начиналась Европа XVIII века. Непосредственным итогом войны была победа антифранцузской коалиции и осуществление целей Вильгельма: Франция осталась в

собственных границах, Голландия сохранила свободу, а протестантизм укрепился в Европе. Но Вильгельм уже не увидел этого. Ранней весной 1702 года, накануне

* Планы Франции не были расстроены, Карлос принял это решение под нажимом Людовика. С ними соглашались Англия и Голландия, но как только Людовик объявил своего внука также и наследником трона Франции, война стала неизбежна: допустить объединение Франции и Испании союзники не могли. — *Ред.*

317

объявления войны, король отправился покататься верхом на своем любимом жеребце по Хэмптон-кортскому парку. Конь споткнулся, всадник вылетел из седла и сломал ключицу. Сначала казалось, что ничего серьезного не произошло, но к тому времени пятидесятилетний Вильгельм был слишком изнурен жизненными тяготами. Глаза его глубоко запали, его мучил непрерывный астматический кашель. В истощенном теле не оставалось сил для борьбы, и 19 марта Вильгельм скончался.

Петру повезло, что Вильгельм оказался в Голландии, когда туда прибыло Великое посольство. Вильгельм занимал первое место среди западных властителей, которых Петр с юных лет считал своими героями. Долгими вечерами в Немецкой слободе, беседуя с голландцами, немцами и другими иностранцами, которые в большинстве были протестантами, сторонниками Вильгельма и противниками Франции, Петр слушал бесчисленные истории о бесстрашном, умном и настойчивом голландце. Петр был заранее настроен высоко оценить все голландское, хотел узнать секреты голландских корабельных мастеров, надеялся заручиться помощью Голландии в войне России с турками и, конечно, мечтал встретиться с королем и штатгальтером, которым давно восхищался.

Их первая встреча произошла в Утрехте, куда Петр приехал в сопровождении Витсена и Лефорта. Свидание носило совершенно частный и непринужденный характер, что всегда было по вкусу обоим монархам. Они составляли гротескную пару — маленький, холодно-сдержанный голландец с горбатой спиной и астматическим хрипом и высоченный, юный, порывистый русский. На предложение Петра присоединиться к христианскому союзу против Турции Вильгельм не откликнулся. Хотя он и вел мирные переговоры с Францией, крупная война на востоке была для него нежелательна, так как она

318

могла бы отвлечь силы его австрийского союзника и подвигнуть Людовика XIV пуститься в новые авантюры на западе. В любом случае, по протоколу Петр не сам должен был передавать свое обращение Вильгельму, но русские послы — официальным правителям Голландии, их высочайшим светлостям Генеральным штатам, находившимся в столице государства, Гааге. Там Великому посольству надлежало вручить верительные грамоты и изложить суть дела, и Петр чрезвычайно серьезно отнесся к предстоящему событию. У России не было постоянных послов или посольств за границей, поэтому организация столь крупной миссии, возглавляемой тремя видными государственными деятелями России (даже если не принимать во внимание официально отрицаемое присутствие монарха), и характер приема, который ей оказывали, — все это имело для Петра огромное значение. Он страстно желал, чтобы дебют посольства оказался удачным, и Рисвик представлял собой для этого отличную сцену. Сюда съехались самые выдающиеся политики и дипломаты всех крупных европейских держав в качестве участников или наблюдателей на решающих мирных переговорах по итогам войны с Францией. Все, что происходило в Рисвике, привлекало повышенное внимание и тут же попадало в донесения, которые рассылались во все столицы, каждому монарху Европы.

Русские послы в Амстердаме все дни проводили в хлопотах, готовясь к аудиенции. Они заказали три великолепных придворных экипажа, новые платья для себя и ливреи для слуг. Тем временем в Гааге им сняли две гостиницы и завезли туда большие запасы вина и продовольствия. Пока шла подготовка, Петр надумал сопровождать послов инкогнито, чтобы посмотреть, как их будут принимать. Витсену было трудно выполнить эту просьбу, но еще труднее отказать. Петр поехал в одной из карет поменьше и настоял, чтобы с ним ехал его любимец-карлик, хотя карета и так уже была переполнена. «Что ж, - сказал царь, - тогда я посажу его к себе на

319

колени»⁵. По пути из Амстердама в Гаагу Петр увидел много нового и интересного. Проезжали какой-то заводик, и Петр спросил, для чего он. Ему сказали, что здесь

распиливают камень, и он заявил, что хочет сам посмотреть. Карета остановилась, но на дверях висел замок. Даже ночью, проезжая по какому-то наплавному мосту, Петр пожелал изучить его конструкцию и сделать замеры. Экипаж опять остановился, принесли фонари и царь измерил длину и ширину моста. Он принялся было определять глубину его понтонов, но тут фонари задуло ветром.

В Гааге Петра отвезли в отель «Амстердам» и прове^ ли в красивую комнату с роскошным ложем. Петр все это отверг и выбрал взамен маленькую комнатку с простой кроватью под самой крышей гостиницы. Однако через несколько минут он решил, что хочет находиться вместе со своими послами. Было за полночь, но царь настоял, чтобы снова заложили лошадей и отвезли его в отель «Деленс». Тут опять ему показали прекрасные покои, которые ему не подошли, и он сам отправился искать себе ночлег. Заметив, что кто-то из посольской obsługi крепко спит, устроившись прямо на полу, на медвежьей шкуре, Петр растолкал его со словами: «Давай, давай, вставай!» Слуга с ворчанием перевернулся на другой бок. Петр снова пхнул его ногой: «Живей, живей, я хочу здесь спать». На этот раз слуга сообразил что к чему и вскочил на ноги. Петр растянулся на теплой шкуре и уснул.

В день приема послов Генеральными штатами Петр оделся по-европейски, как придворный кавалер. На нем был синий с золотом костюм, белокурый дарик и шляпа с белым пером. Витсен провел его в комнату рядом с залом, где должна была состояться церемония приема. Отсюда Петр мог все видеть и слышать через окошко. Там он и ждал появления своих послов. «Опаздывают», — волновался царь. Он стал еще нетерпеливее, когда заметил, что все оборачиваются, чтобы взглянуть на него, и услышал нарастающий гул возбуждения. — люди шепо-

320

том передавали друг другу, что царь в соседней комнате. Он хотел было скрыться, но для этого надо было пересечь битком набитый аудиенц-зал. Совсем потеряв голову, Петр попросил Витсена приказать членам Генеральных штатов отвернуться, чтобы они не видели, как он пройдет через зал. Витсен отвечал, что нельзя приказывать этим господам, являющимся верховными правителями Голландии, но что он их попросит. Члены высокого собрания выразили готовность встать в присутствии царя, но повернуться к нему спиной не соглашались ни за что. Узнав об этом, Петр зарылся лицом в свой парик, стремительно прошагал через зал, выскочил в вестибюль и сбежал вниз по лестнице.

Через несколько минут в зале появились послы и состоялась аудиенция. Лефорт по-русски произнес речь, которую перевели на французский, и преподнес их высоким светлостям роскошную коллекцию собольих шкур. Лефорт, в Москве одевавшийся по-европейски, был по случаю приема облачен в московское парчовое платье с меховой оторочкой. Его шапка и меч искрились алмазами. Головин и Возницын облачились в черный атлас, расшитый золотом, жемчугами и алмазами, на груди у каждого висел медальон с портретом царя, а на плечах красовались шитые золотом двуглавые орлы. Послы произвели хорошее впечатление, все восхищались русскими костюмами и говорили о царе.

Находясь в Гааге, Петр сохранял свое инкогнито, встречаясь с голландскими государственными деятелями в неофициальном порядке и отказываясь от всякой публичной демонстрации собственной персоны. Он побывал на банкете в честь дипломатического корпуса, где сидел рядом с Витсеном. Его встречи с Вильгельмом продолжались, хотя не сохранилось никаких записей их бесед. Наконец, удовлетворенный тем, как встретили его послов, он оставил их вести переговоры с Генеральными штатами и возвратился в Амстердам — работать на верфи. На переговорах посольство добилось лишь частич-

11 Петр Великий, т. 1

321

ного успеха. Голландцы не были заинтересованы в крестовом походе против турок, а поскольку их обременяли долги, накопившиеся из-за войны с Францией, и к тому же требовалось заново строить собственный флот, то они отказали русским в просьбе помочь в сооружении и оснащении семидесяти боевых кораблей и более сотни галер для плавания в Черном море.

Осенью Петр нередко совершал экскурсии в карете, как правило, вместе с Витсеном, по плоским, низменным сельским провинциям Голландии. Проезжая по этой земле, бывшей

некогда дном мелководного моря, он разглядывал окрестности с разбросанными тут и там ветряными мельницами и церквями с высокими красными шпилями, луга, на которых паслись тучные стада, маленькие, построенные из кирпича городки с кирпичными же мостовыми. Особенное удовольствие доставляло Петру видеть реки и каналы, кишевшие лодками и баржами. Часто, когда плоская поверхность земли не позволяла заметить границу между сушей и водой, казалось, будто коричневые паруса и мачты плывут по широким полям.

Однажды Витсен повез Петра на парадной яхте на остров Тексел у берегов Северного моря посмотреть, как возвращается китобойная флотилия из Гренландии. Место было пустынное — пологие дюны, низкорослые деревья, белый прибрежный песок. В порту Петр поднялся на одно из прочных трехмачтовых судов, внимательно его осмотрел, задавал много вопросов о китах. Чтобы он мог увидеть все своими глазами, на воду спустили китобойную шлюпку, и команда продемонстрировала, как охотятся с гарпунами на кита. Петр изумлялся их меткости и слаженным действиям. Затем, хотя на корабле разило ворвань, царь спустился в трюм, чтобы увидеть помещения, где разделявали китовые туши и кипятили ворвань, добывая из нее драгоценный жир.

Несколько раз Петр потихоньку наведывался в Са-ардам к своим товарищам, которые по-прежнему там

322

работали. Меншиков учился делать мачты, Нарышкин изучал кораблевождение, Головкин и Куракин строили корабельные корпуса. Обычно царь отправлялся туда по воде; кроме того, он выходил поплавать под парусом вблизи Саардама. Однажды, когда он, не вняв предостережениям, вышел в шторм, его лодка перевернулась. Петр выбрался из воды и терпеливо сидел на перевернутой лодке, ожидая, пока его спасут.

Если на верфи царь был огражден от людской назойливости, то защитить его от любопытных во время плаваний по Эю было невозможно. За ним непрерывно увязывались лодчонки, полные зевак. Это всегда его сердило. Однажды, по настоянию нескольких дам-пассажирок, шкипер почтового судна попытался идти нос в нос с лодкой Петра. Разъяренный Петр швырнул в голову шкипера две пустые бутылки. Он промахнулся, но все же судно изменило курс и оставило его в покое.

Еще в начале своего визита Петр познакомился со знаменитейшим из тогдашних голландских адмиралов, учеником де Рейтера, Гиллесом Скеем. Именно Скей порадовал его самым восхитительным и приятным зрелищем за все время пребывания в Голландии: он устроил крупное учебное морское сражение в бухте Эй. В нем пригласили участвовать судовладельцев Северной Голландии, и на всех судах, способных нести артиллерию, установили пушки. Отряды солдат-добровольцев разместили на палубах и вантах больших судов с заданием стрелять холостыми — изображать мушкетный огонь во время битвы. Воскресным утром, при безоблачном небе и свежем ветре, сотни судов собрались возле дамбы, на которой толпились тысячи зрителей. Петр с членами Великого посольства взошел на борт пышной яхты Ост-Индской компании, которая направилась к флотилиям, уже выстроенным в две линии, одна напротив другой. В честь гостей прозвучал салют, и сражение началось. Сначала обе стороны дали несколько залпов, затем стали завязываться поединки между кораблями. Они сходи-

323

лись и расходились, брали противника на абордаж, лавировали в дыму и пальбе. Все это так понравилось царю, что он велел направить свою яхту в самую гущу сражения. Неумолчный грохот орудий заглушал все остальные звуки, а «царь был в неописуемом восторге»⁷. После полудня произошло несколько опасных столкновений кораблей, что вынудило адмирала дать команду обеим сторонам прекратить бой.

Петр нередко обедал со Скеем и старался переманить адмирала в Россию, чтобы тот руководил строительством русского флота и взял на себя командование, когда его спустят на воду. Он предлагал Скею любые титулы, какие он только пожелает, денежное содержание в 24000 флоринов, содержание его жене и детям, если те предпочтут остаться в Голландии, и обещал лично все уладить с Вильгельмом. Скей отказался, отчего Петр не стал уважать его меньше, и предложил вместо себя другого адмирала, способного и возглавить строительство, и командовать флотом. Это был Корнелис (Корнелий) Крюйс, родившийся в Норвегии в голландской семье. Он имел чин контр-адмирала, занимал пост Главного инспектора военно-

морских складов и оборудования голландского адмиралтейства в Амстердаме и в этом качестве уже помогал русским советами при закупке всевозможных корабельных приборов и оснащения. Петр искал именно такого человека, но, как и Скей, Крюйс без особого восторга встретил предложение Петра. Лишь объединенными усилиями Скей, Витсен и другие именитые граждане, понимавшие, что Крюйс сможет оказывать большое влияние на торговую политику России, уговорили упрямого адмирала согласиться.

За исключением времени, потраченного на посещение Гааги и на поездки в другие части Голландии ради знакомства с интересными местами и людьми, Петр все четыре месяца усердно проработал на верфи. 16 ноября, через девять недель после закладки фрегата, настало время спускать его на воду, и на церемонии спуска

324

Вятсен, от имени города Амстердама, подарил судно Петру- Расчувствовавшись, царь обнял бургомистра и здесь же дал фрегату имя «Амстердам». Позже это судно с грузом многочисленных устройств и механизмов, закупленных Петром, было отправлено в Архангельск. Но как ни радовал Петра его фрегат, все же еще больше гордился царь скромной бумагой, полученной от Гер-рита Пооля, главы плотницкой артели, и удостоверявшей, что Петр Михайлов четыре месяца проработал на его верфи и показал себя способным и опытным плотником и в совершенстве овладел наукой строительства кораблей.

И тем не менее, Петра смущало качество его голландского образования. В сущности, он узнал лишь то, что «подобало доброму плотнику знать» - правда, на более высоком уровне, чем прежде в России, но не к этому он стремился. Петр хотел постичь основы основ кораблестроения, то есть действительно научиться проектировать и строить корабли. Ему хотелось по всем, правилам делать точные, математически выверенные чертежи, а не просто наловчиться работать топором и молотком. Но голландцы в кораблестроении, как и во всем остальном, опирались только на собственный опыт. Каждая верфь придерживалась лишь ей присущей, выработанной на практике конструкции судов, каждый корабельный мастер строил то, что у него хорошо получалось раньше, и не существовало единых основополагающих принципов, которые Петр мог бы перенести в Россию. Ему предстояло построить флот за тысячу миль от Голландии, на Дону, руками совершенно не обученных рабочих. Для этого требовались такие методы и приемы, которые люди, никогда прежде -не выдавшие кораблей, могли бы легко перенять и повторить.

Возраставшее разочарование Петра в голландском кораблестроении проявлялось по-разному. Во-первых, он послал в Воронеж распоряжение, чтобы работавшим там голландским корабельщикам не разрешали строить

325

как в голову придет, а учредить над ними надзирателей-англичан, венецианцев или датчан. Во-вторых, теперь, когда готов был его фрегат, он постановил отправиться в Англию изучать английские приемы кораблестроения. В ноябре, во время одной из бесед с Вильгельмом, Петр упомянул о своем желании посетить Англию. Когда король вернулся в Лондон, Петр послал следом майора Адама Вейде с официальным запросом о разрешении побывать в Англии под чужим именем. Ответ Вильгельма окрылил Петра. В нем говорилось, что король преподносит царю великолепную новую королевскую яхту, пока еще недостроенную, которая по завершении обещает стать самой изящной и быстроходной яхтой в Англии. Кроме того, Вильгельм сообщал, что для препровождения царя к берегам Англии высылают два военных корабля, «Йорк*» и «Ромни», и с ними три судна поменьше, под началом вице-адмирала сэра Дэвида Митчелла. Петр решил взять с собой только Меншикова и нескольких волонтеров, а Лефорту и большую часть посольства оставить в Голландии продолжать переговоры. 7 января 1698 года, проведя в Голландии без малого пять месяцев, Петр и его спутники поднялись на борт «Йорка», флагмана адмирала Митчелла, а ранним утром следующего дня уже плыли через узкую серую полосу морской воды, отделяющую континент от Англии.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ ПЕТР В АНГЛИИ

В те времена, когда Петр путешествовал по Европе, самыми многолюдными ее городами были Лондон и Париж. В коммерческом отношении Лондон уступал только Амстердаму, а вскоре обогнал и его. Однако подлинная уникальность Лондона состояла в той главенствующей роли, которую он играл в жизни страны. Подобно Парижу, Лондон был. столицей государства и

резиденцией правительства; подобно Амстердаму, он представлял собой крупнейший порт страны, центр торговли, искусства и культуры. Но в Англии, по сравнению с огромной столицей, все остальное казалось ничтожным. Лондон с ближайшими пригородами насчитывал 750000 жителей, а в Бристоле, следующем по величине английском городе, их было всего 30000. Иначе говоря, каждый десятый англичанин был жителем Лондона, тогда как лишь один француз из сорока жил в Париже.

В 1698 году большая часть Лондона располагалась на северном берегу Темзы, между Тауэром и Парламентом. Главной магистралью города была Темза, с единственным переброшенным через нее Лондонским мостом. Река шириной в 750 футов протекала между болотистых берегов, густо поросших камышами. Кое-где попадались аккуратные садики и зеленые лужайки — каменные набережные появились позднее. Река играла в жизни горо-

327

да ключевую роль. На ней всегда теснились суда, ею охотно пользовались, чтобы попасть из одной части Лондона в другую. Благодаря услугам сотен перевозчиков-лодочников это был гораздо более быстрый, чистый и безопасный способ добраться до нужного места, чем пускаться в путь по запруженным улицам. Осенью и зимой от Темзы поднимался клубами страшный туман, который расплзался по улицам, и все тонуло в густых, коричневых, ядовитых испарениях от смешения тумана с дымом, валившим из тысяч печных труб.

Во времена путешествия Петра Лондон был городом богатым, оживленным, грязным и опасным. Узкие переулки загромождали кучи мусора и помоев, которые можно было запросто вываливать из любого окна. Но и на главных улицах царила темнота и духота, потому что из-за жадности застройщиков, стремившихся как можно выгоднее использовать городские участки, верхние этажи домов выступали над нижними и нависали над улицей. По этим стигийским болотам пробирались, распикивая друг друга, лондонцы. Здесь случались гигантские уличные заторы. Непрерывные потоки карет и наемных экипажей избородили проезжую часть улиц глубокими колеями, так что из пассажиров просто душу вытряхивало, и нередко поездка заканчивалась тошнотой, синяками и ссадинами. Если в проулке встречались две кареты, начиналась яростная перебранка, причем оба кучера «награждали друг друга таким злобными прозвищами и свирепыми проклятиями, будто каждый задался целью первым попасть в ад». Для путешествий на короткие расстояния в моде были кресла-носилки, которые несли два дюжих молодца — это позволяло пассажиру избежать и грязи, и давки. Самыми внушительными из экипажей были почтовые кареты, съезжавшиеся в Лондон по большим дорогам, они доставляли провинциалов, жаждавших заняться торговыми делами или посмотреть столицу. Эти кареты останавливались у постоянных дворов, где усталые путешественники могли получить на обед ка-

328

пусту и пудинг, вестфальскую ветчину, курицу, говядину, вино, бараньи отбивные, голубей, а поутру позавтракать поджаренным хлебом с пивом.

Лондон не ведал жалости, и его грубые, жестокие развлечения действовали губительно на неокрепшие души. Женщины считались совершеннолетними с двенадцати лет (вплоть до 1885 года). Всюду царила преступность, и в некоторых районах города люди не могли уснуть из-за душераздирающих воплей «Убивают!» Любимым зрелищем были публичные порки, а уж казни собирали несметные толпы. В дни казней празднично настроенные работники, лавочники и подмастерья бросали свои занятия и теснились на улицах с шутками и смехом, в надежде хоть одним глазом взглянуть на приговоренного. Богатые леди и джентльмены покупали места в окнах и на балконах, выходивших на дорогу от Ньюгейтской тюрьмы до Тайберна, где происходили казни, но самыми лучшими считались места на деревянных помостах, которые затем и строили, чтобы ничто не мешало смотреть. Самой жуткой казни подвергали за государственную измену: предателя вешали, вздергивали на дыбу и четвертовали. Сначала его подвешивали за шею, едва не удушая на смерть, затем веревку перерезали, заживо вспарывали ему живот, отрубали голову, а потом туловище разрубали на четыре части.

Игры и забавы тоже поражали кровавостью. Толпы народа раскошеливались, чтобы увидеть, как медведей и быков травят сворой разъяренных мастиффов. Часто медведю подпиливали зубы, и загнанный в угол зверь мог лишь отбиваться от собак огромными лапами, а те под-

прыгивали и рвали его зубами. Петушинные бои притягивали любителей азартных игр, и на специально тренированных птиц делались крупные ставки.

Но при всей грубости Лондон придавал большое значение и изяществу, красоте, культуре. Именно в эту эпоху величайший английский архитектор Кристофер Рен возвел здесь пятьдесят две новые приходские церк-

329

ви на участках, опустошенных великим пожаром. Их тонкие блестящие шпили придали силуэту Лондона ни с чем не сравнимую красоту и завершенность, а главной доминантой стал шедевр Рена, гигантский купол собора Святого Павла. Его строили сорок один год и как раз накануне приезда Петра частично открыли для верующих.

Те же, кто был не чужд интеллектуальных интересов, группировались в сотнях лондонских кофеен, где разговор мог зайти обо всем на свете. Постепенно складывалась традиция беседовать в той или иной кофейне на определенные темы, касающиеся политики, религии, литературы, научных идей, коммерции, судоходства или сельского хозяйства. В зависимости от собственных склонностей посетитель выбирал, в какую кофейню направиться, входил, садился у огня, потягивал кофе и вбирал в себя всю палитру мнений, наслаждался блистательными, проникнутыми ученостью, страстными речами. Мастера беседы могли оттачивать здесь свое остроумие, литераторы делились друг с другом творческими трудностями, политики приходили к компромиссам, а одинокие люди просто отогревали душу. В кофейном заведении Ллойда берет начало морское страхование. У Вилла всегда находился стул для Аддисона* — зимой у огня, а летом возле окна.

Таким был Лондон 1698 года. Что же касается остальной страны, то есть собственно Англии, то она в XVII столетии переживала превращение из маленького, довольно незначительного островного королевства, каким была в XVI веке при королеве Елизавете I, в вели-

* Джозеф Аддисон (1672-1719) — известный английский писатель, просветитель. Совместно с Р.Стилом издавал журналы «Зритель» (The Spectator), «Опекун» (The Guardian), «Болтун» (The Tatler). - *Ред.*

330

кую европейскую державу и мировую империю XVIII и XIX веков. Когда в 1603 году умерла Елизавета и с ней пресеклась династия Тюдоров, Англия, к тому времени отразившая Филиппа II с его Непобедимой армадой, была уже свободна от посягательств Испании. Однако в делах Европы она по-прежнему оставалась на отшибе. Династическая проблема разрешилась, когда шотландский король Яков VI, сын Марии Стюарт, прибыл из Эдинбурга, чтобы взойти на английский престол под именем Якова I и положить начало столетнему правлению Стюартов. Всю первую половину XVII века Англию целиком занимали внутренние проблемы — она пыталась разобраться в путанице религиозных идей и в соотношении сил короны и парламента. Разногласия вылились в гражданскую войну, и второй из Стюартов, король Карл I, лишился головы, а Англией одиннадцать лет правила суровая рука лорда-протектора Оливера Кромвеля. И даже после реставрации монархии и воцарения на троне Карла II в 1660 году религиозные противоречия не утратили остроты. В стране усиливался раскол между католиками и протестантами, а внутри протестантского лагеря — между приверженцами англиканской церкви и диссентерами, или неконформистами.

И все же мощь Англии и ее амбиции возрастали. В середине XVII века на мировых торговых путях властвовали голландцы, но английские моряки и купцы рвались вступить с ними в соперничество — три войны на море поколебали голландское превосходство. Позже, во время войны за Испанское наследство, Джон Черчилль, герцог Мальборо, одержал в бою четыре крупные победы над французскими войсками, осадил и взял считавшиеся неприступными, крепости и едва не выгнал Короля-Солнце из самого Версаля, правда, окончательную победу буквально вырвали у него из рук — английское правительство постановило прекратить войну. Тем не менее Англия восторжествовала, и не только над Францией, но и над собственной союзницей, Голландией. Длительная

война истощила даже великолепно налаженное хозяйство богатых голландцев. Их положение было куда уязвимее, чем у островитян-англичан, и пока шли боевые действия, обширная заморская торговля Голландии резко сократилась, а английская тем временем расширялась и процветала. Соотношение сил двух держав, почти равных в XVII столетии, стремительно изменялось в XVIII. Голландия быстро слабела и скоро скатилась до уровня малозначительного государства. Англия же вышла из войн под водительством герцога Мальборо владычицей океанов, а ее морская мощь позволила создать мировую империю с колониями по всему земному шару.

Визит Петра в Англию пришелся как раз на ключевой момент ее превращения в великую державу. Рисвик-ским миром завершилась первая большая война с Людовиком, в результате которой удалось сдержать Короля-Солнце в его прежних границах. Последняя схватка, война за Испанское наследство, должна была начаться еще через четыре года, а в Англии уже бурлили силы, благодаря которым герцог Мальборо впоследствии одерживал победы на суше, а королевский флот стал повелителем морей. По уровню доходов от торговли Англия пока еще не могла соперничать с плодородной Францией, но у нее имелось одно бесспорное преимущество — островное положение. Безопасность страны обеспечивалась не системой крепостей, наподобие той, что Голландия содержала в Испанских Нидерландах, а морскими волнами и флотом. И как ни дорого обходился флот, он все-таки был дешевле сухопутных войск и цитаделей. Да, Людовику удавалось ставить под ружье одну за другой великолепные французские армии, но при этом его народ изнемогал под непосильным бременем налогов. В Англии же утвержденные парламентом налоги были тяжелы, но не сокрушительны. Европа изумлялась жизнестойкости английской экономики и очевидному богатству британской казны. Конечно, это государство не могло не поразить прибывшего туда монарха, который

задался целью поднять свой народ с его примитивным аграрным хозяйством на новый экономический уровень и ввести его в современный мир.

Петр никогда не плавал на таком большом военном судне, как корабль флота его величества «Йорк», и пока длился суточный переход через Ла-Манш, с интересом наблюдал, как им управляют. Штормило, но царь оставался на палубе, непрерывно задавая вопросы. Несмотря на то, что громадные волны швыряли корабль во все стороны, Петр настоял, чтобы ему разрешили взобраться на реи и осмотреть оснастку.

Ранним утром следующего дня маленькая эскадра приблизилась к берегам Суффолка, и береговые форты салютовали ей из пушек. В устье Темзы Петр и адмирал Митчелл перешли с «Йорка» на яхту поменьше под названием «Мэри». В сопровождении еще двух кораблей она отправилась вверх по Темзе и утром 11 января бросила якорь возле Лондонского моста. Здесь Петр пересел на королевскую барку, которая прошла на веслах еще выше по течению, к пристани на Странде. Его встретил камергер двора и приветствовал от имени короля Вильгельма. Петр отвечал по-голландски, а владевший голландским адмирал Митчелл выступал как переводчик. Петру очень понравился адмирал, поэтому ок первым делом попросил короля, чтобы именно Митчелл был приставлен к нему для официального сопровождения и в качестве переводчика на все время пребывания в Англии.

Первые свои дни в Лондоне Петр прожил в доме 21 по улице Норфолк. По его настоянию дом выбрали маленький и скромный, с выходом прямо на берег реки. Через два дня после приезда царя, король нанес ему неофициальный визит. Он приехал в незаметном возке и застал царя одетым по-домашнему, в спальне, которую тот делил с четырьмя своими спутниками.

Монархи на-

чали беседовать, но вскоре Вильгельм почувствовал, что в крохотной комнатке слишком жарко и душно — его астма напомнила о себе. Петр, едва приехав, сразу же по московскому обыкновению закрыл окно — в России из-за холода двойные рамы наглухо заделывают и не открывают с ранней осени до поздней весны. Борясь с удушьем, Вильгельм попросил распахнуть окно и полной грудью вдохнул чистый, холодный воздух, хлынувший в комнату.

23 числа Петр с адмиралом Митчеллом и двумя русскими спутниками поехал в Кенсингтонский дворец, чтобы впервые нанести визит Вильгельму как королю Англии. Эта

встреча оказалась продолжительнее их кратких бесед в Голландии или в тесной каморке Петра на улице Норфолк. Их никогда не связывала задушевная дружба — слишком велика была пропасть между двадцатипятилетним царем, полным жизни, не особенно отесанным, привыкшим к неограниченной власти, и одиноким, усталым, печальным английским королем, — и все-таки Петр привлекал Вильгельма. Энергия и любознательность царя произвели на него яркое впечатление, и к тому же Вильгельм не мог скрыть, что ему приятно восхищение Петра его персоной и подвигами. Как политик, всю жизнь создававший межгосударственные союзы, он с удовлетворением увидел, что Петр исполнен Враждебности к его давнишнему врагу, Людовику XIV. Что до Петра, он по-прежнему чтит своего голландского героя, невзирая на то, что ни возраст, ни характер Вильгельма не располагали к дружественному сближению.

После разговора с королем Петра представили наследнице престола, тридцатитрехлетней принцессе Анне, которой через четыре года суждено было сменить Вильгельма у власти. По настоянию короля, Петр остался на бал, хотя, чтобы сохранить инкогнито, лишь наблюдал за происходящим через окошко в стене бального зала. Его восхитило устройство ветрового прибора, установленного в галерее Кенсингтонского дворца. Прибор соединялся тягами с флюгером на крыше и указывал на-

334

правление ветра. Позднее Петр установил такой же прибор в своем маленьком Летнем дворце у Невы, в Санкт-Петербурге.

Во время этой же встречи Вильгельм уговорил Петра позировать художнику Годфри Неллеру. Написанный им портрет, по отзывам современников, отличался необычайным сходством с оригиналом. Сегодня портрет висит в Королевской галерее того самого Кенсингтонского дворца, где три сотни лет назад зашел разговор о его создании.

Вся официальная часть пребывания Петра в Лондоне свелась к этому единственному визиту в Кенсингтонский дворец. Упорно скрываясь под чужим именем, он странствовал по Лондону, сколько ему было угодно, нередко пешком, даже в холодные зимние дни. Как и в Голландии, он наведывался в мастерские и на фабрики, все время просил, чтобы ему показывали работу всяких приспособлений, и даже требовал чертежи и технические описания. Царь заглянул к часовщику купить карманные часы и застрял там, обучаясь разбирать, чинить и снова собирать замысловатый механизм. Ему понравилось, как сработаны английские гробы, и он велел отправить один в Москву в качестве образца. Он купил чучела крокодила и меч-рыбы — диковинных тварей, невиданных в России. Один-единственный раз Петр выбрался в лондонский театр, но толпа смотрела не столько на сцену, сколько на него, и ему пришлось спрятаться за своих спутников. Царь познакомился с конструктором яхты «Ронял трэнспорт», который для него строил король Вильгельм. К удивлению Петра, этот корабель оказался молодым человеком знатного рода и большим любителем выпить, так что он весьма пришелся царю по душе. Перегрин Осборн, маркиз Кармартен, был сыном знаменитого Денби, герцога Лидсского, министра Карла II. Он, как выяснилось, отличался поразительным мастерством не только по части выпивки, но был еще и прекрасным моряком, и талантливым конструктором.

335

Именно благодаря Кармартену Петр познакомился со своим отныне любимым напитком — перцовкой. Эта пара так часто наведывалась в кабак на улице Грейт-Тауэр, что ее переименовали в Царскую улицу. В компании Кармартена Петр познакомился с Легацией Кросс, самой известной из тогдашних актрис. Он отнесся к ней благосклонно, и актриса, почуяв, что тут можно рассчитывать на щедрое вознаграждение, перебралась к нему на все время царского визита в Англию.

Разумеется, самым привлекательным из лондонских зрелищ был для Петра лес корабельных мачт большой торговой гавани Пул, или «Лондонской заводи». Как-то раз Даниэль Дефо насчитал в ней ни много ни мало две тысячи судов. Петру не терпелось начать осваивать кораблестроение в доках и на верфях в низовьях Темзы, однако его намерения временно нарушил сковавший реку лед. Зима в 1698 году, выдалась на редкость холодная. Река замерзла и выше Лондона, так что из Саутвор-ка можно было пешком перейти на другой берег, в город. Уличные продавцы, фигляры и мальчишки сваливали в кучу товары, пожитки и резвились на льду; но, увы, передвигаться по воде стало невозможно, и осуществление царских планов

задерживалось.

Ради большего удобства и спасения от толп, которые и здесь уже начинали ходить за ним по пятам, куда бы он ни направлялся, Петр переехал в Дептфорд и поселился в Сэйес-Корте - большом, изящно обставленном особняке, который предоставили ему английские власти. Дом принадлежал Джону Эвлину, автору знаменитых очерков и дневников, и был гордостью хозяина, который потратил 45 лет на то, чтобы разбить и вырастить прекрасный сад с лужайкой для игры в шары, с посыпанными гравием дорожками, с живописными рощицами. Чтобы освободить место для Петра и его спутников, пришлось попросить выехать из дома не только хозяина, но и его жильца адмирала Бенбоу, а все помещения заново отделать. Петра в этом доме устраивала его вмес-

336

тельность, позволявшая ему и всей его свите жить под одной крышей, сад, где можно было отдыхать вдали от любопытных глаз, и калитка в конце сада, выходившая прямо на верфь и реку.

На беду Эвлина, для русских ничего не значило ни то, что он был почтенным и известным человеком, ни то, что он всю жизнь трудился над прекрасным садом. Они разнесли его дом вдребезги. Еще пока они там жили, до смерти перепуганный домоправитель писал своему хозяину:

Дом полон людей, к тому же совершенно отвратительных. Царь спит рядом с библиотекой и обедает в гостиной возле Вашего кабинета. Он ест в десять часов утра и в шесть вечера, редко-редко проводит целый день дома, а чаще — на Королевской верфи или на реке, одетый как попало. Сегодня здесь ожидают короля. Лучшая гостиная вычищена, чтобы его можно было принять. Король оплачивает все расходы царя².

Но истинные масштабы бедствия предстали перед Эвлином лишь тогда, когда через три месяца русские уехали и он увидел, что осталось от его прекрасного дома. Потрясенный хозяин поспешил к королевскому контролеру сэру Кристоферу Рену и к королевскому садовнику мистеру Лондону с просьбой оценить размеры ущерба. Они обнаружили, что полы и ковры в доме до того перемазаны чернилами и засалены, что надо их менять. Из голландских печей вынуты изразцы, из дверей выломаны медные замки, краска на стенах испорчена или изгажена. Окна перебиты, а больше пятидесяти стульев — то есть все, сколько было в доме — просто исчезли, возможно, в печках. Перины, простыни и пологи над кроватями изодраны так, будто их терзали дикие звери. Двадцать картин и портретов продырявлены: они, судя по всему, служили мишенями для стрельбы. От сада ничего не осталось. Лужайку так вытоптали и разворотили, будто «на ней маршировал целый полк в железных сапогах».

337

Восхитительную живую изгородь длиной в чотыреста футов, высотой девять и шириной пять сровняли с землей. Лужайка, посыпанные гравием дорожки, кусты, деревья — все погибло. Соседи рассказали, что русские нашли три тачки (приспособление, тогда еще в России неизвестное) и придумали игру: одного человека, иногда самого царя, сажали в тачку, а другой, разогнавшись, катил его прямо на изгородь. Реи и его сопровождающие все это записали и составили представление, по которому Эвлину в возмещение убытков выплатили невероятную по тем временам сумму — 350 фунтов и девять пенсов.

Нет ничего удивительного в том, что в век религиозной борьбы дух протестантского миссионерства разыграл при появлении любознательного молодого монарха, намеревавшегося внедрять в своем отсталом царстве западную технологию. Если кто-то перенимает новые приемы кораблестроения, почему бы ему не перенять и новую веру? Слухи о том, что Петр не слишком привержен православию и интересуется другими вероисповеданиями пробудили самые смелые надежды в головах воинствующих протестантов. Нельзя ли обратить в новую веру юного монарха, а через него и весь его простодушный народ? Нельзя ли, по крайней мере, создать унию англиканской и православной церквей? Этой идеей загорелся архиепископ Кентербери некий, и даже король Вильгельм к ней прислушивался. По воле короля и архиепископа один из ведущих представителей духовенства Англии, епископ Солсберийский Джилберт Вернет отправился к царю, «чтобы предоставить ему все сведения о нашей религии и церковных установлениях, какие он пожелает получить»,

15 февраля Петр принял Бернета с делегацией англиканских священников. Вернет понравился царю, они встречались затем несколько раз и беседовали часами, но епископ, чьей задачей было наставлять и убеждать Петра, нашел, что шансы обращения царя в новую веру

338

равны нулю. Он был лишь первым из множества русских, чей интерес к заимствованию западных технологий наивные европейцы расценили как возможность заодно экспортировать западную философию и идеи. Между тем интерес Петра к протестантизму носил характер чисто познавательный. Царь, настроенный скептически в отношении любой религии, не исключая и православия, искал в ритуале и догматах каждой веры то, что могло оказаться полезным для некоего или его государства. После бесед с царем Вернет отвез его к архиепископу Кентерберийскому в Ламбетский дворец. Петр отказался посетить службы в соборе Святого Павла, собиравшие толпы народа, но принял причастие по англиканскому обряду в собственной часовне архиепископа перед завтраком, за которым они долго обсуждали различные вопросы.

Много лет спустя после возвращения царя в Россию Вернет записал свои воспоминания о молодом высокорослом российском монархе, с которым они когда-то увлеченно и доверительно беседовали:

Я часто посещал его и получил приказ и от короля, и от архиепископа, и от епископов уделять ему как можно больше внимания. У меня были хорошие переводчики, так что я мог подолгу свободно с ним разговаривать. Он человек очень горячего и вспыльчивого нрава, наделенный крайне грубыми страстями. Природную свою горячность он усугублял тем, что в больших дозах пил бренди, который собственноручно и с огромным усердием очищал. Он подвержен конвульсиям во всем теле, и похоже, что они сказываются и на его голове. Способностей ему не занимать, и знаний у него гораздо больше, чем можно ожидать при его образовании, которое было весьма посредственно. Недостаток рассудительности и непостоянство характера слишком часто и заметно проявляются у него. Он увлекается механикой, и кажется, что он создан природой скорее затем, чтобы стать корабельным плотником, чем великим правите-

339

лем. Овладение этим ремеслом и являлось главным его занятием, пока он здесь находился. Он немало поработал собственными руками и заставлял всех окружающих трудиться над моделями кораблей. Он мне рассказывал, как задумал построить большой флот в Азове и с ним нанести удар Османской империи; казалось, однако, что он не способен осуществить такой великий замысел, хотя его образ действий во всех войнах, которые он вел с тех пор, свидетельствует о большей одаренности, чем представлялось мне тогда. Он хотел понять суть нашего вероучения, но не проявлял склонности к улучшению [церковных] дел в Московии; впрочем он твердо вознамерился поощрять образование и просвещать свой народ, посылая некоторых подданных в другие страны, а также зазывать иностранцев приезжать и жить среди русских. По-видимому, его все еще тревожили козни сестры. В его натуре смешались пылкость и суровость. Он решителен, но мало смыслит в военном деле и в этом отношении пытливости не проявляет. После того, как мне довелось часто с ним встречаться и много беседовать, я мог лишь молча склониться перед глубиной божественного Провидения, вознесшего такого необузданного человека к безграничному всевластию над столь огромной частью света.

Интерес Петра к церковным делам не ограничивался рамками государственной англиканской церкви. Слухи о его заинтересованном отношении к вопросам религии внушили разным протестантским сектам как фанатическим, так и обладающим известной веротерпимостью надежду на то, что они сумеют обрести в его лице если не брата по вере, то хотя бы сторонника. Реформисты, экстремисты, филантропы и просто шарлатаны пробивались к царю в расчете с его помощью внедрить именно свои верования в подвластной ему далекой стране. Почти ни на кого из них Петр не обращал ни малейшего внимания, но квакеры произвели на него большое впечатление. Он посетил несколько ква-

340

керских молитвенных собраний и в конце концов познакомился с Вильямом Пенном, которому Карл II передал во владение громадную колонию, Пенсильванию, на том условии, что он простит короне гигантский заем. Пени пока только два года посвятил своему «праведному эксперименту» на землях Нового Света, где создавал царство веротерпимости, и

сейчас, во время петровского визита, как раз собирался вновь отплыть туда. Услышав о том, что Петр побывал на квакерском богослужении, Пени 3 апреля отправился в Дептфорд повидаться с царем. Они оба говорили по-голландски и Пенн преподнес Петру несколько своих сочинений на этом языке. После встречи с Пенном Петр продолжал бывать на собраниях квакеров в Дептфорде. Он изо всех сил вслушивался в слова богослужения, вставал, садился, соблюдал долгие паузы и все время оглядывался вокруг — посмотреть, что делают другие. Через шестнадцать лет, в северогерманской провинции Гольштейн (Гольштейн), он набрел на молитвенный дом квакеров и зашел на службу вместе с Меншиковым, Долгоруким и другими, Никто из русских, кроме Петра, ни слова не понял, но они сидели тихо, а царь время от времени наклонялся к ним и переводил. После окончания службы Петр заявил своим товарищам, что всякий, кто сумеет в своей жизни следовать такому учению, обретет счастье.

В те же самые недели, когда Петр беседовал с прелатами английской церкви, он заключил одну сделку, которой, как он хорошо знал, суждено было опечалить сердца его собственного, православного духовенства. Православная церковь издавна возбраняла употребление «богопротивного зелья» — табака. В 1634 году дед Петра царь Михаил запретил курение или любое другое применение табака под страхом смерти. Потом наказание ослабили, и нарушившим запрет всего лишь вырывали ноздри. И тем не менее с притоком иностранцев в Россию эта привычка распространялась, а наказывали за нее не часто. Царь Алексей даже на короткое время разрешил

341

табак, введя государственную монополию на торговлю им. Но церковь и все русские приверженцы старины по-прежнему сурово осуждали курение. Петр, разумеется, этим осуждением пренебрегал. Он пристрастился к табаку еще в юности; каждый вечер царя видели с длинной глиняной трубкой в дружеской компании немцев и голландцев в Немецкой слободе. Перед отъездом из России с Великим посольством Петр издал указ, разрешавший и продажу и курение табака.

В Англии, колонии которой охватывали такие знаменитые области разведения табака, как Мэриленд, Вирджиния и Северная Каролина, неожиданная перспектива приобрести новый обширный рынок сбыта многих взбудоражила. Табачные торговцы уже обращались к королю с просьбой ходатайствовать за них перед царем. Оказалось, что особенно заинтересован в этой сделке не кто иной, как Кармартен, новый приятель Петра, и ему же вполне с руки ее заключить. Когда Кармартен принес царю предложение от группы английских купцов по поводу табачной монополии в России, оно сразу привлекло внимание царя. Во-первых, он рассматривал курение как западный обычай, широкое внедрение которого поможет ослабить железную хватку православной церкви. А во-вторых, предложение обещало и более ощутимую выгоду: оно сулило немедленное поступление денег. К этому времени Петр и его посольство отчаянно нуждались в средствах. Расходы на содержание за границей двух с половиной сотен русских были чудовищны, не спасали и субсидии принимающей стороны. К тому же представители царя нанимали в Голландии матросов, морских офицеров, корабельных мастеров и других специалистов. Им всем надо было оплатить первоначальный подписной взнос, первую выплату в счет жалованья и дорожные расходы. Кроме того, царские агенты приобретали такое множество товаров, инструментов, машин и моделей, что пришлось зафрахтовать десять кораблей для доставки этого груза и набранных людей в

342

Россию. Казна посольства то и дело пустела, и оно непрерывно требовало присылки очередных громадных сумм из Москвы. Однако денег все равно не хватало.

В этой ситуации предложение Кармартена показалось Петру неотразимо соблазнительным. Тот предлагал заплатить 28 000 английских фунтов стерлингов за разрешение ввезти в Россию беспошлинно полтора миллиона фунтов табака и торговать им на российском рынке без всяких ограничений. А главное, Кармартен готов был выдать аванс наличными прямо в Лондоне. Контракт подписали 16 апреля 1698 года. О том, насколько Петр был доволен, можно судить по ответу Лефорта на пришедшее от царя ликующее известие: «По указу твою грамоту не отпирали, докамест 3 кубка великие выпили, а после читали и 3 раза еще пили,.. Воистину, по-моему, дело доброе»^{7*}.

Если Петр не работал на верфи, то носился по Лондону и его окрестностям, стараясь повидать все достопримечательности. Он побывал в Гринвичском военно-морском госпитале, воздвигнутом Кристофером Реном и уже тогда известном как «одно из самых грандиозных сооружений английской архитектуры»⁸. Петру понравилось простое жилище Вильгельма III — Кенсингтонский дворец красного кирпича, отделанный дубовыми панелями, — но великолепный госпиталь, двумя рядами колонн выходящий на Темзу, его просто покорила. Обедая с королем после посещения Гринвича, царь не удержался и сказал: «Если бы ваше величество спросили моего мнения, я бы посоветовал перевести ваш двор в госпиталь, а больных — во дворец»⁹. Петр видел гробницы английских королей (а заодно и шатающихся рядом торговцев яблоками и устрицами) в Вестминстерском аббатстве. Он побывал в Виндзорском замке и в Хэмптон-Корте, но королевские двор-

* Неизвестно, кто ошибается — автор или его информатор, Грей. Письмо Лефорта не относилось к истории с контрактом. Оно датировано более ранним временем, 11 марта 1698 года. — *Ред.*

343

цы были ему не так интересны, как действующие научные или военные учреждения. В Гринвичской обсерватории он беседовал о математике с королевским астрономом. В Вулиджском арсенале, главном пушечно-литейном заводе Англии, Петр обрел родственную душу в магистре Ромни, который разделял его увлечение стрельбой и фейерверками. В лондонском Тауэре тогда размещался арсенал, зверинец, музей и королевский монетный двор. При посещении музея средневекового оружия Петру, однако не стали показывать топор, которым за пятьдесят лет до этого отрубили голову Карлу I. Хозяева вспомнили, что отец их гостя, царь Алексей, услышав о том, что англичане обезглавили своего монарха, в гневе лишил английских купцов в России всех привилегий. Поэтому они на всякий случай спрятали топор подальше, «словно боясь, как бы он [Петр] не выбросил его в Темзу». Самой интересной частью Тауэра оказался для Петра монетный двор. Царь, пораженный качеством английской монеты и техникой чеканки, снова и снова туда возвращался. (К сожалению, смотритель монетного двора, сэр Исаак Ньютон, тогда жил и работал в Тринити-колледже в Кембриджском университете.) Петра очень заинтересовала реформа английской монеты, проведенная Ньютоном и Джоном Локком. Чтобы предупредить постоянную порчу монет из-за злонамеренного обрезывания ценного металла, гурт, или ребро, английских монет стали обрабатывать насечкой. Через два года, приступив к наведению порядка в расстроенном российском монетном деле, Петр взял за образец английскую чеканку.

Все время, пока он был в Англии, Петр неутомимо отыскивал специалистов для службы в России. При помощи Кармартена, содействовавшего его поискам, он провел собеседования со множеством людей и уговорил, в общей сложности примерно шестьдесят англичан. Среди них были майор Леонард ван дер Штамм, старший корабельный плотник из Дептфорда, капитан Джон Перри, инженер-гидравлик, которому Петр поручил соору-

344

жение Волго-Донского канала, и профессор Генри Фарварсон, математик из Абердинского университета в Шотландии, будущий основатель Школы математических и навигацких наук в Москве. Кроме того, как писал Петр одному из друзей в России, он нанял двух цирюльников «на предмет будущих надобностей» — в этом намеке слышится грозное предостережение тем москвитам, кто гордился своими длинными бородами.

Расположение Петра к Вильгельму и его благодарность возросли еще больше, когда ему 2 марта вручили королевский дар — яхту «Ройял транспорт». Он вышел на ней в плавание на следующий же день и в дальнейшем делал это при каждом удобном случае. Сверх того, Вильгельм распорядился, чтобы Петру показывали все, что заинтересует его в английском флоте. Апофеозом же стало приглашение присутствовать на специальном смотре флота и наблюдать учебный морской бой у мыса Спит-хед вблизи острова Уайт. Военно-морская эскадра, включавшая суда «Ройял Вильям», «Виктори» и «Ассосиэйшн» приняла Петра и его свиту на борт в Портсмуте и вышла в пролив Солент у острова Уайт. Там Петр перешел на флагман адмирала Митчелла «Хамбер». В день учений флот снялся с якоря; большие корабли поставили паруса и построились в боевом порядке. Рывкнули бортовые залпы, суда окутались дымом и пламенем, совершенно как в настоящем бою, только что ядра не летели. И все равно Петр ликовал, глядя сквозь дым, как корабли перестраиваются и дружно разворачиваются,

чтобы атаковать друг друга. Он старался рассмотреть и записать все: как матросы ловко ставят паруса, какие команды отдают рулевым, сколько на кораблях пушек, какого они калибра и как из них стреляют, как сигналият с флагмана судам на линии. Это был важный день для молодого человека, который всего десять лет назад впервые увидел парусную лодку и научился ходить галсами вверх и вниз

345

по узкой Яузе. Когда корабли ночью вернулись в свою гавань, прозвучал салют сразу из двадцати одной пушки, а моряки проревели приветствия в честь молодого царя, мечтавшего поднять свой собственный флаг в авангарде российской флотилии.

Вильгельм пригласил его и в парламент. Не желая, чтобы на него глазели, Петр избрал своим наблюдательным пунктом окошко верхней галереи и оттуда созерцал короля на троне в окружении английских пэров, восседавших на скамьях. Этот эпизод вызвал шутку какого-то неизвестного очевидца, обошедшую весь Лондон: «Сегодня я видел редчайшее зрелище на свете: одного монарха на троне, а другого на крыше»¹.

Петр прослушал дебаты при помощи переводчика, после чего объявил своим русским спутникам, что хотя считает неприемлемым ограничение монаршей власти парламентами, все-таки «весело услышать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан!»¹² На том заседании, где присутствовал Петр, Вильгельм давал формальную королевскую санкцию нескольким биллям, в том числе и биллю о поземельном налоге, который должен был, по предварительным оценкам, принести казне полтора миллиона фунтов. Когда Петр выразил удивление тем, что парламент может собрать так много денег, проведя один-единственный законопроект, ему сказали, что годом раньше парламент принял билль, давший в три раза больше.

Чем ближе к концу подходило пребывание Петра в Лондоне, тем больше к нему здесь привыкали. Имперский посол Хоффман писал своему повелителю в Вену:

Здесь двор весьма доволен Петром, потому что теперь он не так нелюдим, как в начале. Его упрекают лишь в некоторой скупости, ибо щедрости он ни в кося мере не проявил. Он все время здесь проходил в матросской одежде. Посмотрим, в каком наряде он предстанет перед Вашим Императорским Величеством. Он очень редко виделся с королем, так как не желал

346

изменять свой образ жизни, при котором он обедает в одиннадцать часов утра, ужинает в семь вечера, рано ложится спать и встает в четыре часа, чем крайне изумляет тех англичан, которые водят с ним компанию. Говорят, будто он намерен цивилизовать своих подданных на манер других народов. Но из всего его поведения здесь можно лишь заключить, что он собирается сделать из них матросов

¹³

Донесение посла было задумано как последняя срочная сводка для императора, так как ожидалось, что Петр вот-вот отбудет в Голландию, а следующей остановкой в его путешествии значилась Вена. Но отъезд царя откладывался со дня на день. Он прибыл сюда лишь с кратким визитом, однако оказалось, что ему нужно так много увидеть и сделать, и не только на дептфордской верфи, но и в Вулидже, и на монетном дворе, что он без конца переносил день отъезда. Это вызывало беспокойство тех участников Великого посольства, которые оставались в Амстердаме. Их тревожило не только, где находится царь и что он намеревается предпринять; из Вены сообщили, что австрийский император вот-вот заключит сепаратный мир с общим врагом Австрии и России — турками. Поскольку официальная цель Великого посольства состояла в укреплении антитурецкого союза, весть о грозящем ему распаде не могла обрадовать русских. Когда эти новости достигли Петра и он ощутил усиливающееся давление обстоятельств, ему пришлось нехотя согласиться на отъезд.

18 апреля Петр нанес королю прощальный визит. Их отношения несколько остыли после того, как Петру стало известно, что Вильгельм приложил руку к предстоящему заключению мира между австрийским императором и султаном. Конечно, Вильгельму всего важнее было помочь империи Габсбургов выпутаться из войны На Балканах, чтобы затем обратить ее силы против единственного врага, который имел значение для Вильгельма-

347

ма, — Франции. И тем не менее, последняя их встреча в Кенсингтонском дворце была дружественной. Царь раздал 120 гиней королевской челяди, что, по мнению одного

очевидца, «было больше, чем они заслуживали, так как они вели себя с ним очень нагло»¹. Адмиралу Митчеллу, который его сопровождал и был при нем переводчиком, Негр преподнес сорок соболей и шесть кусков узорчатого шелка — щедрый подарок. Тогда же Петр якобы вынул из кармана маленький сверток в коричневой бумаге и вручил его королю в знак дружбы и признательности. Говорят, развернув его, Вильгельм обнаружил великолепный неограненный алмаз. По другой версии это был огромный необработанный рубин, достойный «увенчать корону Британской империи»¹⁵.

2 мая Петр скрепя сердце покинул Лондон. Он в последний раз наведлся в Тауэр и на монетный двор в самый день отъезда, пока его свита ждала на борту «Роял транспорт», а когда яхта пошла вниз по реке, Петр велел остановиться и бросить якорь в Вулидже, чтобы еще раз сойти на берег и проститься с Ромни в арсенале. Вновь подняв паруса, «Ройял транспорт» в сумерки достиг Грейвсенда и там царь опять велел стать на якорь. Наутро, сопровождаемый Кармартеном, который шел на собственной яхте «Перегрин», Петр направился в военно-морской порт Чатем. Там, перейдя на «Перегрин», царь сделал круг по гавани и с восхищением глядел на пришвартованные огромные, трехпалубные линейные корабли. Вместе с Кармартеном он поднялся на три военных корабля — «Британию», «Триумф», и «Ассосийшн», а потом их отвезли в шлюпке на берег, чтобы осмотреть военно-морские склады.

Следующим утром «Ройял транспорт» поднял якорь и вышел в Маргейт, где Темза вливается в море. Тут его встретила военно-морская эскадра под командованием старого знакомого, адмирала Митчелла, которой предстояло проводить царя в Голландию. Переход был бурный — на вкус большинства русских на борту острых

348

ощущений могло бы быть и поменьше, но Петр наслаждался видом волн, с шипением захлестывавших палубу*. Петр никогда больше не ездил в Англию, но навсегда сохранил о ней самые приятные воспоминания. Там ему многое пришлось по сердцу: отсутствие церемоний, деятельный и умелый монарх и правительство, добрая выпивка и добрая беседа - про корабли, пушки, фейерверки. С Вильгельмом они не сблизились, но король распахнул для Петра все двери, открыл доступ на верфи, на монетный двор, на литейные заводы, продемонстрировал свой флот, позволил русским беседовать с кем угодно и делать записи. Петр преисполнился признательности и увез в душе глубочайшее уважение не только к английскому кораблестроению и мастерству, но и к острову в целом. Однажды в России он сказал Перри, что «если бы не побывал в Англии, то, конечно, был бы растяпой». Более того, продолжал Перри, «Его Величество часто заявлял своим боярам, когда бывал слегка навеселе, что, по его мнению, куда лучше быть адмиралом в Англии, чем царем в России». «Англия, — говаривал Петр, — самый лучший и прекрасный остров в мире»¹.

* Увы, Петру больше не довелось выйти в море на этой прекрасной английской яхте. В Амстердаме ее нагрозили собранием инструментов и редкостей, которые Петр купил за время путешествия, и отправили в Архангельск. Там ее по приказу Петра встречал Франц Тиммерман, которому было велено провести ее по сети рек и озер северной России в Ярославль и оттуда вниз по Волге. Петр надеялся, что когда-нибудь, когда достроят Волго-Донский канал, удастся спустить ее по Дону в Азов и выйти на ней в Черное море. Но осадка «Ройял трэнспорт» достигала восьми футов, и Тиммерман не дошел на ней даже до Волги. Яхта вернулась в Архангельск и простояла там пятнадцать лет. В 1715 году, когда Россия стала морской державой на Балтике, Петр приказал переоборудовать ее и привести к нему в Балтийское море, обогнув мыс Нордкап. Она достигла Балтики, но у шведского берега попала в шторм и погибла.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ ЛЕОПОЛЬД И АВГУСТ

Оставшиеся в Амстердаме члены Великого посольства были вне себя от радости, когда вновь увидели царя: им казалось, что о них просто забыли - ведь Петр собирался в Англию на несколько недель, а задержался на четыре месяца. Зиму они коротали, разъезжая по маленькой Голландии и повсеместно зарабатывая репутацию ужасных пьяниц. Они попробовали было кататься на коньках, которых в России не водилось, но не взяли в расчет, что лед в Голландии гораздо тоньше, чем дома, в России, а потому частенько проваливались.

Когда такое случалось, русские, к удивлению голландцев, вместо того, чтобы сменить промокшую, обледеную одежду, ограничивались очередной чаркой спиртного. Однако несмотря на все кутежи, зима прошла даром. Петр по возвращении обнаружил сложенные для отправки горы боевого снаряжения и оружия, инструментов и материалов для строительства флота. Более того, посольство завербовало 640 голландцев, в том числе контр-адмирала Крюйса и других морских офицеров (кстати, Крюйс лично уговорил двести голландских офицеров ехать в Россию), матросов, инженеров, разных мастеров, кораблестроителей, врачей и других специалистов. Для доставки этих людей и оборудования в Россию зафрахтовали десять судов.

350

15 мая 1698 года Петр и Великое посольство выехали из Амстердама в Вену. Их путь лежал через Лейпциг, Дрезден и Прагу. В столице Саксонии, Дрездене, городе до того богатом сокровищами архитектуры и искусства, что его называли «Флоренцией на Эльбе», Петра встретили особенно тепло. Саксонский курфюрст Август стал теперь еще и польским королем под именем Августа II. Когда прибыл Петр, Август находился в своем новом королевстве, однако оставил распоряжение, чтобы гостю, которому он отчасти был обязан своим новым тронном, оказали прием, достойный царственной особы.

Первые проявления гостеприимства дрезденцев рассердили Петра. Въехав в город, он увидел, что на него таращатся любопытные, которые не скрывали своего изумления при виде русского царя, да еще такого огромного роста. Чувствительность царя к подобному вниманию не ослабела, а наоборот, обострилась за те несколько месяцев, что он пробыл на Западе, и он пригрозил немедленно покинуть Дрезден, если публику не призовут к порядку. Князь Фюрстенберг, принимавший Петра от имени курфюрста, как мог старался смягчить царский гнев. Когда той же ночью, невзирая на поздний час, Петр выразил желание посетить знаменитый дрезденский музей-кунсткамеру и личную сокровищницу саксонских правителей — так называемый «Зеленый свод», Фюрстенберг тут же согласился. Уже за полночь царь, князь и смотритель музея вошли во дворец курфюрста, где и размещался музей в семи комнатах верхнего этажа. Кунсткамера, или «кабинет редкостей», была устроена примерно за сто лет до этого для хранения и демонстрации как необычных творений природы, так и рукотворных диковинок. Здешнее собрание затейливых часов, технических приспособлений, шахтерского и токарного инструмента наряду с редкими книгами, парадными доспехами и портретами, открытое для всех ученых и знати, не могло не поразить воображение Петра. Он решил ког-

351

да-нибудь создать такую же кунсткамеру в России. Окрашенный в национальный цвет Саксонии (отсюда его название), «Зеленый свод» представлял собой потайное хранилище, куда попадали через единственную дверь в жилых покоях курфюрста. Здесь саксонские правители держали одну из богатейших в Европе коллекций драгоценностей. Петра заворожили оба собрания, и он до зари разглядывал все подряд — инструменты и украшения. На следующий вечер Фюрстенберг дал небольшой обед для узкого круга, который превратился в одну из тех шумных и буйных вечеринок, что были по душе русским гостям. Призвали трубачей, гобоистов и барабанщиков, так как понадобилась музыка. По желанию Петра были приглашены и пять дам, среди них — красавица-графиня Аврора фон Кенигсмарк, фаворитка курфюрста и мать будущего великого французского маршала, Морица Саксонского. Веселье длилось до трех часов утра, причем Петр все время норовил завладеть барабанными палочками и «играл куда искуснее, чем барабанщики». Проведя ночь за вином, музыкой и танцами, Петр в беспечном настроении отбыл в Прагу и дальше — в Вену, а усталый князь Фюрстенберг, как только царь выехал из города, с облегчением написал курфюрсту: «Я благодарю Господа, что все сошло так хорошо, ибо я опасался, что не сумею полностью убаготворить этого привередливого господина»¹.

В четырех милях к северу от старой Вены возвышаются горы-близнецы Каленберги Леопольдсберг; к востоку от города протекает Дунай, устремляясь на юг, в Будапешт; на западе лежат холмистые луга и Венский лес. Но, как ни великолепно было природное окружение Вены, она не могла соперничать величиной с Лондоном, Амстердамом, Парижем и даже с Москвой. Это объясняется прежде всего тем, что Вена, в отличие от других

352

Петр Великий. Гравюра с картины Неллера 1697 г.

Царь Алексей Михайлович

Царица Наталья Кирилловна

Царь Иван V Алексеевич
Царевна Софья Алексеевна

Московский Кремль в начале XVIII в. с гравюры Бликланда

Московская улица конца XVII в.

Торговая лавка в Москве

В. В. Голицын
С. В. Матвеев

Н. М. Зотов
И. К. Нарышкин

Стрелецкий бунт 1682 г.

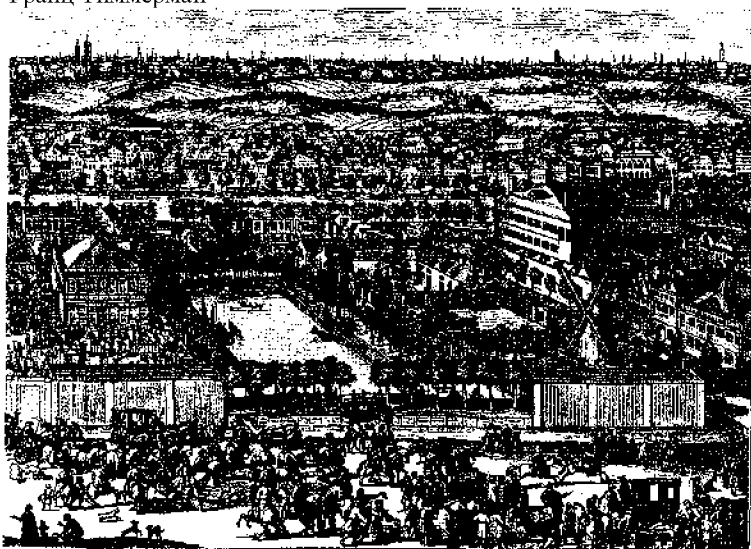
Село Коломенское

Франц Лефорт
Патрик Гордон

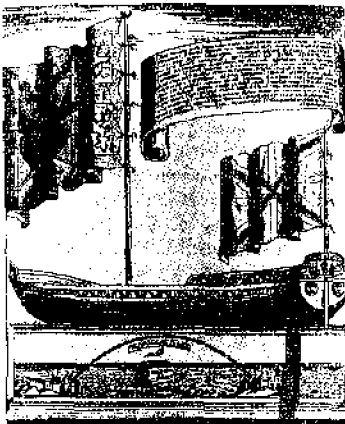
Б. А. Голицын
Франц Тиммерман

Немецкая слобода

Воин иноземец

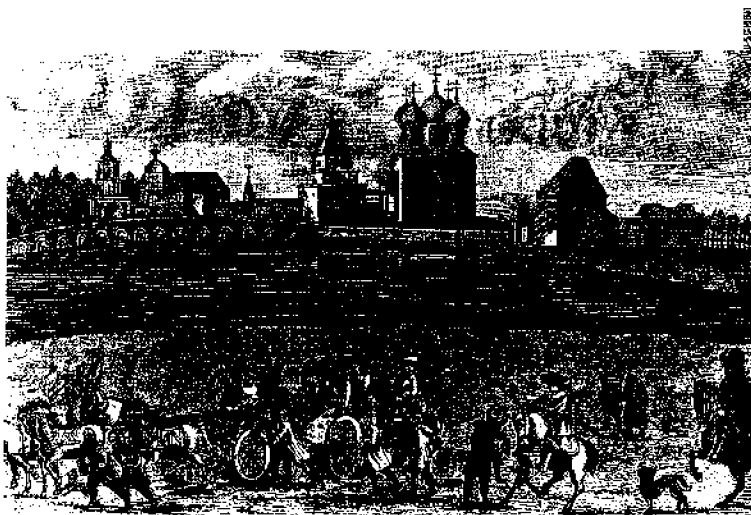

Ботик Петра I

Корабль «Молящийся святой апостол Петр», Воронеж, 1696 г.

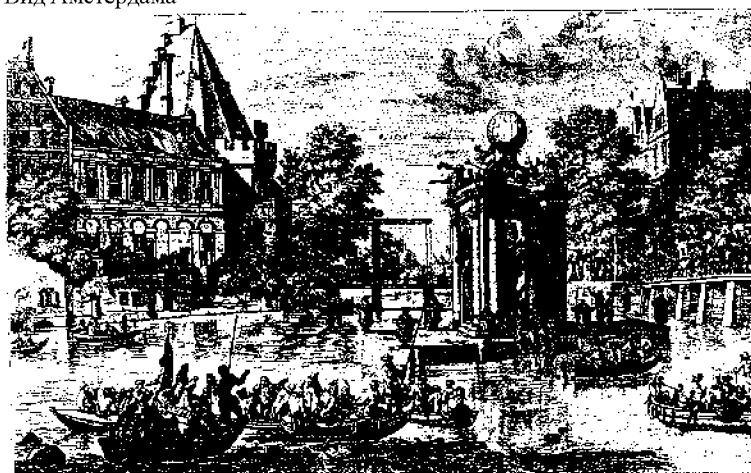
Взятие Азова, 1696 г.

Село Измайлово

Вид Амстердама

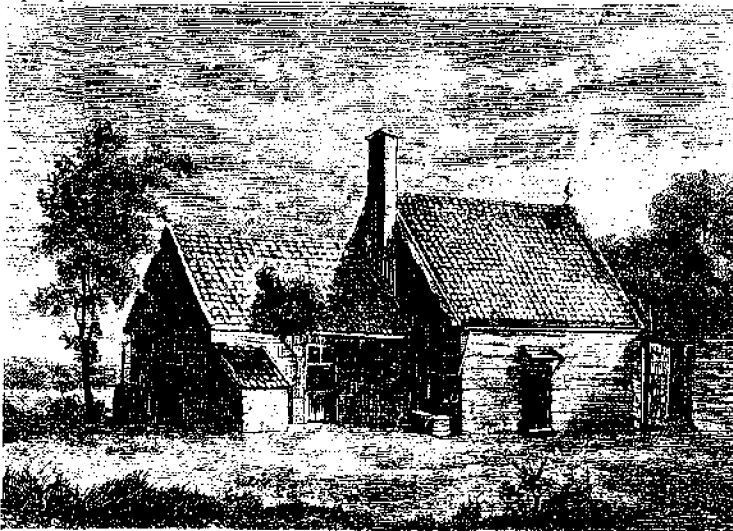
Въезд русских послов

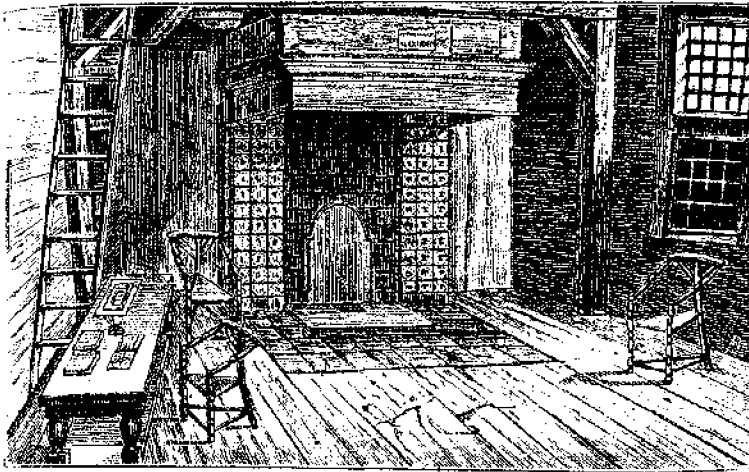
Король польский Август II,
Вильгельм III
Август II

Фридрих-Вильгельм

Домик Петра I в Саарланде

Внутри домика

Петр I в голландском платье

Круйс.

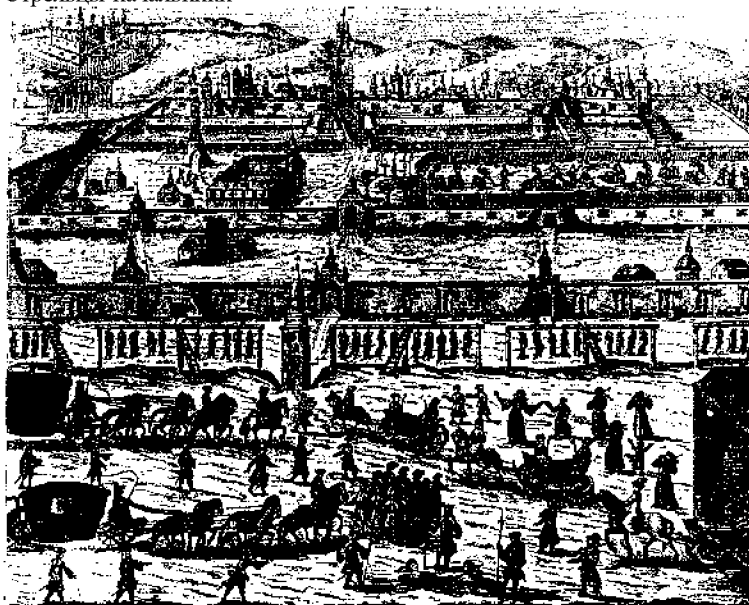
Адмирал
К. Крюйс
Карматтен
А. А. Матвеев

Ведоръ Алексѣевичъ ГОЛОЦИНЪ.
Ф. А. Головин

Стрелыцы-рядовые
Стрелыцы-начальники

Казнь стрелцов

Ф. Ю. Ромодановский
Казнь колесованием

Преследование русской одежды

крупных европейских городов, не была ни большим портом, ни центром торговли. Единственное ее назначение состояло в том, чтобы служить резиденцией императорского дома Габсбургов, местом пересечения дорог и административным центром обширных пространств от Балтики до Сицилии, подвластных императору Леопольду I. В петровское время император правил, в сущности, двумя империями. Первой была старая Священная Римская империя, довольно непрочный союз почти независимых государств Германии и Италии, чьи связи и традиции восходили к древней, тысячелетней давности, империи Карла Великого. Вторая империя, вполне отдельная и самостоятельная, состояла из традиционных габсбургских владений в Центральной Европе - эрцгерцогства Австрийского, королевства Богемия, Венгерского королевства и недавно отвоеванных у Турции земель на Балканах. Первая из этих империй, «Священная Римская империя германской нации», давала императору его титул и огромный престиж и оправдывала невероятные размеры и великолепие его двора. Но на деле титул был лишь вывеской, а сама империя — лишь видимостью. Правители этого пестрого скопления государств — наследственные курфюрсты, или электоры (титул семи германских князей, удостоенных привилегии избирать императора Священной Римской империи), маркграфы, ландграфы, принцы, князья и герцоги — самостоятельно выбирали религию для своих подданных, определяли численность своих армий, а в случае войны решали, стоит ли им драться за императора, против него, или сохранять нейтралитет. Ни один из этих властителей не принимал сколько-нибудь всерьез своих обязательств перед императором, когда речь шла о принципиальном политическом выборе. Они сами или их представители заседали в имперском сейме в Регенсбурге, который первоначально служил законодательным собранием империи, а теперь превратился в чисто совещательный,

13 Петр Великий, т. 1

декоративный орган. Император не мог принять ни одного закона без согласия сейма, но ни

одно обсуждение здесь и не приводило к согласию, так как депутаты непрестанно спорили о старшинстве. Если император умирал, сейм немедленно собирался и автоматически избирал его преемника - следующего главу дома Габсбургов. Такова была традиция, а только традиции еще и остались от древней империи.

Хотя императорский титул и был чистой формальностью, император все равно пользовался влиянием в европейской политике. Сила династии Габсбургов, ее доходы, армия и власть целиком зависели от тех государств и земель, которыми она правила на деле — Австрии, Богемии, Моравии, Силезии, Венгрии и вновь завоеванных областей, лежавших за Карпатами в Трансильвании, и за Альпами на Адриатике. Габсбурги также притязали на трон Испании и, следовательно, на испанские владения в Европе, включая собственно Испанию, Испанские Нидерланды, Неаполь, Сицилию и Сардинию. Эта, условно говоря, вторая империя Габсбургов непрочь была искать удачи на юге и на востоке и отсюда же ждала возможной угрозы. Подобно барьеру, она отделяла Западную Европу от Балкан, и верила в свою священную миссию защиты христианства от Османской Турции. Северных князе и протестантов нимало не занимали опасения или устремления императора на Балканах; они рассматривали их как личное дело дома Габсбургов, так что если императору требовалась помощь в каком-либо военном предприятии, то обычно ему приходилось ее покупать.

Центром владений Габсбургов была Австрия, а сердцем — Вена. Здесь царил католицизм, густо приправленный традициями и помпезным ритуалом, и в политике чувствовалась рука иезуитов, при любом обсуждении государственных дел всегда стоявших за кулисами, а то и за спиной коронованной особы, на которую, как они уверяли, возложена свыше особая миссия.

354

Его католическое величество Леопольд I, император Священной Римской империи, эрцгерцог Австрийский, король Богемский и Венгерский, не признавал равным себе ни одного смертного, кроме папы римского. В глазах Габсбургского императора, его христианнейшее величество, король Франции, был всего лишь выскочкой посредственного происхождения с нелепыми и наглыми замашками. Московский же царь едва ли далеко ушел от прочих азиатских правителей, обитавших в шатрах.

Леопольд испытывал непоколебимую уверенность в весомости своего положения. Габсбурги были старейшей из правящих династий Европы. Три сотни лет от одного Габсбурга к другому непрерывно передавалась корона Священной Римской империи, история и неоспоримые права которой восходили к Карлу Великому. К концу XVII века Реформация и Тридцатилетняя война ослабили императорскую власть, однако номинально император по-прежнему оставался верховным светским правителем христианского мира. Реальная его власть, возможно, меркла в сравнении с могуществом французского короля, но чувство превосходства - смутное, средневековое, полумистическое — все еще сохранялось. Поддерживать этот миф о превосходстве было одной из главных забот Леопольда. При нем находился целый штат усердных историков и библиотекарей, которым путем неутомимых исследований удалось возвести императорский род - через бесчисленных героев и святых - прямо к Нюю.

Это тяжкое бремя генеалогической ответственности лежало на смуглолицем человеке не слишком высокого роста, с выступающей нижней челюстью и оттопыренной нижней губой, что испокон веков отличало (если не уродовало) всех Габсбургов. К 1698 году он просидел на императорском троне уже сорок лет (еще семь лет было у него впереди), однако рожден он был не для престола.

355

Его, младшего сына, готовили для церкви, и от богословских занятий его оторвала лишь смерть старшего брата, Фердинанда. В восемнадцать лет Леопольда избрали императором, но все годы своего долгого правления он предпочитал спокойные и мирные занятия - богословие, искусство, придворный церемониал, генеалогические изыскания. Особенно он любил музыку и даже сам сочинял оперы. Воином он не был, хотя при нем империя почти непрерывно воевала. Когда османские полчища окружили и осадили Вену в 1683 году, император без лишнего шума покинул столицу и вернулся только после того, как турок отразили и отбросили вниз по Дунаю. Нравом он был уныл, вял и упрям. Но даже погруженный в вечную спячку, он умудрялся излучать суровое достоинство, не лишенное даже величия, которое объяснялось

отчасти его отношением к собственной персоне. Ведь он твердо знал, что быть императором значит вознестись на самую вершину величия, какое только доступно роду человеческому. Весь уклад повседневной жизни императорского двора был направлен на то, чтобы неустанно напоминать, как велик и недостижим сан императора. В покоях и переходах своего старинного венского дворца, Хоф-бурга, император жил, подчиняясь жесткому церемониалу, напоминавшему скорее о Византии, нежели о Версале. В будни император носил испанское придворное платье - черный бархат, белое кружево, короткий плащ, шляпу с полями, отогнутыми с одной стороны, красные чулки, полагавшиеся только императорам — Габсбургам, и красные туфли. В торжественные дни - а они выпадали нередко — он представлял в почти азиатском великолепии, разодетый в сиявшую бриллиантами пурпурно-золотую парчу, и окруженный своими рыцарями Золотого Руна в длинных, расшитых золотом плащах малинового бархата. В этом наряде император в дни религиозных праздников пешком отправлялся к мессе во главе длинной процессии. Там, где проходил император с семьей,

356

придворные отвешивали низкий поклон и опускались на одно колено. Точно так же подданные должны были вести себя при упоминании имени императора, даже если сам он находился в другой комнате. Когда их величества обедали вдвоем, без посторонних, блюда проходили через двенадцать пар рук, прежде чем попасть на императорский стол. Виночерпий наполнял бокал императора, опустившись на одно колено.

Центром этих смехотворных церемоний был дворец Хофбург — лабиринт выросших за много столетий строений, соединенных темными лестницами и переходами, крохотными дворишками и парадными коридорами. В этом каменном хаосе, начисто лишенном симметрии и изящества Версала, ютился император с 2000 придворных и 30 000 слуг и тут же теснились правительственные учреждения, музеи и даже больница. Отсюда, из Хоф-бурга, Леопольд и правил империей, за исключением тех случаев, когда отбывал за город во дворец Фаворит охотиться на оленей или во дворец Лаксенбург на двадцать миль подальше охотиться с ловчими птицами на цапель.

По сути дела, хаос Хофбурга символизировал собой кавардак, царивший во всей империи. Правила Габсбурги не слишком умело. Им никогда не удавалось свести все канцелярии, советы, казначейства и массу прочих учреждений Священной Римской империи и габсбургских владений в единую четкую систему с централизованным управлением. Сам Леопольд, которого готовили к духовной карьере, был нерешительным владыкой. Робкий, вялый, вечно неуверенный, он предпочитал выслушивать советы и без конца обдумывать противоречивые рекомендации советчиков. Один французский дипломат сравнил его «с часами, которые постоянно нуждаются в заводе». К девяностым годам XVII века император был по рукам и ногам опутан великим множеством всяческих комитетов, которые за его спиной втихомолку яростно сражались друг с другом. Формирование же политического курса Австрии было пущено на самотек.

357

В глубине души ни Леопольд, ни впоследствии двое его сыновей, императоры Иосиф I и Карл VI, не считали беспорядок в делах управления серьезным недостатком. Все трое в продолжение почти сотни лет дружно полагали, что государственное руководство - дело второстепенное, куда менее важное не только для спасения собственной души, но и для будущего дома Габсбургов, чем вера в Бога и поддержка католической церкви. Если Господь будет ими доволен, он обеспечит династии и преемственность, и процветание. На этой-то основе и строились их взгляды на политику и методы управления государством: трон и империя вручены им от Бога, а значит, династию, ее интересы и судьбу оберегает и всегда защитит власть, которая превышает власти земной. За долгое правление Леопольда, несмотря на то, что император был ко всему безразличен, а громоздкая бюрократия подавляла всякое живое движение, его империи не раз улыбалась удача. Возможно, как полагал сам Леопольд это объяснялось вмешательством Всевышнего, но власть императора и вера в будущее в последние десятилетия его правления имели и земную основу — сверкающий меч принца Евгения Савойского. Тщедушный, сутулый принц был фельдмаршалом Священной Римской империи, главнокомандующим имперской армии и, наряду с герцогом Мальборо и королем Швеции Карлом XII, входил в число самых славных и победоносных полководцев своего

времени,

В жилах принца Евгения текла итальянская и французская кровь, титул его шел от деда, герцога Савойского. Он родился в Париже в 1663 году, его матерью была Олимпия Манчини, одна из знаменитых красавиц двора Людовика XIV, а отцом — граф де Суассон. Лицом и телом Евгений был так неказист, что на прошение о приеме на службу во французскую армию ему ответили отказом. Его предназначали для церковной карьеры; Людовик XIV даже имел обыкновение прилюдно называть Евгения «маленьким аббатом». Насмешки короля дорого

358

обошлись Франции. В возрасте двадцати лет принц Евгений отправился к австрийскому императору и попросил дать ему командную должность в имперской армии. Мрачный двор Леопольда пришелся ему по душе, а сосредоточенный, лишенный всякого намека на легкомыслие Евгений, над которым так потешались в Версале, оказался как нельзя более ко двору в Вене. Его появление там совпало с турецкой осадой Вены, и он, двадцати лет от роду, получил в подчинение драгунский полк. В последующие годы он отказался от своей мечты о каком-нибудь итальянском княжестве и посвятил всю жизнь армии. В двадцать шесть лет он стал генералом кавалерии, в тридцать четыре командовал имперской армией в Венгрии. Здесь, в сентябре 1697 года, когда Петр работал на амстердамской верфи, Евгений сокрушил главные силы султанской армии, втрое превосходившей его собственную, в отчаянной битве при Зенте. Мирная передышка оказалась недолгой, и вскоре он уже бился с врагами императора в Нидерландах, на Рейне, в Италии, на Дунае. Он участвовал в двух из величайших победных сражений герцога Мальборо, при Бленхейме (Гохштедте) и при Ауденарде, довольствуясь скромной ролью помощника командующего: его затмил великий Мальборо. Но если слава Мальборо зиждется всего на десяти годах командования в ходе войны за Испанское наследство, то Евгений Савойский был военачальником на протяжении пятидесяти лет, и тридцать из них он занимал пост верховного главнокомандующего.

Императорские советники и консультанты, историки и герольдмейстеры жарко спорили из-за тонкостей церемониала встречи посольства, дабы не уронить достоинство своего августейшего повелителя. Московский царь, сколь бы огромны ни были его владения, разумеется, не мог быть принят как венценосец, равный императору, наместнику самого Господа Бога. Дело еще больше осложнялось тем обстоятельством, что по официальной версии царя в составе делегации не было. Но все же

359

следовало каким-то образом оказать внимание высокому молодому человеку, именовавшему себя Петром Михайловым. Для решения столь серьезных проблем требовалось время; на то, чтобы разработать детали въезда посольства в Вену, ушло четыре дня, и целый месяц — чтобы договориться с послами относительно протокола приема. Петр между тем с нетерпением ждал личной встречи с Леопольдом. Австрийские придворные чиновники твердо стояли на том, что его императорское величество не может публично принять царя, странствующего под чужим именем, однако упорство Лефорта принесло плоды в виде согласия на частную встречу.

Свидание состоялось во дворце Фаворит, летней вилле Леопольда на окраине Вены. Петра, уважая его инкогнито, провели через садовую калитку, затем по черной винтовой лестнице - в приемный покой. Лефорт старательно проинструктировал царя, ознакомив его с условленным протоколом встречи: обоим монархам предстояло войти в длинный аудиенц-зал одновременно — из дверей в противоположных его концах; медленно двигаясь навстречу друг другу, они должны были встретиться точно посередине, возле пятого окна. К несчастью, Петр, открыв дверь и увидев Леопольда, забыл все наставления, устремился к императору широкими, быстрыми шагами и подошел к нему, когда тот добрался только до третьего окна. У австрийских придворных перехватило дыхание. Протокол нарушен! Что же будет? С Петром, с ними самими? Но когда двое властителей удалились для беседы в нишу окна, сопровождаемые только Лефортом в роли переводчика, придворные с облегчением увидели, что царь выказывает их повелителю большое уважение и держится почтительно. Собеседники составляли резкий контраст: пятидесятивосьмилетний император был невысок, бледен, огромный парик обрамлял его узкое, сумрачное лицо, а над выпяченной нижней губой нависали густые усы; двадцатилетний царь, непомерно высокий, усиленно жестикулировал,

при этом несколько

360

поддерживаясь. Встреча свелась, в сущности, к обмену любезностями и продолжалась пятнадцать минут, а потом Петр спустился в дворцовый сад и, сев в маленькую весельную лодку, с удовольствием покатался по озеру.

Эта первая встреча определила атмосферу всего двухнедельного пребывания Петра в Вене, где, кстати, он больше никогда не бывал. Несмотря на надоедливое кудахтанье австрийских чиновников, ведавших протоколом, он сохранял добродушие и учтивость. Он посетил императрицу с принцессами и постарался произвести хорошее впечатление. Он великодушно отказался от выделенных императорским двором на еженедельное содержание русской миссии в Вене в 3000 гульденов. Эта сумма, как сказал Петр, была слишком обременительна для его «дорогого брата», только что перенесшего тяготы длительных войн, и царь вполнине ее уменьшил. Австрийцы, располагавшие исчерпывающей информацией о поведении Петра как в Москве, так и во время путешествия, едва могли поверить, что этот почтительный и скромный молодой человек — тот самый гуляка, о котором они наслышаны. Иностранные послы в Вене отмечали его «деликатные, безупречные манеры». Испанский посланник писал в Мадрид: «Он не кажется здесь вовсе таким, каким его описывали при других дворах, но гораздо более цивилизованным, разумным, с хорошими манерами и скромным»².

Удивительная любезность и пытливость русского царя породили большие надежды в определенных кругах. Из донесений имперского посла в Лондоне представители католической церкви, и в первую очередь члены венского иезуитского колледжа, уже знали, что Петр не слишком привержен догматам православия и интересуется различными вероисповеданиями. Подобно тому, как архиепископ Кентерберийский и другие протестанты подумывали об обращении Петра в протестантизм, католики теперь надеялись, что царя, а следом за ним и все его царство удастся ввести в лоно Матери святой католичес-

361

кой церкви. Реализовать эти надежды пытался советник императора, отец Вульф, иезуитский проповедник, говоривший немного по-русски. В день Святого Петра, отстояв православный молебен, который служил его собственный духовник, сопровождавший посольство, царь посетил мессу в колледже иезуитов. Тут он услышал проповедь, в которой отец Вульф говорил, что «во второй раз ключи будут вручены другому Петру, и он отворит ими другую дверь»³. Скоро Петр побывал еще на одной мессе, которую на этот раз отправлял кардинал Коллониц, примас Венгрии, а после отобедал с кардиналом в трапезной колледжа. Из разговора кардиналу стало ясно, что Петр и не думает об обращении в новую веру, а слухи, будто он собирается ехать в Рим, чтобы сам папа принял его в лоно католической церкви, ни на чем не основаны. Он собирался в Венецию — изучать строительство галер, а в Рим если и попал бы, то исключительно как путешественник, а не как паломник. После этой встречи кардинал так описал своего гостя:

Царь — высокий молодой человек лет двадцати восьми — тридцати, величавый и серьезный, с выразительным смуглым лицом. Его левый глаз, левая рука и левая нога пострадали от яда, которым его отравили при жизни его брата; но теперь об этом напоминает только неподвижный взгляд этого глаза и непрерывные движения руки и ноги. Чтобы их скрыть, он сопровождает эти произвольные подергивания постоянными движениями всего тела, которые многие люди в тех странах, где он побывал, приписывали естественным причинам, но на самом деле они являются нарочитыми. У него живой и быстрый ум; манеры скорее цивилизованного человека, чем дикаря. Предпринятое им путешествие оказало на него сильное благотворное влияние, так что очевидна разница между тем, каков он был в начале странствий и каков он теперь, хотя его прирожденная грубость все еще сказывается, главным образом — в отношениях с его сопровождающими,

362

которых он держит в большой строгости. Он обладает познаниями в истории и географии и жаждет узнать об этих предметах еще больше; но сильнее всего его привлекает море и корабли, над сооружением которых он трудится собственноручно.

В дни визита Петра Леопольд дал один из знаменитых костюмированных балов, которыми славился венский двор. Действие разворачивалось в декорациях деревенской таверны, хозяев которой изображали император и императрица, а придворные и иностранные посланники

были одеты в крестьянские костюмы. Там присутствовал и принц Евгений Савойский. Петр был в костюме фрисландского крестьянина, а доставшаяся ему по жребию партнерша, девица Иоганна фон Турн, нарядилась его подружкой-фрисландкой. За обедом отбросили все церемонии, и император с императрицей сели за столом там, где им понравилось. Тосты звучали один за другим, и Леопольду пришла в голову мысль, каким образом можно провозгласить тост за здоровье высокого гостя, который присутствовал на маскараде негласно. Он поднялся с места и, обратившись к молодому человеку в маске, произнес: «Если не ошибаюсь, вы знакомы с русским царем, выпьем же за его здоровье!»

На следующее утро кубок, из которого пил император, по его распоряжению, преподнесли Петру в дар. Он был отделан горным хрусталем и стоил 2000 флоринов. Удовольствие от ужина в обществе маскарадной партнерши, царь выразил на следующий день: ей доставили четыре пары соболей и 250 дукатов.

Отвечая на гостеприимство своих хозяев, в день Святого Петра русское посольство устроило бал на тысячу гостей, длившийся целую ночь. Фейерверки, которые зажигал сам царь, танцы, вино, беготня по летнему ночному саду придали этому приему в Вене привкус Немецкой слободы. На торжественном обеде, состоявшемся после того, как император официально принял

363

посольство, за здоровье супруг обоих монархов, императрицы и царицы, не пили. Причем настояла на этом русская сторона — так что Евдокии после возвращения Петра в Москву ничего хорошего ждать не приходилось. За обедом, когда речь зашла о напитках, барон Кениг-зекер настоял, чтобы Лефорт немедленно отведал шесть сортов вин, отобранных бароном. Вина принесли, Лефорт пригубил их и попросил, чтобы его долговязому другу, стоявшему за спинкой стула наподобие слуги, тоже дали попробовать.

Несмотря на то, что в Вене Петра окружили приветливостью и дружелюбием, его дипломатическая миссия здесь потерпела неудачу. Великое посольство явилось затем, чтобы пробудить заинтересованность Австрии в возобновлении боевых действий, на этот раз более решительных, против турок. Вместо этого послам пришлось прилагать отчаянные усилия, чтобы помешать австрийцам принять турецкие мирные предложения, весьма выгодные для Австрии, но не для России. По условиям предложенного мира, все воюющие стороны соглашались признать статус-кво, причем каждая из них сохраняла за собой все территории, захваченные на момент подписания договора. Для Габсбургов это было благоприятное решение, так как под их властью остались бы и Венгрия, и часть районов Трансильвании. Мысль о заключении мира казалась крайне заманчивой. Кроме того, на западе опять маячила угрожающая тень Людовика. Настала пора развязать себе руки на востоке, пожать плоды победы, составить новую коалицию и лицом к лицу встретиться с Королем-Солнце.

Единственным, кого не устраивало возможное примирение, был Петр. Он дважды, в 1695 и 1696 годах, возобновлял боевые действия против Турции, провел две Азовские кампании, овладел крепостью и возымел честолюбивое желание ходить под парусами в Черном море; горы свернул, чтобы построить флот в Воронеже, сам отправился в Европу учиться кораблестроению, нани-

364

мать корабельных мастеров, капитанов, и матросов — все для того, чтобы создать новый Черноморский флот. Так мог ли он допустить, чтобы война кончилась раньше, чем он по крайней мере завладеет Керчью и принудит турок согласиться с его правом бороздить воды Черного моря?

Петр лично высказал свои нужды имперскому министру иностранных дел графу Кинскому, а тот довел их до сведения императора. Сознавая, что австрийцы твердо намерены пойти на мировую, Петр сосредоточил внимание на условиях мира. Во-первых, ему нужны были заверения в том, что император будет настаивать на передаче России турецкой крепости Керчь, являвшейся ключом от пролива между Азовским и Черным морями. Без Керчи новый флот Петра не сумел бы войти в Черное море и остался бы запертым в Азовском, достаточно обширном, но стратегически бесполезном. Кинский отвечал, что мирный конгресс, на который, разумеется, пригласят и Россию, еще не начался, и если Петру нужна Керчь, то пусть он ее поскорее захватит, пока не подписан договор, так как сомнительно, чтобы удалось

заставить Турцию отдать ее под дипломатическим нажимом за столом переговоров, «ведь турки не привыкли отдавать свои крепости без боя». Наконец было получено хотя бы обещание императора не подписывать договора, не познакомив прежде царя со всеми его условиями.

Большого добиться не удалось, и Петр заторопился с отъездом: Вена была городом сухопутным, без доков и кораблей, а его ждала Венеция, где царь рассчитывал узнать секреты сооружения грозных венецианских боевых галер. К 15 июля все формальности уладили - паспорта членов посольства были в порядке, и часть свиты уже находилась на пути в Венецию. В самый момент отъезда, когда Петр только что вернулся с прощальной аудиенции у императора, пришла свежая почта из Москвы со срочным и тревожным письмом от Ромо-

365

дановского. Четыре стрелецких полка, получившие приказ следовать из Азова на польскую границу, взбунтовались и вместо этого выступили на Москву. Когда Ромо-дановский писал свое письмо, они уже находились в шестидесяти верстах от столицы, и верные правительству войска под началом Шеина и Патрика Гордона выступили им навстречу. В письме ничего не говорилось ни о причинах, ни о масштабах восстания, и вообще больше никаких подробностей о происходящем не сообщалось. Письмо шло месяц, и Петр понял, что, пока он отплясывал на маскараде в костюме поселянина, стрельцы, быть может, заняли Кремль, сестра Софья захватила русский престол, а он сам объявлен изменником.

Царь немедленно решил прервать поездку, отменить посещение Венеции и возвращаться напрямик в Москву — навстречу своей участи, какова бы она ни была. Надеясь и веря, что его наместники все еще стоят у власти, он написал Ромодановскому:

Письмо твое, июня 17 дня писанное, мне отдано, в котором пишешь, ваша милость, что семя Ивана Михайловича [Милославского] растет, в чем прошу быть вас крепких [проявить твердость]; а кроме сего ничем сей огонь угасить не мочно. Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела, однако сей ради причины будем к вам так [скоро], как вы не чаете.

Сворачивая посольство, Петр решил взять первых двух послов, Лефорта и Головина, с собой — помогать разобраться с положением в Москве, а третьего, Возницю, оставить в Вене в качестве представителя России на будущих мирных переговорах с Турцией.

19 июля Петр выехал из Вены по дороге на Польшу, к изумлению австрийцев, ничего не знавших о последних новостях из России и потому ожидавших, что он отбудет в направлении Венеции. Царь ехал день и ночь, останавливаясь только чтобы поесть и сменить лошадей. Он уже достиг Кракова, когда его нагнал гонец, которо-

366

го Возницын послал галопом вслед за царем со свежими и более утешительными известиями. Шеин в бою одолел бунтовщиков; 130 человек казнено 1860 взято в плен. У Петра отлегло от сердца, и он стал подумывать, не повернуть ли назад, в Венецию. Но он уже был на полпути к дому, оставленному полтора года назад, а в Москве предстояло так много сделать. И он — уже без прежней поспешности — двинулся дальше на восток и неторопливо подъехал к городу Рава, что в Галиции. Здесь царь познакомился с уникальной личностью, в чьи дипломатические и военные махинации Петру к России в будущем предстояло окунуться с головой. Это был Август, курфюрст Саксонский, а теперь, благодаря поддержке австрийского императора и русского царя, еще и польский король.

Польша, через земли которой царь следовал домой, была самым слабым и уязвимым из крупных европейских государств петровского времени. По величине территории и численности населения страна была гигантская: она раскинулась от Силезии до Украины, от Балтийского моря до Карпат; население — одно из самых многочисленных в Европе - составляло восемь миллионов; однако в политическом и военном отношении Польша ничего значительного собой не представляла. И если эту обширную страну никто не трогал, то только потому, что ее соседи были слишком поглощены собственными делами или сами слишком слабы, чтобы растащить ее по кускам. Целых двадцать лет Северной войны, которая вот-вот должна была начаться, Польша будет лежать поверженной, и весь ее горестный вклад в эту войну сведется к тому, что польские земли станут полем битвы между противостоящими армиями чужеземцев. Огромная страна окажется беспомощной перед натиском шведского агрессора, у которого всех подданных было два с половиной миллиона.

Бессилие Польши объяснялось рядом причин. Первая из них состояла в отсутствии какого бы то ни было национального и религиозного единства. Лишь половину населения Польши составляли собственно поляки, и эта половина придерживалась католицизма. Другая половина — литовцы, русские, евреи и немцы — представляла собой мешанину из протестантов, православных и иудеев. Между различными группами существовали разнообразные, более или менее напряженные связи и отношения, но в целом наблюдалось всеобщее религиозное и политическое противостояние. Литовцы ссорились между собой, и объединяла их только общая ненависть к полякам. Евреи, составлявшие значительную часть городского населения, стремились к главенству в торговых и финансовых делах, внушая полякам зависть и страх. Казаки, номинально подчиненные гетману Украины, который теперь формально являлся подданным русского царя, не выполняли никаких указов польского короля.

Но если в национальной и религиозной сфере царила путаница, то политическую ситуацию в Польше следует признать попросту хаотической. Это государство было республикой, в которой имелся король. Король был выборным, а не наследственным монархом и располагал лишь той властью, какую ему благоволила предоставить польская знать — то есть, как правило, никакой. Монарх, таким образом, представлял собой нечто вроде парадного украшения на здании государства. В то время, как Франция своим примером указывала большинству европейских государств дорогу к централизованной власти и абсолютизму, Польша двигалась в противоположном направлении — к политическому распаду и анархии. Настоящими правителями Польши были польские и литовские магнаты, владевшие огромными территориями, на которые центральная власть не распространялась ни в коей мере. Так, Сапегы, могущественный литовский род, сами помышлявшие о престоле, вообще ни в грош не ставили польских королей.

Именно польская и литовская земельная аристократия и настояла в 1572 году на выборности королей. Она же к концу XVII века владела всеми богатствами страны и вывозила лен, зерно и лес из своих обширных поместий вниз по Висле в Балтийское море. Она обладала всей полнотой политической власти, ибо не только избирала себе монарха, но и заставляла избранника накануне коронации подписывать обязательство, определявшее условия, на которых ему разрешалось править. Своего идеала польская аристократия достигла тогда, когда сейм, или парламент, пришел к решению, что ни один закон не может быть утвержден, если хотя бы один из членов сейма возражает против этого. К тому же ни король, ни парламент не располагали механизмом введения или сбора налогов. Не существовало также сколько-нибудь последовательной польской внешней политики. «Эта буйная нация подобна морю, — сетовал английский дипломат. — Она клокочет и ревет, ... но в движение приходит лишь под воздействием какой-нибудь превосходящей силы».

Такая же неразбериха царила и в польской армии. Кавалерия отличалась примерной отвагой и пышным убранством: нагрудники и мечи доблестных всадников сияли алмазами. Зато дисциплины не существовало вовсе. Польская армия, ведущая боевые действия, могла в любой момент увеличиться или сократиться из-за того, что какой-нибудь магнат с вооруженными вассалами присоединился к ней или, напротив, ее покинул. И лишь сами эти господа решали, вступать ли им в боевые действия, и если да, то когда именно. Если они уставали воевать или им просто становилось скучно, они покидали театр войны, какими бы ужасными последствиями подобный поступок ни обернулся для оставшихся польских воинов. Бывали даже такие времена, когда король Польши вел войну, а Речь Посполитая в лице парламента пребывала в состоянии мира. В обстановке царящего хаоса, где, как в калейдоскопе, смешивались декоратив-

ный король, парламент с подрезанными крыльями и самоуправное феодальное войско, огромная мятежная страна брела, спотыкаясь и падая, но все же неуклонно приближаясь к анархии.

При такой государственной системе Польша могла уповать лишь на то, что сильный государь каким-то образом сумеет обуздать этот хаос, всех объединив и утихомирив. Однако выбор монарха зависел теперь не только от желаний польской знати. К этому времени вопрос о том,

кому достанется польская корона и с ней хотя бы ограниченная власть над одним из крупнейших государств, приобрел общеевропейское значение. Каждый монарх Европы жаждал завладеть польским тронem для своей собственной династии или, по крайней мере, для кого-нибудь из дружественных ему правителей. Петр, русский царь и восточный сосед Польши, был особенно в этом заинтересован. Услышав, что польский трон, может достаться французскому претенденту, Петр уже готовился, если понадобится, оккупировать Польшу. Он выдвинул русские войска к польской границе, чтобы оказывать давление на выборщиков, а в случае победы француза приступить к захвату. (Как раз распоряжение о том, чтобы стрелецкие полки снялись из-под Азова и выступили в сторону Польши, и спровоцировало их бунт и тем самым — спешный отъезд царя из Вены.) А на другом конце Европы Король-Солнце мечтал увидеть, как дружественная Франции Польша поднимается за спиной Габсбурга. Кандидатом Людовика был Франсуа Луи де Бурбон, принц де Конти, французский принц крови, который сделался любимцем версальского двора благодаря своим воинским подвигам, неотразимому обаянию и сексуальной всеядности. Сам Конти не испытывал восторга от перспективы сделаться польским королем — не хотелось расставаться с друзьями и версальскими развлечениями ради диких степей Восточной Европы. Однако король стоял на своем и крупно раскошелился, выделив три миллиона ливров золотом на подкуп необходимого числа голосов в сейме. Его усилия принесли успех, и при поддержке большинства польской знати, включая и литовское семейство Сапегов, был избран Конти, которого отправили морем в Данциг (Гданьск) в сопровождении сильной военно-морской эскадры под командованием знаменитого французского адмирала Жана Бара.

Прибыв в Польшу, Конти узнал, что он уже низложен. Август Саксонский — отвергнутый претендент, опиравшийся на русского царя и австрийского императора, отказался признать решение сейма и вступил в Польшу во главе саксонской армии. Он прибыл в Варшаву, опередив Конти, принял католичество, вынудил сейм изменить решение и был коронован 15 сентября 1697 года. Конти с легким сердцем возвратился в Версаль, и в Польше началось тридцатишестилетнее правление Августа.

Итак, Август не просидел еще на польском троне и года, когда Петр, возвращаясь в Москву, пересек его владения. Август оставался также саксонским курфюрстом, хотя Польша и Саксония не имели даже общей границы: их разделяли принадлежавшая Габсбургам Силезия и бранденбургские земли по Одере. Саксония была лютеранской, Польша — преимущественно католической. Власть Августа, как и всех польских королей, была ограниченной, но он уже искал способ исправить положение. Явившись в Раву, где пребывал новый король, Петр нашел, что Август, подобно ему самому, — молодец, наделенный недюжинной статью. Двадцативосьмилетний король был высок (конечно, если не сравнивать его с Петром, чей рост выходил за нормальные рамки) и обладал мощным сложением: его даже прозвали Августом Сильным и говорили, будто он может руками согнуть подкову. Он отличался грубоватым прямодушием и дружелюбием, был румян, голубоглаз, имел крупный четко очерченный нос, полные губы и необыкновенно густые черные брови. Его жена, урожденная Гогенцолл-

370

371

лерн, оставила его, когда он перешел в католичество, но это мало беспокоило Августа, чье сластолюбие и волокитство поистине не знали границ. Достижения Августа в этой области были выдающимися даже для того времени, когда достойных соперников у курфюрста хватало; он коллекционировал женщин и, наслаждаясь своей коллекцией, произвел на свет ни много ни мало 354 побочных отпрыска. Одной из самых любимых фавориток Августа была прекрасная графиня Аврора фон Ке-нигсмарк, с которой Петр уже встречался в Дрездене. Другой, много лет спустя, стала графиня Ожельска, одновременно приходившаяся Августу дочерью.

Кроме плотских удовольствий, Август любил и розыгрыши, в которых тоже проявлялись его специфические склонности. Он преподнес Петру золотую шкатулку с секретной пружиной, украшенную двумя портретами его любовницы. Портрет, помещенный на крышке, представлял даму в богатом придворном платье, весь облик которой говорил о величавом достоинстве. Второй портрет, открывавшийся взгляду, когда нажимали пружину и крышка откидывалась, изображал ту же даму после того, как она уступила настояниям возлюбленного:

ее убор в соблазнительном беспорядке, весь облик дышит сладострастием*.

В Августе — молодом, шумном, веселом, добродушном здоровяке — Петр тотчас признал родственную душу.

* Как-то раз Август подобным же образом продемонстрировал свое чувство юмора, показывая прусскому королю Фридриху Вильгельму и его шестнадцатилетнему сыну свой дворец в Дрездене. Они зашли в одну из спален и любовались росписью потолка, как вдруг полог, скрывавший ложе, взвился вверх и взорам открылась лежащая на постели нагая красotka. Суровый ханжа Фридрих Вильгельм ринулся вон из комнаты, волоча за собой сына. Август покатывался со смеху, но принес извинения, а через некоторое время прислал эту самую особу «в дар» юному Фридриху. Молодой человек из вежливости принял подарок, хотя вообще-то женщинами не интересовался.

Они провели в Раве четыре дня, вместе обедали, производили смотры пехоты и кавалерии, а вечерами пиروвали. Петр выражал свою привязанность к новому другу, то и дело обнимая и целуя его. «Я едва ли был бы в состоянии изобразить вам объятия, имевшие место между обоими государями»⁹, — писал один из членов петровской свиты. Август произвел на Петра глубокое впечатление, которое не забывалось много лет, и он с гордостью носил на одежде польский королевский герб — подарок Августа. На следующий день после возвращения в Москву, когда приветствовать царя пришли его бояре и друзья, он принялся похвастаться перед ними своей новой дружбой. «Король польский мне милее, чем все вы находящиеся [здесь], — объявил царь, — пока я жив, буду с ним в добром согласии не потому, что он — король польский, но в уважении его приятной особы»¹⁰.

Дни, проведенные Петром в Раве, и его новая привязанность имели для России важные последствия. В эти самые дни Август, который уже извлек выгоду из поддержки, оказанной ему Петром в борьбе за корону, воспользовался пылкой дружбой царя, чтобы склонить его в пользу еще одного из своих честолюбивых замыслов — совместного нападения на Швецию. Король Швеции Карл XI умер, оставив трон пятнадцатилетнему сыну. Момент казался подходящим для попытки отобрать у Швеции прибалтийские области, которые, находясь в руках шведов, преграждали России и Польше доступ к Балтийскому морю. Август был проницателен и хитер: со временем он снискал репутацию обманщика и двурушника, не знавшего равных среди правителей всей Европы. Поэтому вполне в его духе было предложить на всякий случай готовиться к нападению тайно и нанести удар внезапно.

Петр с сочувствием прислушивался к своему неистовому и не ведавшему укоров совести приятелю. У него имелись собственные причины одобрять этот замысел: в Вене ему дали понять, что война на юге против Турции

372

373

идет к концу. Тем самым перед ним закрывались двери Черного моря, в то время как жажда морских приключений в его душе все росла. Он вернулся из Голландии и Англии, опьяненный мечтами о кораблях, флотах, торговле и море. Неудивительно, что предложение прорваться к Балтике и открыть прямой морской путь на Запад его очень соблазняло. Кроме того, шведские провинции, на которые предполагалось напасть, принадлежали когда-то России. Однажды они, как игральные кости, легли в одну сторону; что ж, теперь попробуем бросить их другой рукой. Август говорил, а Петр слушал и кивал. Двадцать пять лет спустя, составляя вступление к официальной русской истории Северной войны, царь подтвердил, что первоначальная договоренность о выступлении против Швеции была достигнута именно в Раве.

Великое посольство закончилось. Первое мирное путешествие русского царя за границу продлилось полтора года, обошлось в два с половиной миллиона рублей, познакомило курфюрстов, принцев, королей и одного императора с плотником Петром Михайловым и доказало Западной Европе, что русские не едят сырого мяса и не ходят в медвежьих шкурах, наброшенных на голое тело. Каковы же были существенные его итоги? С точки зрения стоявших перед ним явных, открытых целей — оживления и расширения союза против Турции, — посольство провалилось. Европа готовилась к иным, новым войнам, а на Востоке наступал мир. Куда бы ни направлялся Петр в поисках помощи — в Гаагу, Лондон, Вену, — всюду он ощущал присутствие грозной тени Людовика XIV. Не султан, а Король-Солнце — вот кто страшил Европу. Европейская дипломатия, финансы, морские флотилии и армии изготoвились в преддверии кризиса, который должен был неминуемо разразиться, как только опустеет испанский трон. России предоставили в одиночку сражаться с турками или мириться с ними, и у нее не оставалось другого выхода, кроме как заключить мир.

Однако с точки зрения осязаемых практических результатов, посольство надо признать весьма успешным. Петру и его послам удалось привлечь на русскую службу более восьмисот европейских специалистов, в большинстве голландцев, но также и англичан, шотландцев, венецианцев, немцев и греков. Многие из этих людей долгие годы прожили в России и внесли важный вклад в модернизацию страны, навсегда вписав свои имена в историю петровского царствования.

Еще важнее оказалось то глубокое и стойкое впечатление, которое осталось в душе самого Петра после посещения Европы. Он поехал, чтобы научиться строить корабли, и с этой задачей прекрасно справился. Но любознательность заставила его открыть для себя и целый ряд неизвестных прежде областей знания. Он с интересом окунался во все, что попадалось ему на глаза — изучал микроскопы, барометры, ветровые приборы, монеты, мертвые тела, зубные клещи, не говоря уж о кораблестроении и артиллерийском деле. Все, что он увидел в процветающих городах и портах Запада, что узнал от ученых, изобретателей, купцов, ремесленников, инженеров, печатников, солдат и матросов, подтверждало его убеждение, сформировавшееся еще в Немецкой слободе: русские в техническом отношении отстали от Запада на десятилетия, а может быть, и на столетия.

Спрашивая себя, как это могло случиться и каким образом можно исправить положение, Петр пришел к пониманию того, что корни европейских технических достижений кроются в высвобождении человеческого разума. Он осознал, что Возрождение и Реформация, несколько не затронувшие Россию, разрушили церковные оковы средневековья и создали атмосферу, в которой могла процветать свободная философская и научная мысль, разнообразнейшая коммерческая деятельность, предпринимательство. Он видел, что оковы ортодок-

374

375

сальной церкви все еще сдерживают Россию, как и путы крестьянского уклада и вековых традиций. И Петр принял непреклонное решение сокрушить эти оковы.

Но, как ни странно, Петр проглядел, а возможно, не захотел увидеть новый, западный взгляд на человека. Он отправился на Запад не для того, чтобы изучать «искусство управления». В протестантской Европе его со всех сторон окружали свидетельства новых гражданских и политических прав отдельной личности, воплощенных в конституциях, биллях о правах, парламентах, но все же, возвращаясь в Россию, он вовсе не собирался делиться властью со своим народом. Так что он приехал не только с твердым намерением изменить свою страну, но и с убеждением, что в грядущих преобразованиях только он один может направить Россию по правильному пути, только он может стать движущей силой этих преобразований. И если недостаточно окажется обучать и убеждать, он будет толкать, а то и кнутом гнать вперед отсталую страну.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ОТО ТЕБЕ ВО ВСЕМ МЕШАЕТ»

5 сентября 1698 года, едва пробудившись ото сна, Москва узнала о возвращении царя. Петр с Лефортом и Головиным приехал накануне вечером, ненадолго заглянул в Кремль, проведая кое-кого из друзей, а потом удалился на ночь в свой дворец в Преображенском вместе с Анной Монс. Новость мигом разлетелась по городу, и бояре с чиновниками толпами сгрудились у царских дверей, желая поздравить Петра с возвращением домой и рассчитывая, по словам очевидца, «своей поспешностью... показать государю, что пребыл ему верным». Петр принимал всех очень радостно и сердечно. Тех, кто по старому московскому обычаю валился в ноги царю, он «ласково и поспешно поднимал и целовал их, как самых коротких своих друзей»¹.

В тот самый день, когда вельможи локтями расталкивали друг друга, чтобы пробраться поближе к царю, искренность их чувств подверглась необычному испытанию. Обойдя всех и обняв каждого, Петр вдруг вытащил длинную и острую бритву и принялся собственноручно брить им бороды. Начал он со славного полководца Шеина, слишком потрясенного, чтобы сопротивляться. Следующим стал Ромодановский, чья фанатичная преданность Петру превозмогла даже эту насмешку над гордостью старого москвитя. Потом дошла очередь и до

377

остальных, и скоро все присутствующие бояре оказались безбородыми и никто из них не мог со смехом показывать пальцем на других. Пощадили только троих: патриарха, который в ужасе смотрел на происходящее, из уважения к его сану; князя Михаила Черкасского из-за

преклонного возраста; Тихона Стрешнева в знак почтения к его роли опекуна юного Петра при покойной царице-матери.

Зрелище было в своем роде замечательное: одно мановение царской руки — и все ведущие политики, военные, знать России полностью преобразились. Вдруг исчезли знакомые, привычные лица и взамен появились новые. Подбородки, щеки, рты, губы, которые много лет были скрыты от глаз, теперь открылись, совершенно изменив облик своих обладателей. В общем, все это было скорее смешно, однако комичность ситуации омрачалась беспокойством и страхом. Для большинства православных русских борода служила неотъемлемым атрибутом их приверженности вере, их самоуважения. Это дарованное Богом украшение носили пророки, апостолы, сам Иисус. Иван Грозный выразил типичное ощущение москвичей, провозгласив: «Бритье бороды есть грех, которого не смыть кровью всех мучеников. Оно губит образ от Бога мужу дарованный»². Безбородым священники обычно отказывали в благословении. Считалось, что таким срамникам нет места в лоне христианской церкви. И все же, когда в середине XVII века в Москве стало появляться все больше безбородых иностранных купцов, военных и инженеров, царь Алексей смягчил это правило и объявил, что если русские пожелают, то могут бриться безбоязненно. Немногие воспользовались его разрешением, но и тех, кто решился, хватило, чтобы вдохновить патриарха Адриана на новое осуждение: «О пребеззаконники! Ужели вы считаете красотой брить бороды и оставлять одни усы? Но так сотворены Богом не человеки, а коты и псы! Брадобритие не только есть безобразие и бесчестие, но и грех смерт-

378

ный». Вот что проносилось в головах обритых бояр, хотя они и подчинились приказу царя.

Петр, никогда не носивший бороды, считал эту деталь внешности ненужной, неприличной и смехотворной. Над русскими бородачами потешались и насмехались на Западе. Словом, борода воплощала в себе все то, что Петр вознамерился изменить, и он, по своему обыкновению, ринулся в бой, самолично орудуя бритвой. С этого дня, когда бы Петр ни появился на официальном приеме или на пиру, тот, кто приезжал туда с бородой, уезжал без нее. Не прошло и недели с его возвращения, как он посетил праздник в доме Шеина и поручил своему придворному шуту Якову Тургеневу обойти всю комнату и поработать цирюльником. Процедура была довольно болезненная: трудно обойтись без порезов, пытаясь справиться с длинными, густыми бородами при помощи сухого лезвия. Но возражать никто не осмеливался. Царь был здесь же, готовый съездить по физиономии каждому, кто вздумает протестовать.

Брадобритие началось с тесного кружка приближенных Петра - с намерения посмеяться над стародавним русским обычаем и показать, что тот, кто рассчитывает на царскую милость, должен впредь появляться в его присутствии бритым, но скоро запрет носить бороды стал вполне серьезным и всеобщим. Указом Петра всем подданным, кроме духовенства и крестьян, было велено сбрить бороды. Чтобы добиться послушного выполнения приказа, чиновникам дали право резать бороды у всех встречных и поперечных, невзирая на чины. Перепуганные и охваченные отчаянием люди подкупали одного чиновника, чтобы их оставили в покое, но тут же попадали в лапы к следующему чиновнику. Очень скоро ношение бороды сделалось слишком дорогим удовольствием.

В конце концов самым отъявленным упрямым позволили оставить бороду - при условии уплаты ежегодного налога. Уплативший получал маленький медный

379

медальон с изображением бороды и словами «деньги взяты», который носили на цепочке на шее для доказательства, что хозяин бороды имеет на нее законное право. Налог не был для всех одинаковым: крестьяне платили две копейки в год, а с богатых купцов брали до ста рублей. Многие и рады были платить налог ради сохранения бороды, но те, кто имел дело с царем, не рисковали прогневить его растительностью на подбородке. Если царю попадался на глаза бородач, то иногда он «в веселом расположении духа с корнем выдирает их бороды или сбивал так грубо, что срезал и часть кожи вместе с волосами»⁴.

Царь веселился, а большинство русских считало насильственное бритье унижительным посягательством на их достоинство. Некоторые отдали бы что угодно, только бы не потерять бороду, которую носили всю жизнь И без которой не мыслили лечь в могилу и явиться в лучший

мир. Сопротивляться царевой воле они не могли - слишком неравные силы. Но они трогательно пытались искупить грех, который привыкли считать смертным. Джои Перри, английский инженер, нанятый Петром на службу во время поездки в Лондон, так описывал пожилого русского плотника, с которым встретился на воронежских верфях:

Примерно в это время царь прибыл в Воронеж, где я служил, и множество моих рабочих, всю жизнь проходивших с бородами, теперь оказались принуждены с ними расстаться; одним из тех, кто только что вышел из рук цирюльника, был старый русский плотник... большой мастер работать топором, к которому я всегда питал дружеское расположение. Я немного пошутил с ним... сказав, что он помолодел, и спросил, что он сделал со своей бородой... Он сунул руку за пазуху, вытащил и показал мне бороду; затем сказал, что когда придет домой, то спрячет ее, и потом ее положат к нему в гроб и похоронят вместе с ним, чтобы он мог

380

дать за нее отчет Святому Николаю, когда явится в мир иной, и что его собраты приняли такие же меры»^{5*}.

Из путешествия Петр вернулся в бодром, приподнятом настроении. Он рад был снова очутиться в дружеском кругу и так рвался начать преобразования, что не знал, с чего раньше начать. Он метался с места на место. На второй день в Москве царь устроил войсковой смотр и остался страшно недоволен. Как писал австрийский дипломат Иоганн Корб:

...[Он] убедился, что многого не достает этим-толпам, чтоб можно было их назвать воинами. Он лично показывал им, как нужно делать движения и обороты наклоном своего тела, какую нестройные толпы должны были иметь выправку; наконец, соскучившись видом этого скопища необученных, отправился, в сопровождении бояр, на пирушку, которую, по желанию его, устроил Лефортов. Пированье длилось до позднего вечера, сопровождаясь веселыми кличами при заздравных чашах и пальбою из орудий. Пользуясь тишиною ночи, Государь, с немногими из близких к себе, отправился в Кремль повидаться с царевичем, сыном своим... Дав волю своему родительскому чувству и осыпая сына ласками, три раза поцеловал его; затем, избегая встречи с женою, которая давно ему опротивела, он возвратился в свой Преображенский кирпичный

* В послепетровское время бороды очень медленно возвращались в верхние слои русского общества. Весь XVIII и первую половину XIX века должностные лица, офицеры и солдаты в армии должны были бриться. В 1860-1870-х годах, при Александре II, это правило смягчили и многие русские правительственные чиновники и военные, за исключением служивших в императорской гвардии, снова стали носить бороды. Все цари, правившие после Петра, были гладко выбриты, кроме двух последних, Александра III и Николая II, которые носили бороды, демонстрируя свои славянофильские пристрастия.

381

Через несколько дней Петр встретил русский Новый год (который по старомосковскому календарю начинался 1 сентября) пышным празднеством в доме генерала Шеина. Собралась целая толпа гостей - бояре, офицеры и множество других людей, в том числе и несколько простых матросов молодого русского флота. Петр оказывал морякам особое внимание и провел с ними большую часть вечера; он разрезал пополам яблоки и, отдав одну половинку какому-нибудь матросу, вторую ел сам. Одного из них он обнял за плечи и назвал его «братцем». Тосты не смолкали, и всякий раз, как пирующие поднимали бокалы, раздавался залп из двадцати пяти пищалей.

Еще один «великолепный пир» состоялся через две недели после возвращения царя. И хотя Петр приехал с флюсом и зубной болью, австрийский посол записал в своем дневнике, что никогда не видел его более веселым и непринужденным. Генерал Патрик Гордон прибыл, чтобы впервые представиться царю после его приезда, и объяснил свою задержку тем, что находился в загородном имении, где застрял из-за скверной погоды и гроз. Старый солдат дважды низко поклонился и собирался было опуститься на колени и обнять ноги царя, но Петр взял его за руку и горячо ее пожал.

Не успели бояре опомниться после того, как царь вынудил их сбрить бороды, а он уже принялся настаивать, чтобы они сменили традиционные русские одежды на европейское платье. Некоторые уже и сами это сделали — польский наряд был в ходу при дворе и в нем постоянно появлялись смельчаки вроде Василия Голицына. В 1681 году царь Федор велел придворным укоротить длиннополые одеяния, чтобы можно было нормально ходить. Но большинство продолжало носить привычный русский костюм: вышитую рубаху, широкие штаны, заправленные в мягкие ярко-зеленые или красные, отделанные

золотом сапожки с загнутыми носками и поверх всего бархатный, атласный или парчовый каф-

382

тан до пят со стоячим воротником и рукавами непомерной длины и ширины. Выходя на улицу, надевали еще одно длинное одеяние, летом легкое, зимой подбитое мехом, с высоким квадратным воротником и с еще более длинными рукавами, свисавшими до полу. Когда в праздничный день группа бояр шествовала по Москве в длинных, свободно ниспадающих одеждах и высоких меховых шапках, зрелище было по-азиатски пышное.

Петр терпеть не мог этот национальный костюм из-за его непрактичности. Он вел деятельную жизнь — работал на верфи, ходил под парусами, маршировал вместе с солдатами, а длинная, громоздкая одежда путалась в ногах и стесняла движение. А еще ему очень не нравилась гримаса любопытства, насмешки и презрения, которой встречали европейцы россиян в традиционных одеждах на улицах западных городов. Возвратившись в Москву» он твердо решил положить этому конец. Среди самых упорных приверженцев старинного костюма был суровый князь Ромодановский. Когда ему сказали, что Федор Головин, один из руководителей Великого посольства, в Европе сменил русское платье на модный западный костюм, Ромодановский заявил: «Я не думаю, чтобы Головин был таким безумным и сумасшедшим, чтобы презирать народное платье»⁷. Но на 30 октября Петр назначил торжественный прием для Головина и Лефорта в честь возвращения Великого посольства, и явиться всем надлежало только в европейском платье, так что пришлось подчиниться и самому Ромодановскому.

Той же зимой, на двухдневном празднике -по случаю завершения нового дворца Лефорта, Петр извлек длинные ножницы и обрезал рукава у сидевших рядом с ним за столом. «Вот это тебе во всем мешает, — говорил он, — при этом на всяком шагу может с тобой случиться какое-либо приключение: либо прольешь стакан, либо нечаянно обмакнешь рукав в суп. А из этого сделай себе валенцы!»⁸

383

Год спустя, в январе 1700 года Петр от увещаний перешел к декретам. Под барабанную дробь на улицах и площадях объявляли, что всем боярам, правительственным чиновникам и зажиточным людям как в Москве, так и в провинции, предписывается снять длиннополые одеяния и обзавестись венгерскими или немецкими кафтанам. Через год последовало новое распоряжение: мужчинам надевать камзолы, панталоны, чулки, башмаки и шляпы французского или немецкого образца, а женщинам — верхние и нижние юбки, шляпки и европейские туфли. Последующими указами мужчинам запретили носить высокие русские сапоги и длинные ножи. Образцы вновь вводимых костюмов висели возле всех московских ворот и в людных местах города, чтобы жители запоминали и шили себе такие же. Всех, кто подъезжал к городским воротам в русском платье, кроме крестьян, пропускали только после уплаты штрафа. Затем Петр распорядился, чтобы привратники ставили на колени тех, кто являлся в Москву в долгополых нарядах, и обрезали полы вровень с землей. «Многие сотни кафтанов были таким способом укорочены, свидетельствует Перри, — а поскольку делалось это с добродушием, то вызывало в народе веселье и скоро уничтожило обычай ходить в длинных одеждах, особенно в селениях вокруг Москвы и в городах, куда навещался царь»⁹.

Неудивительно, что портновские нововведения Петра пришлось куда больше по вкусу женщинам, чем мужчинам. Его сестра Наталья и вдовая невестка Прасковья первые подали пример, а множество знатных русских женщин поспешило его подхватить. Открыв для себя возможность блеснуть европейским нарядом и горя желанием не отстать от моды, они посылали на Запад за образцами платьев, туфель и шляп, какие тогда носили в Версале.

Шло время, и в новых указах шире и детальнее выражалась воля Петра одеть всех в новую одежду «ради славы и благообразия страны и военного сословия». Эти

384

новшества никогда не вызывали такого сопротивления, каким было встречено запрещение носить бороды. Священники по-прежнему бранили людей за бритье, но на защиту исконной русской одежды церковь не встала. Мода обладает собственной властью, и подчиненные бросились подражать в одежде своим начальникам. Через пять лет английский посол Уитворт

доносил из Москвы, что «во всем этом огромном городе не встретишь ни одного сколько-нибудь важного человека одетым не на немецкий манер»¹⁰.

В деревне мода по-прежнему склонялась перед вековыми обычаями. Только знатные люди, чиновники, купцы, которым доводилось попадаться на глаза царю, одевались так, как он требовал, остальное же дворянство, сидя в отдаленных поместьях, преспокойно продолжало носить долгополые кафтаны. В известном смысле в этой первой и самой известной из петровских реформ, проведенных им сразу после поездки на Запад, проявились черты, характерные для всех его последующих нововведений. В своем безудержном стремлении немедленно установить в России европейские обычаи, он вышвырнул за борт и русские традиции, основанные на здравом смысле. Русская одежда действительно была громоздка и неудобна, и, конечно, когда люди сбросили длиннополые наряды, двигать руками и ногами стало гораздо легче - но легче стало и отморозить их в суровую русскую зиму. При температуре, опускавшейся до двадцати-тридцати градусов ниже нуля, россиянин в валенках, в тулупе до пят, с густой бородой, спасавшей от холода губы и щеки, мог свысока поглядывать на европеизированного беднягу-соотечественника, который, с побагровевшим на морозе лицом, стучит коленками, торчащими из-под кургузого одеяния, в тщетной попытке отогреться.

Горячее стремление Петра побыстрее избавиться от всех следов и пережитков старомосковских обычаев пе-

14 Петр Великий, т. 1

385

чально сказалось на судьбе его жены, Евдокии. Осень его возвращения из Европы отмечена окончательным разрывом между двадцатилетним царем и двадцатидевятилетней царицей.

Петр давно хотел расторгнуть свой брак и отделаться от унылой и надоедливой женщины, которую он никогда не любил и на которой его заставили жениться. С самого начала ни для кого не являлось тайной, что Петр избегал общества своей жены. Она была недалекой и необразованной, пугалась его пристрастий и не любила его друзей, особенно Лефортова и вообще иностранцев, захвативших такое место в жизни Петра. Как истинно православной женщине, верившей, что иностранцы — источник ереси и скверны, ей было невыносимо видеть, как ее муж перенимает их одежду, язык, обычаи и образ мыслей. Пытаясь встать между своим увлекающимся, упрямым мужем и той жизнью, к которой он стремился и которую ему открыли его новые друзья, Евдокия только усугубляла непрочность собственного положения. Кроме того, зная, что Петр ей не верен и швыряет деньги на свою любовницу Анну Монс, она по глупости не скрывала ревности, чем весьма раздражала мужа, а ее усилия угодить ему письмами или знаками внимания нагоняли на него скуку. Словом, жена надоела Петру, мешала ему, и он мечтал от нее освободиться.

Мысль отделаться от бестолковой, пустой, норовившей связать его по рукам и ногам супруги, приходила ему в голову еще на Западе, пока он обедал, танцевал, и беседовал с восхитительными женщинами, которых встречал повсюду, куда бы он ни приехал. За полтора года странствий он не написал Евдокии ни строчки, зато в письмах к оставшимся в России друзьям прозрачно намекал на свои намерения. Он написал из Лондона письма дяде, Льву Нарышкину, и Тихону Стрешневу с настойчивой просьбой уговорить царицу постричься в монахини, после чего все ее бывшие мирские связи, включая узы брака, стали бы недействительны. Возвратясь из

386

Англии в Амстердам, Петр усилил нажим. Он потребовал, чтобы в дело вмешался Ромодановский и использовал свое влияние на строптивую царицу. Привлекли даже патриарха, хотя он всячески старался избежать неприятного поручения. К тому моменту, как Петр попал в Вену, он принял окончательное решение. Об этом явственно свидетельствовало его нежелание поднять тост за императрицу, поскольку это означало бы, что в ответ будет предложен тост за здоровье царицы.

Очутившись в Москве, Петр сперва наотрез отказывался видеться с Евдокией. Вне себя от гнева, он расспрашивал Нарышкина и других, отчего не выполнен его приказ в отношении

царицы. Те отвечали, что государю следовало бы самому разобраться в столь тонком деле. Тогда, пробыв в Москве несколько дней, Петр велел Евдокии явиться для разговора с ним в дом Виноградова. Они препирались четыре часа: Петр яростно настаивал на том, чтобы жена отправлялась в монастырь и дала ему свободу. Евдокия, черпая силы в отчаянии, упорно отказывалась, ссылаясь на свой материнский долг. Она предсказывала (как оказалось потом совершенно точно), что, попав в монастырь, она больше не увидит сына. А потому, заявила царица, она никогда добровольно не оставит дворец и не откажется от брака с Петром.

После этого разговора Петр ушел с намерением все равно добиться своего. Сначала Алексея, тогда восьми с половиной лет, отняли у матери, увезли в Преображенское и поручили заботам младшей сестры Петра, Натальи. А вскоре, рано поутру, во дворец прислали простую почтовую карету, без боярышень и сенных девушек. Туда затолкали Евдокию, и возок затарахтел по дороге в Суздаль, в Покровский монастырь. Через десять месяцев царицу против ее воли постригли в монашество под новым именем Елены. В дальнейшем ей еще предстояло неожиданным образом сыграть роль в жизни Петра, но сейчас желание его сбылось: он наконец освободился.

387

В месяцы, следовавшие за возвращением царя из Европы, он вводил и другие изменения в российскую жизнь. Многие из них были поверхностны и имели скорее символический характер: подобно бритью бород и укорачиванию подола, они являлись предвестниками глубоких государственных реформ последующих десятилетий. Эти первые преобразования не повлекли за собой существенных перемен в русском обществе. Но русским они все равно казались чуждыми, так как затрагивали самые основы повседневной жизни.

Одно из этих преобразований касалось календаря. С незапамятных времен россияне вели летоисчисление не от Рождества Христова, а от того дня, когда, по их мнению, был сотворен мир. В соответствии с этим счетом, Петр приехал из Европы не в 1698 году, а в 7206-м. Кроме того, новый год в России начинался не 1 января, а 1 сентября, что объяснялось убеждением, будто сотворение мира произошло осенью, когда злаки и другие плоды земные достигли полной зрелости и настала пора собирать их, а уж никак не посреди зимы, когда земля спала под снегом. По обычаю, наступление нового года, 1 сентября, отмечалось большими торжествами, на которых царь и патриарх восседали на двух тронах в одном из дворов Кремля, окруженные боярами и толпами народа. Петр перестал соблюдать этот обряд как устаревший, но новый год по-прежнему отсчитывался с 1 сентября.

Желая привести и летоисчисление, и отсчет нового года в соответствие с принятыми на Западе, Петр в декабре 1699 года издал указ о том, что следующий год начнется 1 января и будет тысяча семисотым. В указе царь честно признал, что это изменение вводится, дабы сообразоваться с Европой*. Однако чтобы переубедить

* Петр выбрал для России юлианский календарь, принятый в Англии, и привел российское время в соответствие с западным

388

тех, кто утверждал, будто Бог не мог создать Землю посреди зимы, Петр предложил им «ознакомиться с глобусом и доброжелательно и спокойно объяснил им, что Россия — это еще не весь мир и что когда у них зима, то по другую сторону экватора в это же время всегда царит лето»¹¹. Чтобы отпраздновать нововведение и закрепить этот день в сознании москвичей, Петр приказал во всех церквях провести 1 января специальные новогодние богослужения. Кроме того, он распорядился, чтобы в честь праздника входную дверь изнутри украшали еловыми ветками, и приказал всем горожанам выражать свою радость и громко поздравлять друг друга с Новым годом. Все дома следовало украсить горящими плошками с маслом и открыть для гостей на семь дней¹².

Петр ввел и новые российские деньги. После заграничных вояжей ему стало стыдно, что в его владениях такая запутанная, лишенная единообразия, чуть не азиатская денежная система. До этого момента значительную часть денег, имевших хождение в России, составляли иностранные монеты, как правило, германские или голландские, с выбитой на них буквой «М», что значило «Московия*». Из русских монет в широком обращении были только маленькие овальные кусочки серебра, которые назывались копейками и имели на одной стороне изображение Святого Георгия, а на другой —

царский титул. По качеству серебра и по размерам копейки отличались большим разнообразием, причем, если требовалась разменная монета, их просто рубили на части. Петр, под впечатлением визита на английский Королев-буквально накануне того, как в Европе тоже произошли перемены. В 1752 году Англия перешла на григорианский календарь, но Россия отказалась от повторного изменения, и в результате до самой революции российский календарь отставал от западного: в XVIII веке на одиннадцать дней, в XIX веке — на двенадцать и в XX веке — на тринадцать дней. В 1918 году Советское правительство наконец, ввело григорианский календарь, и поныне принятый во всем мире.

389

ский монетный двор, осознал, что для развития торговли необходимо располагать соответствующим запасом официально утвержденных денег, выпускаемых и охраняемых государством. Поэтому он велел начать выпуск больших, красивых медных монет, которые бы заменили старые копейки. Впоследствии он стал чеканить золотые и серебряные монеты более высокого достоинства, вплоть до рубля, равного ста копейкам. Через три года выпуск новой монеты достиг такого размаха, что ее суммарное количество в обращении равнялось девяти миллионам рублей.

Еще одну заморскую идею Петру подсказали в подметном письме, обнаруженном как-то утром на полу одного-приказа. Обычно анонимные послания содержали доносы на высших чиновников, но в этом письме оказалось предложение ввести в России гербовую бумагу для челобитных, судных выписей, сделок и других документов. Отныне их предлагалось подавать только на гербовой бумаге с изображением орла в левом верхнем углу в знак уплаты пошлины. Продажа этой бумаги должна быть привилегией государства, а доходы — достоянием государственной казны. Крайне довольный, Петр сразу же указом утвердил эту меру и учредил розыск автора идеи. Им оказался крепостной по имени Алексей Курбатов, холоп Бориса Шереметева, побывавший с хозяином в Италии, где и узнал, что такое гербовая бумага. Петр щедро наградил Курбатова и дал ему вновь учрежденную государственную должность прибыльщика — в обязанность ему вменялось изыскивать новые пути приращения доходов казны.

Другой западный обычай, который одновременно повышал цивилизованность русского общества и сберегал государству земли и средства, привез сам Петр. По традиции в России за большие заслуги перед государем жаловали поместьями или денежными суммами. На Западе Петр открыл для себя более экономный способ отличать подданных за службу - награждение орденами,

390

крестами и звездами. По примеру таких европейских наград, как английский орден Подвязки и габсбургский орден Золотого Руна, Петр создал особый знак отличия для российского дворянства, орден Святого апостола Андрея Первозванного, в честь святого покровителя России. Кавалеры нового ордена носили широкую голубую ленту через плечо и крест Святого Андрея, черный по белой эмали. Первым удостоился его Федор Головин, верный соратник Петра, один из великих послов, а теперь фактически неофициальный премьер-министр. Царь награждал также казачьего гетмана Мазепу и Бориса Шереметева, сменившего Шеина на посту главнокомандующего. Через двадцать пять лет, когда Петр умер, орден Святого Андрея насчитывал тридцать восемь кавалеров — двадцать четыре русских и четырнадцать иностранцев. Этот орден оставался самой высокой и почетной из всех наград Российской империи вплоть до ее падения. Человек есть человек: свыше двух столетий эти кусочки цветной ленты, серебра и эмали значили для русских генералов, адмиралов, министров и других чиновников никак не меньше, чем тысячи десятин щедрой русской земли.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ОГОНЬ И КНУТ

Бороды были сбиты, первые приветственные чаши за благополучное возвращение царя выпиты, и улыбка стерлась с лица Петра. Теперь ему предстояло заняться куда более мрачным делом: настала пора окончательно рассчитаться со стрельцами.

С тех пор, как низвергли Софью, бывшие привилегированные части старомосковского войска подвергались преднамеренным унижениям. В потешных баталиях Петра в Преображенском стрелецкие полки всегда представляли «неприятеля» и были обречены на поражение. Позднее, в настоящих сражениях под стенами Азо-ва, стрельцы понесли тяжелые потери. Их возмущало, что их к тому же заставляют рыть землю на строительстве укреплений, как будто

они холопы. Стрельцам неумоготу было подчиняться командам чужестранных офицеров, и они роптали при виде молодого царя, послушно и охотно идущего на поводу у иноземцев, лопочущих на непонятных наречиях.

К несчастью для стрельцов, два Азовских похода убедительно показали Петру, насколько они уступают в дисциплине и боевых качествах его собственным полкам нового строя, и он объявил о намерении реформировать армию по западному образцу. После взятия Азова вместе с царем в Москву для триумфального вступления в сто-

392

лицу и чествования вернулись новые полки, а стрельцов оставили позади - отстраивать укрепления и стоять гарнизоном в покоренном городе. Ничего подобного прежде не случалось, ведь традиционным местопребыванием стрельцов в мирное время была Москва, где они несли караул в Кремле, где жили их жены и семьи и где служивые с выгодой приторговывали на стороне. Сейчас же некоторые из них были оторваны от дома уже почти два года, и это тоже делалось неспроста. Петр и его правительство хотели, чтобы в столице находилось как можно меньше стрельцов, и лучшим способом держать их подальше считали постоянную службу на дальних рубежах. Так, когда вдруг понадобилось усилить русские части на польской границе, власти распорядились направить туда 2000 стрельцов из полков азовского гарнизона. В Азове их собирались заменить стрельцами, оставшимися в Москве, а гвардейские и другие полки нового строя разместить в столице для охраны правительства.

Стрельцы выступили к польской границе, но их недовольство росло. Они были вне себя оттого, что предстояло идти пешком сотни верст из одного глухого сторожевого пункта в другой, а еще сильнее они злились на то, что им не позволили пройти через Москву и повидаться с семьями. По пути некоторые стрельцы дезертировали и объявились в столице, чтобы подать челобитные с жалобой на задержку жалованья и с просьбой оставить их в Москве. Челобитные были отклонены, а стрельцам велели немедленно возвращаться в полки и пригрозили наказанием. Челобитчики присоединились к своим товарищам и рассказали, как их встретили. Они принесли с собой столичные новости и уличные пересуды, большей частью касавшиеся Петра и его длительной отлучки на Запад. Еще и до отъезда царя его тяга к иностранцам и привычка раздавать иноземным офицерам высокие государственные и армейские должности сильно раздражали стрельцов. Новые слухи подлили масла

393

в огонь. К тому же поговаривали, что Петр вконец онемечился, отрекся от православной веры, а может, и умер.

Стрельцы возбужденно обсуждали все это между собой, и их личные обиды вырастали в общее недовольство политикой Петра: отечество и веру губят враги, а царь уже вовсе не царь! Настоящему царю полагалось восседать на троне в Кремле, быть недоступным, являться народу только по великим праздникам, в порфире, усыпанной драгоценными камнями. А этот верзила целыми ночами орал и пил с плотниками и иностранцами в Немецкой слободе, на торжественных процессиях плелся в хвосте у чужаков, которых понаделал генералами и адмиралами. Нет, не мог он быть настоящим царем! Если он и вправду сын Алексея, в чем многие сомневались, значит, его околдовали, и припадки падучей доказывали, что он — дьявольское отродье. Когда все это перебродило в их сознании, бтрельцы поняли, в чем их долг: сбросить этого подмененного, ненастоящего царя и восстановить добрые старые обычаи. Как раз в этот момент из Москвы прибыл новый указ: полкам рассредоточиться по мелким гарнизонам от Москвы до польско-литовской границы, а дезертиров, недавно являвшихся в столицу, арестовать и сослать. Этот указ стал последней каплей. Две тысячи стрельцов постановили идти на Москву. 9 июня, после обеда, в австрийском посольстве в Москве Корб, вновь назначенный секретарь посольства, записал: «Сегодня впервые разнеслась смутная молва о мятеже стрельцов и возбудила всеобщий ужас»¹. На памяти еще был бунт шестнадцатилетней давности, и теперь, боясь повторения бойни, все кто мог спасались из столицы.

В наступившей панике правительство, оставленное царем, собралось, чтобы договориться, как противостоять опасности. Никто не знал, много ли бунтовщиков и далеко ли они от города. Московскими полками командовал боярин Алексей Шеин, а плечом к плечу с ним,

394

как и под Азовом, стоял старый шотландец, генерал Патрик Гордон. Шеин согласился принять на себя ответственность за подавление бунта, но потребовал от членов Боярской думы единодушного письменного одобрения своих действий, заверенного их собственноручными подписями или приложением печатей. Бояре отказались — вероятно, опасаясь, что в случае победы стрельцов эти подписи станут их смертным приговором. Тем не менее, они единодушно постановили преградить стрельцам доступ в Москву, чтобы восстание не разгорелось сильнее. Решили собрать все сохранившие верность войска, какие удастся, и направить навстречу стрельцам, пока они не подошли к городу.

Два гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, получили приказ за час подготовиться к выступлению. Дабы в зародыше удушить искры бунта, которые могли перекинуться и на эти полки, в указе говорилось, что каждый, кто откажется пойти против изменников, сам будет объявлен изменником. Гордон отправился в полки вдохновлять солдат и внушать им, что нет более славного и благородного дела, чем биться за спасение государя и государства от предателей. Четырехтысячный отряд был поставлен под ружье и выступил из города на запад. Впереди ехали Шеин и Гордон, а главное, с ними был артиллерийский офицер из Австрии, полковник Граге, и двадцать пять полевых пушек.

Столкновение произошло в тридцати пяти милях к северо-западу от Москвы, вблизи знаменитого Новоиерусалимского монастыря патриарха Никона. Преимущество в численности, в эффективности командования, в артиллерии — то есть во всем — было на стороне правительственных войск, и даже время им благоприятствовало. Подойди стрельцы часом раньше, они успели бы занять неприступный монастырь и продержаться в осаде, до тех пор, пока у осаждавших не ослабел бы боевой дух, а тогда, возможно, бунтовщикам удалось бы привлечь часть из них на свою сторону. Обнесенная

395

стенами крепость послужила бы стрельцам тактической опорой. Теперь же противники сошлись на открытой холмистой местности.

Неподалеку от монастыря протекала речка. Шеин и Гордон заняли позиции на ее возвышенном восточном берегу, перекрыв дорогу к Москве. Вскоре показались длинные колонны стрельцов с пищальми и бердышами, и головные отряды начали переходить речку вброд. Гордон, желая выяснить, нельзя ли покончить дело миром, спустился с берега поговорить с бунтовщиками. Когда первые из стрельцов ступили на сушу, он, на правах старого солдата, посоветовал им встать на ночлег в удобном месте на противоположном берегу, так как близилась ночь и дойти до Москвы засветло они бы все равно не успели. А завтра утром, отдохнув, решили бы, что делать дальше. Усталые стрельцы заколебались. Они не ожидали, что драться придется еще перед Москвой, и теперь, увидав, что против них подняли правительственные части, послушались Гордона и принялись устраиваться на ночлег. Представитель стрельцов, десятник Зорин, вручил Гордону незаконченную челобитную с жалобой:

Сказано им служить в городех погодно, а в том же году, будучи под Азовом умышлением еретика иноземца Францка Лефорта, чтобы благочестию великое препятствие учинить, чин их московских стрельцов подвел он, Францко, под стену безвременно и, поставя в самых нужных к крови местах, побито их множество; его же умышлением, делан подкоп под их шанцы и тем подкопом он их же побил человек с 300 и больше².

Были там и другие жалобы, например, на то, что стрельцы слышали, будто в Москву едут немцы сбрить всем бороды и заставить прилюдно курить табак к поношению православия. Пока Гордон вел переговоры с бунтовщиками, войска Шеина потихоньку окапывались на возвышенном восточном берегу, а Граге размещал на

396

этой высоте свои пушки, дулами нацеленные вниз, через речку, на стрельцов.

Когда на другой день рассвело, Гордон, довольный занятой позицией, для укрепления которой не пожелели усилий, опять спустился для переговоров со стрельцами. Те требовали, чтобы их челобитную зачитали правительственным войскам. Гордон отказался, ибо это был по сути дела призыв к оружию против царя Петра и приговор его ближайшим друзьям, в первую очередь, Лефорту. И тогда Гордон заговорил о милосердии Петра. Он убеждал стрельцов мирно вернуться назад, на гарнизонную службу, так как бунт не мог привести ни к чему

хорошему. Он обещал, что если они представят свои требования мирно, с подобающими выражениями преданности, то он проследит, чтобы они получили возмещение за свои обиды и помилование за проявленное неповиновение. Но Гордон потерпел неудачу. «Я истощил все свое красноречие, но напрасно», — писал он. Стрельцы сказали только, что не вернутся на свои посты, «пока им не позволят поцеловать жен, оставшихся в Москве, и не выдадут всех денег, которые задолжали»³.

Гордон доложил обо всем Шеину, в третий и последний раз вернулся к стрельцам и повторил свое прежнее предложение — выплатить им жалованье и даровать прощение. Но к этому времени стрельцов охватила тревога и нетерпение. Они пригрозили Гордону — своему бывшему командиру, но все-таки иностранцу, — чтобы он убирался подобру-поздорову, а не то получит пулю за все свои старания. Стрельцы кричали, что не признают над собой никаких хозяев и ничьим приказам подчиняться не станут, что в гарнизоны они не вернутся и требуют пропустить их к Москве, а если путь им преградят, то они проложат его клинками. Разъяренный Гордон вернулся к Шеину, и войска изготавились к бою. Стрельцы на западном берегу тоже построились в ряды, встали на колени и помолились перед боем. На обоих

397

берегах речушки русские солдаты осеняли себя крестным знаменем, готовясь поднять оружие друг на друга.

Первые выстрелы раздались по команде Шеина. Пушки рывкнули и окутались дымом, но урона никому не причинили. Полковник Граге стрелял холостыми — Шеин надеялся, что эта демонстрация силы напугает стрельцов и заставит покориться. Но холостой залп принес обратный результат. Услышав грохот выстрела, но не увидев потерь в своих рядах, стрельцы расхрабрились и сочли, что перевес на их стороне. Они ударили в барабаны, развернули знамена и двинулись через реку. Тут Шеин с Гордоном приказали Граге применить свои пушки всерьез. Снова прогремел залп, и в ряды стрельцов со свистом полетели снаряды. Снова и снова стреляли все двадцать пять пушек — прямой наводкой в людскую массу. Ядра градом сыпались на стрельцов, отрывая головы, руки, ноги.

Через час все было кончено. Пушки еще палили, когда стрельцы, спасаясь от огня, легли на землю и запросили пощады. Их противники прокричали, чтобы те бросали оружие. Стрельцы поспешно подчинились, но артиллерийский обстрел все не стихал. Гордон рассудил, что если пушки замолчат, стрельцы опять могут осмелеть и пойдут в атаку прежде, чем их удастся толком разоружить. Вконец запуганные и присмирившие стрельцы позволили себя заковать и связать — угрозы они больше не представляли.

Шеин был беспощаден с закованными в железа мятежниками. Он велел приступить к расследованию мятежа прямо на месте, на поле битвы, где в цепях, под охраной солдат, собрали всех бунтовщиков. Он хотел знать причину, подстрекателей и цели выступления. Все до единого допрошенные им стрельцы признавали собственное участие в мятеже и соглашались, что заслужили смерть. Но так же, без единого исключения, все они отказались сообщить хоть что-нибудь о своих целях или указать на кого-нибудь из товарищей как на вдохнови-

398

телей или зачинщиков. Поэтому там же, в живописных окрестностях Нового Иерусалима, Шеин велел пытать бунтовщиков. Кнут и огонь сделали свое дело, и наконец одного стрельца заставили говорить. Признав, что и он, и все его сотоварищи достойны смерти, он сознался, что если бы бунт закончился победой, они собирались сначала разгромить и сжечь Немецкую слободу, перерезать всех ее обитателей, а затем вступить в Москву, покончить со всеми, кто окажет сопротивление, схватить главных царевых бояр — одних убить, других сослать. Затем предполагалось объявить народу, что царь, уехавший за границу по злобному наущению иноземцев, умер на Западе, и что до совершеннолетия сына Петра, царевича Алексея, вновь будет призвана на регентство царевна Софья. Служить же Софье советником и опорой станет Василий Голицын, которого вернут из ссылки.

Возможно, это была правда, а быть может, Шеин просто вынудил стрельца сказать под пыткой то, что ему хотелось услышать. Так или иначе, он был удовлетворен, и на основе этого признания приказал палачам приступить к делу. Гордон возражал — не для того, чтобы спасти

обреченных людей, а чтобы сохранить их для более тщательного расследования в будущем. Предвидя, что Петр, вернувшись, станет из всех сил докапываться до самого дна, он отговаривал Шеина. Но Шеин был командиром и утверждал, что немедленная расправа необходима в назидание остальным стрельцам, да и всему народу. Пусть знают, как поступают с предателями. Сто тридцать человек казнили на месте, а остальных, почти 1900 человек, в цепях привели в Москву. Там их передали Ромодановскому, который распределил арестантов по темницам окрестных монастырей и крепостей дожидаться возвращения государя.

Петру, мчавшемуся домой из Вены, по дороге сообщили о легкой победе над стрельцами и заверили его,

399

что ни один не ушел от расплаты. Но хотя восстание задушили быстро, да оно всерьез и не угрожало трону, царь был глубоко обеспокоен. Едва прошла тревога и притупилась горечь унижения оттого, что стоило ему уехать, его собственная армия взбунтовалась, Петр призадумался — в точности, как и предвидел Гордон, — глубоко ли уходят корни мятежа и кто из высокопоставленных особ может оказаться причастным к нему. Петр сомневался, чтобы стрельцы выступили самостоятельно. Их требования, их обвинения против его друзей, против него самого и его образа жизни казались слишком обдуманными для простых солдат. Но кто их подстрекал? По чьему наущению?

Никто из его бояр и чиновников не мог дать вразумительного ответа. Доносили, что стрельцы под пыткой проявляют стойкость и невозможно добиться от них никаких сведений. Охваченный гневом, полный подозрений Петр приказал солдатам гвардейских полков собрать пленных стрельцов из всех темниц вокруг Москвы и свезти их в Преображенское. Петр твердо вознамерился выяснить в ходе дознания, или розыска, не взошло ли вновь семя Милославских, как он писал Ромодановскому. И неважно — оказалось бы восстание стрельцов мощным, разветвленным заговором с целью его свержения или нет, царь все равно решил покончить со всеми своими «злокозненными» врагами. С самого его детства стрельцы противостояли и угрожали ему — поубивали его друзей и родственников, поддерживали посягательства узурпаторши Софьи и в дальнейшем продолжали злоумышлять против него. Всего за две недели до отъезда царя в Европу раскрылся заговор стрелецкого полковника Цыклера. Теперь стрельцы снова поносили и его друзей-иностранцев, и его самого, и даже выступили на Москву, чтобы сокрушить правительство. Все это Петру порядком надоело: вечная тревога и угроза, наглые притязания стрельцов на особые привилегии и право воевать, когда и где им захочется, притом что солдаты они были никудышные —

400

словом, ему надоело терпеть этот пережиток средневековья в новом, изменившемся мире. Так или иначе, пора было раз и навсегда от них избавиться.

Розыск означал допрос под пыткой. Пытка в петровской России применялась с тремя целями: чтобы заставить человека говорить; в качестве наказания, даже если никакой информации не требовалось; наконец, в качестве прелюдии к смертной казни или ради усугубления мук преступника. В ходу было три главных способа пытки — батогами, кнутом и огнем.

Батоги — небольшие прутья или палки примерно в палец толщиной, которыми, как правило, били виновных в небольших проступках. Жертва лежала на полу лицом вниз, с оголенной спиной и вытянутыми руками и ногами. Наказуемого секли по голой спине сразу двое, причем один становился на колени или садился прямо ему на руки и голову, а другой — на ноги. Сидя лицом друг к другу, они по очереди ритмично взмахивали батогами, «били размеренно, как кузнецы по наковальне, пока их палки не разлетались в куски, а тогда брали новые, и так пока им не прикажут остановиться»⁴. Если ненароком слишком много батогов назначали ослабленному человеку, это могло привести к смерти, хотя такое случалось нечасто.

Более суровое наказание, кнутом, применялось в России издавна как способ причинить жестокую боль. Кнут представлял собой широкий и жесткий кожаный бич длиной около трех с половиной футов*. Удар кнута рвал кожу на обнаженной спине жертвы, а попадая снова и снова по тому же месту, мог вырвать мясо до костей. Строгость наказания определялась количеством ударов; обычно назначали от пятнадцати до двадцати пяти — большее число часто приводило к смерти.

* Около 107 см. — *Ред.*

15 Петр Великий, т. 1

401

Порка кнутом требовала мастерства. Палач, по свидетельству Джона Перри, обрушивал на

жертву «столько ударов по голой спине, сколько присуждали судьи, — отступая на шаг, а затем прыгая вперед при каждом ударе, который наносится с такой силой, что всякий раз брызжет кровь и остается рубец толщиной в палец. Эти заплечных дел мастера, как их называют русские, отличаются такой точностью в работе, что редко бьют дважды по одному и тому же месту, но кладут удары по всей длине и ширине спины, один к одному, с большой сноровкой, начиная от плеч и вниз, до пояса штанов наказуемого»⁵.

Обычно жертву для порки кнутом привязывали к спине другого человека, частенько — какого-нибудь крепкого парня, которого выбирал палач из числа зрителей. Руки несчастного перекидывали через плечи этого человека, а ноги привязывали к его коленям. Затем один из подручных заплечного мастера хватал жертву за волосы и отдергивал его голову отводя ее от размеренных ударов кнута, которые падали на распластанную, вздымающуюся при каждом ударе спину.

При желании можно было применять кнут еще более мучительным способом. Руки пытаемого скручивали за спиной, к запястьям привязывали длинную веревку, которую перекидывали через ветку дерева или балку над головой. Когда веревку тянули вниз, жертву тащило вверх за руки, ужасающим образом выворачивая их из плечевых суставов. Чтобы уж наверняка вывихнуть руки, к ногам несчастного иногда привязывали тяжелое бревно или другой груз. Страдания жертвы и так были невыносимы, а тут палач еще принимался молотить по вывернутой спине, нанося положенное число ударов, после чего человека опускали на землю и руки вправляли на место. Бывали случаи, что эту пытку повторяли с недельным перерывом до тех пор, пока человек не сознавался.

Пытка огнем применялась часто, иногда сама по себе, иногда в сочетании с другими мучениями. Про-

402

стейший ее вид сводился к тому, что человеку «связывают руки и ноги, прикрепляют его к шесту, как к вертелу, и поджаривают обнаженную спину над огнем и при этом допрашивают и призывают сознаться»⁶. Иногда человека, только что выпоротого кнутом, снимали с дыбы и привязывали к такому шесту, так что спина его перед поджариванием уже была превращена кнутом в кровавое месиво. Или жертву, все еще висящую на дыбе после порки кнутом и истекающую кровью, пытали, прижигая спину каленым железом.

Казни в России в целом напоминали те, что практиковались в других странах. Преступников сжигали, вешали или рубили им головы. Жгли на костре из бревен, уложенных поверх соломы. При отсечении головы от приговоренного требовалось положить голову на плаху и подставить шею под топор или меч. Эту легкую, мгновенную смерть иногда делали более мучительной, отрубая сначала руки и ноги. Подобные казни были делом до того обыкновенным, что, как писал один голландский путешественник, «если в одном конце города кого-то казнят, в другом об этом нередко даже не знают». Фальшивомонетчиков наказывали, расплавляя их же монеты и заливая расплавленный металл им в горло. Насильников кастрировали.

Публичными пытками и казнями нельзя было в XVII веке удивить ни одного европейца, но все-таки в России иностранцев неизменно поражало то стоическое, непреодолимое упорство, с которым большинство русских переносило эти ужасные мучения. Они терпели чудовищную боль, но не выдавали товарищей, а когда их приговаривали к смерти, смиренно и спокойно шли на виселицу или на плаху. Один наблюдатель видел в Астрахани, как в полчаса обезглавили тридцать мятежников. Никто не шумел и не роптал. Приговоренные просто подходили к плахе и клали головы в лужу крови, оставленную их предшественниками. Ни у одного даже не были связаны за спиной руки.

403

Эта невероятная стойкость и способность терпеть боль изумляла не только иностранцев, но и самого Петра. Однажды глубоко потрясенный царь подошел к человеку, перенесшему четыре испытания кнутом и огнем, и спросил, как же он мог выдержать такую страшную боль. Тот охотно разговорился и открыл Петру, что существует пыточное общество, членом которого он состоит. Он объяснил, что до первой пытки туда никого не принимают и что продвижение на более высокие ступени в этом обществе зависит от способности выносить все более страшные пытки. Кнут для этих странных людей был мелочью. «Самая жгучая боль, — объяснил он

Петру, - когда в ухо засовывают раскаленный уголь; а еще когда на обритую голову потихоньку, по капельке, падает сверху студеная вода»⁸.

Не менее удивительно, и даже трогательно, что иногда тех же русских, которые были способны выстоять под огнем и кнутом и умереть, не раскрыв рта, можно было сломить добротой. Это и произошло с человеком, рассказавшим Петру о пыточном обществе. Он не произнес ни слова, хотя его пытали четырежды. Петр, видя, что болью его не проймешь, - подошел и поцеловал его со словами: «Для меня не тайна, что ты знаешь о заговоре против меня. Ты уже довольно наказан. Теперь сознайся по собственной воле, из любви, которой ты мне обязан как своему государю. И я клянусь Господом, сделавшим меня царем, не только совершенно простить тебя, но и в знак особой милости произвести тебя в полковники». Этот неожиданный поворот дела так взволновал и растрогал узника, что он обнял царя и проговорил: «Вот это для меня величайшая пытка. Иначе ты бы не заставил меня заговорить». Он обо всем рассказал Петру, и тот сдержал слово, простил его и сделал полковником⁹.*

* Этот эпизод не вошел в русский перевод сочинения Корба (СПб., 1906) и вызывает большие сомнения с точки зрения достоверности. — *Ред.*

404

XVII век, как и все предыдущие и последующие столетия, был невероятно жестоким. Во всех странах применялись пытки за самые различные провинности и особенно за преступления против коронованных особ и государства. Обычно, поскольку монарх и был олицетворением государства, любое посягательство на его персону, от убийства до самого умеренного недовольства его правлением, расценивалось как государственная измена и соответственно каралось. А вообще, человек мог подвергнуться пытке и казни только за то, что посещал не ту церковь или обчистил чьи-то карманы.

По всей Европе на любого, кто задевал личность или достоинство короля, обрушивалась вся тяжесть закона. В 1613 году во Франции убийцу Генриха IV разорвали на куски четверкой лошадей на площади Отель-де-Виль на глазах у огромной толпы парижан, которые привели детей и захватили с собой корзинки с завтраками. Шестидесятилетнему французу вырвали язык и отправили на галеры за то, что он непочтительно отозвался о Короле-Солнце. Рядовым преступникам во Франции рубили головы, сжигали их заживо или ломали им руки и ноги на колесе. Путешественники по Италии жаловались на выставленные для публичного обозрения виселицы: «Мы видим вдоль дороги столько трупов, что путешествие становится неприятным». В Англии к преступникам применялась «казнь суровая и жестокая»: на грудь жертвы клали доску и ставили на нее гирю за гирей, пока наказуемый не выпускал дух. За государственную измену в Англии карали повешением, потрошением и четвертованием. В 1660 году Сэмюэл Пипе записал в дневнике: «Я ходил на Чаринг-Кросс, смотрел, как там вешают, выпускают внутренности и четвертуют генерал-майора Харрисона. При этом он выглядел так бодро, как только возможно в подобном положении. Наконец с ним покончили и показали его

405

голову и сердце народу - раздались громкие ликующие крики»¹¹.

Однако жестокое воздаяние полагалось не только за политические преступления. В Англии во времена Петра сжигали ведьм, и даже столетие спустя их все еще казнили — вешали. В 1692 году, за шесть лет до стрелецкого бунта, за колдовство повесили двадцать молодых женщин и двух собак в Салеме, штат Массачусетс. Почти весь XVIII век англичан казнили за кражу пяти шиллингов и вешали женщин за хищение носового платка. На королевском флоте за нарушение дисциплины секли кошками -девятихвостками (плетьми), и эти порки, нередко приводившие к смерти, отменили только в 1881 году.

Все это говорится здесь, чтобы представить общую картину. Немногие из нас, людей XX века, станут лицемерно изумляться варварству былых времен. Государства по-прежнему казнят предателей, по-прежнему происходят и пытки, и массовые казни как в военное, так и в мирное время, причем,, благодаря современным техническим достижениям, они стали изощреннее и эффективнее. Уже в наше время власти более чем шестидесяти стран, в том числе Германии, России, Франции, Великобритании, США, Японии, Вьетнама, Кореи, Филиппин, Венгрии, Испании, Турции, Греции, Бразилии, Чили, Уругвая, Парагвая, Ирана, Ирака, Уганды и Индонезии пытали людей от имени государства. Немногие века могут похвастаться более

дьявольским изобретением, чем Освенцим. Еще недавно в советских психиатрических клиниках политических диссидентов пытали разрушительными медикаментами, созданными чтобы сломить сопротивление и привести к распаду личности. Только современная техника сделала возможным такое зрелище, как казнь через повешение четырнадцати евреев в Багдаде, на площади Свободы, перед полумиллионной толпой ... К услугам же тех, кто не мог там присутствовать — крупные планы раскачивающихся тел, часами показываемые по иракскому телевидению.

406

В петровское время, как и в наше, пытки совершались ради получения информации, а публичные казни — чтобы нагнать страху на потенциальных преступников. Оттого, что ни в чем не повинные люди под пытками возводили на себя напраслину, чтобы избежать мучений, пытки не исчезли с лица земли, так же как казни преступников не заставили исчезнуть преступность. Бесспорно, государство вправе защищаться от нарушителей закона и, по всей вероятности, даже обязано устрашением предотвращать возможные беспорядки, но насколько глубоко должно государство или общество погрязнуть в репрессиях и жестокости, прежде чем поймет, что цель давно уже не оправдывает средств? Этот вопрос так же стар, как политическая теория, и здесь мы его, конечно, не разрешим. Но когда мы говорим о Петре, нам следует об этом помнить.

По царскому указанию князь Ромодановский доставил всех захваченных в плен изменников в Преображенское, где приготовил для них четырнадцать пыточных камер. Шесть дней в неделю (по воскресеньям был выходной), неделю за неделей, допрашивали на этом пыточном конвейере всех уцелевших пленников, 1714 человек. Половину сентября и почти весь октябрь стрельцов секли кнутами и жгли огнем. Тем, кто признавал одно обвинение, тут же предъявляли другое и заново допрашивали. Как только один из бунтовщиков выдавал какие-нибудь новые сведения, всех уже допрошенных по этому поводу заново волокли для повторного расследования. Людей, доведенных пытками до полного изнеможения или потери рассудка, передавали докторам, чтобы лечением привести их в готовность к новым истязаниям.

Стрелец Колпаков, один из руководителей заговора, после порки кнутом, с сожженной спиной, лишился дара речи и потерял сознание. Испугавшись, что он умрет раньше времени, Ромодановский поручил его за-

407

ботам личного лекаря Петра, доктора Карбонари. Как только больной пришел в себя и достаточно окреп, его опять взяли на допрос. Еще один офицер, потерявший способность говорить, также попал на излечение к доктору Карбонари. Доктор по недосмотру забыл острый нож в камере, где занимался этим пациентом. Тот, не желая, чтобы его жизнь, все равно уже конченную, продлили на новые муки, схватил нож и попытался перерезать себе горло. Но он до того ослабел, что не смог нанести достаточно глубокой раны — бессильная рука опустилась, и он впал в беспамятство. Его нашли, подлечили и вернули в пыточную камеру.

Все ближайшие друзья и соратники Петра участвовали в этой бойне — это даже рассматривалось как знак особого царского доверия. Поэтому к пыткам были призваны такие люди, как Ромодановский, Борис Голицын, Шеин, Стрешнев, Петр Прозоровский, Михаил Черкасский, Владимир Долгорукий, Иван Троекуров, Юрий Щербатов и старый наставник Петра, Никита Зотов. Петр рассчитывал, что если заговор успел распространиться и в нем были замешаны бояре, то верные сподвижники выявят измену и ничего от царя не утаят. Сам Петр, отравленный подозрительностью и злобой, тоже участвовал в розыске, а иногда, орудуя своей тяжелой тростью с ручкой из слоновой кости, лично допрашивал тех, кого считал главными зачинщиками.

Однако нелегко было сломить стрельцов, и сама их выносливость нередко приводила царя в ярость. Вот что писал об этом Корб:

Подвергали пытке одного соучастника в мятеже. Вопли, которые он испускал в то время, как его привязывали к виселице, подавали надежду, что мучения заставят его сказать правду, но вышло совсем иначе: сначала веревка начала раздирать ему тело так, что члены его с ужасным треском разрывались в своих суставах, после дали ему тридцать ударов кнутом, но он все молчал, как будто от жестокой боли замирало и чувство, ес-

408

тественное человеку. Всем казалось, что этот страдалец, изнемоги от излишних истязаний,

утратил способность испускать стоны и слова, и потому отвязали его от виселицы и сейчас же спросили: «Знает ли он кто там был?». И точно к удивлению присутствующих он назвал по имени всех соумышленников. Но когда дошло вновь до допроса об измене, он опять совершенно онемел и хотя, по приказанию царя, жгли его у огня целую четверть часа, но он все-таки не прервал молчания. Преступное упорство изменника так раздражало царя, что он изо всей силы ударил его палкой, которую держал в руках, чтобы яростно чрез то прекратить его упорное молчание и добыть у него голоса и слов. Вырвавшиеся при этом с бешенством у царя слова: «Признайся, скотина, признайся!» - ясно показали всем, как он был страшно раздражен¹.

Хотя допросы предполагалось вести тайно, вся Москва знала, что творится нечто ужасное. Тем не менее Петру очень хотелось скрыть расправу над стрельцами, особенно от иностранцев. Он понимал, какое впечатление произведет эта волна террора на европейские дворы, где он только что побывал, и пытался спрятать свои пыточные камеры от глаз и ушей европейцев. Однако ходившие в городе слухи порождали у всех острейшее любопытство. Группа иностранных дипломатов отправилась верхом в Преображенское в расчете что-нибудь разузнать. Проехав мимо трех домов, из которых доносились ужасные стоны и вой, они остановились и спешили возле четвертого дома, откуда слышались еще более жуткие вопли. Войдя, дипломаты увидели царя, Льва Нарышкина и Ром ода но веко го и страшно перепугались. Они попятились, а Нарышкин спросил, кто они такие и зачем приехали, а потом гневно велел ехать к дому Ромодановского, где с ними разберутся. Дипломаты, поспешно сядя на лошадей, отказались подчиниться и заявили Нарышкину, что если ему угодно поговорить с ними, он может прибыть для этого в

409

посольство. Появились русские солдаты, и один гвардейский офицер попробовал стащить с седла кого-то из иностранцев. Тут непрошенные гости отчаянно прищипорили лошадей и ускакали, счастливо миновав солдат, уже бежавших им наперерез.

Наконец слухи о пытках достигли такого накала, что патриарх вызвался ехать к царю и просить пощады для несчастных. Он вошел с иконой Пресвятой Богородицы в руках, напомнил Петру о том, что человек слаб и к оступившимся надо проявлять милосердие. Петр, недовольный вмешательством духовных властей в мирские дела, ответил ему в сильном волнении: «Зачем пришел ты сюда с иконою? По какому долгу твоего звания ты здесь явился? Убирайся отсюда живее, отнеси икону туда, где должно ее хранить с подобающей ей честью! Знай, что я чту Бога и почитаю Пресвятую Богородицу, может быть, более, чем ты. Но мой верховный сан и долг перед Господом повелевают мне охранять народ и карать в глазах всех злодеяния, клонящиеся к его гибели»¹³. Петр сказал еще, что в этом деле справедливость и суровость идут рука об руку, так как зараза глубоко поразила общество, и истребить ее можно лишь огнем и железом: Москва будет спасена не набожностью, а жестокостью*.

Волна царского гнева захлестнула всех без исключения. Священников, уличенных в том, что они молились за мятежников, приговаривали к казни. Жена какого-то мелкого подьячего, проходя мимо виселиц, стоявших перед Кремлем, проговорила, увидев повешенных: «Кто знает, виноваты ли вы, или нет?»¹⁴. Ее услышали и донесли, что она сочувствует осужденным изменникам.

* Патриарх поступал так согласно древнейшей православной традиции просить-печаловаться за казнимых. Отказать ему в такой просьбе считалось в древности невозможным. То, что Петр отчитал патриарха как мальчишку, а тот в ответ промолчал, говорит о происшедшем к тому времени коренном изменении соотношения сил в пользу светской власти, о превосходстве государственной морали над общечеловеческой, христианской. — *Ред.*

410

И женщину и ее мужа арестовали и допросили. Им удалось доказать, что произнесенные слова лишь выражали жалость ко всем страждущим, и тем избежать смерти, но из Москвы их все же выслали.

Жалкие, вырванные под пытками признания корчащихся от боли, кричащих и стонущих, едва ли отвечающих за свои слова людей, позволили Петру узнать ненамного больше, чем уже установил Шеин: стрельцы собирались захватить столицу, сжечь Немецкую слободу, перебить бояр и призвать Софью на царство. При ее отказе они намеревались обратиться к восьмилетнему царевичу Алексею, а последняя надежда возлагалась на бывшего любовника Софьи, князя Василия Голицына, «ибо он всегда был к нам милостив». Петр удостоверился, что ни один из бояр или значительных представителей власти и дворянства причастен к делу стрельцов не был, однако главные вопросы остались без ответа: существовал ли заговор

против его жизни и власти? А главное, знала ли Софья о готовящемся восстании и поощряла ли его?

Петр всегда с подозрением относился к сестре и не мог поверить, что она не плетет против него непрестанных интриг. Чтобы проверить эти подозрения, допросили некоторое число женщин, в том числе стрельцких жен и всю Софью женскую прислугу. Двух сенных девушек отвели в пыточные камеры, раздели по пояс. Одной уже успели нанести несколько ударов кнутом, когда вошел Петр. Он заметил, что она беременна, и посему освободил ее от дальнейших пыток. Впрочем, это не помешало приговорить обеих женщин к смерти.

Один стрелец, Васька Алексеев, под пыткой объявил, что в стрелецкий лагерь были, якобы от Софьи, присланы два письма и читаны вслух солдатам. Эти письма будто бы содержали призывы к стрельцам поскорее выступить на Москву, захватить Кремль и призвать царевну на трон. По одному сообщению, письма тайком вынесли из Софьиных комнат в караваях, которые Со-

411

фья послала старухам-нищенкам. Были и другие письма, не столь возмутительные, от Марфы, Софьиной сестры, к царевне, с сообщением что стрельцы идут на Москву. Петр сам поехал в Новодевичий монастырь допрашивать Софью. О пытках речи быть не могло; рассказывали, что он не знал, как быть: то ли вместе с сестрой разрыдаться над судьбой, сделавшей их врагами, то ли пригрозить ей смертью, напомнив об участии Марии Стюарт, которую Елизавета I отправила на эшафот. Софья отрицала, что когда-либо писала к стрельцам. На его предположение, что, может, она намекала им на возможность привести ее к власти, царевна просто ответила, что для этого им не требовалось ее писем — они и так, поди, не забыли, что она семь лет правила страной. В общем, Петр ничего от Софьи не узнал. Он сохранил сестре жизнь, но решил содержать ее в более строгой изоляции. Ее заставили постричься и принять монашеский обет под именем монахини Сусанны. Царь велел ей постоянно жить в Новодевичьем монастыре, где ее караулила сотня солдат, и ни с кем не встречаться. Так прожила она еще шесть лет и в 1704 году умерла сорока семи лет от роду. Ее сестры Марфа и Екатерина Милославские (как и Софья — сводные сестры Петра) были признаны невиновными, но Марфу тоже сослали в монастырь до конца ее дней.

ОйЮ

Первые казни приговоренных стрельцов состоялись в Преображенском 10 октября. За казармами круто уходило вверх голое поле, и там, на вершине холма, поставили виселицы. Между местом казни и толпой зрителей, которые расталкивали друг друга и вытягивали шеи, чтобы лучше видеть, выстроился гвардейский полк. Стрельцов, многие из которых уже не могли идти сами, доставили на телегах, тянувшихся длинной вереницей. Приговоренные сидели на телегах по двое, спина к спине, и у каждого в руках горела свеча. Почти все они

412

ехали в молчании, но их жены и дети, бежавшие рядом, оглашали окрестности плачем и жалобными причитаниями. Когда телеги перебрались через ручеек, отделявший виселицы от толпы, рыдания и крики перешли в громкий, всеобщий вопль.

Все телеги прибыли к месту казни, и Петр, в зеленом польском камзоле, подаренном Августом, появился с боярами возле экипажей, из которых за происходящим наблюдали послы империи Габсбургов, Польши и Дании. Когда читали приговор, Петр кричал толпе, призывая всех слушать внимательнее. Затем виновные в колодах, чтоб не сбежали, пошли к виселицам. Каждый старался взобраться на помост самостоятельно, но кое-кому пришлось помогать. Наверху они крестились на все четыре стороны и надевали на головы мешки. Некоторые сами сунули головы в петлю и бросились вниз с помоста в надежде сломать себе шею и найти быструю смерть. И вообще, стрельцы встречали смерть очень спокойно, один за другим, без особенной печали на лицах. Штатные палачи не могли справиться с такой огромной работой, поэтому Петр велел нескольким офицерам помочь им. Тем вечером, по сообщению Корба, Петр поехал ужинать к генералу Гордону. Он сидел в мрачном молчании и только раз упомянул упрямую враждебность казненных.

Это жуткое зрелище стало первым в череде множества подобных сцен той осени и зимы. Каждые несколько дней казнили по несколько десятков человек. Двести стрельцов повесили на городских стенах, на балках, просунутых в бойницы, по двое на каждой. У всех городских

ворот висели на виселицах по шесть тел в назидание въезжающим, напоминая, к чему ведет измена. 11 октября на Красной площади повесили 144 человека — на бревнах, вставленных между зубцами кремлевской стены. Сто девять других обезглавили топорами и мечами в Преображенском над заранее вырытой общей могилой. Трех братьев из числа самых злостных бунтовщи-

413

ков казнили на Красной площади — двоих изломали на колесе и оставили на медленную смерть, а третьему у них на глазах отрубили голову. Оба переживших его брата горько сетовали на несправедливость — их брату досталась завидно легкая и быстрая смерть.

Некоторым выпали особенные унижения. Для полковых священников, подстрекавших стрельцов, соорудили особую виселицу в форме креста перед храмом Василия Блаженного. Вешал их придворный шут, наряженный попом. Чтобы самым недвусмысленным образом продемонстрировать связь между стрельцами и Софьей, 196 мятежников повесили на больших виселицах возле Новодевичьего монастыря, где томилась царевна. А троих, предполагаемых зачинщиков, вздернули прямо за окном Софьиной кельи, причем в руку одного из них вложили бумагу с челобитной стрельцов о призвании Софьи на царство. До самого конца зимы они раскачивались перед ней так близко, что можно было из окна до них дотронуться.

Казнили не всех солдат четырех восставших полков. Пяти сотням стрельцов, не достигшим двадцати лет, Петр смягчил приговор, заменив казнь клеймением правой щеки и ссылкой. Другим отрубали носы и уши и оставляли жить с этими страшными отметинами. На протяжении всего царствования Петра безносые, безухие, клейменные, живые свидетельства царского гнева и одновременно — царской милости, бродили по окраинам его владений.

Корб доносил в своих сообщениях, что ослепленный жаждой отмщения Петр заставил некоторых своих любимцев работать палачами. Так, 27 октября в Преображенское вызвали бояр, входивших в совет, который выносил приговоры стрельцам, и приказали самим осуществить казнь. К каждому боярину подвели по стрельцу, выдали топор, и велели рубить голову. У некоторых, когда они брали топоры, тряслись руки, поэтому примеривались они плохо и рубили недостаточно сильно. Один

414

боярин ударил слишком низко и попал бедняге посередине спины, едва не разрубив его пополам. Несчастный извивался и кричал, исходя кровью, а боярин никак не мог справиться со своим делом.

Но двое сумели отличиться в этой кровавой работе. Князь Ромодановский, уже прославившийся своей беспощадностью в пыточных камерах, самолично обезглавил, согласно сообщению Корба, четверых стрельцов. Неумолимая свирепость Ромодановского, «жестокостью превосходившего всех остальных», коренилась, вероятно, в гибели его отца от рук стрельцов в 1682 году. Молодой фаворит царя, Александр Меншиков, стремившийся угодить Петру, хвастался потом, что отрубил двадцать голов. Отказались только иностранцы из приближенных Петра, говоря, что в их странах не принято, чтобы люди их ранга выступали в роли палача. Петр, по словам Корба, наблюдал за всей процедурой из седла, и досадливо морщился при виде бледного, дрожащего боярина, который страшился взять в руки топор.

Кроме того, Корб утверждает, что Петр сам казнил несколько стрельцов: в день казни в Преображенском секретарь австрийского посла стоял рядом с одним немецким майором, служившим в петровской армии. Майор оставил Корба на месте, а сам протолкался сквозь толпу и, вернувшись, рассказал, что видел, как царь собственноручно обезглавил пятерых стрельцов. Позднее той же осенью Корб записал: «Говорят всюду, что сегодня его Царское величество вновь казнил нескольких государственных преступников»¹⁵. Большинство историков на Западе и в России как дореволюционные, так и советские не признают истинности этих основанных на слухах свидетельств. Но читатель, уже увидевший в характере Петра чрезмерную жестокость и неистовость, без труда представит себе, как царь орудует топором палача. Охваченный гневом, Петр и в самом деле впадал в неистовство, а бунтовщики его разъярили, снова с оружием в руках ополчившись на его трон. Безнрав-

415

ственным для него было предательство, а не кара за него. Те же, кто не желает верить, что

Петр сделался палачом, могут утешиться тем, что ни Корб, ни его австрийские сослуживцы не видели описанных эпизодов собственными глазами, так что их показания не имели бы силы в современном суде.

Но если в этом вопросе и могут быть сомнения, то их не остается, когда речь идет об ответственности Петра за массовые истязания и казни или о присутствии его в пыточных камерах, где с людей сдирали кожу и жгли их огнем. Нам это кажется чудовищным зверством — Петру представлялось необходимостью. Он был возмущен и разгневан и хотел сам услышать правду. По словам Корба, «царь до того не доверяет боярам... что опасается допустить их хотя малейшее участие в производстве малейшего следствия. Поэтому сам он составляет вопросы, сам допрашивает преступников»¹⁶. К тому же Петр всегда без колебаний участвовал в тех предприятиях, которыми командовал, — и на поле боя, и на палубе корабля, и в пыточном застенке. Он распорядился расследовать действия стрельцов и разделаться с ними, и не в его характере было спокойно дожидаться, пока кто-то доложит ему, что приказ исполнен.

И все-таки Петр не был садистом. Он вовсе не наслаждался зрелищем человеческих страданий — не травил же он, к примеру, людей медведями просто для потехи, как делал Иван Грозный. Он пытал ради практических нужд государства, с целью получения необходимой информации и казнил в наказание за предательство. Для него это были естественные, общепринятые, даже нравственные поступки. И немногие из его русских и европейских современников в XVII веке взяли бы оспаривать подобные взгляды. В тот момент русской истории большее значение имела не моральная сторона петровских действий, а их результат. Сокрушение стрельцов внушило русским людям веру в жесткую, неумолимую волю Петра и продемонстрировало его железную

416

решимость не допускать ни малейшего сопротивления своей власти. С тех пор народ понял, что остается только покориться царю, несмотря на его западные костюмы и склонности. Ведь под западной одеждой билось сердце подлинного московского властителя.

Это тоже входило в намерения Петра. Он уничтожил стрельцов, не только чтобы рассчитаться с ними или разоблачить один конкретный заговор, но и для устрашения подданных — чтобы заставить их подчиняться. Урок, каленым железом выжженный на телах стрельцов, заставляет нас сегодня в ужасе отшатываться, но он же стал неколебимым фундаментом петровской власти. Он позволил царю провести реформы и — на благо ли, на беду — до основания потрясти устои русского общества.

Новости из России ужаснули Европу, откуда Петр так недавно вернулся и где надеялся создать новое представление о своей стране. Даже общепринятое мнение о том, что монарх не-может прощать измены, было сметено потоком сообщений о размахе пыток и казней в Преображенском. Этим как будто подтверждалось, что правы были те, кто считал Московию безнадежно варварской страной, а ее правителя — жестоким восточным деспотом. В Англии епископ Вернет припомнил свою оценку Петра: «Доколе он будет бичом этой страны и ее соседей? Одному Богу известно».

Петр отдавал себе отчет в том, как Запад воспримет его деяния, о чем свидетельствуют его попытки скрыть если не казни, то хотя бы истязания от находившихся в Москве иностранных дипломатов. Впоследствии царя взбесила публикация в Вене дневника Корба (он вышел на латыни, но для царя его перевели на русский язык). Возник серьезный дипломатический кризис, и императору Леопольду I пришлось согласиться на уничтожение всех нераспроданных экземпляров. Даже за теми книгами, что успели разойтись, охотились царские агенты, пытаясь их перекупить.

417

Пока четыре взбунтовавшихся стрелецких полка подвергались наказанию, остальные стрельцы, в том числе шесть полков, недавно посланных из Москвы служить в азовском гарнизоне, стали проявлять опасное беспокойство и угрожали соединиться с донскими казаками и выступить на Москву. «В Москве — бояре, в Азове — немцы, в воде — черти, а в земле черви» — так они выражали недовольство окружающим миром. Затем, когда стало известно о полном разгроме их товарищей, стрельцы раздумали выходить из подчинения и

остались на своих постах.

Но несмотря на успех крутых мер, Петр чувствовал, что больше вообще не может выносить существования стрельцов. После кровавой расправы ненависть оставшихся в живых должна была лишь усилиться, и в стране опять мог вспыхнуть бунт. Из 2000 восставших стрельцов казнено было около 1200. Их вдов с детьми изгнали из Москвы, и жителям страны запретили помогать им; разрешалось только брать их в дворовые в отдаленных поместьях. Следующей весной Петр расформировал оставшиеся шестнадцать стрелецких полков. Их московские дома и земельные наделы конфисковали, а самих стрельцов выслали в Сибирь и другие отдаленные места, чтобы они стали простыми крестьянами. Им навсегда запретили брать в руки оружие и наказали местным воеводам ни под каким видом не привлекать их к военной службе. Позднее, когда Северная война со Швецией потребовала непрерывных пополнений живой силы, Петр пересмотрел это решение и собрал под строжайшим надзором несколько полков из бывших стрельцов. Но в 1708 году, после последнего бунта стрельцов, стоявших в Астрахани, эти войска были окончательно запрещены.

Итак, наконец-то Петр разделался с буйными, притязавшими на власть старомосковскими солдатами-лавочниками, которые были кошмаром его детства и юнос-

418

ти. Теперь стрельцов смели, а с ними - единственное серьезное вооруженное противостояние его политике и главное препятствие на пути реформы армии. Им на смену пришло его собственное создание — организованные на современный лад, дееспособные гвардейские полки, прошедшие западное обучение, воспитанные в верности начинаниям Петра. Но, по иронии судьбы, офицеры русской гвардии, набиравшиеся почти исключительно из семейств дворян-землевладельцев, в недалеком будущем станут играть ту политическую роль, на которую тщетно претендовали стрельцы. Если венценосец, подобно Петру, обладал могучей волей, они были смиренны и послушны. Но когда на престоле оказывалась женщина (а так было четырежды за сто лет после смерти Петра), или ребенок (как случалось дважды), или во времена междоусобиц — в отсутствие монарха, когда преемственность власти была под сомнением, — тут-то гвардейцы и начинали «помогать» выбрать правителя. Если бы стрельцы дожили до этих времен, они могли бы позволить себе криво усмехнуться над таким поворотом событий. Впрочем, навряд ли, ведь если бы дух Петра наблюдал за ними, они бы на всякий случай придержали языки.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ СРЕДИ ДРУЗЕЙ

Той осенью и зимой Россия впервые ощутила всю тяжесть воли Петра. Истязания и казни стрельцов были самым страшным и ярким ее проявлением, но еще не погасли пыточные жаровни, как перепуганные москвичи и иностранные наблюдатели начали угадывать во всех действиях царя единую линию. Разгром стрельцов и усекновение бород и рукавов, изменение календаря и денежной системы, заточение царицы, глумление над церковными обрядами, строительство кораблей в Воронеже - все вело к одной цели: разрушить старое и ввести новое, подтолкнуть огромную, неподатливую массу соотечественников к более современному, европейскому образу жизни.

Здесь рассказывалось о каждом из этих ударов по старой Руси в отдельности, но все они происходили одновременно. Проведя день в застенке в Преображенском, вечером Петр отправлялся на сменявшие друг друга празднества, пиры и увеселения. Почти каждый вечер той страшной осенью и зимой Петр посещал банкет или маскарад, свадьбу, крестины или потешное богослужение Всеппянейшего собора. Он делал это и затем, чтобы облегчить душу от гнева на бунтовщиков, забыть ненадолго об ужасном бремени возмездия, и

420

потому, что рад был, проведя полтора года в Европе, снова оказаться дома, среди друзей.

На этих вечерах нередко присутствовала Анна Монс. Она стала любовницей Петра еще до отъезда Великого посольства, а теперь, когда Евдокию устроили, эта женщина, называвшая себя «верным другом» царя, перестала скрываться и ее признали в обществе. Рука об руку с царем она посетила крестины сына австрийского посланника, а в день рождения Анны Петр приехал на обед к ее матери. Своим появлением в веселых компаниях Анна и немногочисленный, но все расширявшийся кружок дам разрушили незыблемую в России традицию чисто мужских пирушек. Не были эти вечера и исключительно русскими. К

компании петровских любимцев присоединялись послы Дании, Польши, Австрии и Бранденбурга. Петр просто упивался их обществом — они ему давали ощущение близости к западной культуре и куда лучше, чем его бояре, понимали надежды и чаяния царя. Присутствие дипломатов оказалось удачей для истории, так как в своих дневниках и донесениях они оставили яркие описания жизни петровского двора.

Самое полное и красочное из этих описаний принадлежит перу Иоганна-Георга Корба, секретаря австрийского посла. Не всегда его сведения надежны, нередко они основаны на слухах, однако Корб был усердным наблюдателем, фиксировал каждую сцену, увиденную своими глазами, как и каждое услышанное слово. Со страниц его записок встает живая картина петровского времени от возвращения царя из Европы до того момента, когда он окунулся в великую войну, которая заняла главное место в его жизни и царствовании.

Молодой австрийский дипломат приехал в Москву в апреле 1698 года, когда Петр все еще был в Лондоне. Въезд посла, при котором состоял Корб, в русскую столицу, был необыкновенно пышным, а традиционный торжественный пир в честь прибытия посольства пора-

421

зил всех великолепием. Гости насчитали на нем по меньшей мере сто восемь различных яств.

Петр принял посольство после своего возвращения. Аудиенция проходила в доме Лефорта.

Царское величество окружали, наподобие венка, вельможи. Он резко отличался от всех их изящным величием тела и духа... Когда мы поклонились царю с почтением, подобающим высочайшему сану, он приятным мановением обещал нам свой благосклонный прием...[Царь] допустил к руке посла, его чиновников и бывших тут миссионеров...¹

Но Корб и его коллеги скоро узнали, что столь церемонный прием — не более чем фасад. На самом деле Петр терпеть не мог исполнять официальные обязанности подобного рода, и когда не мог уклониться от этого, им овладевала неловкость и замешательство. В церемониальном облачении, сидя на троне или стоя возле него, он выслушивал речи вновь прибывших послов, и это причиняло ему истинные страдания: он тяжело дышал, краснел и потел. Как узнал потом Корб, царь говорил: «С какой это стати одних только царей подчинять бесчеловечному закону: ни с кем не быть в сношениях!»² Петр подобные законы отвергал, а потому обедал и разговаривал со своими приближенными, с офицерами-немцами, с купцами, с послами зарубежных государств — словом, с кем ему было угодно. Если ему хотелось есть, то фанфары не звучали, а просто кто-нибудь кричал: «Государю кушанье!» — и стол уставляли напитками и мясом, без соблюдения какого-то особого порядка, и каждый брал, что ему хотелось³.

Австрийским гостям, привыкшим к торжественным приемам в Хофбургском дворце в Вене, эти московские пиры казались весьма непринужденными и даже буйными. Корб писал, что однажды царь велел устроить обед у Лефорта и пригласить на него всех послов и знатных бояр. Царь прибыл позже, чем обычно, так как занимал-

422

ся важными делами. Даже за столом, невзирая на присутствие послов, он продолжал обсуждать какие-то вопросы со своими боярами, но это обсуждение скорее напоминало перебранку, так как собеседники не скупились ни на слова, ни на жесты, все были возбуждены сверх меры, каждый упрямо отстаивал свое мнение с неуместной запальчивостью, опасной в присутствии царя. Двое, чей более низкий ранг не позволял вмешаться в этот затруднительный спор, старались обратить на себя внимание, кидаясь в головы присутствующих хлебом. Но и «между москвитянами находились также и такие лица, которые своей скромностью в разговоре с государем обнаруживали высший ум». Корб продолжает:

Князь [Михаил] Алегукович Черкасский отличался степенностью, приличною его пожилым летам; зрелый ум виден был в советах боярина Головина. У [Андрея] Артамоновича [Матвеева] проявлялась опытность в государственных делах; а так как эти достоинства встречались редко, то тем ярче они сияли. Артамонович, негодуя на то, что при царском столе находилось так много разных сумасбродных чудаков, ... сказал по-латыни: «Дураками полон свет», и притом так громко, что могли слышать все, понимающие латинский язык⁴.

Петр использовал эти пиршества, чтобы заодно решать разные дела.

После обеда началась пляска и отпуск польского посла следующим образом. Царь внезапно ушел из толпы пирующих, позвав с собой польского посланника в смежную комнату, в которой хранились кубки, рюмки и разнородные напитки; туда же хлынули было и все гости, чтобы разузнать, в чем дело. Еще не успели все туда войти (ибо, желая попасть разом только мешали друг другу), как уже царь,

возвратив польскому посланнику его верительную грамоту, вышел из комнаты, и тем привел в смущение тех, которые с большим усердием старались в нее проникнуть⁵.

423

Хотя европейцы и смотрели на московитов свысока, но иногда и сами вели себя глупо и ребячливо. На одном обеде в честь послов Дании и Польши польскому послу досталось двадцать пять блюд с царского стола, а датчанину всего двадцать два. Он пришел в негодование, и обида его смягчилась, лишь когда ему позволили опередить своего польского соперника и раньше него подойти к царской руке при прощании. Тут глупый датчанин начал так важничать и кичиться своей маленькой победой, что возмутился уже поляк. Наконец Петр услышал об их ссоре и, презрев всякий протокол, вскричал: «Оба они ослы!»

Кое-кто из иноземных послов допускал ту же оплошность, какая случалась иногда с петровскими боярами: привыкнув смотреть на царя, как на приятеля и собутыльника, они забывали, кем, собственно, был этот верзила, с которым они так горячо спорили. Спор переходил за грань допустимого, и тут оппоненты Петра вдруг с опозданием ловили себя на том, что с отчаянной запальчивостью препираются с человеком, наделенным могуществом абсолютного монарха и властным распоряжаться жизнью и смертью целого народа. Иногда споры бывали сравнительно мирными. Как-то за обедом Петр сказал собравшимся, что в Австрии было потолстел, но на обратном пути на польских харчах опять отощал. Польский посол, человек весьма дородный, принялся утверждать, что вырос в Польше и обязан своей полнотой тамошней кухне. Петр парировал: «Ты растолстел не там, но в Москве»⁷. Поляк, как и все другие послы, находился на продуктивном и денежном довольствии принимающего правительства, так что благоразумно смолчал.

А вот другой случай: как-то раз на пиру зашла речь о различиях между странами; при этом очень плохо говорили о стране, лежавшей рядом с Россией (Корб не называет, о какой именно). Приехавший оттуда посол, со своей стороны, отвечал, что заметил и в России

424

много, достойное порицания. Царь резко оборвал его: «Если бы ты был мой подданный, то я бы послал тебя к тем, что теперь качаются на виселицах, так как я хорошо понимаю, к кому твои слова относятся». Немного погодя царь нашел способ поставить этого человека танцевать в паре с шутком, служившим посмешищем всего двора, что вызвало кругом ухмылки и смех. Однако посол пустился в пляс, не понимая, какую с ним сыграли постыдную шутку, и танцевал, пока австрийский дипломат не напомнил ему потихоньку о необходимости беречь достоинство посла.

Настроения Петра бывали странны и непредсказуемы, и случалось, что его внезапно бросало от восторженных порывов к гневному припадку. Сейчас он был общителен, радовался, что его окружают друзья, потешался над чудным видом только что обритого приятеля, но через несколько минут мог впасть в глубокое, болезненное уныние или взорваться буйной яростью. На одном празднике рассерженный Петр обвинил Шеина в продаже армейских чинов за звонкую монету. Шеин все отрицал, и Петр пулей вылетел из комнаты — расспрашивать солдат, несших караул вокруг дома Лефорта, чтобы выяснить, «сколько наделал Шеин полковников и прочих офицеров не по заслугам, а за одни лишь деньги». Далее этот эпизод, в изложении Корба, развивался так:

Спустя несколько времени он вернулся, и, в страшном гневе, пред глазами воеводы Шеина, ударил обнаженным мечом по столу и вскричал: «Так истреблю я твой полк!» В справедливом негодовании царь подошел затем к князю "Ро мода невскому и к думному дьяку Никите Моисеевичу [Зотову]. Заметив, что, однако, они оправдывают воеводу, до того разгорячился, что, махая обнаженным мечом во все стороны, привел тут всех пирующих в ужас. Князь Ромодановский легко ранен в палец, другой в голову, а Никита Моисеевич, желая

425

отвратить от себя удар царского меча, поранил себе руку. Воеводе готовился было далеко опаснее удар, и он, без сомнения, пал бы от царской десницы, обливаясь своею кровью, если бы только генерал Лефорт (которому одному лишь это дозволялось) не сжал его в объятиях, и тем не отклонил руки от удара. Царь, возмущенный тем, что нашелся смельчак, дерзнувший предупредить последствия его справедливого гнева, напрягал все усилия вырваться из рук Лефорта, и, освободившись, крепко хватил его по спине. Наконец, один только человек,

пользовавшийся наибольшей любовью царя пред всеми москвитянами*, сумел поправить это дело ... Он так успел смягчить сердце царя, что тот воздержался от убийства, а ограничился одними угрозами. За этой страшной грозой наступила прекрасная погода. Царь с веселым видом присутствовал при пляске и, в доказательство особенной любезности, приказал музыкантам играть те самые пьесы, под какие он плясал у своего... «любезнейшего господина брата», то есть, царь вспоминал о том бале, какой дан был императором в честь его гостей. Две горничные девушки пробрались было тихонько посмотреть, но государь приказал солдатам их вывести. И тут, при заздравных чашах, палили из 25-ти орудий, и пирушка приятно продолжалась до половины шестого часа утра⁹.

На другой день произведенные Шейным назначения были отменены, и с тех пор обязанность решать, кого из офицеров следует повысить в чине, лежала на' Патрике Гордоне.

Не в первый раз Лефорт подставлял себя под царские кулаки или кидался между Петром и очередной жертвой его ярости. 19 октября царь обедал у полковника Чамберса, как вдруг, пишет Корб: «не знаю, какой вихрь расстроил веселость до того, что Его Царское Величество, схватив генерала Лефорта, бросил его на

* Речь идет о Меншикове. — *Ред.*

426

землю и попрал ногами»¹⁰. И все равно Лефорт пытался противостоять монаршему гневу. На пиру для двухсот вельмож в новом Лефортском дворце заспорили два бывших регента, дядя Петра, Лев Нарышкин, и князь Борис Голицын. Петр разозлился и «объявил напрямик, что тот из двух, который окажется более виновным, отдаст под меч свою голову, и что их соперничество таким образом прекратится. Для раскрытия этого дела назначен князь Ромодановский; генерал Лефорт хотел было утишить гнев царя, но царь сильно оттолкнул его от себя кулаком»¹¹.

Корб не скрывает, что больше других ему не по душе князь Федор Ромодановский, высокий, густобровый наместник Москвы и потешный князь-кесарь, который служил у Петра еще и главой розыскного ведомства. Ромодановский был угрюм и обладал тяжеловесным юмором. Он любил заставлять гостей выпить большой кубок перцовки, который им подносил, встав на задние лапы, громадный дрессированный медведь. Если гость отказывался, медведь принимался срывать с упряма шляпу, парик, а затем и другие части гардероба. Иностранцев князь ни в грош не ставил. Однажды он похитил понадобившегося зачем-то немца-переводчика, который состоял при одном из царских врачей, и отпустил лишь после того, как этот врач пожаловался Лефорту. В другой раз арестовал доктора-иностранца, а когда тот после освобождения спросил князя Ромодановского, для чего его так долго продержали в заключении, то в ответ услышал: «Только для того, чтобы вам более досадить»¹².

ОШО

12 октября Корб записал в дневнике, что «выпало чрезвычайно много снега и был сильный мороз». Пиршества и казни шли своим чередом, хотя Петр вскоре покинул Москву и отправился на воронежские верфи. Впрочем, к Рождеству царь возвратился. Вот рождественские впечатления Корба:

427

У русских дню Рождества Господня предшествует пост; сегодня, накануне этого праздника, все рынки и перекрестки переполнены всякого рода мясом. В одном месте неимоверное количество гусей, в другом столько освежеванных боровов, что, кажется, было бы их достаточно на целый год; здесь множество убитых волов, там как будто стаи птиц... слетелись в этот город со всех концов Московского царства. Было бы излишне перечислять все их роды: все, чего только пожелаешь, все найдешь¹⁴.

Далее Корб описывает празднование Рождества, окрашенное грубым весельем Всепьянейшего собора:

Театральный патриарх в сопровождении мнимых своих митрополитов и прочих лиц, числом всего 200 человек, прокатился в восьмидесяти саях через весь город в Немецкую слободу, с посохом, в митре и с другими знаками присвоенного ему достоинства. В домах всех купцов и богатейших москвитян и немецких офицеров воспевались хвалы родившемуся Богу, при звуках музыки, нанятой хозяевами дома за большие деньги. После сих песнопений в честь Рождества Христова генерал Лефорт принимал все общество у себя в доме, где имело оно, для своего удовольствия,

приятнейшую музыку, угощение и танцы¹.

За свои хриплые колядки царь и вся его развеселая компания ожидали щедрого вознаграждения, если же их ожидания не оправдывались, хозяин мог пенять на себя:

Филатьев, богатейший московский купец, дал царю, воспевавшему у него со своими боярами хвалы родившемуся Богу, только 12 рублей. Царь этим так обиделся, что тотчас же послал к нему 100 человек мужичков, приказав немедленно выдать каждому из них по рублю.

Празднества продолжались до Крещения, когда у

428

подножия кремлевской стены происходил традиционный обряд водосвятия. Вопреки обычаю, царь не сидел на троне рядом с патриархом, а появился в военной форме со своим полком, который в составе двенадцатитысячного войска стал строем на толстом речном льду. Корб писал:

Крестный ход подвигался в следующем порядке к замерзлой, по причине зимнего времени, реке. В голове шел полк генерала Гордона... яркий красный цвет новых мундиров давал этому полку нарядный вид. За полком Гордона следовал Преображенский, хорошо одетый в новые зеленые мундиры. Царь, своим высоким ростом внушавший должное его высочайшему имени почтение, исправлял в оном должность капитана. Затем следовал третий полк, Семеновский... цвет воинских кафтанов голубой. В каждом полку два хора музыкантов, а в каждом хоре по восемнадцать человек... На реке, покрытой крепким слоем льда, была устроена ограда; в верхнем конце поперек реки был расстановлен полк Гордона, в низшем конце ее Семеновский полк, вдоль же реки, возле ограды, расположился Преображенский полк. При каждом полку были поставлены принадлежащие ему орудия... Пятьсот лиц духовенства, дьяконы, подьяконы, священники, игумены, епископы и архиепископы в одеждах, богато украшенных серебром, золотом, жемчугом и камнями, придавали этому обряду еще более величественный вид. Двенадцать церковнослужителей несли перед большим золотым крестом фонарь, в котором горели три восковые свечи. Неимоверное множество народа толпилось везде, на улицах, на крышах и на стенах города. Когда духовенство наполнило собой обширную загородку, начались, при множестве зажженных свечей, священные обряды с воззваниями к Богу; после того митрополит обошел кругом место с курившейся кадильницей. В середине ограды был проломан пешнею лед, чрез что образовалось отверстие в виде колодца, в котором вода поднялась

429

кверху; эту воду, трижды окадив, освятил митрополит троекратным погружением в нее горячей свечи, и осенил ее затем обычным благословением. Подле ограды поставлен был столп, превышавший городские стены: на нем человек, удостоенный этой почести от царя, держал знамя царства. Это знамя белое, на нем сияет двуглавый орел, вышитый золотом; развивать его не позволено, пока духовенство не перейдет за ограду; тогда человек, держащий знамя, обязан следовать за обрядами каждения и благословения, так как о каждом из них он должен извещать наклоном оногo. Полковые знаменщики внимательно наблюдают за ним, чтобы отвечать ему тоже преклонением знамени. После благословения воды знаменщики всех полков, подойдя со своими знаменами, становятся вокруг загородки для того, чтобы последние могли быть достаточно окроплены святою водою. Патриарх, а в отсутствие его митрополит, сходит с своего сидалища или возвышения и кропит царя и всех воинов святою водою. Пальба из орудий всех полков, по царскому приказанию, заканчивает обряд; за пальбой, в знак торжества, раздались троекратные залпы из ружей

17

Осенние и зимние вакханалии достигли пика на масленицу, накануне Великого поста. Центральную роль в этих буйствах играл Всеппянейший собор, члены которого в потешном церемониальном шествии проследовали во дворец Лефорта для поклонения Бахусу: В числе зрителей, наблюдавших за процессией, был Корб.

... митра [потешного патриарха] была украшена Вакхом, возбуждавшим своей наготою страстные желания. Амур с Венерою украшали посох, чтобы показать, какой паствы был этот пастырь. За ним следовала толпа прочих лиц, отправлявших вакханалии: одни несли большие кружки, наполненные вином, другие сосуды с медом, иные фляги с пивом и водкою. И как, по причине зимнего времени, они не могли обвить свои

430

чела лаврами, то несли жертвенные сосуды, наполненные табаком, высушенным на воздухе и, закулив его, ходили по всем закоулкам дворца, испуская из дымящегося рта самые приятные для

Вакха благоухания... Театральный первенствующий жрец подавал чубуком знак одобрения достоинству приношения. Он употреблял для этого два чубука, накрест сложенные .

Многих иноземных послов шокировала эта пародия, и сам Корб поражен был тем, что «изображение креста, драгоценнейшего символа нашего спасения, могло служить игрушкой». Но Петр не видел причин скрывать от посторонних глаз свои забавы. 1 марта у царя был на прощальной аудиенции посол Бранденбурга. Затем царь велел ему остаться на обед.

После обеда думный дьяк Моисеевич, разыгрывающий роль патриарха, по требованию царя, начал пить на поклонение. В то время как этот лицедей пил, каждый должен был, в виде шутки, преклонить перед ним колено и просить благословения, которое он давал двумя чубуками, крестообразно сложенными. Один только из посланников, который, по чувству уважения к древнейшей христианской святыне, не одобрял этих шуток, скрытно удалился и тем избежал принуждения принимать в них участие. Тот же Моисеевич, с посохом и прочими знаками патриаршего достоинства, первый пустившись в пляс, изволил открыть танцы. Царевич с княжной Натальей находились... в [смежной] комнате. Царевич был одет в немецкое платье; хороший покрой его одежды и прелестное убранство головы его, выющиеся пряди волос, все это прекрасно шло к его красоте. Наталью окружали знатнейшие госпожи. Сегодня обнаружилось в русском обществе смягчение нравов, так как до сего времени женщины никогда не находились в одном обществе с мужчинами и не принимали участия в их увеселениях, сегодня же некоторые не только были на обеде, но также присутствовали при танцах .

431

А тем временем, словно мрачное сопровождение этому масленичному веселью, шли, не прекращаясь, казни стрельцов. 28 февраля тридцать шесть человек погибли на Красной площади и сто пятьдесят в Преображенском. В тот же вечер у Лефорта было пышное празднество, после которого гости любовались восхитительным фейерверком. В первую неделю марта начался Великий пост, а с ним пришел конец безумному карнавалу веселья и смерти. На город опустилась такая благодатная тишина, что Корб заметил:

Сколько было на прошедшей неделе шума и шалостей, столько в настоящую — тишины и смирения... Последовало внезапное и невероятное преобразование: лавки заперты, торги на рынках закрыты, присутственные и судебные места прекратили свои занятия; нигде не подавали на стол ни рыбы, ни кушаний с деревянным маслом [оливковое масло низкого сорта], наблюдался строжайший пост, чтобы умертвить плоть; питались только хлебом и земными плодами²⁰.

В затишье Великого поста власти наконец начали снимать тела стрельцов с виселиц, где они провисели всю зиму, и вывозить, чтобы предать земле. «Это было ужасное зрелище для народов более просвещенных, выразительное и полное отвращения, — писал Корб. - В телегах лежало множество трупов кое-как набросанных, многие из них полунагие: подобно зарезанному скоту, который везут на торг, тащили тела к могильным ямам» .

Помимо жизни петровского двора, Корб наблюдал немало повседневных московских картинок. Царь постановил сделать что-нибудь с галдящими ордами нищих, которые увязывались на улице за горожанами, как только те выходили из своих дверей, и всю дорогу плелись следом за ними. Частенько попрошайки ухитрялись, не прекращая кланяться, ловко обшарить карманы своей жертвы. Петровским указом запрещалось просить милостыню, как и поощрять попрошайничество, и

432

всякого, пойманного за раздачей милостыни, ждал штраф в пять рублей. Чтобы облегчить участь нищих, царь на свои личные средства учредил больницы для бедных при каждой церкви. Условия в этих больницах, вероятно, были суровые, о чем свидетельствует еще один иностранец: «Улицы скоро очистились от бродяг, многие из которых предпочли работать, чем очутиться в больничном заточении».

Даже в те времена, когда во всех странах царило беззаконие, Корба поразила многочисленность и дерзость московских разбойников, которые сбивались в шайки и нагло грабили всех подряд. Обыкновенно по ночам, но иногда и среди бела дня они нападали на свою жертву, обдирали ее как липку, а нередко и убивали. Случались убийства таинственные, так и оставшиеся нераскрытыми. Одного моряка-иностранца, гостившего с женой у какого-то боярина, пригласили прокатиться на санях по вечерней пороше. Когда гость с хозяином

вернулись с прогулки, то обнаружили, что жене моряка отрезали голову, и не нашлось никаких указаний на личность или мотивы убийцы. Правительственные чиновники чувствовали себя не в большей безопасности, чем простые горожане. 26 ноября Корб записал: Один гонец был отправлен ночью в Воронеж к Его Царскому Величеству с письмами и драгоценными вещами, но на Каменном мосту в Москве его схватили и обобрали. На рассвете были найдены распечатанными письма, разбросанные по мосту, а гонец и вещи пропали без вести... подозревают, что гонец был опущен под лед протекающей там реки Неглинной²².

Иностранцам приходилось проявлять особенную осмотрительность, поскольку их считали завидной добычей не только грабители, но и простые москвичи. Один человек из штата австрийского посольства, знавший русский язык, доложил, что только что на улице встречал прохожего, изрыгавшего потоки хулы и про-

16 Петр Великий, т. 1

433

клятий всем иностранцам: «Вы, собаки немцы, довольно уж вы на свободе обирали и грабили: пора уже унять вас и казнить!»²³ Встреча с одиноким иностранцем, особенно нетвердо стоящим на ногах после застолья, давала некоторым москвичам редкую возможность отвести душу. При этом сопротивляться насилию часто тоже бывало небезопасно, так как Петр, пытаясь сократить количество уличных убийств, объявил преступником любого, кто в пьяном виде вытащит саблю, пистолет или нож, хотя бы для самозащиты, даже если оружие не будет пущено в дело. Однажды вечером австрийский офицер по фамилии Урбан возвращался навеселе домой в Немецкую слободу. На него напал какой-то русский — сначала ругался, а потом полез с кулаками. По словам Корба, Урбан, «обиженный таковым бесчестьем, притом со стороны столь ничтожного человека, пользуясь естественным правом обороны от безрассудного обидчика, стал сильно защищаться пистолетом. Пуля слегка скользнула поверх головы нападавшего. Рана не представляла никакой опасности для его жизни: однако же, чтобы жалоба пораненного не наделала большого шума и, дошедши до Царского Величества, не послужила поводом к делу, Урбан, по любовной с ним сделке, дал ему четыре рубля, с тем, чтобы тот молчал о случившемся». Однако Петр все-таки об этом прослышал. Урбана арестовали и обвинили в тяжком преступлении. Когда друзья Урбана стали оправдывать его тем, что он был пьян, царь ответил, что оставил бы его безнаказанным, если бы он в пьяном виде просто подрался, но пьяную пальбу спустить не может. Однако он заменил смертную казнь поркой, и только благодаря неустанным просьбам австрийского посла отменил, наконец, и ее².

Впрочем, и грабителям, если они попадались, приходилось несладко. Они партиями шли на дыбу и виселицу: как-то в один день повесили семьдесят человек. Но это все равно не останавливало их собратьев. Для них

434

озорство на улице было образом жизни, а неподчинение властям так глубоко в них укоренилось, что усилия все-таки заставить их уважать закон вызывали бурю негодования у его закоренелых нарушителей. Например, хотя государство имело монополию на водку и частная торговля строго запрещалась, ее успешно продавали в одном московском доме. Пятьдесят солдат было послано конфисковать противозаконный товар. Произошел настоящий бой, трое солдат погибли. Винокуры-контрабандисты, нимало не смущаясь и не помышляя о бегстве, угрожали еще более суровым возмездием, если попытка захвата повторится.

Что говорить, если стража и солдаты, на которых возлагалось насаждение законности, сами были не слишком законопослушны. Корб заметил, что

солдаты в Московии имеют обыкновение мучить тех, кто попадет им в руки, как им заблагорассудится, невзирая на личности или их вину. Солдаты сплошь и рядом бьют арестованных прикладами и палками, запихивают их в самые непотребные дыры, особенно богатых, которым не краснее заявлять, что не перестанут издеваться, пока не получат кругленькой суммы. Идет ли арестованный в тюрьму добровольно, или его ведут силой, все равно по дороге избивают.

В апреле 1699 года в Москве вдруг круто подскочил! цены на продукты. Розыск показал, что солдаты, которым приказали до весенних оттепелей вывезти из города тела казненных стрельцов, реквизировали телеги у крестьян, привозивших в Москву пшеницу, овес и другое

зерно, причем самих крестьян заставляли освобождать телеги от продуктов, нагружать трупами, вывозить и хоронить казненных. Добычу солдаты оставляли себе, чтобы съесть или продать. Напуганные таким откровенным разбоем, крестьяне перестали привозить в город припасы, а цены на то, что уже было завезено, выросли астрономически.

435

С наступлением теплых дней иностранных послов стали часто приглашать за город, в красивые, цветущие окрестности Москвы. Корба и австрийского посла пригласили на пир в имение дядюшки Петра, Льва Нарышкина.

Изобилие редкостных яств, ценность золотой и серебряной посуды, разнообразие и изысканность напитков с несомненностью свидетельствовали о близком родстве хозяина с царем. После обеда состязались в стрельбе из лука. Никто не мог уклониться от участия, поскольку объяснения вроде того, что эта забава гостю незнакома или у него нет достаточной сноровки, во внимание не принимались. Мишенью служил кусок бумаги, укрепленный над землей. Хозяин прострелил его в нескольких местах под общие аплодисменты. Дождь оторвал нас от этих приятных упражнений, и мы вернулись в покои. Нарышкин, в знак уважения к господину послу, отвел его за руку в комнаты своей жены, чтобы он обменялся с ней приветствиями. У русских нет более высокой почести, чем получить от мужа приглашение поцеловать его жену и удостоиться принять чарку водки из ее рук²⁶.

В другой раз послу показали царский зверинец - «неимоверной величины белого медведя, леопардов, рысей и многих других зверей, которые содержатся здесь только для удовлетворения любопытства». Затем он побывал в знаменитом Новоиерусалимском монастыре, построенном Никоном, а потом отправился в гости к Виниусу. «Мы находили особенное удовольствие, наслаждаясь катанием в лодке и ловлею сетями рыбы; это нас тем более занимало, что мы знали, что пойманная нами рыба будет служить для нашего ужина»²⁷. Послов приглашали и в царское имение в Измайлово. В Москве стояла июльская жара, и гости нашли, что Измайловский дворец расположен самым удачным образом. «Замок окружает роща, замечательная тем, что в

436

ней растут, хотя и редко, но весьма высокие деревья; свежесть тенистых кустарников умягчает там палящий жар солнца». Были там и музыканты, «чтобы гармоническую мелодию своих инструментов соединить с приятным звуком тихого шелеста ветра, который медленно стекает с вершин деревьев».

Визит Корба, связанный с пребыванием имперского посла, длился пятнадцать месяцев. В июле 1699 года они отбыли после пышных прощальных церемоний. Петр щедро одарил дипломата и его свиту, причем среди подарков было много соболей. По приказу царя устроили великолепную процессию, и посол ехал в парадной царской карете с золотыми и серебряными украшениями и драгоценными камнями на дверцах. Карету и другие экипажи австрийского посольства провожали новые петровские эскадроны кавалерии и полки пехоты западного строя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ВОРОНЕЖ И ЮЖНЫЙ ФЛОТ

С того самого часа, как Петр вернулся в Москву, он мечтал увидеть свои корабли, которые строились в Воронеже. Пока в Преображенском продолжались пытки, пока царь с друзьями пил мрачными осенними и зимними ночами напролет, он мечтал оказаться на Дону, вместе с западными мастерами-корабельщиками, которых он завербовал в путешествие и которые как раз приступали к работе на донских верфях.

В первый раз он приехал туда в конце октября. Многие бояре, державшиеся к нему поближе в стремлении сохранить милостивое расположение царя, поехали на юг вслед за ним. Князь Черкасский, почтенный старец, чья борода избежала общей участи, остался управлять Москвой, но вскоре обнаружил, что он там не единственный представитель власти. Петр, по своему обыкновению, вверил правление не одному человеку, а сразу нескольким. Перед отъездом он также сказал Гордону: «Все оставляю на тебя» - и Ромодановскому: «Передаю пока все дела в твои надежные руки»¹.

Таков был петровский принцип организации управления в свое отсутствие: он разделял власть между многими исполнителями, отчего у каждого создавалось неясное представление о границах его полномочий, и отбывал, заведомо обрекая их на непрерывные разногла-

сия и сумятицу. При этой системе вряд ли следовало ожидать эффективного управления, но зато ни один из наместников не смог бы посягнуть на его власть. Пока истоки стрелецкого бунта оставались неустановленными, именно это заботило Петра в первую очередь.

В Воронеже, на верфях, раскинувшихся по берегам широкой, мелководной реки, Петр застал плотников, работавших пилами и стучавших молотками. Но не все шло гладко. Не хватало строительных материалов и рабочей силы, а то, что имелось, безхозяйственно расточалось. Спеша выполнить царские распоряжения, мастера использовали непросушенный лес, который в воде быстро гниет*. Приехавший из Голландии вице-адмирал Крюйс осмотрел корабли и приказал многие из них вытащить на сушу и сменить шпангоуты и обшивку. Мастера-иностранцы, каждый из которых следовал собственным проектам, без единого руководства и контроля, часто ссорились. Голландские корабельщики, которым Петр из Лондона прислал приказ работать только под надзором других мастеров, ходили мрачные и безучастные. Русские ремесленники были настроены не лучше. Вызванные указом в Воронеж учиться кораблестроению, они поняли, что, проявив излишнее усердие, можно угодить на Запад - совершенствовать свое мастерство. Поэтому многие предпочитали работать кое-как, лишь бы сошло, в надежде, что их все-таки отпустят домой.

Самые тяжкие трудности и испытания выпали на долю простых рабочих. Тысячи людей, доставленных на работы в Воронеж — крестьяне и холопы, — никогда не видели судна больше баржи и водоема шире реки. Они приходили с собственным инструментом, кое-кто

* Проблемы, связанные с применением сырой древесины, характерны не только для русского кораблестроения. В XVII и XVIII веках средний срок службы британских военно-морских судов составлял лишь около десяти лет именно из-за использования при строительстве не просушенного леса.

439

со своими лошадьми, чтобы рубить деревья, очищать стволы от веток и сплавлять лес по рекам в Воронеж. Их держали в невыносимых условиях, среди рабочих быстро распространялись болезни, люди умирали. Многие стали убегать, и в конце концов пришлось обнести верфи заборами и поставить охрану. Пойманных беглецов секли и возвращали на работы.

Внешне Петр сохранял бодрость, но из-за медленного хода работ, повальных болезней, смертности и бегства рабочих он приуныл и почти пал духом. Через три дня после приезда в Воронеж, 2 ноября 1698 года, он писал Винуису: «Мы, слава Богу, зело в изрядном состоянии нашли флот и магазейн [склады! обрели. Только еще облак[о] сумнения закрывает мысль нашу, да не укосне-ет [не замедлится ли] сей плод наш, яко [плод] фиников, которого насаждающее дерево] не получают видеть». Позже он писал: «А здесь, при помощи Божией, препо-роторирум великой [большие приготовления], только ожидаем благого утра, дабы мрак сумнения нашего прогнан был. Мы здесь зачали корабль, который может носить 60 пушек от 12 до 6 фунтов»².

Хотя Петр тревожился, дело все же продвигалось, невзирая на то, что на верфях не было никаких технических приспособлений и все делалось при помощи ручных инструментов. Бригады рабочих с лошадиными упряжками волоком тащили стволы деревьев, затем с них обрубали сучья и ветки и доставляли бревна на верфь, к месту, где в земле были вырыты ямы. Здесь несколько человек залезали в яму, а другие, положив бревно поперек ямы на землю, придерживали его концы или даже садились верхом, чтобы удержать его в одном положении; те же, кто находились внизу, выпиливали или вырубали длинные прямые рейки или изогнутые — для обшивки корпусов. При таком методе огромное количество древесины пропадало зря, так как из одного бревна выходило всего несколько реек. Необработанную рейку передавали более искусным мастерам, которые

440

придавали ей окончательную форму и вид, работая топорами, молотками, сверлами и зубилами. Самые толстые, крепкие бревна шли на киль, который закладывали прямо на земле. Затем следовали шпангоуты, выгнутые наружу и вверх, к которым позже крепились обшивки. Наконец, бока обшивали прочными рейками, способными выдерживать напор морских волн. Потом приступали к работам на палубах, строили внутренние помещения, оснащали корабль всеми необходимыми приспособлениями, благодаря которым он становился для моряка и домом, и рабочим местом.

Всю зиму, не обращая внимания на морозы, Петр трудился вместе со своими людьми. Он ходил по верфи, переступая через засыпанные снегом бревна, — мимо кораблей, молчаливо стоявших на стапелях, мимо работников, толпившихся возле костров, чтобы согреться, мимо литейной с огромными мехами, нагнетавшими воздух в печи, где ковали якоря и металлическую оснастку. Он был неутомим и кипел энергией, приказывал, упрасивал, убеждал. Венецианцы, строившие галеры, жаловались, что им некогда сходить к исповеди — так напряженно они работают. Но флот продолжал расти. Приехав осенью, Петр обнаружил, что двадцать судов уже спущены на воду и стоят на якоре. Зима шла, и каждую неделю еще по пять-шесть кораблей сходили на воду или ждали, готовые к спуску, когда растает лед. Не довольствуясь ролью наблюдателя, Петр сам сконструировал и начал строить, исключительно силами русских мастеров, пятидесятипушечный корабль, -названный «Предестинация». Он заложил киль и упорно работал на строительстве этого корабля вместе с сопровождавшими его приближенными. «Предестинация» была красивым трехмачтовым судном в 130 футов длиной. Петр радовался, чувствуя в руках инструменты, и ему было приятно думать, что один из кораблей, которые рано или поздно выйдут под парусами в Черное море, будет создан его собственными руками.

441

В марте, когда Петр во второй раз приехал в Воронеж, его постиг тяжелый удар: умер Франц Лефорт. Оба раза, что Петр той зимой отправлялся строить корабли, Лефорт оставался в Москве. В сорок три года он не растерял, казалось, ни своей большой физической силы, ни горячности. В роли первого посла Великого посольства он выдержал полтора года торжественных приемов в Европе, и его выдающиеся способности к поглощению спиртного не покинули его и во время буйных осенних и зимних московских увеселений. Провожая Петра в Воронеж, он был в веселом, приподнятом настроении.

Но незадолго до его смерти, когда Лефорт еще жил прежней неистовой жизнью, прошел странный слух. Будто бы однажды ночью, которую Лефорт проводил у любовницы, жена его услышала страшный шум в спальне мужа. Зная, что там никого нет, но предполагая, что муж, вероятно, передумал и вернулся домой сильно не в духе, она послала узнать, в чем дело. Посланный вернулся и сказал, что никого в комнате не увидел. Однако шум продолжался и, если верить жене, «на следующий день, ко всеобщему ужасу, все кресла, столы и скамейки, находившиеся в его спальне, были опрокинуты и разбросаны по полу, в продолжение же ночи слышались глубокие вздохи»³.

Вскоре Лефорт устроил прием для двух иностранных дипломатов, послов Дании и Бранденбурга, которые отправлялись в Воронеж по приглашению Петра. Вечер очень удался, и послы засиделись допоздна. Наконец в комнате стало невыносимо жарко и хозяин, покачиваясь, вывел гостей на морозный зимний воздух - выпить при свете звезд; ни шуб, ни накидок никто не надел. На следующий день у Лефорта началась лихорадка. Быстро поднялся жар, и он впал в беспамятство: бредил, буянил, громко требовал музыки и вина. Перепуганная жена предложила послать за протестантским пастором Штумп-

442

фом, но больной закричал, что не желает никого к себе допускать. Когда Штумпф все-таки пришел,

...и стал много объяснять ему о необходимости обратиться к Богу, то Лефорт только отвечал: «Много не говорите!» Перед его кончиной жена просила у него прощения, если когда-либо » чем против него провинилась. Он ей ласково ответил: «Я никогда ничего против тебя не имел, я тебя всегда уважал и любил». ...Он особенно препоручал помнить о его домашних и их услугах и просил, чтобы им выплатили верно их жалованье⁴.

Лефорт прожил еще неделю, утешаясь на смертном одре музыкой специально присланного оркестра. Смерть настигла его в три часа утра. Головин немедленно опечатал все его имущество и отдал ключи родственнику Лефорта, одновременно отправив курьера в Воронеж к царю. Услышав эту новость, Петр выронил топор, сел на бревно и зарыдал, пряча лицо в ладонях. Голосом, охрипшим от горя, он проговорил: «Уж я более иметь не буду верного человека; он только один и был мне верен. На чью верность могу теперь положиться?»

Царь немедленно вернулся в Москву, и 21 марта состоялись похороны. Петр сам заботился об устройении церемонии: швейцарца ожидало торжественное погребение, такое грандиозное,

какого не удостаивался никто в России, кроме царей и патриархов. Иностранных послов пригласили, а боярам приказали присутствовать. Им велели собраться в доме Лефорта в восемь утра, чтобы нести тело в церковь, но многие опоздали; возникли и другие проволочки, так что лишь в полдень процессия была готова выступить. Тогда Петр, по западному обычаю, велел подать гостям обильный холодный обед. Бояре, приятно изумленные видом угощения, набросились на еду, Корб так описывает эту сцену:

... были уже накрыты столы и заставлены кушаньями. Тянулся длинный ряд чашек, стояли кружки, напол-

443

ненные винами разного рода, желающим подносили горячее вино. Русские, из которых находились там, по приказанию царя, все знатнейшие по званию, или должности, лица, бросились к столам и с жадностью пожирали яства; все кушанья были холодные. Здесь были разные рыбы, сыры, масло, кушанья из яиц и тому подобные.

[Боярин] Шереметев считал недостойным себя обжираться вместе с прочими, так как он, много путешествуя, образовался, носил немецкого покроя платье и имел на груди Мальтийский крест. Между тем пришел царь. Вид его был исполнен печали. Скорбь выражалась на его лице. Иностранные посланники, отдавая должную Государю честь, по обычаю своему, низко ему поклонились, и он с ними поздоровался с отменною лаской. Когда Лев Кириллович, встав с своего места, поспешил навстречу царю, он принял его ласково, но с какою-то медленностью; он некоторое время подумал, прежде чем наклонился к его поцелую. Когда пришло время выносить гроб, любовь к покойнику царя и некоторых других явно обнаружилась: царь залился слезами и перед народом, который в большом числе сошелся смотреть на погребальную церемонию, запечатлел последний поцелуй на челе покойника. ...Тело было внесено в реформатскую церковь, где пастор Штумпф произнес короткую речь. По выходе из церкви бояре и прочие их соотечественники, нарушив порядок, протискались, по нелепой гордости, к самому гробу. Посланники же, не подавая вида, что обижаются этим нахрапом, пропустили вперед всех москвитян, даже и тех, которые, по незнатности происхождения и должности, не имели права притязать на первенство... Когда пришли на кладбище, царь заметил, что порядок изменен и что подданные его, шедшие прежде позади посланников, очутились теперь впереди их, и потому, подзвав к себе младшего Лефорта, спросил его: «Кто нарушил порядок? Почему идут назад те, которые только что шли впереди?» Лефорт низко царю поклонился, не объясняя происшедшего. Тогда царь прика-

444

зал ему говорить, чтоб то ни было, и когда Лефорт сказал, что русские самовольно нарушили порядок, царь хотя и был этим взволнован, но произнес только: «Это собаки, а не бояре мои». Шереметев же (что должно отнести к его благоразумию) сопровождал, как и прежде, посланников, хотя все русские шли впереди. На кладбище и большой дороге были расставлены сорок орудий: три раза выпалили из всех пушек, и столько же раз каждый полк стрелял из своих ружей. Один из тех, который обязан класть заряд в дуло, стоял, по-глупости, пред отверстием орудия в то время, как должен был последовать выстрел, почему ядром и оторвало ему голову. По окончании погребения царь с солдатами возвратился в дом Лефорта, а за ним последовали все спутники, сопровождавшие тело покойника. Их уже ожидал готовый обед. Каждый из присутствующих в печальной одежде при погребении получил золотое кольцо, на котором были вырезаны день кончины генерала и изображение смерти. Едва вышел царь, как бояре тоже поспешно начали выходить, но сойдя несколько ступеней заметили, что царь возвращался, и тогда и все они вернулись с дом. Торопливым своим удалением заставили бояре подозревать, что они радовались смерти генерала, что так раздражило царя, что он гневно проговорил к главнейшим боярам: «Быть может, вы радуетесь его смерти? Его кончина большую принесла вам пользу? Почему расходитесь? Статья может, потому, что от большой радости не в состоянии долее притворно морщить лица и принимать печальный вид?»⁶

Смерть верного друга, приехавшего в Россию с Запада, была для Петра невосполнимой личной потерей. Жизнерадостный швейцарец направлял развитие своего юного друга и господина в пору его возмужания. Лефорт, неутомимый весельчак и гуляка, приучил юношу пить вино, танцевать, стрелять из лука; нашел ему любовницу и без усталости изобретал все новые и новые

445

буйные выходки, чтобы развлечь царя; сопровождал его в первых военных походах на Азов;

уговорил Петра ехать в Европу и сам возглавил Великое посольство, в составе которого был и Петр Михайлов, и это долгое путешествие вдохновило царя на желание внедрить в России технические достижения и обычаи Запада. И вот, накануне крупнейшего из деяний Петра, двадцатилетней войны со Швецией, которой предстояло превратить неуравновешенного, увлекающегося молодого царя в великого императора-победителя, Лефорт умер.

Петр сознавал, кого он лишился. Всю жизнь его окружали люди, стремившиеся обратить свой чин и власть в государстве к собственной выгоде. Лефорт был не таков. Хотя близость к государю давала ему множество возможностей разбогатеть - он мог бы добиваться милостей и брать за это взятки, — Лефорт умер без гроша за душой. Денег у него было так мало, что, пока Петр не вернулся из Воронежа, пришлось просить у князя Голицына денег, чтобы купить парадный костюм. В нем Лефорта и похоронили.

Царь оставил Петра Лефорта, племянника и управляющего своего покойного друга, у себя на службе. Он написал в Женеву и просил сына Лефорта, Анри, приехать в Россию, потому что хотел, чтобы кто-нибудь из близких его друга всегда был рядом. В следующие годы роль Лефорта играли другие. Петр всегда любил окружать себя фаворитами и наделял огромной властью. Привязанность их к царю носила, главным образом, личный характер, и власть их проистекала исключительно из близости к государю. Самым заметным из этих людей был Меншиков. Но Петр никогда не забывал Лефорта. Как-то после роскошного вечера во дворце у Меншикова, который Петр с удовольствием провел в кругу закадычных друзей, царь написал хозяину дворца, находившемуся в отъезде: «Я впервые веселился от души после кончины Лефорта»⁷.

446

А шесть месяцев спустя, словно затем, чтобы сделать последний год уходящего столетия еще более памятным в жизни Петра, судьба лишила его и второго преданного советника и друга-иностранца, Патрика Гордона. Здоровье старого солдата стало постепенно сдавать. Накануне нового, 1698 года он отметил в своем дневнике: «В этом году я ощутил серьезный упадок сил и здоровья. Но да исполнится воля Твоя, о всемилостивый Господь!» Последний раз он был на людях, у своих солдат, в сентябре 1699 года, а с октября уже не поднимался с постели. В конце ноября, когда силы быстро покидали Гордона, Петр часто навещал его. Вечером 29 ноября он приходил дважды - Гордон слабел на глазах. Во второй раз при появлении царя от кровати отступил священник-иезуит, уже давший Гордону последнее причастие. «Сиди, сиди, святой отец, - сказал Петр, - делай что нужно. Я не стану мешать». Петр обратился к Гордону, но тот молчал. Тогда царь взял зеркальце и поднес его к лицу старика в надежде заметить признаки дыхания. Их не было. «Святой отец, - сказал Петр священнику, - я думаю, он умер». Царь сам закрыл глаза умершему и покинул дом, едва сдерживая слезы⁹.

Гордону тоже устроили торжественное погребение, на котором присутствовали все московские сановники. Русские пришли охотно — все ценили старого воина за верную службу трем царям и заслуги перед государством. Его гроб несли двадцать восемь полковников, и двадцать самых высокородных дам сопровождали вдову в траурной процессии. Когда гроб Гордона поместили в склеп рядом с алтарем церкви, снаружи дали салют из-двадцати-четырёх орудий.

Петр скоро ощутил, какую понес утрату - и для дела, и для души. Гордон был самым талантливым военачальником в России, приобрел значительный опыт

447

во многих кампаниях. Как бы пригодился такой командир и советник в приближавшейся войне со Швецией! Будь он жив — и разгрома под Нарвой, всего через год после его кончины, вероятно, не произошло бы. Да и в застолье Петру недоставало седого шотландца, который преданно старался угодить своему повелителю и пил, не отставая от людей вдвое моложе его. Недаром опечаленный Петр сказал: «Государство лишилось с ним ревностного и мужественного слуги, который благополучно выводил нас из многих бед»¹⁰.

К весне флот был готов. Восемьдесят шесть судов всех размеров, включая восемнадцать военных морских кораблей, которые несли от тридцати шести до сорока шести пушек, спустили на воду. Кроме того построили пятьсот барж для перевозки живой силы, продовольствия, боеприпасов и пороха. 7 мая 1699 года этот флот вышел из Воронежа, и прибрежным донским селениям открылся замечательный вид: мимо, вниз по реке, проплывала

под всеми парусами целая армада. Номинальное командование возложили на адмирала Головина, а реально командовал флотом вице-адмирал Крюйс. Царь взял на себя роль шкипера сорокачетырехпушечного фрегата «Апостол Петр».

Однажды, когда вереница кораблей двигалась вниз по Дону, Петр увидел, как на берегу какие-то люди собираются варить себе на обед черепах. Большинству русских даже мысль о том, что можно есть черепаху, была противна, но Петр, со свойственным ему любопытством, попросил, чтобы и ему дали попробовать. Его спутники за обедом отведали новое блюдо, не зная, что это такое. Они подумали, что едят курицу, и с удовольствием очистили свои тарелки, после чего Петр велел слуге внести «перья» этих кур. Увидев черепаший панцирь, большинство расхохоталось, двоим сделалось дурно.

Петр прибыл в Азов 24 мая, приказал флоту встать

448

на якорь на реке и сошел на берег осмотреть новые укрепления. Необходимость в этих укреплениях была очевидна: той весной орда крымских татар опять огнем и мечом пронеслась к востоку по южной Украине и приблизилась к самому Азову, оставляя за собой разоренные поля, выжженные хутора, деревни, обращенные в пепелища, обездоленных людей. Петр остался доволен азовской крепостью и отправился дальше в Таганрог, где полным ходом углубляли дно бухты и строили новую военно-морскую базу. Когда подошли все суда, царь вывел их в море, и начались учения с флажными сигналами, артиллерийские стрельбы и маневрирование. Учения длились почти весь июль и завершились потешной морской батальей наподобие той, что Петр видел в Голландии, в бухте Эй.

Итак, флот был построен, и перед Петром встал вопрос, как быть дальше. Он создавался для войны с Турцией, чтобы пробиться в Черное море и оспорить право султана распоряжаться в этом море, как в «турецком озере». Но положение изменилось. В Вене вот-вот должны были начаться переговоры между союзниками по антитурецкой коалиции - Австрией, Польшей, Венецией и Россией — и частично побежденными турками. Прокофий Возницын, опытный дипломат, находился в Вене, чтобы на переговорах выторговать для России как можно более выгодные условия. Мирный договор мог, судя по всему, лишь закрепить передачу земель, захваченных у Турции на момент подписания, новым хозяевам. Поэтому Петр был заинтересован в продлении войны, хотя бы ненадолго. Он хотел возобновить военные действия, поскорее захватить Керчь и получить тем самым выход в Черное море. Именно для этого царь так тяжело трудился всю зиму, торопясь построить флот.

Когда наконец собрался мирный конгресс в Карло-вице под Веной, Возницын настаивал на том, чтобы представители союзных держав не шли на заключение мира, пока требования России не будут полностью удов-

449

летворены. Но у других стран были свои интересы, и они перевесили. Австрийцы уже добились возвращения себе всей Трансильвании и большей части Венгрии. Венеция должна была сохранить свои завоевания в Далмации и на побережье Эгейского моря, а Польша — некоторые районы к северу от Карпат. Английский посол в Константинополе, получивший инструкцию приложить все возможные посреднические усилия ради достижения мира, чтобы высвободить Австрию для предстоящей борьбы с Францией, уговаривал измотанных турок не скупиться на уступки. Те нехотя согласились уступить России Азов, но наотрез отказались расставаться с теми землями, которые, как Керчь, не были у них фактически отвоены. Возницын, оказавшийся в одиночестве и не поддержанный союзниками, мог только не соглашаться подписать общий договор. Зная, что Петр пока не в состоянии в одиночку атаковать турок, он предложил им заключить перемирие на два года. За это время царь мог бы подготовиться к серьезным наступательным операциям. Турки приняли предложение. В письме к Петру Возницын высказал идею воспользоваться перемирием, чтобы отправить посла прямо в Константинополь. Там посол мог бы попробовать путем переговоров достичь того, чего Россия до сих пор не могла и, казалось, вряд ли смогла бы в будущем, добиться военной силой.

Все это случилось зимой 1698-1699 года, когда Петр строил свой флот в Воронеже. Теперь флот стоял наготове в Таганроге, но из-за перемирия с Турцией применить его в деле было невозможно. Поэтому Петр решил принять предложение Возницына. Он назначил Емельяна

Украинцева, убеленного сединами руководителя Посольского приказа, чрезвычайным послом и велел ему ехать в Константинополь и вырабатывать условия мира с Турцией. И в этих планах нашлось скромное место для русского флота: его отрядили сопровождать посла до Керчи, откуда посол должен был проследовать в турец-

450

кую столицу на самом большом и красивом из новых петровских кораблей.

5 августа двенадцать русских судов — все под началом иностранцев, кроме фрегата, где шкипером был Петр Михайлов — вышли из Таганрога в сторону Керченского пролива. Турецкого пашу — командира крепос-ти, пушки которой простреливали пролив между Азовским и Черным морями, — застали врасплох. В один прекрасный день он услышал салют корабельных орудий и, кинувшись к крепостному парапету, увидел русскую эскадру у себя под стенами. Петр потребовал, чтобы через пролив пропустили единственный русский корабль, сорокашестипушечный фрегат «Крепость», следовавший в Константинополь с царским послом на борту. Паша расчехлил было орудия и отказался пропустить «Крепость» на том основании, что не получал соответствующих указаний из столицы. Петр пригрозил в таком случае прорваться силой — и тут как раз к его военным судам присоединились галеры, бригантины и барки с солдатами на борту. Через десять дней паша уступил, но поставил условием, что русский фрегат будут сопровождать четыре турецких корабля. Царь повернул назад, а «Крепость» прошла Керченским проливом. Когда она вышла в Черное море, ее капитан-голландец ван Пам-бург поднял все паруса и скоро оставил за горизонтом турецкий эскорт.

Это была историческая минута: впервые русский военный корабль под флагом московского царя свободно плыл по Черному морю. На закате 13 сентября русский корабль показался у входа в Босфор. Константинополь был удивлен и потрясен. Однако султан повел себя с достоинством. Он направил Украинцеву приветствие и поздравления и выслал шлюпки, чтобы доставить посла и спутников на берег. Но посол не пожелал покинуть корабль и просил разрешения войти на нем в Босфор и прибыть прямо в город. Султан согласился, и «Крепость» поплыла по Босфору и, наконец, бросила якорь

451

в бухте Золотой Рог, прямо напротив султанского дворца на мысе Сарайбурну, перед носом у избранника Аллаха. Девять веков минуло со времен расцвета великой христианской Византийской империи, и за все это время под стенами Константинополя не приставал ни один русский корабль.

Турки смотрели на «Крепость», не веря своим глазам, не только из-за неожиданного появления русского фрегата, но и из-за его размеров. Они не могли взять в толк, как удалось построить такое большое судно на мелководном Дону; впрочем, их несколько успокоили собственные кораблестроители, предположившие, что русское судно, скорее всего, плоскодонное и потому в открытом море будет неустойчиво при пушечной стрельбе.

Принимали Украинцева пышно. Несколько высших должностных лиц ожидали его на пристани, ему подвели великолепного коня и препроводили в роскошную приморскую виллу для гостей. Затем, в соответствии с распоряжением Петра как можно нагляднее продемонстрировать новоявленную военно-морскую мощь России, «Крепость» открыли для посетителей. К ней подплывали сотни лодок, и на борту кишели толпы людей всех сословий. Наконец явился и сам султан со свитой турецких капитанов, которые подробнейшим образом осмотрели корабль.

Пребывание посольства проходило спокойно, хотя не знавший меры капитан-голландец однажды едва не погубил и самого себя, и вообще всю дипломатическую миссию. Он принимал на борту знакомых англичан и голландцев, и пирушка затянулась за полночь. Затем, отправляя гостей на берег, он вздумал дать в их честь холостой залп из всех сорока шести орудий. Пальба прямо под стенами дворца перебудила весь город, включая и султана, который подумал, что это сигнал для всего русского флота к началу нападения с моря. Наутро рассерженные турецкие власти приказали захватить фрегат и арестовать капитана, но ван Памбург пригрозил

452

взорвать судно, как только первый турецкий солдат ступит на палубу. В конце концов, после

многих извинений и обещаний больше не допускать подобных проступков, инцидент удалось загладить.

Тем временем, впрочем, турки вовсе не спешили уладить дела с Украинцевым. До самого ноября, целых три месяца с приезда русского посла в Константинополь, они оттягивали начало переговоров. Затем Украинцеву пришлось провести двадцать три заседания со своими османскими партнерами, пока, наконец, в июне 1700 года был достигнут какой-то компромисс. Поначалу Петр питал большие надежды. Он рассчитывал сохранить за собой Азов и крепости в низовьях Днепра, то есть, опорные пункты, уже завоеванные русской армией. Он добивался свободы торгового (не военного) судоходства по Черному морю. Он просил султана запретить крымскому хану набеги на Украину и лишить его права взимать с Москвы ежегодную дань. Наконец, он хотел, чтобы в Порте находился постоянно аккредитованный посол России, поскольку Британия, Франция и другие державы уже имели здесь свои представительства, и чтобы православное духовенство пользовалось особыми привилегиями в Иерусалиме, у Гроба Господня.

Турки месяцами уклонялись от определенных ответов, так как из-за мельчайших деталей будущего соглашения возникали пререкания, споры и задержки. Украинцев почувствовал, что другие дипломатические представители в Константинополе — австрийцы, венецианцы, англичане, не говоря о французах, вознамерились всячески препятствовать его миссии, чтобы не допустить слишком тесного сближения России и Османской империи. «От послов цесарского, английского, венецианского, — жаловался Украинцев в донесении Петру, — помощи мне никакой нет, и не только помощи, не присылают даже никаких известий. Послы английский и голландский во всем держат крепко турецкую сторону, и больше хотят всякого добра туркам, нежели тебе,

453

великому государю; завидуют, ненавидят то, что у тебя завелось корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельска; думают, что от этого будет им в их морской торговле помешка». Крымский хан и того пуще жаждал помешать соглашению. «Царь, - писал он султану, своему хозяину, - разрушает старинные обычаи и веру своего народа. Он все переиначивает на немецкий манер и создает мощную армию и флот, тем самым всем досаждая. Рано или поздно он погибнет от рук своих же подданных»".

В одном вопросе турки и сами держались непреклонно и не нуждались в подстрекательстве со стороны западноевропейских послов или татарских князьков: они наотрез отказали Петру открыть доступ в Черное море для каких бы то ни было русских судов. «Черное море и его побережье подвластно одному турецкому султану, — сказали они Украинцеву. — С незапамятных времен ни один чужой корабль не входил в его воды и не войдет никогда... Оттоманская Порта охраняет Черное море, как чистую, непорочную девицу, коснуться которой не смеет никто, и султан скорее позволит посторонним вступить в свой гарем, чем согласится на то, чтобы иностранные суда плавали по Черному морю»¹². В общем, сопротивление турок оказалось слишком упорным. Войну они в целом проиграли, но сейчас, имея дело с одной Россией, стояли на своем и ничего не уступали сверх уже понесенных ими потерь. Петру не терпелось завершить переговоры, потому что на севере, на Балтике, перед ним открывались более заманчивые возможности. Заключенное в итоге соглашение, именуемое Константинопольским мирным договором, означало, в сущности, не окончательный мир, а тридцатилетнее перемирие, которое не сняло никаких претензий, оставило открытыми все вопросы и предполагало, что по его истечении, если перемирие не будет продлено, война возобновится¹³.

Условия его представляли собой некий компромисс.

454

Россия получила Азов и полосу длиной в десять дневных переходов от его стен. Однако крепости в низовьях Днепра согласились скрыть, а земли вернуть в турецкое владение, Через всю Украину с востока на запад протягивалась ненаселенная и, по идее, демилитаризованная зона, от-деляющая земли крымских татар от петровских владений. От претензий на Керчь и на доступ в Черное море русские отказались заранее.

В отношении статей договора, не касавшихся территориальных проблем, Украинцев добился более крупных успехов. Турки дали неофициальное обещание облегчить православным

христианам доступ в Иерусалим. Отказ Петра впредь платить дань крымскому хану был принят. Это привело в ярость тогдашнего хана, Девлет-Гирея, но застарелый источник раздражения наконец был уничтожен и более к этому вопросу не возвращались даже после разгрома, который Петр потерпел через одиннадцать лет на Пруте. Кроме того, Украинцев добился для России серьезной, по мнению Петра, уступки: права держать в Константинополе постоянного посла на равных основаниях с Англией, Голландией, Австрией и Францией. Это был важный шаг к цели Петра — добиться, чтобы Россию признали крупной европейской державой. Сам Украинцев и остался на Босфоре в качестве первого постоянного царского посла в иностранном государстве.

Как это ни парадоксально, заключение тридцатилетнего перемирия с Турцией едва не перечеркнуло громадные усилия, потраченные на строительство флота в Воронеже. Задолго до истечения тридцати лет пришлось бы распустить судовые команды, да и дерево бы сгнило. Однако в то время Петр, конечно, считал перемирие лишь временной задержкой. Правда, главной его целью уже становилась Северная война со Швецией, но тем не менее, все его начинания на юге — в Воронеже, Азове и Таганроге — лишь приостановились, но не замерли окончательно. Пока Петр был жив, он никогда не расставал-

455

ся с мыслью о прорыве в Черное море. А потому, к великой досаде турок, корабельное строение в Воронеже продолжалось, новые суда спускались в Таганрог, а стены Азова вырастали все выше.

История распорядилась так, что южный флот Петра ни разу не участвовал в бою, а мощные стены Азова никто не штурмовал. Судьба кораблей и города решалась не в морских сражениях, как рассчитывал Петр, а в сухопутных баталиях в сотнях миль к западу. Когда Карл XII вторгся в глубь России и искал союза с Турцией в месяцы накануне Полтавы, флот в Таганроге послужил одной из сильнейших карт Петра, позволивших склонить турок и татар к невмешательству. В те критические месяцы весной 1709 года Петр срочно усилил южный флот и удвоил количество войск в Азове. В мае, за два месяца до исторической Полтавской битвы, он сам побывал в Азове и Таганроге и провел маневры флота, пригласив наблюдателем турецкого посла. Султан, на которого доклад посла произвел сильное впечатление, запретил крымскому хану Девлет-Гирею вести свою многотысячную татарскую конницу на подмогу Карлу. Одно это доказывает, что силы и средства на строительство флота в Воронеже были потрачены не зря.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сноски приведены в сокращенном виде. Полное название книг см. в разделе «Библиография» в III томе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб. -

Л., 1887-1975 *Сб. РИО* ~ Сборник Императорского Русского исторического

общества. СПб., 1867-1916 *Manifesto* - Manifesto of the Criminal Process of the Czarewitz

Alexei Petrowitz. The Hague, 1718 (цит. по: *Weber F.Ch.*

The Present State of Russia, vol. II. L., 1723)

ЧАСТЬ I. СТАРАЯ МОСКОВИЯ

ГЛАВА I. СТАРАЯ МОСКОВИЯ

1. Perry, 263
2. Olearius, 43
3. Weber, I, 128
4. Paul of Aleppo, 63
5. *Ibid.*, 26
6. Jolliffe, 217
7. O'Brien, 6
8. Collins, 117
9. Paul of Aleppo, 88
10. Collins, 44
11. *Ibid.*, 110
12. Crull, 170
13. Collins, 122
14. *Ibid.*
15. Wilson, 66

16. Weber, I, 120

ГЛАВА 2. ДЕТСТВО ПЕТРА

1. Staehlin, 15

2. Voyce, 93

3. Collins, 33

4. Schuyler, 16

5. *Ibid.*, 17

6. Богословский, I, 30

7. Kluchewsky, 2

457

8. *Ibid.*, 3-4

9. Schuyler, I, 37

ГЛАВА 3.

«ЗЕЛО ПРЕМУДРАЯ ДЕВИЦА»

1. Korb, II, 213

2. De Grunwald, 21

3. Collins, 9

4. **O'Brien, 49**

5. *Ibid.*, 21

6. Schuyler, I, 38

7. *Ibid.*

ГЛАВА 4. СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ.

1. Schuyler, I, 44

2. Устрялов, I, 24

3. **Schuyler, I, 35**

4. *Ibid.*, 49

5. *Ibid.*

6. *Ibid.*, 50

7. *Ibid.*

8. /Wrf., 54

9. *Ibid.*, 60

10. **Богословский, I, 44**

11. Schuyler, I, 61

12. *Ibid.*, 62

13. *Ibid.*

ГЛАВА 5. ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ.

1. Billington, 133

2. **Paul of Aleppo. 19, 20, 26, 29, 64, 68, 70**

3. *Ibid.*, 30

4. *Ibid.*, 32

5. *Ibid.*, 74

6. *Ibid.*, 36

7. *Ibid.*, 35

8. /Ш., 85

9. /Ш., 118

10. /Ш., 119

11. Pipes, 235

12. Billington, 145

13. Paul of Aleppo, 37

14. Billington, 141

15. **De Grunwald, 63**

16. Awakum, 44

17. Awakum, 23

18. Awakum, 22

19. Awakum, 21

ГЛАВА 6. ПЕТРОВСКИЕ ПОТЕХИ

1. Богословский, I, 53-55

2. Schuyler, I, 106

3. *Ibid.*

4. *Ibid.*, 103
5. Устрялов, П, прил. 1, 399
6. Schuyler, I, 112
7. Российский Музей военно-морского флота, С-Петербург
8. Schuyler, I, 113
9. П и Б, I, No.6
10. *Ibid.*, No.7
11. *Ibid.*, No.9

ГЛАВА 7. РЕГЕНТСТВО СОФЬИ

1. Schuyler, I, 170
2. De Grunwald, 64
3. Устрялов, I, 238
4. Schuyler, I, 166
5. *Ibid.*, 168
6. *Ibid.*, 173

458

7. *Ibid.*, 158
8. De Grunwald, 71
9. Богословский, I, 80
10. Там же

ГЛАВА 8. СВЕРЖЕНИЕ СОФЬИ

1. Schuyler, I, 175-176
2. *Ibid.*, 179
3. Устрялов, И, 70-71
4. Schuyler, I, 181
5. *Ibid.*, 182
6. П и Б, I, No.10
7. O'Brien; Куракин, 50
8. Weber, I, 138

ГЛАВА 9.

ГОРДОН, ЛЕФОРТ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ СОБОР

1. Schuyler, I, 197
2. *Ibid.*
3. De Grunwald, 77
4. Grey, 199
5. Collins, 63
6. Kerb, I, 100
7. Schuyler, I, 281
8. *Ibid.*, 219

ГЛАВА 10. АРХАНГЕЛЬСК

1. Schuyler, I, 227; Устрялов, П, 399-400
2. П и Б, I, No.14
3. *Ibid.* No.15, 16
4. *Ibid.* No.21
5. *Ibid.* No.29
6. Schuyler, I, 240

ГЛАВА 11. АЗОВ

1. Schuyler, I, 240
2. Sumner. Ottoman, 17
3. Устрялов, П, 228
4. Schuyler, I, 245
5. П и Б, I, No.38
6. Schuyler, I, 245
7. Gordon, 184
8. Schuyler, I, 248
9. П и Б, I, 72
10. Schuyler, I, 256

11. П и Б, I, 99
12. *Ibid.*, I, No.108
13. Schuyler, I, 258
14. *Ibid.*, 261
15. Богословский, I, 367

ЧАСТЬ II. ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО

ГЛАВА 12.

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

1. Устрялов, И, прилож. XI, 640
2. Schuyler, I, 265. {Устрялов, II, 400)
3. Gooch, 2, 3
4. Ziegler, 163
5. *Ibid.*, 150
6. *Ibid.*, 163
7. Basil Williams, 378
8. Сб. РХО, 34, 17

ГЛАВА 13.

«НЕВОЗМОЖНО ОПИСАТЬ ЕГО...»

- I. Schuyler, I, 277
- 459
2. Соловьев, VIII, 285
3. Grey, 101
4. Богословский, II, 101
5. Там же, 115-116
6. Schuyler, I, 286 (Богословский, 118)
7. *Ibid.*, 285. (Богословский, 116)
8. *Ibid.* (Богословский, 117-119)

ГЛАВА 14. ПЕТР В ГОЛЛАНДИИ

1. Scheltema, 89
2. *Ibid.*, 91
3. Schuyler, I, 289
4. *Ibid.*
5. Scheltema, 112
6. П и Б, I, No. 191

ГЛАВА 15. ПРИНЦ ОРАНСКИЙ

1. Bowen, 166
2. Churchill, I, 86
3. *Ibid.*, 257
4. Geyl, 132-133
5. Scheltema, 159
6. *Ibid.*, 141
7. *Ibid.*, 110

ГЛАВА 16. ПЕТР В АНГЛИИ

1. Mitchell & Leys, 163
2. Evelyn, III, 334-335
3. Kluchevsky, 29
4. Burnet, IV, 322
5. *Ibid.*
6. Schuyler, I, 305
7. Grey, 120
8. Carr, 18
9. Staelin, 40
10. Grey, 458
11. Schuyler, I, 304
12. Kluchevsky, 28
13. *Ibid.*
14. Grey, 459
15. *Ibid.*

16. Perry, 165, 164; Андреев, 88

ГЛАВА 17. ЛЕОПОЛЬД И АВГУСТ

1. Schuyler, I, 311, 312
2. Богословский, II, 475
3. Waliszewski, 98.
4. Schuyler, I, 315
5. De Grunwald, 93
6. Schuyler, I, 316
7. П и Б, I, No.252
8. Сб. РИО, 39, 222
9. Богословский, II, 558
10. Korb, I, 156 (Богословский, II, 563)

ГЛАВА 18.

«ВСЕ ЭТО ВАМ МЕШАЕТ!»

1. Korb, I, 155 (Корб, 88)
2. Maland, 435 (Соловьев, т. 14, 494)
3. Устрялов, И, 193-194
4. Perry, 196
5. *Ibid.*
6. Korb, I, 157 (Корб, 89)
7. *Ibid.*, 196 (Корб, ПО)
8. */bid.*, 257 (Корб, 146)
9. Perry, 198
10. Сб. РИО, 39, 60
11. Perry, 235
12. Dmytryshyn, 10

460

ГЛАВА 19. ОГОНЬ И КНУТ

1. Korb, I, 121 (Корб, 69)
2. Schuyler, I, 324
3. Gordon, 190
4. Perry, 217
5. */bid.*, 218
6. *Ibid.*
- I. Lebrun (цит. по: Weber, II, 403)
8. Korb, I, 204
9. *Ibid.*, 202
10. Wolf, 173
- II. Pepys, I, 265
12. Korb, I, 243 (Корб, 138-139)
13. */bid.*, 180 (Корб, 101)
14. */bid.*, 136 (Корб, 78)
15. */bid.*, 187 (Корб, 105)
16. *Ibid.*, 178 (Корб, 100)
17. Burnet, IV, 324

ГЛАВА 20. СРЕДИ ДРУЗЕЙ

1. Korb, I, 161 (Корб, 9!)
2. Korb, II, 158 (Корб, 257)
3. Korb, II, 157 (Корб, 257)
4. Korb, I, 200 (Корб, 113-114)
5. Korb, I, 201 (Корб, 114)
6. Korb, I, 163, 171-172
7. Корб, 92
8. Korb, I, 198 (Корб, 112)
9. Korb, I, 164 (Корб, 92-93)
10. Korb, I, 188 (Корб, 105)
11. Korb, I, 216 (Корб, 122)

12. Korb, 236 (Корб, 134)
13. Korb, 217 (Корб, 104)
14. Корб, 123
15. Korb, 223 (Корб, 127)
16. /bid.
17. Korb, 224-228 (Корб, 128-129)
18. Korb, 255 (Корб, 145-146)
19. Korb, 264 (Корб, 149-150)
20. Korb, 265 (Корб, 151)
21. Korb, 267 (Корб, 152)
22. Korb, 208 (Корб, 118)
23. Korb, 248 (Корб, 141)
24. Korb, 172 (Корб, 96-97)
25. Korb, 297
26. Korb, II, 36
27. Korb, I, 210, II, 16 (Корб, 119, 178-179)
28. Korb, II, 25 (Корб, 183)

ГЛАВА 21.

ВОРОНЕЖ И ЮЖНЫЙ ФЛОТ

1. Korb, II, 3.
2. П и Б, I, No.255, 256
3. Korb, I, 272 (Корб, 153)
4. /bid., 268 (Корб, 152-153)
5. /bid., 272 (Корб, 155)
6. /bid., 274-279 (Корб, 156-158)
7. П и Б, VI, No.2081
8. Gordon, 193
9. Korb, H, 232-235
10. De Grunwald, 98
11. /bid., 93; Соловьев, т. 14, 502
12. Ibid., 93
13. Устрялов, HI, 551-552

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>С любовью к России</i>	3
<i>Часть первая.</i>	
<i>Старая Московия</i>	9
Старая Московия.....	11
Детство Петра.....	34
«Зело премудрая девица».....	56
Стрелецкий бунт.....	67
Великий раскол.....	91
Петровские потехи.....	111
Регентство Софьи.....	134
Свержение Софьи.....	159
Гордон, Лефорт и Всепьянейший собор.....	178.
Архангельск.....	204
Азов.....	219
<i>Часть вторая.</i>	
<i>Великое посольство</i>	247
Великое Посольство в Западную Европу.....	249
«Невозможно его описать».....	270
Петр в Голландии.....	286
Принц Оранский.....	305
Петр в Англии.....л.....	327
Леопольд и Август.....	350
«Это тебе во всем мешает».....	377
Огонь и кнут.....	392

Среди друзей.....	420
Воронеж и южный флот.....	438
Примечания.....	457

Научно-популярное издание

Массы Роберт К. ПЕТР ВЕЛИКИЙ

В 3 томах Том 1

Общая редакция Н. Ф. Роговской

Технический редактор Е. В. Михалкина

Корректор Л. С. Брыкова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.07.96. Формат 84XЮ8'/32. Бумага типографская. Гарнитура «Times».

Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 24,36. Тираж 15000 экз. Заказ 531.

Фирма «РУСИЧ». Лицензия ЛР № 040432. 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729 и МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛВ № 82.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.